

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции**
14–16 мая 2025 года

Часть II

Департамент культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции**

14–16 мая 2025 года

Часть II

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС**

2025

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС

Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В. И. Кобякова, старший научный сотрудник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: рисунок Е. Ю. Емельянова

ISBN 978-5-7937-2768-6

© ВИМАИВиВС, 2025

© Коллектив авторов, 2025

С. Д. Гусельников (Нижний Новгород)

ПОХОДНОЕ СООБЩЕСТВО РУССКИХ ВОЙСК В 1630–1660-х гг.

В ОЙНА НИКОГДА не была делом одних только военных. Армия любой эпохи и любой культуры требовала вспомогательного персонала. В зависимости от специфики и условий ведения боевых действий изменялось количество и значение последнего. Однако и сами некомбатанты сильно влияли на характер войны. Для европейских армий раннего Нового Времени характерны многочисленные и разнообразные походные сообщества — совокупность солдат и некомбатантов, обладающих в войсках определенными правами и обязанностями¹. Особое влияние на формирование походных сообществ оказала специфика использования крупных наемных армий, однако в России в XVI–XVII вв. имел место переход от феодального войска к армии государственного комплектования, минуя стадию наемничества. Данное обстоятельство ставит вопрос о том, было ли в войсках русского государства походное сообщество, что оно собой представляло, и каковы были его размеры. Особенно важно это для понимания начала процесса европеизации русской армии в 1630–1660 гг.

Следует отметить, что рост числа некомбатантов в русском войске являлся следствием процесса, получившего в литературе название военной революции. Значительное увеличение численности армий требовало нового подхода к проблеме обеспечения припасами и фуражом. Еще одной сложностью, приведшей к росту числа некомбатантов, стало активное использование в ходе военных действий сначала осадной, а затем и полевой артиллерии. Мощные стенобитные орудия было непросто доставить до места. Также новая практика ведения осад отводила

значительную роль земляным работам. Таким образом, сами условия ведения боевых действий делали необходимым привлечение в армию большого количества некомбатантов, что, в свою очередь, создавало новую проблему транспортировки и обеспечения припасами еще и небоевой части войска.

Однако во время правления Ивана IV совершенствование военно-административного управления позволило наладить упорядоченное снабжение русских войск как припасами, так и обслуживающим персоналом². Транспортировка артиллерии и боеприпасов, а также ведение земляных и осадных работ легли на посошную рать. Например, во время Ливонского похода 1557 г. для транспортировки 57 орудий было привлечено 12 430 человек, которые должны были явиться на службу с лошадей, телегой и инструментами³. Также к осадным работам могли привлечь холопов, которых дети боярские взяли с собой в поход⁴. Система снабжения припасами и фуражом носила смешанный характер. Дворянская конница находилась в большей степени на самообеспечении. При этом также практиковалась выдача ратным и посошным людям припасов из царских запасов⁵. Таким образом, можно утверждать, что в середине XVI в. в России была сформирована рабочая система обеспечения войска. Основой русской армии была поместная конница, усиленная стрелецким войском, а за артиллерию отвечали пушкари. Все эти три группы являлись сословиями. Только посошная рать набиралась на время войны из крестьян и посадских людей. Все это говорит о сословном характере русского войска в XVI в.

Однако преобразования в военной сфере как во всей Европе, так и в России создавали новые требования по отношению к обеспечению и обслуживанию войск. Переломным моментом, показывавшим неспособность устоявшихся практик и дальше удовлетворять потребности русского войска, стала Смоленская война 1632–1634 гг. и использование в ней принципиально новых по системе набора и обеспечения частей — полков «нового строя», рядовые в которые набирались на контрактной основе. Предполагалось, что провиант ими будет покупаться у местного населения и у специально прикрепленных к армии торговцев — харчевников, а также у местного населения⁶. Данный подход в значительной степени менял мир полкового сообщества. Впервые, появлялась потребность служилых людей в ежемесячном получении жалования, иначе у них пропала бы возможность

закупать провиант. Во-вторых, в русских войсках появляются харчевники-маркитанты, чье пребывание в армии, а также цены на провиант, продаваемый ими, регламентировались государством. Можно предположить, что и раньше за войсками русских царей увязывались торговцы, однако именно с формирования армии воеводы М. Б. Шеина они становятся неотъемлемой частью походного сообщества.

Процесс насыщения войска харчевниками шел не без сбоев. Изначально в армию М. Б. Шеина планировалось выслать 968 человек, из которых 368 верстались в Москве, 600 в других городах⁷. При этом из Москвы с войском вышло только 139 харчевников, причем многие, распродав свои запасы, тут же покинули армию⁸. 20 августа 1632 г. полковник А. Лесли, дошедший со своими полками до Вязьмы, сообщил, что «харчевники де с Москвы ни с каким харчем за ним не бывали и русским и де немецким людям в том голод и нужда великая»⁹. Причем важно отметить, что если при постое в городе армию еще удавалось обеспечить провиантом, то при наступлении на Дорогобуж вновь возникает его нехватка¹⁰. Помимо этого, в войске возник запрос на специалистов, способных выпечь свежий хлеб, — хлебников и калачников¹¹.

Как мы видим, изначально запланированные меры не смогли полностью обеспечить потребность армии в провианте. Данное обстоятельство можно объяснить составом войск, которыми располагал М. Б. Шеин. Так, при походе на Полоцк в 1563 г. в войске Ивана Грозного на 30 000 дворян и детей боярских приходилось не более 4000 стрельцов¹². Т. е. большая часть армии находилась на самообеспечении. В то время как в войске М. Б. Шеина на начало похода насчитывалось 16 329 служилых людей по отечеству и 12 251 служилых по прибору, в основном состоящих из солдат и стрельцов¹³. Таким образом, больше трети всей армии должны были покупать припасы. К тому же в сравнении с Полоцким походом число служилых людей по прибору увеличилось втрое. В дальнейшем данная тенденция получит свое продолжение и в кампании 1654 г., где полки нового строя, не считая стрельцов и пушкарей, насчитывали четверть от общего числа в центральной группировке войск и более половины в юго-западной и северно-западной группировках¹⁴.

В сложившихся условиях наиболее разумным решением было обеспечение войск припасами с помощью местного населения. В октябре 1632 г. издается указ, в котором М. Б. Шеину

приказывается расписать территорию Доргобужского уезда на приставства, из которых в войска будут высылаться провиант и фураж на продажу¹⁵. Позже данная мера затронула и Смоленский уезд. Как и в случае с харчевниками, правительство пыталось контролировать цены¹⁶. Практика закупки припасов у населения также продолжила свое существование. Так, в июне 1654 г. мещанам крепости Белая было велено продавать провиант государевым ратным людям по указанной цене¹⁷. Принимая во внимание важность такого способа обеспечения, следует отметить, что крестьяне и мещане, привозившие в лагерь русских войск припасы, а после продажи покидающие его, в отличие от назначенных в армию харчевников, пребывающих там до роспуска полков, не являлись частью полкового сообщества, ввиду незначительного времени пребывания в войске.

Как уже говорилось выше, харчевники стали постоянной частью русских войск. Г. К. Котошихин писал, что в полки берутся хлебники, пирожники, мясники, квасовары «со всякими их запасы, для продажи и поживления войск, человек по 50 и по 70 в полк, а жалование им не дается никакое... А велят им, будучи на службе те свои московские товары, и которые купят, и даром добудут в войне, продавати всякого чину служилым людям негораздо дорогою ценою¹⁸».

Также возникал вопрос о транспортировке воинских запасов. В первую очередь это касалось полков нового строя. Дворянская конница и стрелецкие приказы самостоятельно обеспечивали себя телегами и лошадьми для транспортировки личного и полкового имущества, а набранные на контрактной основе рядовые не обладали такой возможностью. Во время подготовки к Смоленскому походу 1632 г. планировалось собрать «со всяких чинов людей, с белых мест, с черных сотен торговых людей, монастырских слобод и с крестьян»¹⁹ 1471 подвод²⁰. Вместе с телегами также требовалось предоставить лошадей и людей. Однако уже на начальном этапе похода выяснилось, что набрать достаточное число подвод не удалось²¹. При этом дискуссионным остается вопрос о том, отвечало ли изначально запланированное число потребностям армии М. Б. Шеина. Так, по проекту А. Крафтера, составленному им накануне Русско-польской войны 1654–1667 гг., на солдатский полк, включающий в себя 2000 солдат, требуется 375 подвод²². Впрочем, это число можно считать несколько завышенным. Во-первых, потому что согласно этому проекту

на 1 подвод приходится 5 солдат, когда в посошной рати соотношение составляет 1 к 10²³. Во-вторых, в 1660 г. П. А. Долгорукову на 4356 человек с 10 полковыми орудиями потребовалось 300 подвод²⁴. Пропорции при сравнении войска последнего с армией В. Б. Шеина сохраняются. Однако П. А. Долгорукову требовалось дойти от Смоленска до Могилева, в то время как войску М. Б. Шеина предстояло пройти расстояние в 2,5 раза больше.

Кроме того, подводы требовали обслуживания. В сентябре 1632 г. транспортировкой припасов в армии М. Б. Шеина занимались каргопольские посошные люди²⁵. Также о личности некомбатантов, отвечающих за транспортировку полкового имущества, можно узнать из отписки А. Н. Трубецкого, сообщающей детали отступления от Старого Быхова в 1655 г. В ней он пишет, что «на подводах твоей государевой казны поднять было не на чем: даточные многие люди померли, а иные разбежались, и лошади многие попадали»²⁶.

Помимо этого, весьма остро проблема с подводами стояла при перевозке артиллерии. Особенно это касалось осадных орудий. Тяжелые пушки требовали колоссальных усилий для их перевозки. Например, на транспортировку таких орудий как «Инрог», «Пасынок», «Волк», «Кречет» и «Ахиллес» в 1632 г. потребовалось более 50 подвод на каждую. К тому же, с этого же времени начинается практика усиления пехотных соединений полевой артиллерией²⁷. Применение такого количества орудий в значительной степени усложнило военную логистику. Начиная со Смоленской войны 1632–1634 гг. к транспортировке артиллерии стали привлекаться ямские подводы, эта практика получила свое продолжение и в годы Русско-польской войны 1654–1667 гг.²⁸

Не менее остро стоял вопрос ведения осадных и фортификационных работ. Как уже говорилось выше, в XVI в. эта обязанность почти полностью легла на посошную рать. В XVII в. эта традиция продолжилась, и мы снова видим, что рабочие к наряду набираются из посошных или даточных людей²⁹. Однако при этом возникала и потребность в специалистах разной квалификации. Так, артиллерию Смоленского похода помимо головы у наряда и дьяка возглавляли «начальный инженер» Д. Николь, «городовой смышленник» Я. фан Роденбург, петардный мастер Э. Конгресс, под их началом находились 8 иноземцев-подмастерьев, 184 московских пушкаря, 5 плотников, 5 кузнецов и до 1000 человек «шанцекопов»³⁰. При этом ведение земляных работ приобретало

все большее значение. В тот же 1632 г. полковники А. Лесли и Я. Шарло запрашивали у воеводы М. Б. Шеина 3000 человек, которые должны были «рвы копати, и всякие крепости делать, и дрова в их полки возити»³¹. Следует отметить, что в Смоленском походе 1654 г. Государев Большой Наряд обслуживало 206 московских пушкарей, а также мастеровые чины Пушкарского приказа: 70 человек «зелейных мастеров», резцов, плотников и кузнецов³². Причем подобные специалисты требовались не только для артиллерии. Так, в проекте А. Краферта для солдатского полка предусматривались 1 мастер, «кто бы умел делать порох», и 2 «ложных мастера, потому что в стрельбе ложки портятся»³³. При этом рос и функционал посохи. 16 августа 1654 г., во время штурма русскими войсками Смоленска, на участке, порученном А. Грановскому, со штурмовой колонной шли «даточные люди», для доставки лестниц и фашинов к смоленским стенам³⁴.

Как уже говорилось выше, с усложнением практики ведения осадных работ, а также с ростом значения полевой фортификации в войсках усиливается потребность в кузнецах и плотниках. Однако все больше увеличивать количество некомбатантов при войске было слишком затратной мерой, поэтому часть задач была переложена на рядовых солдат. Например, при постройке стругов на озере Каспля для Государева похода на Ригу в 1656 г. помимо государевых крестьян были привлечены 180 стрельцов-плотников; впрочем, следует отметить, что для данных работ активно привлекались монастырские и посадские мастера³⁵. При этом ряд специальностей носил достаточно специфический характер. И если среди московских стрельцов можно было найти способных плотников и кузнецов, то мастеров стругового и канатного дела приходилось набирать среди посадского населения³⁶. В качестве гребцов, как правило, использовали пошных людей³⁷.

Практика применения многочисленных полков, набранных из добровольцев перед началом боевых действий, остро ставила вопрос медицинской помощи. Можно предположить, что и в дворянских служилых городах, и в стрелецких приказах, которые являлись собой сплоченные сообщества, коллективными усилиями этот вопрос решался хотя бы на минимальном уровне, но в случае с полками нового строя такой возможности попросту не было. Зачастую полк формировался всего за несколько месяцев до начала боевых действий, и к началу похода многие солдаты

были между собой едва знакомы. Первые попытки решения данной проблемы мы видим уже в начале Смоленской войны 1632–1634 гг. Тогда в двух солдатских полках из армии М. Б. Шеина числились лекари, получавшие медикаменты из Аптекарского приказа³⁸. И еще троих лекарей выслали в полки солдатского строя, когда армия уже находилась на марше³⁹. Причем нельзя сказать, что насыщение медицинским персоналом касалось только полков нового строя. В декабре 1632 г. два лекаря были отправлены в воеводский полк С. В. Прозоровского⁴⁰. О попытке расширить медицинский штат при армии говорит набор в 1654 г. стрелецких детей в лекарские ученики, чья врачебная практика пришлось как раз на полковую службу⁴¹. Важно отметить, что хотя с началом Русско-польской войны высылка лекарей с учениками в полки приобретает регулярный характер, но медицинский персонал был одной из самых малочисленных частей походного сообщества.

Также стоит упомянуть о назначении в полки священнослужителей. Например, армию М. Б. Шеина в Смоленском походе сопровождали два «черных священника» и один диакон, причем, кроме самих священников, в полки был направлен Животворящий крест⁴². Русские люди XVII в. были носителями глубоко религиозного сознания и к данному вопросу относились крайне серьезно. Данный тезис хорошо может проиллюстрировать отрывок из доклада Алексею Михайловичу от 1656 гг.: «Поп и лекарь сентября по 1-е число нынешнего 165 г. к нам не бывали; а раненые добре больны, а после переписки пять человек и умерли. Да и многие драгуны гораздо больны... Все непрестанно бьют челом о попе, а раненые о попе и лекаре»⁴³.

Еще одной малочисленной группой походного сообщества были переводчики. Потребность в них возникла вместе с привлечением к русской службе значительного количества иностранных офицеров. Так, например, в 1632 г. когда армия М. Б. Шеина находилась в Можайске, воевода писал в Москву, что назначенных к нему на службу переводчиков в войсках нет «и переводить немецкого письма и толмачить некому»⁴⁴. Данная отписка показывает, что решение о назначении в полки переводчиков было принято еще до начала похода, но с исполнением возникли трудности. Также важно отметить, что количество нанятых офицеров превышало штат Посольского приказа, так что проблема обеспечения полков переводческими кадрами стояла очень

остро. Впрочем, «государевых переводчиков и толмачей» в полках могли подменить иноземцы старых выездов, находившиеся в России уже долгое время и в достаточной степени освоившие русский язык.

Стоит упомянуть о ротных и полковых подьячих. Появление полков нового строя, в которых практиковалась ежемесячная выплата жалования, привело к более строгой и четкой системе учета военнослужащих, также в учете и контроле нуждалось казенное вооружение и полковое имущество. Уже в проекте полковника Г. фан Дама, составленном в конце 1630 – начале 1631 г., мы видим, что в состав роты включены квартирмейстер и писарь⁴⁵. Для новой организации войск это была необходимая мера. Так, в 1648 г. полк Я. Урвина включал в себя полкового квартирмейстера и подьячего, ранее ведавшего в Посольском приказе⁴⁶. В дальнейшем случаи, когда подьячие высылались в полки из гражданских приказов, также известны⁴⁷. В целом можно сделать вывод, что подьячие в войсках стали так же, как лекари, важной, но малочисленной частью походного сообщества.

Еще одной немаловажной категорией общества XVII в. было использование слуг. Данная практика неизбежно переносилась из гражданского общества в сообщество походное. И здесь в первую очередь нужно упомянуть такую категорию некомбатантов как кошевые холопы. Данная группа лиц была обязательным элементом функционирования поместной конницы. И если в войсках дворяне и дети боярские несли сотенную службу, то можно с уверенностью говорить о том, что обоз включал в себя их холопов. Значительно труднее определить численность данной части походного сообщества. Дело в том, что если «людность» служилого города была одним из основных показателей его боеготовности, то кошевые холопы как некомбатанты почти не интересовали составителей десятен. Так, например, при разборе служилых людей в Великих Луках в 1631 г. составители десяти ограничили фразой «в кошу по человеку, а у иных и по два человека»⁴⁸. Причем, данные цифры вызывают сомнения: так, в 1649 г. в арзамасском служилом городе на 401 сына боярского приходилось 148 кошевых холопов⁴⁹. А в Новгородском разряде в 1650-х гг. кошевого холопа имел только 1 из 4–5 помещиков⁵⁰. Главной сложностью в определении численности обозных слуг является экономическая неоднородность войска. Безусловно, князь Семен Андреевич Урусов, приведший

на смотр 50 хорошо вооруженных боевых холопов⁵¹, был обязан иметь не менее 10 кошевых. А Борис Пятаво сын Ульянов, пришедший на службу «на коне с пистолью»⁵², возможно, не мог себе позволить и одного. Еще сложнее определить количество слуг у офицеров полков нового строя. Если кошевые холопы еще могли быть посчитаны при составлении десятен, то люди, взятые капитанами и полковниками для своих личных нужд, практически не отображены в документах.

Последняя категория, которую необходимо рассмотреть в рамках вопроса полкового сообщества русских войск, это женщины и дети. Для европейских войск данного периода весьма характерно, что солдатские жены и дети сопровождали армию⁵³. Однако весьма сомнительно, что что-то подобное было в войсках Михаила Федоровича или Алексея Михайловича. Единственным источником, упоминающим женщин и детей в полках, является капитуляция М. Б. Шеина⁵⁴. Однако они не упоминаются среди полковых людей, хотя там учитываются кузнецы и плотники. Можно предположить, что данный пункт был добавлен по аналогии со схожими документами, ходившими в то время по Европе. В целом же следует учитывать, что внутри России 30–60-х гг. XVII в. не существовало рынка наемников, а служилым людям из поместной конницы, стрелецких приказов и полков нового строя не было смысла вести семью на театр боевых действий.

Подводя итоги, можно сказать, что полковое сообщество русских войск 1630–1660-х гг., помимо собственно комбатантов, включало в себя людей самых разных профессий. Наиболее многочисленной группой были унаследованные от прошлых эпох даточные и посошные люди. Их обязанности касались в основном транспортировки вооружения и припасов, а также земляные работы. При этом заметны действия правительства царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича по хотя бы частичному переложению последних на стрельцов и солдат. Также в рассматриваемый период обязанности по перевозке были частично переложены на Ямской приказ.

Вторая по величине часть походного сообщества — это харчевники, люди, занимавшиеся продажей провианта ратным людям. Приводя выше цитату Котошихина, мы видели их разделение по специальностям, однако для понимания и изучения феномена походного сообщества удобнее объединить их в одну группу. Появившиеся из необходимости продажи продуктов питания

ратным людям, они стали неотъемлемой частью русских войск 1630–1660-х гг.

Следующая группа — мастеровые люди. В первую очередь она включала в себя кузнецов и плотников, необходимых для обслуживания обоза и артиллерии. Но также мы видим и представителей других профессий, так или иначе отвечающих за изготовление или починку материального имущества армии. Здесь мы также видим попытки делегировать часть их обязанностей военнослужащим.

Еще одна группа людей, требующая внимания, — это обозные слуги. Подобно посошной рати, они были в русских войсках и до рассматриваемого нами периода. С уменьшением использования поместной конницы и постепенного сокращения сотенного строя кошевые холопы также исчезают из русских войск. Однако для периода 1630–1660-х гг. это все еще многочисленная группа внутри походного сообщества.

К последней группе можно отнести представителей важных, но малочисленных в военной среде профессий. Это лекари, подьячие и переводчики. С некоторой условностью к ним можно отнести священников. Хотя представители данных профессий не составляли значимого числа от всего походного сообщества, само их присутствие говорит о происходивших в военной среде переменах, а также оказывает влияние на специфику боевых действий.

К сожалению, специфика источников не дает нам точного представления о численности некомбатантов в русских войсках в 1630–1660-х гг. Вероятнее всего, этот вопрос нужно рассматривать отдельно применительно к каждой кампании. Но также необходимо учитывать, что эти люди, везущие боеприпасы, роющие валы, несущие фашины вслед за штурмовыми колоннами, оказывающие первую помощь, ремонтирующие телеги и оружие, самим фактом своей деятельности налагали отпечаток на логику боевых действий. Им требовались продукты питания и корм для лошадей, их следовало защищать в случае атаки противника, многим из них полагалось жалование и выдача казенного имущества. В силу этих обстоятельств понятны попытки правительства сократить число некомбатантов в войсках. Однако отказаться от них полностью в 1630–1660-х гг. было невозможно.

- ¹ Линн Дж. А. Женщины, армии и ведение войны в Европе Раннего Нового Времени. М.: «Г.В.Р.Т.», 2024. С. 60–61.
- ² Пенской В. В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2019. С. 284.
- ³ Лобин А. Н. Посоха в военных мероприятиях Российского государства в XVI в. // Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы к международной научной конференции. Москва, 2019. С. 542–543.
- ⁴ Пенской В. В. Военное дело Московского государства... С. 203.
- ⁵ Там же. С. 44.
- ⁶ Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 195.
- ⁷ Там же. С. 201.
- ⁸ Там же. С. 210.
- ⁹ Акты Московского государства (далее АМГ) / ред. Н. А. Попов. М., 1890. Т. 1. С. 377.
- ¹⁰ Там же. С. 398.
- ¹¹ Там же; Сташевский Е. Д. Смоленская война... С. 209.
- ¹² Филошкин А. И. Кузьмин А. В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. С. 26–27.
- ¹³ Меньшиков Д. М. Боевая сила армии М. Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. Вып. 4, ч. 1. 2008. С. 11.
- ¹⁴ Бабулин И. Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 года. М.: Фонд «Русские Витязи», 2018. С. 39–48.
- ¹⁵ АМГ. Т. 1. С. 404.
- ¹⁶ Сташевский Е. Д. Смоленская война... С. 198–199.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13, ч. 1. Д. 589. Л. 441.
- ¹⁸ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дурова, 2000. С. 120–121.
- ¹⁹ АМГ. Т. 1. 367.
- ²⁰ Меньшиков Д. Н. Смоленская война и начальный этап реформирования московской армии. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 93.
- ²¹ Сташевский Е. Д. Смоленская война... С. 218–225.
- ²² АМГ. Т. 2. С. 335–336.
- ²³ Там же. Т. 1. С. 384.
- ²⁴ Бабулин И. Б. Днепровский рубеж. Битва на реке Бася 1660 г. М.: Фонд «Русские Витязи», 2025. С. 103.
- ²⁵ АМГ. Т. 1. С. 394.
- ²⁶ Там же. Т. 2. С. 449.
- ²⁷ Лобин А. Н. Пушки первых Романовых: русская артиллерия 1619–1676 гг. М.: Эксмо, 2022. С. 37–39.
- ²⁸ Курбатов О. А. Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630–1650-х гг. [Электронный ресурс] / История военного дела: исследования и источники. С. 258, 268, 286.
- ²⁹ Там же. С. 286.
- ³⁰ Лобин А. Н. Пушки первых Романовых... С. 36.
- ³¹ АМГ. Т. 1. С. 421.

- ³² Курбатов О. А. Организация осадного парка... С. 258–259.
- ³³ АМГ. Т. 2. С. 336.
- ³⁴ Там же. С. 263–264.
- ³⁵ Там же. С. 484–485, 488–491.
- ³⁶ Там же. Т. 3. С. 35–36.
- ³⁷ Там же. Т. 2. С. 434.
- ³⁸ Там же. Т. 1. С. 383.
- ³⁹ Там же. С. 392.
- ⁴⁰ Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. С. 318.
- ⁴¹ Змеев Л. Ф. Чтения по истории медицины. СПб., 1896. С. 197, 199.
- ⁴² АМГ. Т. 1. С. 386, 397.
- ⁴³ Там же. Т. 2. С. 540.
- ⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 381–382.
- ⁴⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Т. 3. М., 1822. С. 306–316.
- ⁴⁶ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 26. СПб., 1909. С. 898–899, 911.
- ⁴⁷ АМГ. Т. 3. С. 72.
- ⁴⁸ Малов А. В. «Конность, людность и оружность» «служилого города» перед Смоленской войной. На материале Великих Лук // Цейхгауз. 2002. № 2. С. 12.
- ⁴⁹ Арзамасский уезд в XVII веке. Источники по истории служилых землевладельцев: исследование и тексты / сост. Б. М. Пудалов. Нижний Новгород: Центр. архив Нижегородской области, 2021. С. 54.
- ⁵⁰ Курбатов О. А. Военные реформы второй половины XVII века: Конница. М.: Квадрига, 2017. С. 58.
- ⁵¹ Материалы конного смотра служилых людей московских чинов Государева двора лета 7161 (1653) г. // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск четырнадцатый. М.: Старая Басманная, 2023. С. 200.
- ⁵² Арзамасский уезд в XVII веке... С. 220.
- ⁵³ Линн Дж. А. Женщины, армии и ведение войны... С. 170–171, 308.
- ⁵⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Российской Академии Наук. СПб., 1836. Т. 3. С. 374.

М. Ю. Данков, Д. А. Проц (Петрозаводск)

ГОЛЛАНДСКИЕ «БУЯРЫ» И «ЗАМОРСКАЯ ЯХТА» ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ НА БЕЛОМ МОРЕ И СЕКРЕТЫ НОРВЕЖСКОГО ЛИСТЕР-БОТА 1872 г.

К СЕКРЕТАМ РАННЕГО ПЕТРОВСКОГО времени можно отнести почти не известную эпопею, связанную с маршем и переволокой в августе 1703 г. двух голландских «буйяр» архангельским полком «господина» Матв(ф)ея Бордовика. Рейд от побережья Белого моря «под Шлюсенъбурх»¹ был организован «в суземках», где годом ранее совершил грандиозный поход к Балтике Петр I и его лейб-гвардия якобы переволокла на расстояние 174 версты (около 259 434 м)² малые фрегаты «Сошествия Святого Духа» («Святой Дух») и «Скорый гонец» («Курьер») (ил. 1).

Еще более интригующей назовем попытку транспортировать от Нюхчи Волостной «по мосту» в июне 1709 г. прапорщиком «Гороцкого полка» Иваном Балтруковым³ безымянную «заморскую яхту». Не всегда ясные обстоятельства возможного волока, организованного по указу царя и требованию Двинского воеводы П. А. Голицына, от Белого моря к Повенецкому ряду судна, выделены в «Сказке» крестьян Нюхоцкой волости, составленной в 1709 г. от имени выборных крестьян⁴.

И наконец, прикоснемся к истории «лодки», сохранившейся в центре карельского с. Сумский Посад, на скале Черного (Мельничного) порога р. Сумы⁵. Долгое время местные жители связывали любопытный объект с личностью Петра Великого.

Однако начнем с «частных» сюжетов присутствия голландских буеров и «немецкой» яхты в акватории Белого моря и с биографий не столь известных героев петровских «марсовых потех».

Ил. 1. Фрагмент карты «Carte de Moscovie...» с маркировкой «Осударевой дороги». Г. Делиль (Париж). 1706 г.

Ил. 2. Гравюра «Петровское войско на марше», фрагмент. XVIII в.

Потрясающая судьба голштинца М. М. Бордовика на государственной службе, как оказывается, связана с тайнами двух армейских рейдов в 1702 и 1703 гг. по «Осударевой дороге» от Белого моря в Ингрию (ил. 2).

Для «обережи от прихода неприятельских людей», государь в конце весны 1702 г. в третий раз прибыл на Сев. Двину и сразу отпустил «господина» Матвея Бордовика⁶. Тогда же, «и во 702-м году» состоялась «накоротке» встреча царя с Матвеем Бордовиком, который, по ремарке «Двинского летописца», обязан в «крепости быть комендантом» чтобы «полку ево всем салдатом» находиться с «ним же к новой крепости»⁷. О том, что М. Бордовик стал первым комендантом крепости, свидетельствует «Наказ господину Матвею Бордовику полковнику и коменданту его державнейшего

величества крепостей на Новой Двинке...», недавно обнаруженный архангельским историком И. М. Гостевым⁸ (ил. 3).

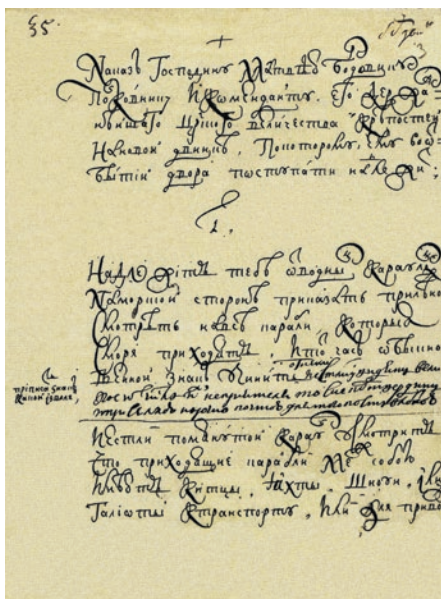
Как бы там ни было, солдаты и офицеры «Бордовинова полка» на протоке Муткурья, по «явному розмеру» спешно под «веданием» нового двинского воеводы В. А. Ржевского и доверенного «бонбардира» М. И. Щепотева достраивают цитадель, похожую на «каменный город»⁹.

Очевидно, государь услышал о выходе из Голштинии, когда тот служил в солдатском полку «из вольницы» под началом Карлуса-Густава Ивановича Иваницкого (Эваницкого) в Москве¹⁰ (ил. 4). Во всяком случае, известна резолюция

Петра «из Преображенскова» от 9 февраля 1702 г., на докладе Б. П. Шереметьева о перемещении «из полуполковников: Матвея Бардевика». Тогда царь подчеркнул, «кроме Бардовика (никого. — М. Д., Д. П.) не знаю»¹¹.

Вызывает особое любопытство, что архангельские полки М. Бордовика и А. Шневенца¹² вместе с батальонами преображенцев и семеновцев в августе 1702 г. находились в Нюхче Волостной. Царь, поддержанный «господином отцом... архимандритом Фирсом»¹³, готовился преодолеть секретную «Осудареву дорогу» к Балтике, чтобы нанести внезапный удар шведскому гарнизону крепости Нотебург и взять под контроль территорию¹⁴.

Однако по неизвестной нам причине М. М. Бардовик в 1702 г. был отстранен от похода в Ижорию и «с полным нарядом» на

Ил. 3. Документ «Наказ господину Матвею Бордовику, полковнику и коменданту, его державнейшего царского величества, крепостей на Новой Двинке, по которому ему по отбытию двора поступати надлежит». Первый лист. 1702 (?) г. РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1703. Д. 135. Л. 3–10 об.

Ил. 4. Скульптура «Царь Петр». Скульптор М. М. Шемякин. Детфорд (Англия). 2001 г.

судах К. Крюйса был отправлен в «Город». Вице-адмирал 26 августа 1702 г. рапортовал Ф. А. Головину: «поверенная мне флота слава Богу... в целости уцеленна пришла» в Архангельск, и «два полка, Шнєвєнцов и Бордовинов, возвратились к городу на тех же кораблях и зимовали в Новодвинской крепости»¹⁵ (ил. 5). Скорее всего, «конфузия» связана со стратегическими идеями государя и желанием укрепить от шведских притязаний безопасность беломорских рубежей России.

Через год, в августе 1703 г. случилось невероятное: солдаты М. Бордовика вновь оказались на м. Вардегорский. Отсюда с двумя «мелкими лодками» (так в «Отписке из Крестного монастыря Петру I»¹⁶ богомольцы обозначили «удобные суды») был начат «сухой» марш к Онежскому озеру и далее по воде к Кроншлотту. Оказывается, что малоизвестное историкам лукавое предприятие 8 июля 1703 г. санкционировал сам государь. В тексте «Наказной грамоты из Посольской канцелярии» он указал «полковнику Бордовикову о выступлении» полка «из Архангельска» к Неве¹⁷. Считается, что рейд стал возможным не только «по именному великого государя указу», но и по приказу губернатора Александра Даниловича Меншикова¹⁸. Так, в начале августа от пристани, которую в 1702 г. подготовил «Преображенского полку Бонбодерской роты салдат Михаил Щепотев»¹⁹, стартовал марш к «Петрополю — будущему Санкт-Петербургу»²⁰. «Двинский летописец» в Краткой редакции подтверждал: в «703-го году. Августа» надлежит «Матвея Бордовика» послать «Повенед в поход под Шлюсеньбурх» (ил. 6). При этом воеводе В. А. Ржевскому наказывалось «ево полковника» незамедлительно отправить

Ил. 5. Гравюра «Вид города Архангельского в конце XVII века». 1880 г.

«из Новой крепости на кораблях морем до Нюхотцкой пристани»²¹. В реляции Петру I от 6 августа 1703 г. генерал-адмирал Ф. А. Головин уточнял: «Бордовика чаю быти к Нюхче». Одновременно он упрасивал царя «воеводе Олонецкому изволишь приказать о судах», на которых «салдаты» Бордовика пойдут «чрез Онегу», и «чтоб как возможно помог». Для этого «начальные люди посланы от города для збору их»²². Корреспонденция об онежских кораблях является ответом на не сохранившуюся депешу государя от 2 августа. Молва о секретном походе и волоке «буяра» в 1703 г., в отличие от мифической транспортировки боевых палубных фрегатов, урывками сохранилась в церковных текстах, поморских «Челобитных», «Книгах перечневых», «Сказках» и в народной памяти.

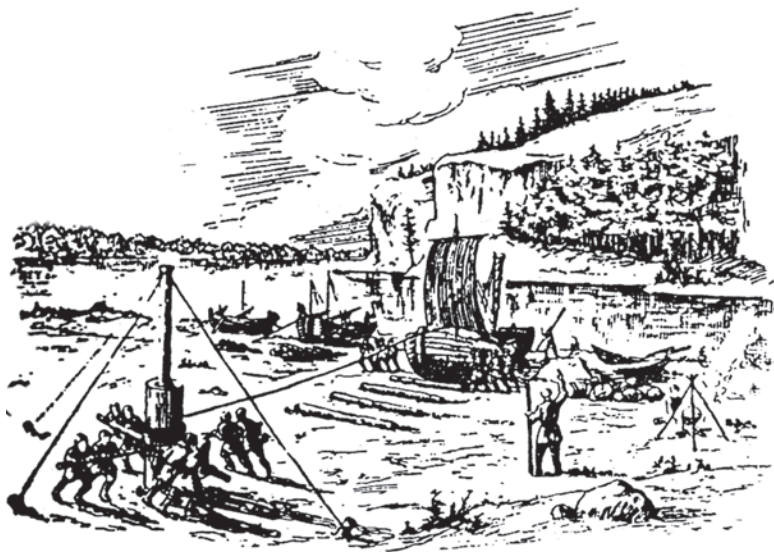
Начальное упоминание о «проводинах» неких судов «посуху» находится в «Челобитной жителей Сумского Острога в Соловечий

Ил. 6. Гравюра «Повенецкий рядок». Конец XIX в.

монастырь» от 23 июля 1703 г.²³. Документ требовал «нарядить» 200 «человек крестьян для выгрузки ис кораблей под Вардегору и проводин заморских судов» от «морской пристани до Повенецкого Рядку» (ил. 7). Акция от имени А. Д. Меншикова поручалась «Семеновского полку отюнтану» М. Я. Волкову, одному из устроителей «Осударевой дороги», игриво себя именуя «Мишка Волков»²⁴.

«Челобитная» в забавном виде предписывала закрепить «двадцать бочек порожних» к нижней части корпуса «заморских судов», чтобы благополучно их поднять «сиротам и работным людям» у «морской пристани... под Вардегорой». В следующей «Челобитной» от 21 октября 1703 г. уточняется, что речь идет о волоке по «новопостроенной Государевой дороге» скромных судов для прибрежного плавания, при царе Петре называемых буерами. Для этого «лошедишка» со всего Поморья «все были иманы» и «до глухой осени... буеры сами на себе до Повенца тянули»²⁵. Документы сообщают, что путь для волочения судов «до Онега-озера» крестьяне монастырских вотчин «чистили, мосты чинили и горы ровняли», и делали это «за своим хлебом и харчем»²⁶.

Ил. 7. Рисунок. «Ворот для волока судна»

Наиболее полно о сюжете транспортировки буеров господином и комендантом Бордовиком иносказательно сообщает «Сказка крестьян Нюхоцкой волости о работах на Осударевой дороге в 1702 и 1703 гг.»²⁷. Документ является, пожалуй, ведущим источником, информирующим об акции полка М. М. Бордовика. Отметим, что оценить текст, датируемый не ранее 24 июня 1709 г. еще в конце XIX в. неудачно попытался известный историк флота Ф. Ф. Веселаго²⁸. Сегодня нам очевидно, что «Сказка» в очередной раз разрушает версию о транспортировке в метрополию царем Петром морских фрегатов «Сошества Святого Духа» и «Скорый гонец».

«Выборные» жители Яков Елфимов, Родион Поташев, Иван Камбалин, Флор Корманов, Тимофей Шмаков, Афанасий Емельяновых, Кондрат Стефанов от имени «всех крестьян» Нюхоцкой волости сообщали, что по существующей «государевой дороге... наперед сего провожали буяры», и «мосты были тверды». «Сказка» уточняет: «в прошлые 702-й и 703-й годы к работе тое дороги» и «к мощению работные люди браны» с Каргопольского и Олонецкого уездов, и с Соловецкой вотчины». При этом пришлось «буяры поднимать», а «под всякою

буярою ходило подвод-лошадей по сту с подводчики» и «сверх ходило работных пеших человек по сту для тяги буяр». Получается, что документ, оцениваемый как безусловное свидетельство волюка морских фрегатов, в действительности описывает переволоку «салдатами» М. М. Бордовика буяр, предназначенных для прибрежного плавания. О том, что поморы волостей Крестного Онежского монастыря осенью 1703 г. вместе с полком Матфея Бордовика волокли два судна, указывает еще один архивный документ. Монастырская отписка свидетельствует: для «провождения буяр» на «Повенецкую верфь» из волостей Кийстровского монастыря пришлось дополнительно подтянуть подводчиков с лошадьми и другой пеший народ²⁹. История появления одномачтовых «буяр» в Белом море также представляет исследовательский интерес. Оказывается, перемещенные по «Осударевой дороге» суда являлись презентом государю и А. Д. Меншикову от видных негоциантов Нидерландских Штатов, имевших дело в Архангельске, Христофора Брантса и Яна Любса³⁰.

Спустя месяц, 16 сентября 1703 г., иноземцы в «глубочайшей покорности» сообщили царю Петру, что буеры «с прошением нашим» отправлены «с кораблями к господину губернатору Шлотбургскому», чтобы «вам Государю, именем нашим поднести»³¹. Тем не менее, архивных материалов об обстоятельствах перевода подарочных кораблей исследователям не известно. Однако, по нашему мнению, Бордовик с помощью тяглецов все-таки смог благополучно доставить голландские буяры на Балтику, и они достраивались в Шлиссельбурге³² (ил. 8).

Интерес представляет одна корреспонденция от 2/13 апреля 1716 г., из Амстердама, в которой Х. Брантс сообщал Петру Алексеевичу о новом подарке. Это был буер «длиною около 32 фут и в протчем», так похожий на тот, «которой в 1702-м году к Городу послан»³³. Получается, учитывая, что амстердамский фут составляет 0,283 м, голландские «суденки», перетасщенные «чрез суземок... от Нюхотской волости... Онегу-озеру к Повенцу»³⁴, едва ли достигали 9,8 м.

А теперь о не менее фантастическом сюжете: наказе Ивану Балтрукову (Бальтрукову) организовать в 1709 г. переволоку практически не известной «заморской яхты» от Белого моря до «Санкт-Питербурха». «Сказка» нюхоцких поморов, которую «писал тое ж волости дьячек Стефан Новиков», была подготовлена после «указа великого государя» от 28 марта 1709 г. «за

Ил. 8. Картина «Волок». Художник С. Гонков

печатью з Двины ближнего столника и воеводы князя Петра Алексеевича Голицына». Документ в повелительной форме обязывал «Гороцкого полка урядника» И. Балтрукова «в Колском остроге принять яхт[у] и проводить чрез Нюхоцкую пристань до Санкт-Питербурха». «Веление» требовало «мирским людям ту яхту с принадлежащими потребами... провожать до Онега-озера Нюхоцкую волостью»³⁵. Оказывается, немецкое судно, схожее с буером, в 1707 г. на переходе в скандинавских водах попало в шторм и потерпело крушение. Русские моряки случайно обнаружили дрейфующую яхту с пропавшим экипажем и без такелажа близ г. Варгава (возможно, норвежский Варде. — М. Д., Д. П.). Вскоре русские рыбаки на буксире притащили корабль в портовый город Колу, по-саамски Кольйок — «золотая река», основанный в 1565 г. Позже, по требованию воеводы, И. Балтруков подогнал полуразбитую яхту к поморскому с. Нюхча, откуда ему было велено ее перетащить в «Онего-озеро», по существу повторяя маршрут 1702 и 1703 гг. Однако строптивые поморы отказались «провождать» заморское судно «по тое дороге... ныне без мощения». Якобы «нам одною Нюхоцкою волостишкам тое яхты не провесть и не проводить»³⁶. Рассуждая о размерах судна, укажем сохранившиеся документы в РГАВМФ. Длина одномачтового корабля «с корга на корг» составляла 11,75 арш., около 8,46 м, по килю 9,5 арш., примерно 6,84 м. При этом ширина палубы на

уровне среднего шпангоута «по верху» 3 арш. и 3 верш. равнялась 2,51 м, расстояние от килевого бруса до линии палубы примерно аршин и 15 верш. Также было указано расстояние «от носа до мачты» 2 арш. 10 верш., в пределах 1,89 м, и от «мачты до кормы» 8 арш. 13 верш., около 6,35 м. Скорее всего, размеры указаны в старинных русских футах со значением аршина в 72 см³⁷. Биография капитана «немецкой» яхты Ивана Балтрукова исследователям почти не известна. Однако анализ скурых архивных материалов позволяет представить неординарную личность. И. Балтруков служил в гарнизоне Города «в Гайдукском и Гороцком полках... в салдате, и капралех, и урядниках»³⁸. Службу начал солдатом в 1686 г., с 1698 по 1701 г. был барабанщиком, с 1701 по 1705 г. служил капралом, позже, до 1709 г. сержантом. За прием немецкой яхты от Нюхчи Волостной к Повенцу получил чин прапорщика, вскоре, до 1711 г., поручика. Однако армейское продвижение по службе неожиданно прервалось в 1720 г. За неизвестный проступок И. Балтруков был разжалован, но спустя несколько месяцев восстановлен в сержантах, а вскоре ему был присвоен чин прапорщика³⁹.

Используя «Расходные книги артиллерии Архангельского гарнизона 1708–1710 гг., сохраняющиеся в архиве СПбИИ РАН, можно допустить, что Балтруков совершил поход с яхтой осенью 1709 г. Во всяком случае, «октября в 13 день» солдатам, «посланным за казною в Питер[бур]х на дорогу», по приказу П. А. Голицына был выдан ручной порох и свинец, а назначенные припасы «принял... Иван Балтруков»⁴⁰. Хотя прямые подтверждения о волоке безымянного корабля, к сожалению, не обнаружены. Более основательно о жизненных коллизиях командира «заморской яхты» сообщают «Послужные списки воинских чинов Архангельского гарнизона за 1711 г.»⁴¹. Оказывается, «порутчику Ивану Бальтрукову» в 1711 г. было «от рождения тридцать лет», и в 1700 г. он «в приход к новой крепости неприятельских свейских кораблей» был участником Новодвинской «баталии». Позже «в куманде ближнего боярина Петра Матвеевича Опраксина» трудился «на Олонецком верфу» на р. Свирь, где 24 марта 1703 г. «по указу Великого государя... Петра Алексеевича» и «по приказу губернатора А. Д. Меншикова»⁴² начало формироваться боевое ядро Балтийского флота, закладывались скампаеви, буеры, шлюпы и фрегаты. В 1709 г. И. Балтруков «послан в Колской острог» и для «яхты бережения в Санкт-Питербурх». «Послужные

Ил. 9. Листер-бот под навесом на скале Черного порога.
с. Сумский Посад (Республика Карелия). Фотография 1980–2000 гг.

списки» уточняют «за ту посылку пожалован в прапорщики», направлен «в Ризской гарнизон», а вскоре находился «в ыных многих посылках». За государеву службу Балтруков «в 710-го по рассмотрению ближнего столника» князя П. А. Голицына из прапорщиков «пожалован в порутчики»⁴³.

И наконец, прикоснемся к мифической народной версии о том, что либо одна из голландских буяр М. Бордовика, либо «заморская яхта» И. Балтрукова сохранилась и теперь как памятник находится в центре с. Сумский Посад. Однако в реальности «большая лодка» никого отношения к Петру Алексеевичу и событиям 1703 или 1709 гг. не имеет⁴⁴.

Между тем, даже современный учетный паспорт № 184 Государственного центра по охране памятников истории и культуры РК, определяет объект как «мореходную лодку XVIII в.» и сообщает, что «дата установки... лодки неизвестна»⁴⁵. Сохранившееся судно с досками из дуба, скрепленное «западными» медными гвоздями, действительно чуждо поморским судостроительным традициям петровского времени (ил. 9). Судостроители

Ил. 10. Почтовая открытка
«Его Императорское Высочество
Великий князь Алексей Александрович».
Мастерская Левинского. СПб. XIX в.

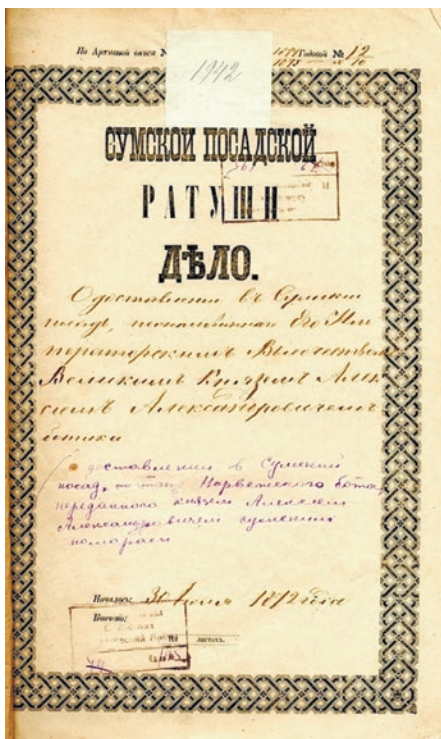
Карельского берега истари использовали смолистую ель или сосну, а «набойный» борт «сшивался» вицей, тонким эластичным корнем можжевельника или ели. Мутные обстоятельства происхождения и установки корабля под наветом долгое время позволяли его связывать с петровской эпохой. О том, что на скалистом островке р. Сумы сохраняется «листер-бот», дар «Великого князя Алексея Александровича», первым сообщил русский этнограф К. К. Слущевский⁴⁶.

История действительно напрямую связана с сыном императора Александра II, который летом 1870 г. «гостевал» в Архангельске и на кор-

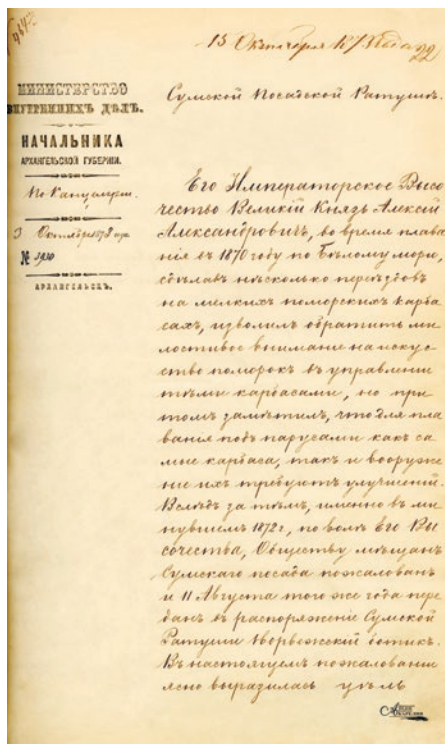
вете «Варяг» под командой вице-адмирала К. Н. Посьета посетил Соловецкий архипелаг, Кемь и Сумский Посад. Вскоре офицеры эскадры подняли на Новой Земле русский флаг и установили православный крест⁴⁷ (ил. 10).

Однако настоящим прорывом в понимании истории «сумпосадской лодки» оказался пласт раритетных документов, сохранившихся в собрании Национального архива Республики Карелия, в фонде «Сумская Посадская ратуша. 1809–1877». Прежде всего, это архивное дело № 19/195 «О доставлении в Сумский Посад Его Императорским Высочеством Великим князем Алексеем Александровичем ботика», которое 30 июля 1872 г. поступило «Из Канцелярии Начальника Архангельской губернии...»⁴⁸ (ил. 11).

Позднее документ получил новое наименование «О доставлении в Сумский посад норвежского бота, переданного князем Алексеем Александровичем сумским поморам». Архивные материалы описывают любопытные обстоятельства появления морского судна в древнем карельском селе после его посещения представителем царского дома. Мы узнаем, что летом 1870 г. князь в звании унтер-офицера или гардемарина Русского императорского флота совершил «несколько переездов на мелких поморских карбасах» и «изволил обратить внимание на искусство поморок в управлении теми карбасами» за «отсутствие поморов на промыслах». Документ от 15 октября 1873 г. свидетельствует, что великий князь Алексей Александрович заметил: «плавание под парусами» и вооружение морских лодок «требуют улучшения», поэтому решил «дать поморам образец» судна, «приспособленного для прибрежного плавания» и «исполнения лоцманской службы» (ил. 12). Вскоре, 11 августа 1872 г., «обществу мещан Сумского Посада» был «пожалован... норвежский ботик». Перед этим князь настойчиво хлопотал в «Морском ведомстве» и требовал без задержки в «мастерских С.-Петербургского речного Яхт-Клуба» начать строительство

Ил. 11. Дело Сумской Посадской Ратуши «О доставлении в Сумский Посад Его Императорским Высочеством Великим князем Алексеем Александровичем ботика». Форзац. НАРК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 585 (Сумская посадская ратуша. 1809–1877). Оп. 3. Д. 19/195

Ил. 12. Дело Сумской Посадской Ратуши от 15 октября 1873. НАРК. Ф. 585. Оп. 3. Д. 19/195. Л. 22

корабля, который «своими морскими качествами» должен походить на «датский ботик». Алексея Александровича волновало, «чтобы жители посада, постоянно плавающие на своих карбасах», совершенствовались «познания» и еще более «развили бы свое мастерство в мореплавании на судах»⁴⁹.

Таким образом, возведенный на Неве по норвежской технологии листер-бот (lister boat) был погружен в трюм парохода «Качалов», приписанного к Товариществу Беломорско-Мурманского срочного пароходства, и в конце лета 1872 г. отправлен из Кронштадта в Белое море. «По прибытии... парохода в Суму» администрация Сумпосадской

ратуши обязывалась принять бот «с роспискою» и в целости передать Обществу Сумского посада⁵⁰.

Между тем, в группе документов НАРКа выделяется «Опись судна», «2 августа 1872 г. подаренного Великим князем Алексеем Александровичем»⁵¹.

Архивный лист отметил размеры «бота дубового» с «предохранительными ящиками»: длина 32 ф. ширина 11 ф. и глубина 4½ ф., или 9,75 × 3,35 × 1,37 м, что, как ни парадоксально, соответствует «розмерениям» голландских буеров М. Бордовика и «заморской» яхты И. Балтрукова. Судно, предназначенное для ловли рыбы сетями, имело ходовое вооружение: бушприт, навесной руль, дубовый киль и фальшкиль из металла, банки для гребцов,

бортовую обшивку «в накрой» и парусную оснастку из гафельного гота, включая три кливера.

Старожилы Сумска Посада вспоминали, что внутри бота на помост была накинута «бархатная ткань», а борт окрашен розовой краской, чтобы корабль выглядел празднично. Однако сейчас состояние судна вызывает обоснованное беспокойство. Большинство деталей и фрагментов, включая 32 стойки фальшборта, вандалы спилили еще в давние времена. К сожалению, железные петли ахтерштевня, часть медных бортовых гвоздей выбиты из корпуса, утрачен внутренний настил и весь такелаж, а в днище корабля существует сквозной пролом.

Завершая исследование о «провожании» с Белого моря в бытность царя Петра таинственных голландских «буяр» и «немецкой» яхты, разбираясь в секретах листер-бота 1872 г., согласимся в важности сохранения исторической памяти. Самое время оценить провидческую метафору «Наказа» Петра Великого от 7 февраля 1722 г.: «Надлежит вам беречи остатки кораблей», иначе всем «взыскано будет»⁵².

¹ Данков М. Ю. 1) Об организации по «Осударевой дороге» таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб., 2004. С. 121–132; 2) О загадочном рейде от Нюхчи к Шлиссельбургу в 1703 году // Двинская земля. Материалы четвертых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Вып. 4. Вельск, 2005. С. 106–117; 3) Матвей Бордовик и поход по «Осударевой дороге» в 1703 году // Знаменитые люди Севера: от М. В. Ломоносова до наших дней. Материалы международной научной конференции, посвященной 295-летию со дня рождения великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765). Архангельск, 2006. С. 57–59; 4) Парадоксы «господина полковника». О малоизвестной судьбе Матвея Бордовика на службе у Петра Великого // Новгородика. Альманах № 2. Великий Новгород; М., 2022. С. 55–66; Данков М. Ю., Лапшов С. П. Забытый полк «Осударевой дороги» // Рейтар. Военно-исторический журнал. № 36 (3/2007). С. 32–42.

² Данков М. Ю. Тайный марш по «Осударевой дороге» 1702 года и современная дискуссия вокруг нее // Культурные инициативы Петра Великого: материалы II международного конгресса петровских городов (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 г.). СПб., 2011. С. 202–211; Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. 309 с.

³ Архив СПбИИ РАН (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук). Ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия. 1710–1774). Оп. 2. Д. 113. Л. 1 об.–8 об. См. также: Тревожные годы Архангельска 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Изд. подг. Ю. Н. Беспярых, В. В. Брызгалов, П. А. Кротов. Архангельск,

1993. С. 298; Брызгалов В. В. Послужные списки участников Новодвинского сражения (25 июня 1701 года) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция. 16–18 мая 2012 года. Ч. 1. СПб., 2012. С. 171–188.

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и высоким особам на русском языке). Оп. 1. 1709 г. Д. 10. Л. 21 об.–22; См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 260–261.

⁵ Валентик А. И. Родина капитанов. Штрихи к портрету Сумпосада // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 113.

⁶ Походный журнал 1702 г. // Походные и путевые журналы императора Петра I (1695, 1696–1708 годов) № 1. СПб., 1853. С. 1.

⁷ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Холмогорская летопись. Двинский летописец. Т. 33. Л., 1977. С. 163, 201.

⁸ РГАДА. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 1. 1703. Д. 135. Л. 3–10 об. См. также: Гостев И. М. Петр I в Архангельске. События, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022. С. 132–138.

⁹ Цит. по кн. : Голубцов Н. А. Новодвинская крепость // Петр Великий на Севере. Архангельск, 1909. С. 52.

¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: ПиБ). Т. 2. 1702–1703. СПб., 1889. С. 297

¹¹ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет (коллекция). Оп. 8. 1702. Д. 52. Л. 1.

¹² Шневенц (Шневенец) Андрей (Алферий, Альбрехт?) Алферьевич, с августа 1700 г. командир Преображенского драгунского, позже солдатского полка. Полк участвовал в начальной фазе «Осударевой дороги». Скончался в 1702 г. в Архангельске.

¹³ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1704. Л. 44, 44 об. Отпуск; См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 229.

¹⁴ Данков М. Ю. 1) «Осударева дорога» и архимандрит Фирс // Защитники Отечества. Материалы XV региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2004. С. 63–78; 2) Карт-бланш царя на Карельский поход 1702 года // «Петровское время в лицах–2005». Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 112–121.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 201.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 2. 1703 г. Д. 1. Л. 1–3. Отпуск. После 1 июля 1703 г. «Отписка из Крестного монастыря Петру I...». См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 252.

¹⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1703 г. Д. 135. Л. 11–12. Черновой отпуск.

¹⁸ Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 88.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 650. Л. 1–30. Подлинник «Книги перечневые» работ, расходов и ущерба крестьян вотчин Крестного монастыря при прокладке и обслуживании Осударевой дороги в 1702 г. от 1703 г., январь.

²⁰ Бурменский В. И., Гостев И. М. Пушечные салюты и сигналы в Архангельске: Организация пропуска кораблей в Архангельский порт, установление порядка приветствия крепости с конца XVII в., праздничные салюты и пушечные сигналы // Защитники Отечества. Материалы XXXIII–XXXIV общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск. 2014, 2015 гг. Вып. 14. Архангельск, 2016. С. 54.

- ²¹ ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 164.
- ²² ПиБ. СПб., 1889. Т. 2. Прим. С. 529–530.
- ²³ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1704. Л. 154; Л. 134 об.–135. Список. «Челобитная жителей Сумского Острога в Соловецкий монастырь, чтобы власти Кончанской волости исполняли ранее данный им указ и принимали участие в денежных расходах, необходимых для выполнения новых государственных заданий, в том числе по проводке «заморских судов». См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 88, 249–250.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 13 об.
- ²⁵ Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704. Л. 154. Список «Челобитная жителей Сумского Острога в Соловецкий монастырь «о счете повальном» с жителями ряда соседних волостей по поводу работ на Осударевой дороге и новых государевых расходов» 1703 г., октября 21». См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 255–256.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 650. Л. 8 об. Подлинник. «Книги перечневые» работ, расходов и ущерба. 1703 г., январь. См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 235.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1709 г. Д. 10. Л. 21–22. Подлинник. «Сказка крестьян Нюхоцкой волости о работах на Осударевой дороге в 1702 и 1703 гг. 1709 г., после июня 24». См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 260–261.
- ²⁸ Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 154.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 672. Л. 1–4 об. См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 96.
- ³⁰ Брантс (Бранс, Бран, Брант) Христофор (Кристофель) Игнатьевич (Brants Christoffel) [1664–1732], голландский купец, финансист, надворный советник, поставщик оружия и резидент Петра I в Амстердаме. В августе 1703 и марте 1704 г. работал на Олонецкой верфи, с 1717 г. пожалован в дворянство; Люпс (Лубс, Любс, Лупс) Ян (Иван) (Lup/s) [1667–1738?], голландский торговец оружием и зерном. В России с 1690 г. Представитель иностранного купечества, входил в доверенный круг лиц Петра I.
- ³¹ ПиБ. 1889. Т. 2. С. 619.
- ³² РГАВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при адмиралтействах-коллегиях г. С.-Петербург (1707–1732). Д. 22. Л. 258, 372; Ф. 315. Оп. 1. Л. 859, 113–114; См. также Гостев И. М. Петр I в Архангельске... С. 92.
- ³³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Д. 26. Л. 13 об. См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 112.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 2. 1703 г. Д. 1. Л. 1. Отпуск. См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 251.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1709 г. Д. 10. Л. 21–22. Подлинник.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ РГА ВМФ. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота). Оп. 1. Д. 859. Л. 198–112, 115 об. См. также: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 123.
- ³⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 2. Д. 113. Л. 6. Подлинник. См. также: Тревожные годы Архангельска. С. 292; Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года... С. 123.
- ³⁹ Брызгалов В. В. Послужные списки участников Новодвинского сражения... С. 174, 182. К сожалению, в публикации допущена небрежность: «год рождения 1681 / вступление в службу солдатом с 1686».

- ⁴⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 58 («Расходные книги артиллерии Архангельского гарнизона 1708–1710 гг. 1710 г. апреля 3»). Л. 104 об. Подлинник. См. также: Тревожные годы Архангельска... С. 272.
- ⁴¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10 Д. 113. Оп. 2. Д. 58. Л. 6. См. также: Тревожные годы Архангельска... С. 298.
- ⁴² Елагин С. И.] Материалы для истории Русского флота. Балтийский флот (1702–1725). СПб., 1865. Ч. I. С. 16.
- ⁴³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 2. Д. 58. Л. 6. См. также: Тревожные годы Архангельска... С. 298.
- ⁴⁴ Данков М. Ю. Секреты лодки из Сумского Посада // Проблемы изучения и сохранения морского наследия. 5–9 октября 2021 г. Материалы международной научно-практической конференции. Музей Мирового океана. Калининград, 2022. С. 64–68; Данков М. Ю., Проц Д. А. Искусство поморок в управлении карбасами (О листер-боте, даре Великого князя Алексея Александровича жителям Сумского Посада) // Двинская земля. Вып. 13. Сборник статей по материалам Всероссийской общественно-научной, исследовательско-краеведческой конференции «15-е Стефановские чтения» / под ред. С. А. Гладких. Котлас, 2023. С. 218–225.
- ⁴⁵ ГЦПОПИиК МК РК (Государственный центр по охране памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Карелия) // Паспорт № 184 «Мореходная лодка XVIII в.». Рабинович Б. Л., факультет ПГС ПГУ им. О. В. Куусинена; Богданов В. Б., отв. исполнитель, Павлов Н., рук. н–к СПКБ. 1973 г.
- ⁴⁶ Случевский К. К. По Северо-Западу России: в 2 т. По Северу России: с картой северного края, отпечатанной в 6 красок, и 146 рис. СПб., 1897. Т. 1. С. 393.
- ⁴⁷ Общий морской список. Царствование Николая I. А–Г. Ч. 9. СПб., 1897. С. 1–2.
- ⁴⁸ НАРК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 585 (Сумская посадская ратуша. 1809–1877). Оп. 3. Д. 19/195. Л. 1–5.
- ⁴⁹ Там же. Л. 22 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 5–5 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 6–6 об.
- ⁵² Морской сборник // Царский указ от 7 февраля 1722 года. № 1. 1853. С. 50–51.

С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)

РЫЦАРЬ РАДОСТНЫЙ И РЫЦАРЬ ПЕЧАЛЬНЫЙ. Артиллерийское ведомство и организация похорон императора Петра Великого

В 2025 г. исполнилось 300 лет со дня смерти первого российского императора Петра Великого. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи бережно хранится память о нем, не только как о великом государственном, политическом и военном деятеле, но и как об основателе собрания музея.

В год смерти Петру Великому было всего 52 года, но тем не менее его здоровье было совершенно расшатано, организм не выдерживал той кипучей деятельности, которую царь-реформатор осуществлял на протяжении трех десятилетий.

Петр часто прихварывал в последние годы, припадки делались все чаще и болезненней, но он по-прежнему не берег себя и пренебрегал запретами и рекомендациями врачей¹.

Первые признаки болезни стали проявляться у Петра во время его пребывания в Риге в мае 1721 г. По словам польско-саксонского посланника И. Лефорта, царя мучила одышка, и у него появился какой-то внутренний нарыв, который периодически открывался. Из нарыва в горле вытекала «материя»².

Заболевание, которое свело Петра Великого в могилу, обострилась вскоре после Персидского похода. «Еще в конце прошлого 1723 года так недомогать начал», — писал один из ближайших сподвижников государя архиепископ Феофан Прокопович³.

Возможно, что тяготы Персидского похода 1722–1723 гг., во время которого русская армия страдала от жары, недостатка

питьевой воды и здоровой пищи, сказались и на царе. Недаром новозавоеванные провинции в Прикаспии считались самым нездоровым, гиблым местом империи. Туда ссылали за воинские провинности в так называемый «Низовой корпус». Смертность от кишечных заболеваний, инфекций, укусов ядовитых змей и насекомых здесь была крайне высока.

В сентябре 1724 г., по словам французского посланника Ж. Ж. Кампредона, окончательно выяснился диагноз болезни императора. Воспаление мочевого пузыря, песок в моче как следствие возврата плохо вылеченного венерического заболевания. Петр страдал от жестоких болей в пояснице, у него выходили довольно большие камни и гной, а на ляжках появились незаживающие гноящиеся опухоли⁴.

Как убедительно доказал историк Н. И. Павленко, легенда о том, что Петр Великий простудился и смертельно заболел, спасая у деревни Лахты 5 ноября 1724 г. людей на терпящем бедствие боте, не имеет под собой основания⁵.

Существуют различные взгляды относительно заболевания царя. Польско-саксонский дипломат И. Лефорт видел причину в мочевом камне. Прусский посланник Г. Мардефельд говорил о *retentio urinae* (т. е. о задержании мочи)⁶. Английский хирург Горн, входивший в «консилию» врачей, лечивших Петра, видел причину смерти в едкой материи, которая, разъев мочевой пузырь, образовала в нем нарывы, которые и привели к задержке мочи. И. И. Голиков, историк и собиратель документов о жизни и деятельности Петра Великого, считал, что его кумир скончался от запора урины и воспаления мочевого пузыря⁷.

Болезнь и смерть Петра были предметом суждений и специалистов в области медицины. В. Рихтер, автор «Истории медицины в России», связывал кончину императора с воспалительным процессом, вызванным задержкой мочи⁸. Доктор медицины Н. Куприянов писал: «Вероятнее всего, что смерть воспоследовала от воспаления мочевого пузыря, перешедшего в гангрену, и от задержания урины»⁹. В 1970 г. Центральному кожно-венерологическому институту в Москве были направлены на заключение все известные свидетельства современников о смерти Петра Великого. Авторитетная комиссия в составе профессоров А. А. Студницына, Н. С. Смелова, доктора медицинских наук Т. В. Васильева и кандидата медицинских наук О. И. Никонова пришла к выводу, что «Петр I, по-видимому,

страдал злокачественным заболеванием предстательной железы, или мочевого пузыря, или мочекаменной болезнью».

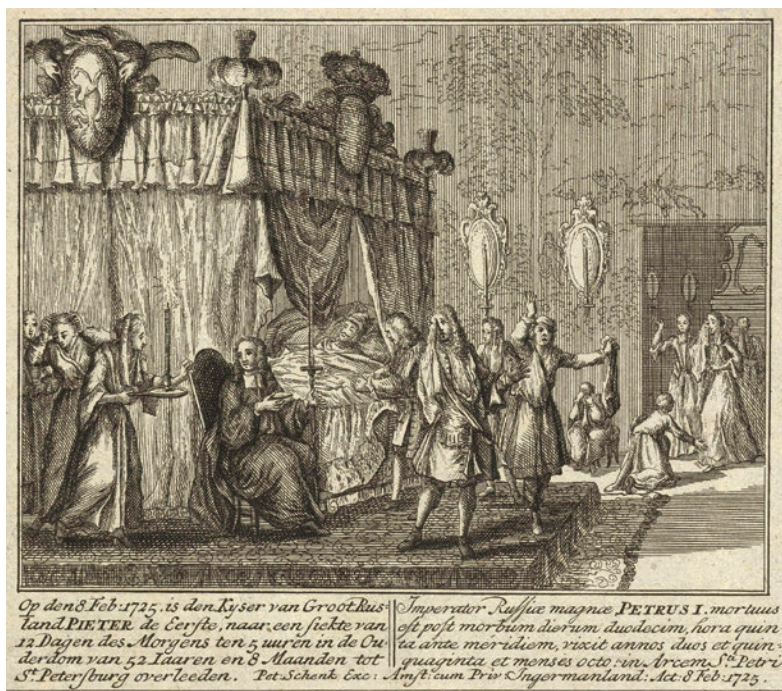
Согласно выводам компетентных специалистов Ленинградской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, изучивших материалы истории болезни Петра, смерть наступила в результате азотемии. По мнению медиков, у Петра было затрудненное мочеиспускание, которое явилось следствием аденомы предстательной железы или стриктуры уретры как результат воспалительного процесса в мочеиспускательном канале¹⁰.

Один из ведущих современных судебно-медицинских экспертов Ю. А. Молев считает, что за несколько часов до смерти Петр перенес острое нарушение кровообращения с кровоизлиянием в левое полушарие головного мозга как следствие очередного резкого повышения артериального давления¹¹.

В последнее время высказана точка зрения, что Петр в результате злоупотребления спиртными напитками болел хроническим гепатитом. Бесконтрольное самолечение минеральными водами усугубило проблему с мочеиспусканием. Ко всему этому добавилась наследственная предрасположенность к простудам. После обострения всех этих заболеваний в январе 1725 г. окончательную точку поставил инсульт. Справиться с несколькими болезнями организм царя был уже не в состоянии, и спасти государя не удалось¹².

Подробный анализ на основании различных источников содержит коллективная монография сотрудников Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова (Сеченовского университета). Не вдаваясь в подробное описание болезней царя с медицинской точки зрения, приведем лишь непосредственную причину смерти: «Отек головного мозга вследствие внутримозгового кровоизлияния, осложнившего хроническую болезнь почек с уремией»¹³.

Ходили даже слухи, что император был отравлен своей женой, с которой он якобы намеревался развестись и постричь ее в монашество. По словам немецкого дипломата А. Ф. Рабутина-Бусси, царица «не хотела допускать хирурга до вскрытия и бальзамирования трупа» и «сумела сыграть комедию прекрасно, ее плачу и вою не было конца, она не отрывала глаз от покойного, целовала его и с воплями падала в глубокий обморок, так что все присутствующие, которым положение дел не совсем известно было,

Ил. 1. Кончина Петра I. Гравюра из исторического календаря памятных дат за 1725 г. Гравюра Питера Шенка (младшего)

склонялись к состраданию, но другие с трудом удерживались от смеха»¹⁴.

Так или иначе, но 28 января (8 февраля по н. с.) 1725 г. после нескольких дней мучений Петр Великий скончался в Зимнем дворце (ил. 1).

В тот же день итальянский художник и скульптор Бартоломео Карло Растрелли, автор целого ряда изображений Петра I, был вызван во дворец для снятия гипсовых слепков с лица, рук и ног императора, а также для выполнения точных обмеров его тела (ил. 2).

Тело императора было вскрыто и забальзамировано. Биограф царя И. И. Голиков сообщает, что «врачи вскрыли тело усопшего императора... и после бальзамирования внутренности его снят с лица его гипсовый портрет»¹⁵. Польско-саксонский дипломат И. Лефорт пишет о тайном бальзамировании тела

государя¹⁶. Однако другие современники были иного мнения. Так, голландский резидент Я. де Вильде информировал Голландские Штаты о том, что 30 января открыли лицо императора, «но тело не бальзамировали и не вскрывали, при здешнем холоде оно продержится»¹⁷. Осведомленный камер-юнкер голштинского герцога и жениха цесаревны Анны Петровны Ф. Х. Берхгольц записал в своем «Дневнике» за 8 февраля: «Его королевское величество видел сегодня утром тело императора, которое уже почернело и попортилось»¹⁸.

«Труп покойного императора лежит еще на парадном ложе, несмотря на то, что он уже позеленел и течет. Раньше будущего воскресенья, как этого требует здешний обычай, его не положат в гроб: он поставится в той же зале на катафалк. Все желают, чтобы это совершилось. Императрица посещает своего покойного супруга еще ежедневно и оплакивает его»¹⁹, — писал в те дни в Берлин прусский посол Г. фон Мардефельд.

28 января 1725 г. о кончине императора Петра Великого и вступлении на престол императрицы Екатерины I был издан специальный манифест, который распространялся в народе, в том числе и в печатном варианте²⁰ (ил. 3).

Похороны Петра были беспрецедентны по масштабу. Ими занималась специально организованная Печальная комиссия (наследница Панафидного приказа), которую возглавил соратник Петра генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс.

После смерти Петра Великого его тело было выставлено в большой «сале» Зимнего дворца площадью 200 кв. метров, обтянутой изнутри черным сукном. Она была превращена в «Печальную салу» — *Castrum doloris* (по-латыни — «замок скорби»). На гравюрах А. И. Ростовцева «Вид погребальной залы

Ил. 2. Маска бронзовая посмертная императора Петра Великого. 1725 г. Отливка фабрики «BRACIA Łopieńscy» (Братья Лопеньские). Польша, Варшава. 1900 г. ВИМАИВиВС. Инв. № 5-801

М А Н И Ф Е С Т Ъ

ИЛИ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

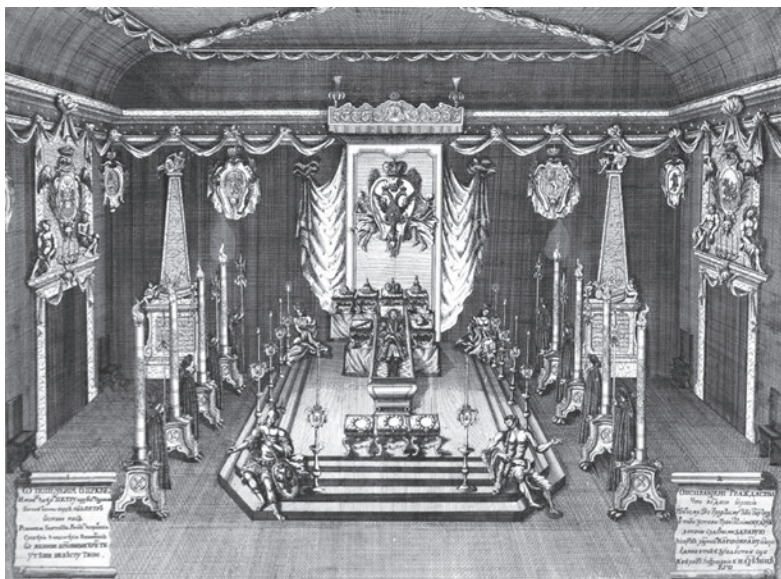
Вѣдомо да будетъ всѣмъ, что по волѣ Всемогущаго Господа Бога, Всепресвѣтлѣйшии, Державнѣйшии, ПЕТРЪ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, Отецъ Отечества, Государь Всемилостивѣйшій, чрезъ двенадцатидневную жестокою болѣзнью, отъ сего временнаго вѣвѣчное блаженство отыде. А о наслѣдствіи Престола Россійскаго, истокмо единаго Его Императорскаго Величества, блаженной и вѣчнодостойной памяти, Маніфестомъ Февраля 5 дня, прошлаго 1722 году, въ народъ объявлено, но и присягою подтвердили всѣ чины Государства Россійскаго, да бы бывъ наслѣдникомъ тому, кто по воли Императорской будетъ избранъ. А понеже въ 1724 году, удостоилъ Короною и Помазаніемъ Любезнѣйшую Свою Супругу, ВЕЛИКУЮ Государыню Нашу ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ АЛЕКСѢЕВНУ, за еѣ къ Россійскому Государству мужественныя труды, какъ о томъ довольно объявлено въ народъ печатнымъ указомъ прошлаго 1723 Года, Ноября 15 числа. Того для Правительствующи Сенатъ, и Святейшіи Правительствующи Синодъ, и Генералитетъ, согласно приказали, во всенародное извѣстіе объявить печатными листами, да бы всѣ какъ духовного, такъ воинскаго, и гражданскаго всякаго чина и достоинства люди о томъ вѣдали: И ЕИ Всепресвѣтлѣйшии, Державнѣйшии, Великой Государынѣ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ, Самодержицѣ Всероссийской, вѣрно служили.

Печатанъ
въ Санктпетербургѣ
при Сенатѣ Генваря 28, 1725.

Подлинной за подписаніемъ
Правительствующаго Сената,
и Святейшаго Синода, и
Генералитета.

Ил. 3. Манифест от 28 января 1725 г. о кончине императора Петра Великого и вступлении на престол императрицы Екатерины I.
АВИМАИВИНС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 22. Л. 85

Ил. 4. Вид погребальной залы Петра I. Гравюра А. И. Ростовцева (по рис. М. Г. Земцова). 1725 г.

Петра I» (1725) и С. М. Коровина «Оформление стены погребальной залы Петра I» (1725) видны элементы военной armатуры, составленной из доспехов, оружия и знамен, которой зал был декорирован. На гравюре Ростовцева по бокам от гроба с телом первого русского императора стоят офицеры в черных епанчах с алебардами в руках и своим внешним видом напоминают рыцарей в траурных одеждах²¹. С 13 февраля набальзамированное тело государя было выставлено в Печальной зале, оформлением которой занимался скульптор Н. Пино и художник Л. Каравак (ил. 4).

На императоре, лежавшем в гробу на высоком катафалке с пятью ступенями, обитыми бархатом и обложенными золотым галуном, была одежда ярко-пурпурного цвета с серебряным шитьем. Вокруг гроба была помещена государственная символика, регалии и ордена монарха. В зале также стояли аллегорические скульптуры и пирамиды, символизирующие подвиги и достижения царя, а над шестью дверями, ведущими в залу, были помещены гербы русских городов. Сделаны были украшения и скульптуры Печальной залы из дерева. Необыкновенным для того времени было полное отсутствие икон.

Рядом с телом дежурили 12 высокопоставленных вельмож — генералов и сенаторов. Тело с плачем и воплями постоянно осматривала толпа народа. Несмотря на то, что Петр запретил надгробные причитания и жестко следил за тем, чтобы на важных похоронах их не было, после его собственной смерти вой и рыдания сопровождали тело императора ежедневно. Причем самой причитающей была императрица Екатерина, которая приходила к телу мужа каждый день. Вице-адмирал Никита Вильбоа вспоминал: «Она проливала слезы в таком количестве, что все были этим удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой резервуар воды. [...] Многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была у тела своего мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает. Я знал двух англичан, которые не пропустили ни одного из 40 дней. И я сам, хотя и знал, чего стоят эти слезы, всегда бывал так взволнован, как будто бы находился на представлении с Андромахой»²². Екатерину много раз просили приказать закрыть гроб, но она отказывалась это делать.

4 марта от кори умерла великая княжна Наталья Петровна (1718–1725) — последний ребенок Петра и Екатерины. Гроб с ее телом был помещен в траурном зале, рядом с гробом отца.

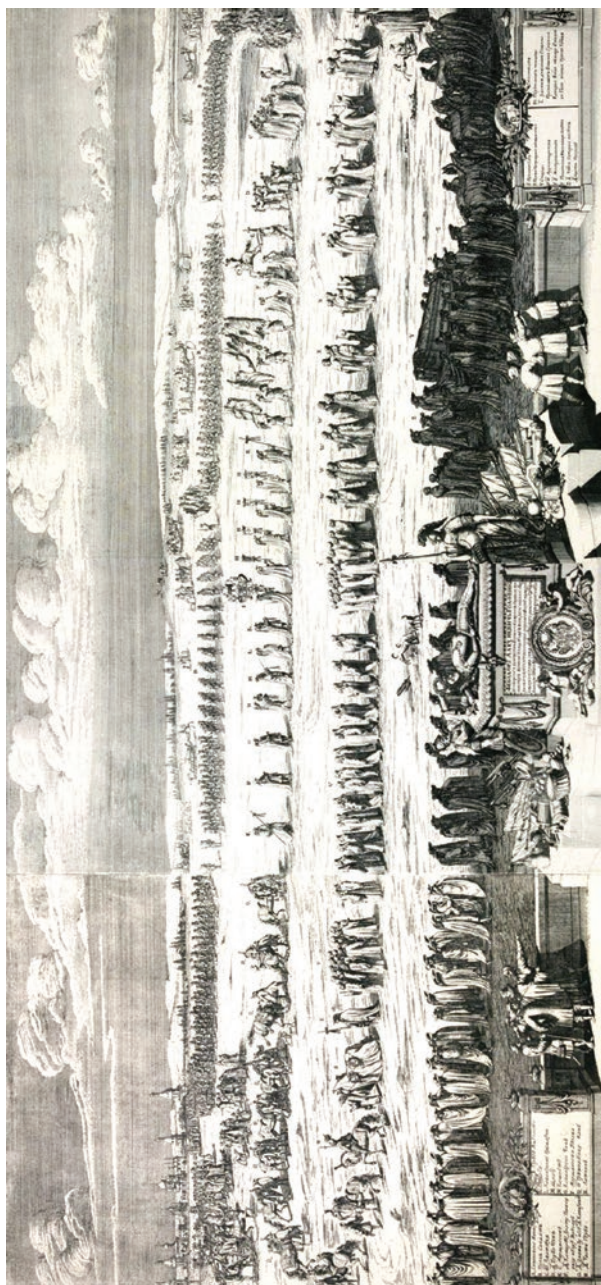
Для подготовки торжественного погребения тела почившего императора требовалось время. Я. В. Брюс прекрасно помнил, что в России церемониал геральдических похорон был строго регламентирован еще в конце XVII в. самим Петром I. Впервые его апробировали в 1699 г. во время погребения царского любимца генерала Франца Лефорта, а затем генерала Патрика Гордона. В обоих случаях в процессии участвовал латник с мечом наголо, а сопровождающие его лица несли символические доспехи, меч и гербовый щит усопших. Считается, что за образец были взяты похороны императора Священной Римской империи германской нации Карла V Габсбурга. Этот монарх скончался в монастыре Сан-Иеронимо де Юсте в горах Эстремадуры, куда удалился в 1557 г. после отречения от престола. Осенью следующего года Карл скончался и был погребен в монастырской церкви. В 1574 г. по распоряжению его сына короля Филиппа II останки императора были перенесены в усыпальницу испанских королей дворца-монастыря Сан-Лоренсо де Эскориал близ Мадрида. Однако в 1559 г. по всей необъятной габсбургской империи в самых крупных городах прошли символические похороны Карла V.

Для их организации был разработан точный геральдический церемониал, в основу которого были положены традиции бургундского двора эпохи герцога Карла Смелого. Наиболее пышная погребальная церемония состоялась в Брюсселе. Этому церемониалу стали следовать и другие западноевропейские дворы, а затем он в основных чертах утвердился и в России²³.

Как уже отмечалось выше, впервые погребальная процессия европейского образца была организована в России в 1699 г. Во время похорон Лефорта «капитан в латах на лошади, богато убранной, держал в руках обнаженную саблю с обращенным книзу острием», изображая, по-видимому, печального рыцаря²⁴.

При погребении генерал-адмирала Ф. А. Головина в 1706 г. в процессии также находился печальный рыцарь. На переднем плане гравюры П. Пикарта с видом похоронной процессии, напечатанной не ранее 1707 г., находится катафалк с эффигией — изображением усопшего в виде скульптуры или куклы. Погребальное ложе богато декорировано военной арматурой, гербом и посвятителем надписью царскому сподвижнику. Покойный граф Федор Головин лежит одетый в рыцарские доспехи без шлема. На его груди цепь ордена Святого Андрея Первозванного, в руке полководческий жезл. Голова покойного, над которой бог Марс держит лавровый венок, опирается на военную арматуру из стволов пушек, клинков и пистолетов. В ногах — богиня мудрости Минерва, вооруженная копьем и щитом. На второй линии гравюры движется процессия с гробом покойного, который везет шестерка лошадей. Впереди идет духовенство, певчие, монахи с зажженными свечами ассистенты с орденами, гербами и знаменами, трубачи и войска. С левой стороны на гравюре изображен рыцарь, верхом на лошади и с мечом в руке, который он держит рукоятью вверх. Погребение Головина происходило с театральной пышностью. Многие кафтаны и рыцарские доспехи («латы добрые всей воинской одежды») были заимствованы из театрального гардероба. В числе распорядителей находился и актер Артемий (Отто) Фюрст (по основной профессии «золотых дел мастер»), руководивший по распоряжению царя первым русским общественным театром — «Московской комедийной храниной» (ил. 5).

В погребальной церемонии Петра Великого появляются два персонажа, ранее не присутствовавшие в траурных кортежах петровских сподвижников. Это радостный и печальный рыцари.

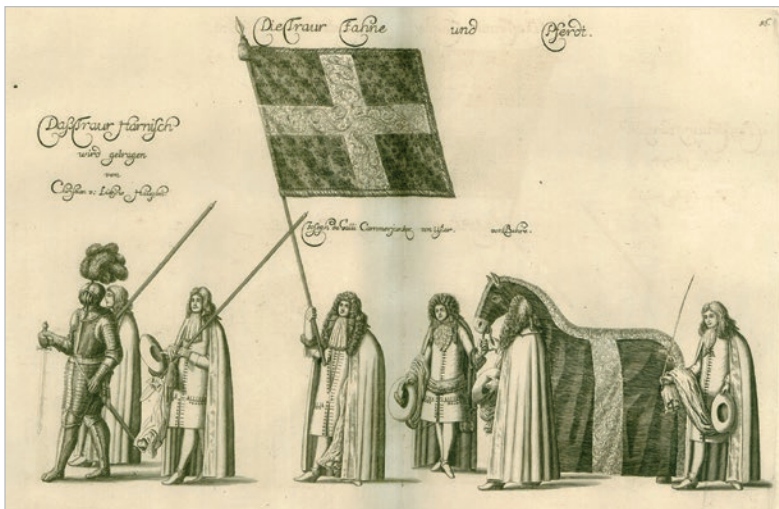
Ил. 5. Похороны А. Ф. Головина. Гравюра П. Пикарта. Не ранее 1707 г. Оттиск XVIII в.

Первый всегда следовал верхом на белой лошади в позлащенных доспехах, в руке он держал обнаженный меч острием вверх. Этот рыцарь символизировал нового государя («Король умер! Да здравствует король!»). Рыцарь в черных доспехах следовал в процессии пешком и олицетворял память об умершем монархе. Черный меч он нес острием к земле. Имеется также точка зрения, что латник в золоченых доспехах символизировал жизнь, светлое начало, а черный рыцарь олицетворял окончание земного пути, смерть²⁵.

28 декабря 1679 г. скончался герцог Иоганн Фридрих Брауншвейг-Люнебургский и князь Каленбергский из династии Вельфов. Его торжественные похороны состоялись в начале 1680 г. Ганноверский придворный советник и ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц принимал участие в разработке живописной программы помпезных государственных похорон. Чтобы запечатлеть это событие, Лейбниц специально вызвал из Гамбурга в Ганновер гравера И. Г. Ланге. Тот создал в общей сложности более 80 гравюр на меди, запечатлевших торжественную похоронную процессию. Лейбниц был знаком с Петром, неоднократно встречался, восхищался его реформами, вел с русским царем многолетнюю переписку. Супруга царевича Алексея Петровича кронпринцесса Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская также происходила из династии Вельфов и была тесно связана с Ганноверским домом. На листе № 55 описания похорон герцога Иоганна Фридриха изображен радостный рыцарь на коне, он вооружен шпагой и пистолетами в ольстрах, а в руке держит маршальский жезл. Его сопровождают пешком два трабанта, со снятыми шляпами и с протазанами на правых плечах, с опущенными вниз наконечниками. На следующем листе запечатлен печальный рыцарь, который несет в правой руке меч, обращенный острием вниз, рядом с ним такие же два трабанта (ил. 6–7).

Возможно разрабатывая церемониал печальной процессии, Я. В. Брюс мог ознакомиться с этим альбомом гравюр²⁶.

В любом случае, для изготовления многочисленных траурных атрибутов, печальных декораций, военной арматуры и прочих необходимых для торжественного императорского погребения предметов требовалось время. Выполняя сложнейшую задачу подготовить погребальную процессию в короткий срок, Я. В. Брюс воспользовался своими познаниями в области

Ил. 6–7. Похоронная процессия герцога Иоганна Фридриха Брауншвейг-Люнебургского и князя Каленбергского. Радостный и печальный рыцари (фрагмент). *Iusta Funebria Principi Joanni Friderico Brunsvicensium et Luneburge ... den 21. April... 1680 ... zu Hannover beygesetzt worden.* Rinteln: Gottfried Kaspar Wächter, 1685. Platte 55, 56

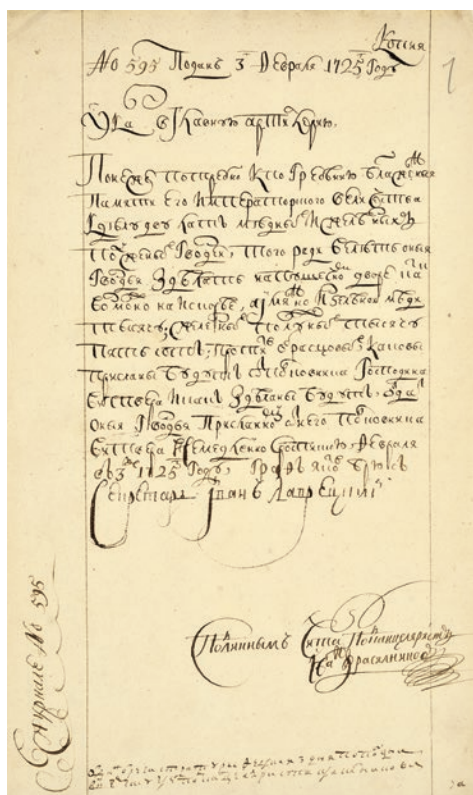
европейской геральдики и ритуалов, а также своими возможностями как главы высшего артиллерийского управления.

В архиве ВИМАИВиВС хранятся документы, озаглавленные «Дело по присланному из Сената указу об отпуске к погребению блаженный и вечнодостойная памяти Его Императорского Величества по требованию генерал-фельдцейхмейстера каких припасов. 1725 года»²⁷.

30 января 1725 г. в Главную артиллерию (так тогда именовалось высшее артиллерийское управление) был направлен указ императрицы Екатерины I и Сената о незамедлительной выдаче различных припасов для организации погребения Петра Великого по письменным требованиям генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса²⁸. Сведения о выданных к погребению припасах должны были фиксироваться в артиллерийском ведомстве с последующим донесением в Сенат²⁹. Если некоторых припасов не было в Главной артиллерии, то по распоряжению Я. В. Брюса их могли брать на Пушечном дворе и в артиллерийском цейхгаузе в Петропавловской крепости. Для этого их начальникам подполковнику Кругликову и капитан-поручику Кошелеву были посланы копии соответствующего указа³⁰.

Известно, что в погребальной процессии, шествовавшей из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость, тело государя сопровождали две символические фигуры рыцарей. Один из них в вызолоченных латах («радостный рыцарь») следовал верхом на коне, а другой, в черных латах («печальный рыцарь»), шел пешком: «В позлащенных латах из шталмейстеров Козма Теремичкой³¹ ехал на лошади с обнаженным мечом, на лошади седло шито с богатым убором, у того латника на шлеме, також и у лошади на голове и на хресте плюмажные кусты из красных и белых перьев; по обе стороны ево шли два драбанта в черном платье и епанчах с алебардами. В черных латах артиллерии капитан Валмут³² шел, держа меч вниз, обвит ефес черным флором, на голове плюмажный куст из черных же перьев». По прибытии процессии в собор святых апостолов Петра и Павла во время отпевания оба рыцаря стояли «во главах гроба»³³.

Сохранился указ графа Я. В. Брюса в Главную артиллерию от 3 февраля 1725 г. об изготовлении на Пушечном дворе гвоздей для двух доспехов («печального» и «радостного» рыцарей), необходимых для оформления погребальной церемонии императора Петра Великого (ил. 8). 3 февраля 1725 г. в Главной артиллерии

Ил. 8. Указ графа Я. В. Брюса в Главную артиллерию от 3 февраля 1725 г. об изготовлении на Пушечном дворе гвоздей для двух доспехов («печального» и «радостного» рыцарей), необходимых для оформления погребальной церемонии императора Петра Великого. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 107. Л. 7

был получен указ Брюса: «Понеже потребны к погребению блаженныя памяти его императорского величества к делу двух лат медных и железных полуженых гвоздей, того ради велеть оныя гвозди сделать на Пушечном дворе как возможно наискорее, а имянно из зеленой меди тысячу, железных полуженых тысячу пятьсот против обрасцовых, каковы присланы будут от полковника господина Витвера³⁴, и как сделаны будут, отдать оныя гвоздья присланному от него, полковника Витвера немедленно с роспискою»³⁵. Гвозди для доспехов велено было делать «денно и ночью», и мастера выполнили заказ за сутки — с 3 по 4 февраля 1725 г.³⁶ Благодаря этому документу становится понятно, что доспехи для

печального и радостного рыцаря были изготовлены специально для церемонии императорских похорон. Их не позаимствовали на время в арсенале, где наверняка имелись латные трофеи, захваченные в прибалтийских и северогерманских крепостях во время войны со шведами.

Сохранилось изображение радостного и печального рыцаря в погребальной процессии Петра Великого. В отделе рукописей

Ил. 9. Церемония о погребении Его Императорского Величества Петра Великого и Государыни Цесаревны Наталии Петровны. Фрагмент с изображением радостного и печального рыцарей. 1725 г. ОР РНБ. Ф. 712 (Собрание рисунков). Д. 1584

Российской национальной библиотеки хранится девятиметровая рукопись 1725 г., озаглавленная «Церемония о погребении Его Императорского Величества Петра Великого и Государыни Цесаревны Наталии Петровны», нарисованная и написанная на бумаге, а затем наклеенная на свиток ткани³⁷ (ил. 9). На ней достаточно примитивно изображены два рыцаря. На коне «в позлащенных латах, с обнаженным мечем, из придворных Козма Теремницкой». Забрало на рыцарском шлеме открыто, меч с рукояткой шпажного типа. Лошадь ведут под уздцы двое гвардейцев, за которыми следуют два офицера, со склоненными вниз алебардами, увитыми черным флером. Далее идет пешком второй рыцарь «в латах черных артиллерии капитан Петр Вилмус». Забрало украшенного сине-красным плюмажем шлема открыто. Доспех покрыт многочисленными заклепками (на них-то, наверное, и пошли медные гвозди, изготовленные на Пушечном дворе). В правой руке рыцарь держит гарду поднятого острием вверх меча, клинок которого на рисунке не сохранился.

Поскольку требовалось большое количество паникадил и подсвечников как для Печальной залы, так и для часовни в Петропавловском соборе, где должны были разместить до окончания строительства храма гробы императора и его дочери, к этим и другим работам, которые производила Главная артиллерия, были привлечены паникадильные мастера Иван Широкой и Василий Филиппов, медных дел мастер Семен Терентьев, оружейного дела мастер Михайло Колтыкеев. Им помогали паникадильные ученики Никита Мелентьев, Алексей Семенов и Василий Сивцов, инструментальные ученики

Иван Астафьев, Андрей Молчанов, Матвей Иванов, Родион Бронников и Дмитрий Данилов, а также котельные ученики Матвей Иванов, Емельян Карпачев, Федор Кувшинов, Захар Бирюков. Группу кузнецов возглавлял кузнечный мастер Марк Реэр. Под его началом были подмастерья Иван Григорьев и Никола Аврамов, кузнецы Никита Иванов, Иван Замятин, Яков Меледин, Тихон Ковалев, Иуда Михайлов, Максим Калашников, Иван Баранов, Вавило Храмцов, Антип Мохов, Иван Максимов, Леонтий Будов, Семен Сапрыков, Аверьян Пахулин, Петр Антипов, Василий Григорьев, Терентий Кузьмин, Прокофий Турусов, Конон Алемасов, Прокофий Обертышев, Иван Михайлов, Игнатий Андреев, Никита Стариков, Максим Чигаев, Фаддей Горбунов, Петр Печник, Дмитрий Бирюковин, Емельян Каменщиков, Михайло Ксенофонтов, Афанасий Земляницын. Можно предположить, что некоторые из них были задействованы при изготовлении доспехов. К работам были привлечены четыре слесаря — Федор Батырев, Афанасий Батырев, Иван Яковлев и Семен Стыров. Возможно, что они занимались сборкой доспехов. Скорее всего, на строительстве помоста с перилами от Почтового двора (в районе современного Марсова поля) до Петропавловских ворот для шествия процессии, а также на возведении часовни внутри храма работали пять пильников (плотников) — Ермола Астафьев, Иван Серков, Иван Андросов, Савелий Матвеев и Яков Косолапов³⁸.

Возможно, мастера Главной артиллерии принимали участие и в создании Печальной залы. По подсчетам исследователя Г. В. Михайлова, к этим работам были привлечены 75 мастеров, к которым позднее присоединились еще 64 человека из Адмиралтейства, Канцелярии от строений и других ведомств³⁹.

Мастеру паяльного дела Михайле Филиппову из Пушечного двора было отпущено шесть листов белого двойного железа на изготовление жестяных подсвечников, еще два листа железа и железная проволока были выданы тому же мастеру «на дело образцовой алебарды». Колесного и «столошного» (столешного) дела мастер Иван Иванов получил задание спешно изготовить десять больших деревянных подсвечников. Для работы ему выдали бревна из липы двух саженей длиной и восьми и девяти вершков толщиной, а также листовое железо и проволока. Припасы были отпущены по словесному приказу Я. В. Брюса, переданному через сержанта артиллерии Богдана Норова⁴⁰.

Образцовая алебарда была, вероятно, изготовлена, чтобы задействованные в процессии многочисленные (только в первой группе открывающей шествие следовали 25 гвардейцев) офицеры могли подобрать и украсить черным флером аналогичное оружие⁴¹.

Во время шествия погребальной процессии велась пушечная и ружейная стрельба, для ведения которой из петербургского цейхгауза было выдано пороха пушечного 68 пудов и 9 пудов 5 фунтов ручного, а также 8 пудов фитилю, 6 пудов пеньки, пакли на пыжи 10 пудов⁴². Как только печальная процессия стала выходить из Зимнего дворца, началась пушечная стрельба: «И когда с телом Его Императорского Величества из Салы в двери вступили, тогда пополудни в исход второго часа третий сигнал учинен был. И от того часа пушечная стрельба продолжалась таким образом, что в каждую минуту по одному выстрелу как с крепости, так и из Адмиралтейства, пока гробы до церкви принесены были»⁴³. Ружейная стрельба началась уже в конце церемонии: «По прибытии процессии в церковь, гвардия и прочие полки поставлены по фортеции на городской стене, и оные по сигналам во время того погребения стреляли беглым огнем три раза. Первое, как прочтено было Святое Евангелие. Второе, во время славника «плачу и рыдаю». Третий раз, как землю посыпали Тело Его Величества»⁴⁴.

Таким образом, артиллерийское ведомство Российской империи во главе с генерал-фельдцейхмейстером графом Я. В. Брюсом приняло непосредственное и активное участие в организации похорон Петра Великого. Мастера Главной артиллерии разных профессий трудились над созданием различных предметов, задействованных в печальной церемонии, — от рыцарских доспехов до паникадил. Ряд мастеров был подключен к устройству Печальной залы, помоста через Неву и часовни в недостроенном соборе. Погребальный салют из пушек и ружей был обеспечен из пороховых запасов столичной артиллерии. Я. В. Брюс осуществлял общее руководство, им же была разработана церемония похорон.

Сами похороны Петра Великого и его дочери состоялась 10 марта 1725 г. Его тело везли от Зимнего дворца через лед Невы в Петропавловский собор. Почетный караул составлял почти 11 тысяч человек, а процессия делилась на 14 отделений, во главе каждого из которых шли церемониймейстер и маршал.

При этом все участники были расписаны по парам, из которых один был русским, а другой — иностранцем на русской службе. Шествие открывал и закрывал конный эскорт. Траурная колесница, поставленная на санные полозья, была запряжена восемью лошадьми в черных пополах. По сторонам от нее шли 60 гвардейских бомбардиров с зажженными свечами. Над гробом 10 штаб-офицеров несли богатый балдахин на литых серебряных древках с гербами. Его покров придерживали за кисти два полковника. Траурное шествие сопровождали 200 священнослужителей. За колесницей несли царские регалии. За ними следовали императрица, члены семьи Петра, высший генералитет, придворные и другие официальные лица по старшинству (все в черном). Была сильная метель, но Екатерина, поддерживаемая А. Д. Меншиковым и Ф. М. Апраксиным, шла за гробом пешком. Перед гробом великой княжны Натальи шли два маршала с жезлами, а за ним несли ее корону, ордена и регалии.

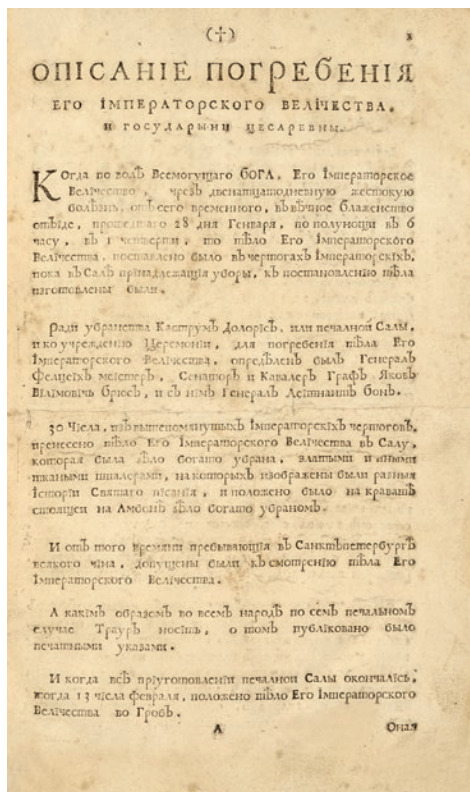
Церемония была сложной и длинной; весь Петербург тогда был убран в траур. Процессия шла по деревянному помосту через Неву — от Зимнего дворца к крепости, а далее в собор. По сторонам ее стояло 1250 гренадер с факелами. На Иоанновском мосту кортеж был встречен комендантом крепости, а на паперти собора — членами Святейшего Синода. При входе в собор выставили караул. Иностранных дипломатов в собор не пустили.

Гроб с телом почившего императора установили в Петропавловском соборе, где состоялось прощание. Надгробную речь произносил вице-президент Священного Синода архиепископ Феофан Прокопович. Тогда и прозвучали знаменитые его слова: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!»⁴⁵. Однако тело императора захоронено в землю не было. Погребение состоялось лишь символически: горсть земли кинули на крышку гроба, так как усыпальница для императора не была еще готова, как и весь собор. Гроб был помещен во временную деревянную часовню, сооруженную по проекту Д. Трезини. Рядом поставили гробик шестилетней дочери императора Натальи. При гробе Петра почетный караул стоял еще шесть недель. Траур по императору был объявлен сроком на год. В 1727 г. к гробу Петра присоединился еще один, с телом его супруги Екатерины I, скончавшейся от гнойной пневмонии. Только 29 мая 1731 г., по распоряжению императрицы Анны Иоанновны, состоялись их похороны. Сама государыня при погребении

августейшего дяди и его супруги не присутствовала, так как находилась в это время в Москве. Под орудийный салют в 51 выстрел оба гроба поместили в двойной склеп в южном нефе собора⁴⁶.

Через некоторое время в Санкт-Петербурге (в 1725 г.) и Москве (в 1726 г.) вышла книга «Описание порядка держанного при погребении блаженныя, высокосланныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского и блаженныя памяти Ея императорского высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны». В собрании ВИМАИВиВС сохранился экземпляр этого уникального печатного издания (ил. 10).

После завершения печальных церемоний государственные регалии, многочисленные знамена, щиты с гербами, военная арматура, оружие, балдахины, элементы траурных одеяний и прочие предметы были помещены на хранение в различные учреждения. Так, например, предметы, оставшиеся после печальных мероприятий, связанных с кончиной императрицы Елизаветы Петровны, были распределены от Оружейной палаты Московского Кремля до столичных церквей⁴⁷. Как правило, атрибуты похоронной процессии старались сохранить и по возможности использовать

Ил. 10. Описание порядка, держанного при погребении... Петра Великого. Санкт-Петербург, 1725. Научная библиотека ВИМАИВиВС. № 32770

в дальнейшем при организации прощания с другими представителями царской династии⁴⁸.

Доспехи, скорее всего, были отправлены в Цейхгауз Петропавловской крепости либо в один из гарнизонных магазинов. Скорее всего, эти же доспехи использовали при погребении императриц от Екатерины I (1727) и Елизаветы Петровны (1762). Известно, что после похорон императрицы Елизаветы Петровны рыцарские доспехи были помещены в Достопамятный зал.

Дальнейшая история этих доспехов интересна, а порой и загадочна. Действительно, в описи Достопамятного зала отмечена пара доспехов, которая использовалась в траурной процессии, сопровождавшей в последний путь «дщерь Петрову» в 1762 г.: «Рыцари, два, печальных, в черных латах. При них 2 больших меча и 1 малый. Означенные латы были в употреблении при погребении им. Елисаветы Петровны»⁴⁹.

При погребении государей от Екатерины I и до Павла I церемония погребения оставалась практически неизменной.

В специальной «Траурной комнате» Достопамятного зала хранились предметы «печальной церемонии погребения императора Николая I». В их числе были гербы, знамена, штандарты, жезлы, государственные мечи, а также латы «печального» и «радостного» рыцарей («Рыцари, два, с мечами, один вызолоченный, другой в черных латах»). В этой же комнате хранились «вещи, бывшие в употреблении при погребении тела в Бозе почившего императора Александра I», скорее всего, те же доспехи использовались при императорских похоронах как в 1825, так и в 1856 гг.⁵⁰

На гравюре А. И. Свечина при возможном участии М. И. Махаева «Погребальная процессия императрицы Елизаветы Петровны» изображены радостный и печальный рыцари⁵¹.

На пятнадцатиметровом рисунке «Вторичные похороны Петра III, 2 декабря 1796 г.», выполненным неизвестным итальянским мастером, запечатлена погребальная процессия, шествующая из Александро-Невской лавры по Невскому проспекту в Зимний дворец (ил. 11). Как известно, после гибели Петра III его тело, облаченное в форму голштинского драгуна, было похоронено в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Император не был венчан на царство, поэтому похороны были проведены достаточно скромно и не в царской усыпальнице. 19 ноября 1796 г. в Благовещенской церкви прах Петра III был

Ил. 11. Траурная процессия 2 декабря 1796 г. — перенос праха Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец. Фрагмент. Неизвестный художник. Государственный Эрмитаж

положен в новый гроб с императорскими гербами, на который Павел возложил корону. В тот же день в Зимнем дворце была осуществлена повторная коронация праха Екатерины II. При переносе гроба Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец, где должны были быть на несколько дней выставлены для поклонения останки супругов, оставшиеся в живых убийцы императора следовали за гробом, причем граф А. Г. Орлов нес корону. 18 декабря 1796 г. состоялось погребение императора в Петропавловском соборе. При совместных похоронах Петра III и Екатерины II рыцарем в «позлащенных» латах был капитан Манштерн, а печальным латником в черных латах, держащим обнаженный меч вниз с эфесом, обвитым черным флером, — капитан Иван Дерюгин.

В собрании Государственного Эрмитажа сохранилось изображение этих необычных совместных похорон. В процессии перенесения царских гробов во дворец запечатлены два рыцаря. Радостный рыцарь едет на белом коне, покрытом золоченой попоной. Он одет в золотые пластинчатые доспехи, на голове гребнистый шлем с открытым забралом и белым плюмажем. Наколенники украшены маскаронами в виде человеческих лиц. В правой руке у рыцаря тяжелый клинок, напоминающий саблю. С левой стороны от него, практически параллельно, следует пешком печальный рыцарь. Он одет в черный чешуйчатый доспех, наподобие карацены⁵². На голове у него гребнистый шлем с открытым забралом и черным плюмажем. В правой руке «меч» с сабельным клинком, за спиной щит и, возможно, колчан с луком и стрелами. Все вооружение также

черного цвета. Изображения рыцарей выглядят достаточно фантастичными, как, впрочем, и сама процессия и проспект, по которому она движется. Возможно, что художник нарисовал ее по чьему-то рассказу, а сам при этом не был очевидцем⁵³.

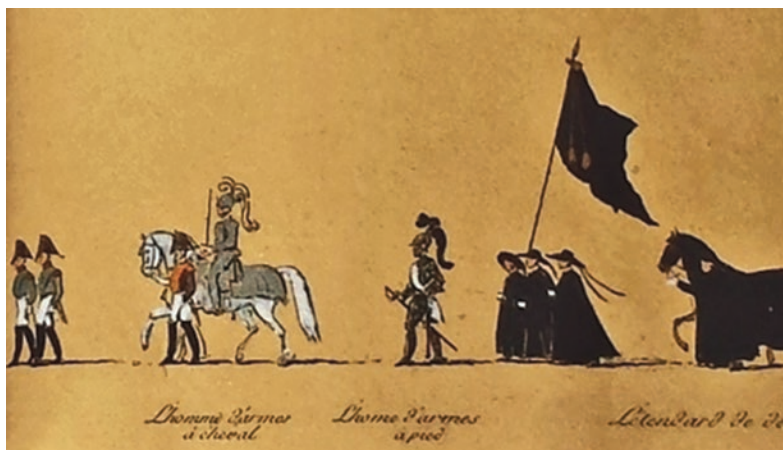
После того как в Таганроге скоропостижно скончался император Александр I, на заседании Кабинета министров 28 ноября 1825 г. было принято решение учредить Печальную комиссию для подготовки похорон. Спустя несколько дней она отправила запрос в Артиллерийский департамент Военного министерства о передаче двух лат, «употребленных в бывшую печальную процессию при погребении государя императора Павла I». Одновременно Печальная комиссия обратилась в Придворную конюшенную контору с просьбой прислать двух служащих для подгонки лат по их росту. «Черным» латником был назначен вагенмейстер титулярный советник Николай Филиппов, а «золотым» — унтер-берейтор Исаков 3-й. Однако присланные из Санкт-Петербургского арсенала доспехи были признаны комиссией слишком тяжелыми, а шествовать латникам предстояло дважды (в Москве и в Петербурге) и на весьма значительное расстояние. Новые латы «сколь возможно легче» были заказаны в Санкт-Петербургском арсенале 4 декабря 1825 г. по образцу старых, но только из облегченного материала — латуни. Мягкие части костюма рыцарей заказали из лифляндской замши у столичного перчаточника Гунгера.

В конце декабря Николай I принял решение использовать старые латы в печальной церемонии в Москве, а вновь заказанные латы — при погребении Александра I в Санкт-Петербурге. В арсенал было направлено распоряжение с требованием отремонтировать старые латы и изготовить для их перевозки специальный ящик.

К 4 февраля старые латы были доставлены в Москву. После окончания процессии доспехи были тщательно упакованы и возвращены обратно в Санкт-Петербургский арсенал, где помещены на хранение в Достопамятный зал. По возвращении в Санкт-Петербург доспехи ремонтировали, а страусовые плюмажи изготовили новые.

К середине февраля были готовы новые латы, и 23 февраля 1826 г. они были выданы под роспись титулярному советнику Н. Филиппову.

Всего на изготовление новых и на исправление старых доспехов, а также на изготовление мечей и ящиков для отправки доспехов в Москву было потрачено 654 рубля 82 копейки.

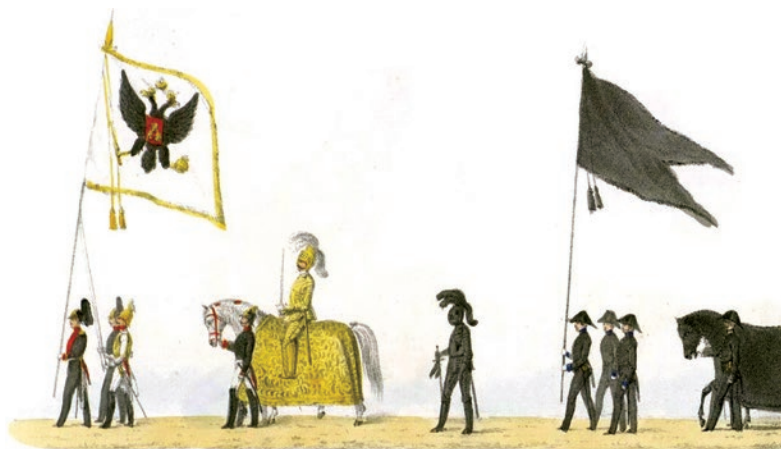

Ил. 12. Радостный и печальный рыцари в погребальной процессии императора Александра I. 1826 г. Фрагмент. *Cortège funebre de feu S.M. (Sa Majeste) L'Empereur Alexandre I-er, de glorieuse memoire. Saint-Petersbourg, de la typographie de A. Pluchart, 13 Mars, 1826*

6 марта 1826 г. «печальный» и «радостный» рыцари в новых доспехах сопровождали процессию с гробом от границы Петербурга в районе Чесменского дворца и до Казанского собора. Весь путь печального кортежа занял четыре часа и оказался очень утомительным. Один из латников от тяжести наряда (сделанного из легкой латуни!) чуть не свалился с лошади и харкал кровью (ил. 12).

Порядок шествия к месту погребения Александра I был утвержден Николаем I. Длина пути составляла 1735 сажень (от Казанского до Петропавловского собора). Траурное шествие началось утром 13 марта 1826 г. В нем также участвовали те же два рыцаря, за что позднее получили по ордену Святой Анны 3-й степени⁵⁴. Доспехи были переданы на хранение в Достопамятный зал.

В описании зала, сделанного подполковником В. А. Эрдманом в 1838 г., в комнате № 7 перечислены предметы, бывшие в употреблении при печальных церемониях. Среди них два комплекта лат (черных и позолоченных) рыцарей, которые следовали в погребальном кортеже императрицы Елизаветы Петровны и императора Александра I. При погребении императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, а также цесаревича Константина Павловича были задействованы только печальные рыцари⁵⁵.

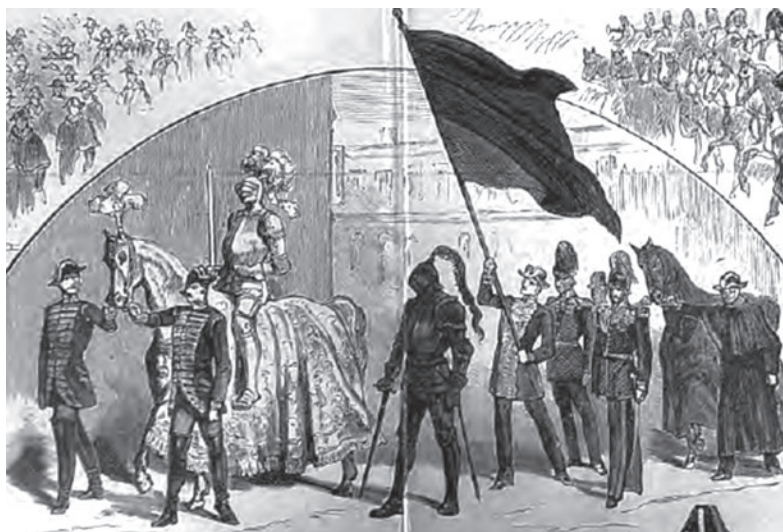
Ил. 13. Похоронная процессия Николая I. Радостный и печальный рыцари (фрагмент). Описание погребения блаженной памяти императора Николая I, с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров Всероссийских и некоторых других европейских государей. СПб., 1856 г.

Сохранилось изображение рыцарей в альбоме «Траурный corteж блаженной памяти Его Величества Императора Александра I. Санкт-Петербург. 13 марта 1826 года», изданном на французском языке⁵⁶.

В погребальной процессии императора Николая I под № 78 следовал «латник в позолоченных латах на лошади, с богатым чепраком и тому принадлежащим убором, с обнаженным мечем, лошадь ведут два конюха в парадной ливрее». Сохранились сведения, что радостным рыцарем был унтер-шталмейстер Гарниш. Далее (№ 79) шел «латник пеший, в черных латах, с обнаженным и опущенным вниз мечем; эфес обвит черным флером»⁵⁷ (ил. 13).

Вероятно, церемониал погребения Николая I стал образцом при составлении порядка проведения печальных шествий Александра II и Александра III. Даже описания рыцарей в тексте церемониалов не менялись⁵⁸ (ил. 14).

В «Описи Артиллерийского музея» (в так называемых «Красных книгах», названных по цвету переплета), составленных в 1882 г. заведующим музеем Н. Е. Бранденбургом, доспехи рыцарей из императорских погребальных процессий уже отсутствуют. Так, в разделе, посвященном европейскому защитному

Ил. 14. Радостный и печальный рыцари в погребальной процессии Александра II. Фрагмент. Худ. К. О. Брож. 1881 г.

вооружению, упомянуты лишь одни «латы нагрудные железные, вызолоченные сплошь». К ним крепится защита бедер из железных полос, украшенная шляпками. Наручи, поножи и шлем не сохранились⁵⁹.

Таким образом, две пары доспехов (железные и латунные) радостного и печального рыцарей находились в Достопамятном зале до 1862 г., когда было составлено «Описание...» И. Д. Талызина. В «Описи...» (1882) Н. Е. Бранденбурга они уже отсутствуют.

Исчезновение доспехов было связано, скорее всего, с тем, что в 1865 г. Главное артиллерийское управление вынуждено было уступить здание старого арсенала, где находился Достопамятный зал, Министерству юстиции для размещения Городского суда. Для музейного собрания наступил тяжелый период. Нужно было срочно освободить занимаемое помещение, а нового, подходящего по размерам и качеству, не оказалось. В 1866 г. было принято решение о переводе коллекции Достопамятного зала в только что отстроенное здание Нового Арсенала в Кронверке. Однако артиллерийское ведомство решило произвести предварительный отбор предметов. Созданная для этой цели комиссия,

состоящая, к сожалению, из невежественных людей, должна была решать судьбу собранных за более полутора столетий памятников. Далее события начали развиваться как в фантастическом романе. К «недостопамятным» предметам были отнесены старые алебарды, протазаны, серебряные трубы и тому подобное. Так называемые непрофильные памятники были распределены по 17 учреждениям, вплоть до Конюшенной конторы и бутафорской части театров, остальные предназначались к уничтожению и распродаже⁶⁰. Музею удалось избежать неминуемой гибели только благодаря вмешательству военного министра Д. А. Милютин⁶¹. Правда, есть сведения, что раздача предметов была уже прекращена после посещения Достопамятного зала 24 марта 1867 г. императором Александром II.

Фрагменты латунных доспехов обнаружили более тридцать лет назад при реставрации помещений циркумференции (служебных флигелей, опоясывающих двор) Екатерининского дворца в Царском Селе. Скорее всего, они находились там под полом со времен Великой Отечественной войны. Долгое время принадлежность этих предметов оставалась невыясненной. Благодаря исследованию научного сотрудника Государственного музея-заповедника «Царское Село» В. А. Векшина было установлено, что эти латы относились к церемонии погребения императора Александра I⁶².

Доспехи были обнаружены в поврежденном состоянии (особенно пострадал доспех печального рыцаря), имелись многочисленные утраты, шлемы сохранились лишь фрагментарно. С 2016 г. на средства и силами Царскосельской янтарной мастерской доспехи были

Ил. 15. Радостный рыцарь. 1826 г. Государственный музей-заповедник «Царское Село»

Ил. 16. Печальный рыцарь.
1826 г. Государственный
музей-заповедник
«Царское Село»

отреставрированы. В настоящее время они выставлены в экспозиции павильона «Арсенал» в Александровском парке Царского Села.

Второй комплект железных («жестяных») доспехов печального и радостного рыцарей в 1873 г. был передан из Артиллерийского музея в Оружейную палату согласно отношению Московской придворной конторы. В 1884 г. они были опубликованы в Описи Московской Оружейной палаты под № 5051 и 5052 и значились там как доспехи, «служившие при погребении в бозе почившего императора Николая Павловича». С ними же поступили и железные палаши с деревянными рукоятями, изображавшими мечи, и портупей к ним. В 1881 г. позолоченный доспех был передан в Придворное Конюшенное ведомство⁶³. В настоящее время в Музеях Московского Кремля хранится облачение только печального рыцаря⁶⁴. Основные части этого доспеха выполнены из жести, и лишь некоторые детали сделаны из латуни. Возможно, данный доспех использовался еще в церемониях перезахоронения Петра III в 1796 г. и похорон

Павла I в 1801 г., а доделки из латуни были выполнены в 1826 г., одновременно с изготовлением новых доспехов из латуни, хранящихся в настоящее время в ГМЗ «Царское Село» (ил. 15–16).

Таким образом, можно заключить, что одного комплекта доспехов (железного) печального и радостного рыцарей Артиллерийский музей лишился в 1873 г. Возможно, что их отправка в Москву была связана с проведением грандиозной Политехнической выставки у стен Кремля. На ней было представлено большое количество музейных экспонатов, имевших огромное историческое значение. Некоторые из этих раритетов по завершении работы выставки

не были возвращены по месту их первоначального нахождения, а некоторые могли быть перепутаны местами⁶⁵.

Второй комплект доспехов (латунный), скорее всего, был взят из Достопамятного зала либо во время «чистки» его от непрофильных предметов перед переездом в Новый Арсенал в Кронверке (1866–1868), либо для похорон императора Александра II в марте 1881 г. Можно предположить, что эти латы оказались в каком-то из придворных ведомств. Затем, после революции или немного позднее — в 1920–1930-е гг. они были переданы в музей Царского Села.

¹ Ефимов С. В. Болезни и смерть Петра Великого // Ораниенбаумские чтения. Сборник научных статей и публикаций. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 151–167.

² Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. (Донесения саксонского советника посольства при русском дворе Иог. Лефорта, 1721–1727 гг.) // Сборник Русского Императорского исторического общества (далее: Сб. РИО). СПб., 1868. Т. 3. С. 332.

³ Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского. СПб., 1831. С. 2.

⁴ Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте маркизом де Бонаком с 1723 по март месяц 1725 г. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 52. С. 415.

⁵ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 554; См. также: Лелина Е. И. Лахтинский подвиг Петра I: Легенда и действительность // Петербургские чтения 98–99. Энциклопедическая библиотека «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1999. С. 620–624.

⁶ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии: (Донесения прусского посланника при русском дворе Густава Мардефельда, 1721–1730 гг.) // Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 249.

⁷ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1838. Т. IX. С. 147.

⁸ Рихтер В. История медицины в России. М., 1820. Ч. 3. С. 94.

⁹ Куприянов Н. История медицины в царствование императора Петра Великого. СПб., 1872. С. 16.

¹⁰ Яковлев Г. М., Аникин И. Л., Трохачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12. С. 57–60; Зимин И. В., Смирнов А. В., Аль-Шукри С. Х., Лукичев Б. Г. Последняя болезнь и смерть Петра Великого // Нефрология. 2003. Т. 7. № 2. С. 88–92.

¹¹ Молев Ю. А. История Дома Романовых глазами судебно-медицинского эксперта. СПб., 2022. С. 106.

¹² Морохин А. В. Придворная медицина в России в петровскую эпоху. 1683–1733 гг. М., 2024. С. 316–318.

¹³ Виноградов Д. Л., Виноградова Ю. Е., Проценко Д. Д. История болезни и смерти Петра Великого. М., 2025. С. 125.

- ¹⁴ Abgestatteter Bericht and den romischskaiserlichen Hof von der rusischen Kaiserin Katharina der ersten Herkunft und Gelangung zum Thron // *Magazin für die neue Historie und Geographie*. Halle, 1777. V. 11. S. 497.
- ¹⁵ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. С. 140, 147.
- ¹⁶ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. Т. 3. С. 402, 406.
- ¹⁷ Шмурло Е. Ф. Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I: (По данным Государственного архива в Гааге). Казань, 1913. С. 9.
- ¹⁸ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. М., 1903. Ч. 4. С. 121.
- ¹⁹ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии: (Донесения прусского посланника при русском дворе Густава Мардефельда, 1721–1730 гг.). С. 261.
- ²⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 22. Л. 85.
- ²¹ Алексеева М. А. Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 164–165. См. также: Базарова Т. А. Описание Печальной залы Петра Великого из собрания Н. П. Лихачева // *Вспомогательные исторические дисциплины*. № 2. 2024. Т. 43. С. 89–108.
- ²² Вильбуа Н. П. Рассказы о российском дворе / Пер. Г. В. Зверевой // *Вопросы истории*. 1992. № 1. С. 151.
- ²³ Ракова А. Л. Придворный праздник как политика и искусство // *Праздник — любимая игрушка государей. Торжества и празднества в европейской гравюре XVI–XVIII столетий из собрания Эрмитажа*. Каталог выставки. СПб., 2004. С. 14; Прокопьев А. Ю. 1725 год и опыт мемориальных изданий в Российской империи // *Российская история*. 2017. № 3. С. 61, 63–64.
- ²⁴ Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // *Рождение империи. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.* М., 1997. С. 134. Исследовательница М. О. Логунова упоминает об участии в процессии еще и радостного рыцаря в золотых доспехах, однако ссылок на полученную информацию не предоставляет (Логунова М. О. *Печальные ритуалы императорской России*. М., 2011. С. 60).
- ²⁵ Логунова М. О. *Печальные ритуалы императорской России*. С. 60.
- ²⁶ *Iusta Funebria Principi Joanni Friderico Brunsvicensium et Luneburge ... den 21. April... 1680 ... zu Hannover beygesetzt worden*. Rinteln: Gottfried Kaspar Wächter, 1685. Platte 55, 56.
- ²⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 107.
- ²⁸ Там же. Л. 2.
- ²⁹ Там же. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Л. 4–6 об.
- ³¹ Теремичкий (Теремицкой) Козьма (Кузьма) Иванович (1675–1745), в «комнатном чине» (с 1694), в распоряжении Приказа Большого двorca (с 1702), майор (в 1727), шталмейстер, в распоряжении Главной дворцовой канцелярии (1727–1735), в 1735–1737 гг. воевода в Козлове, управитель дворцовых волостей (1739–1742) (Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 629).

- ³² Валмут (Вильмут) Петр, капитан артиллерии, в 1729 г. послан с 12 другими чинами артиллерийского ведомства на царицынскую линию.
- ³³ Описание порядка державного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго императора и самодержца Всероссийскаго, и блаженныя памяти ея императорскаго высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны. Печатано в Санктпетербурге при Сенате лета господня 1725 г. (Далее — Описание). СПб., 1725. С. 19, 28.
- ³⁴ Витвер (Витфер) Матвей, штык-юнкер, поручик артиллерии (в 1706), майор, затем подполковник (с 1719), генерал-майор (с 1727). В «Повседневных записках делам князя А. Д. Меншикова» под 4 января 1727 г. назван также «полковником от фортификации» (Список военным генералам со времен императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного Министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года. СПб., 1809. С. 29).
- ³⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2.. Д. 107. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Л. 11.
- ³⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 712 (Собрание рисунков). Д. 1584. Автор благодарит заместителя директора по научной работе Российской национальной библиотеки, доктора исторических наук А. И. Алексеева за предоставленную информацию о данной рукописи.
- ³⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 107. Л. 13–13 об., 14–16 об.
- ³⁹ Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I. История строительства: Архитектура и художественное убранство: События и люди. СПб., 2002. С. 131–132.
- ⁴⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 107. Л. 24 об.
- ⁴¹ Описание. С. 14.
- ⁴² АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 107. Л. 23 об.
- ⁴³ Описание. С. 24.
- ⁴⁴ Там же. С. 31.
- ⁴⁵ Феофан Прокопович. Слово на погребение Петра Великого (10 марта 1725 г.). СПб., 1725. С. 1–2.
- ⁴⁶ Прокопьев А. Ю. Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. / Под ред. В. Н. Барышникова. СПб., 2007. С. 78–112; Логунова М. О. 1) Печальные ритуалы императорской России. С. 83–108; 2) За победой после трудов воследует покой. Смерть, погребение и создание мемориала на могиле Петра I // История Петербурга. № 73. 2018. С. 92–101. Ефимов С. В., Рымша С. С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. I. С. 6.
- ⁴⁷ Аронова А. А. Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // Искусствознание. 2016. № 3. С. 124–128.
- ⁴⁸ Быкова Ю. И., Тюхменева Е. А. Путь к империи: становление придворной художественной культуры в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. М., 2022. С. 121.
- ⁴⁹ Талызин И. Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года / Подг. текста А. И. Вознесенская, Л. К. Маковская, И. В. Кобак. СПб., 2006. С. 83.
- ⁵⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 2. № 354. Л. 45; Талызин И. Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов. С. 94.
- ⁵¹ Быкова Ю. И., Тюхменева Е. А. Путь к империи. С. 119.

- ⁵² Карацена — чешуйчатый доспех, популярный в Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. (См. подробнее: Ефимов С. В. «В чешуе как жар горя...» Из истории польского караценового доспеха (последняя четверть XVII – середина XVIII века) // Сборник материалов и исследований Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2018. Вып. XI. С. 18–56.
- ⁵³ Принцева Г. А. Траурная процессия 2 декабря 1796 года // Цареубийство 11 марта 1801 года: альбом-каталог. СПб., 2001. С. 21.
- ⁵⁴ Миролюбова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 171, 176, 179.
- ⁵⁵ [Эрдман В. А.] Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале. 1838 г. // ОР РНБ. ОСПК. Ф. IV. Д. 616. Л. 309, 311.
- ⁵⁶ *Cortege funebre de feu S.M. (Sa Majeste) L'Empereur Alexandre I-er, de glorieuse memoire. Saint-Petersbourg, de la typographie de A. Pluchart, 13 Mars, 1826. Permis d'imprimer par Charles de Poll, Censeur.*
- ⁵⁷ Высочайше утвержденный церемониал выноса из Императорского Зимнего дворца в Петропавловский собор тела в бозе почившего императора Николая I-го. [СПб., 1855]. С. [7]. № 78, 79; Описание погребения блаженной памяти императора Николая I, с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров Всероссийских и некоторых других европейских государей. СПб., 1856. С. 95.
- ⁵⁸ Высочайше утвержденный церемониал перенесения тела в бозе почившего государя императора Александра II-го из большого придворного собора Зимнего дворца в Петропавловский собор. [СПб., 1881]. С. 7; Высочайше утвержденный церемониал перенесения тела в бозе почившего благочестивейшего государя императора Александра III со станции Николаевской железной дороги в Петропавловский собор для погребения в оном // Памяти императора Александра III. Сборник «Московских ведомостей» (Известия, статьи, перепечатки). М., 1894. С. 99; На память русскому народу о праведной кончине царя-милотворца — Александра III. М., 1894. С. 98, 112.
- ⁵⁹ Опись Артиллерийского музея. Ч. I. Кн. II. И–П. 1882 г. // АВИМАИВиВС. Ф. АИМ. Оп. 111. Д. 1. Л. 50 об. № 829.
- ⁶⁰ Ефимов С. В. От Цейхгауза до музея. Из истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Исторический вестник / Под общ. ред. И. В. Курукина. Т. 24. М., 2018. С. 157–158.
- ⁶¹ АВИМАИВиВС. Ф. 21. Д. 19. Л. 5 (Приказ по Главному артиллерийскому управлению № 44 от 15 апреля 1865 г.); Ф. 1. Оп. 92/1. Д. 21. Л. 45.
- ⁶² Векшин В. А. Доспехи радостного и печального рыцарей из собрания ГМЗ «Царское Село» // Дворцы, особняки, усадьбы: сборник научных статей XXIV Царскосельской конференции. СПб., 2018. С. 143–156.
- ⁶³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2: Броня. М., 1884. С. 264. № 5051, 5052.
- ⁶⁴ См. Векшин В. А. Доспехи радостного и печального рыцарей. С. 155. Прим. 27.
- ⁶⁵ См., например: Сиренов А. В. Реликвии владимирских князей // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, выпуск 5. К 80-летию со дня рождения профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д.и.н. проф. А. В. Петрова. СПб., 2016. С. 288–289.

С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)

ОРУЖЕЙНЫЙ ГАРНИТУР ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится часть парадного оружейного гарнитура Елизаветы Петровны (1709–1762) (ил. 1), российской императрицы (с 1741), отличающегося высокохудожественной отделкой и великолепным техническим исполнением. В него входят гладкоствольное ружье (фузея), гладкоствольный пистолет с кремневыми замками и камзольная шпага.

Ствол ружья железный, круглый, в казенной части с фризами. Канал ствола гладкий, у дульного среза переходит в конус. Затравочное отверстие просверлено и отделано золотом. Ствол украшен композициями в технике орнаментальной резьбы: на канфаренном позолоченном фоне растительный орнамент и завитки С- и S-образной формы сочетаются с военной арматурой и крупными раковинами. Прицельные приспособления состоят из железной позолоченной мушки полукруглой формы и прорези на казенном фризе.

Замок кремневый батарейный с предохранителем курка – по тайной задвижкой. Пороховая полка с двойной крышкой. Замок украшен рельефным изображением военной арматуры на золоченом фоне.

Ложа ореховая с цевьем во весь ствол и широким прикладом с высоким гребнем, приклад с погибью влево, затыльник приклада из черного дерева. Украшена резьбой – цветочно-растительным узором.

Три шомпольные трубочки и спусковая скоба были изготовлены из дерева, сохранились только нижняя шомпольная трубочка и конец спусковой скобы, позднее вместо утраченных были поставлены детали из латуни. Наконечник устья цевья костяной.

Ил. 1. Императрица Елизавета Петровна. Неизвестный художник. Середина XVIII в. ВИМАИВиВС. 1ИФ 3-263

Нижняя шомпольная трубочка заканчивается маскаронном. На переднем конце спусковой скобы маленькое погрудное изображение человека в фригийском колпаке. На шейке приклада вырезан двуглавый орел, на груди которого вензель императрицы Елизаветы Петровны – «ЕР».

Имеется круглый деревянный шомпол с костяной головкой (новодел). На казенной части в круглой рамке изображены буквы «ЕР» под императорской короной – еще один вензель императрицы, рядом золотом наведена надпись: «Тула 1755».

На прикладе с правой стороны овальный штамп с надписью в две строки «АМ // 2944». Калибр ружья 16 мм, длина общая 1506 мм, длина ствола 1011 мм (ил. 2–7)¹.

Пистолет имеет железный круглый ствол. Канал ствола гладкий. Затравочное отверстие просверлено и отделано золотом. Ствол богато орнаментирован. По канфаренному позолоченному фону выполнен в обронной технике изящный рельефный растительно-цветочный узор. С плавными завитками побегов органично сочетаются различного плана военная арматура и большие раковины.

Прицельные приспособления состоят из железной полукруглой мушки и прорези на казенном фризе.

Замок кремневый, батарейный, с дополнительным предохранителем курка – потайной задвижкой. Имеется дополнительная крышка полки, встроенная в огниво и опускающаяся на полку при нажатии на защелку в верхней части огнива. Замок украшен: на позолоченном фоне рельефной резьбой нанесена военная арматура.

Ложа ореховая, с цевьем во всю длину ствола и круглой рукоятью. Вся поверхность ложи украшена резными причудливыми

Ил. 2–7. Гладкоствольное ружье (фузея) из парадного оружейного гарнитура Елизаветы Петровны. Российская империя, Тула, 1755 г. ВИМАИВиВС. 100Ф 17-14

завитками, изображениями растительных побегов с включением в композицию арматуры из оружия, раковин, маскаронов, человеческих фигур и геральдических мотивов. На рукояти в круглой рамке погрудный портрет императрицы Елизаветы Петровны в образе богини Минервы. Прибор ложи включает

Ил. 8–12. Гладкоствольный пистолет с кремневыми замками из парадного оружейного гарнитура Елизаветы Петровны. Российская империя, Тула, 1755 г. ВИМАИВиВС. 100Ф 37-84

в себя костяной наконечник устья цевья и деревянную нижнюю шомпольную трубочку со штатно присоединенным деревянным шомполом с костяной головкой. В средней части ствола в круглой рамке изображен вензель императрицы Елизаветы Петровны «ЕР» под императорской короной. В казенной части ствола нанесены надписи «Тула», «1755». Калибр пистолета 15,5 мм, длина общая 475 мм, длина ствола 304 мм (ил. 8–12)².

Камзольная шпага имеет стальной прямой двулезвийный клинок. В верхней части клинок линзовидного сечения, далее ромбического сечения, с обеих сторон украшен орнаментом, состоящим из стилизованных изображений ангелов и держав, а также рельефных изображений цветков с шестью лепестками. Орнамент

выполнен в технике гравировки и золочения.

Эфес стальной, состоит из расширяющейся в средней части рукояти, шарообразной головки с небольшой пуговкой сверху и гарды. Гарда состоит из фигурной асимметричной узкой чашки и передней дужки, переходящей в крестовину. Концы крестовины закруженные.

Все части эфеса украшены композициями в технике орнаментальной резьбы: на канфаренном позолоченном фоне растительный орнамент и завитки С- и S-образной формы сочетаются с военной арматурой и крупными морскими раковинами.

Рукоять шпаги и клинок позолочены и украшены изображениями растительного орнамента, древнеримской военной арматуры (доспехи, щиты, знамена, топоры, ликторские фасции и пр.), птицеподобными существами (возможно, крылатыми ангелами или серафимами).

Общая длина шпаги 854 мм, длина клинка 716 мм; ширина клинка 19 мм (ил. 13–15)³. Шпага – редкий образец парадного оружия середины XVIII в., принадлежавшего российской государыне.

Качество работы, использование различных технологий и изящество отделки гарнитура свидетельствуют о высоком мастерстве отечественных оружейников середины XVIII в.

Эти три предмета гарнитура поступили в Артиллерийский исторический музей в 1931 г. из собрания Государственного

Ил. 13–15. Камзольная шпага из парадного оружейного гарнитура Елизаветы Петровны. Российская империя, Тула, 1755 г. ВИМАИВиВС. 100Ф 112-5

Ил. 16. Нарезной карабин (штуцер) из парадного оружейного гарнитура Елизаветы Петровны. Российская империя, Тула, 1755 г. Государственный Эрмитаж

Эрмитажа в составе других образцов оружия Арсенала Аничкова дворца.

В Государственном Эрмитаже хранятся еще два предмета, входившие в оружейный гарнитур императрицы Елизаветы Петровны. Это нарезной карабин (штуцер) (ил. 16) и нарезной пистолет с кремневыми замками (ил. 17). Общая длина карабина 99,0 см, длина ствола 63,0 см, калибр 16 мм. Общая длина пистолета 50,0 см, длина ствола 30,0 см, калибр 16 мм. Они поступили из собрания великого князя Михаила Павловича (1798–1849), которое после его смерти вошло в Арсенал Аничкова дворца, а затем в 1922 г. поступило в Государственный Эрмитаж⁴.

Ствол карабина граненый, нарезной, на верхних гранях по всей длине украшен сложной орнаментальной композицией, выполненной в технике оброна с вензелем Елизаветы Петровны – «ЕР» под императорской короной. Под вензелем – таушированная золотом надпись «Тула 1755». Замок кремневый, водонепроницаемый, с фиксатором предохранительного взвода, декорирован в том же стиле, что и ствол. Ложа орехового дерева, резная. Прибор, имитирующий стальные части, вырезан из более темного дерева. На шейке приклада – инкрустированное тем же деревом изображение двуглавого орла под короной. Пистолет аналогичен карабину, за исключением нарезки в стволе.

Все пять предметов гарнитура имеют схожее декоративное оформление, на некоторых проставлены даты – 1755 г. и место изготовления – Тула. Этот великолепный оружейный гарнитур, разделенный ныне между двумя музеями, вероятно, был заказан императрицей Елизаветой Петровной или ей подарен⁵.

Известно, что карабин и пистолет с кремневыми замками из собрания Эрмитажа были изготовлены тульским мастером Ильей Салищевым (или в его мастерской) в 1755 г.⁶

Ил. 17. Нарезной пистолет с кремневыми замками из парадного оружейного гарнитура Елизаветы Петровны. Российская империя, Тула, 1755 г. Государственный Эрмитаж

Традиционно считается, что это парадный охотничий гарнитур царицы. Действительно, ружье и карабин, без сомнения, могли использоваться во время охоты. Пистолетными выстрелами добывали раненого или загнанного зверя с близкого расстояния, отбивались при нападении хищника.

Императрица Елизавета Петровна, в отличие от своего отца Петра Великого, была заядлой охотницей и в этом отношении походила скорее на деда – царя Алексея Михайловича. Она родилась 18 декабря 1709 г., в год Полтавской победы и в день, когда русские войска триумфально входили в Москву. Дворцовый переворот 1741 г., в результате которого она взошла на престол, стал самым тихим и бескровным в истории России.

Русский историк В. О. Ключевский так писал о дочери Петра Великого: «Царствование ее было не без славы, даже не без пользы. <...> Мирная и беззаботная, она была вынуждена воевать чуть не половину своего царствования, побеждала первого стратега того времени Фридриха Великого, брала Берлин, уложила пропасть солдат на полях Цорндорфа и Кунерсдорфа; но с правления царевны Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 г. не оставляло по себе такого приятного воспоминания. При двух больших коалиционных войнах, изнурявших Западную Европу, казалось, Елизавета со своей 300-тысячной армией могла стать вершительницей европейских судеб; карта Европы лежала перед ней в ее распоряжении, но она так редко на нее заглядывала, что до конца жизни была уверена в возможности проехать в Англию сухим путем; и она же основала первый настоящий университет

в России – Московский. Ленивая и капризная, пугавшаяся всякой серьезной мысли, питавшая отвращение ко всякому деловому занятию, Елизавета не могла войти в сложные международные отношения тогдашней Европы и понять дипломатические хитросплетения своего канцлера Бестужева-Рюмина. Но в своих внутренних покоях она создала себе особое политическое окружение из приживалок и рассказчиц, сплетниц, во главе которых стоял интимный солидарный кабинет, где премьером была Мавра Егоровна Шувалова, жена известного нам изобретателя и прожектера, а членами состояли Анна Карловна Воронцова, урожденная Скавронская, родственница императрицы, и какая-то просто Елизавета Ивановна, которую так и звали министром иностранных дел. “Все дела через нее государыне подавали”, – замечает современник. <...> При всем том в ней, не как в ее курляндской предшественнице, где-то там глубоко под толстой корой предрассудков, дурных привычек и испорченных вкусов еще жил человек, порой прорывавшийся наружу то в обете перед захватом престола никого не казнить смертью и в осуществившем этот обет указе 17 мая 1744 г., фактически отменившем смертную казнь в России, то в неутверждении свирепой уголовной части Уложения, составленной в Комиссии 1754 г. и уже одобренной Сенатом, с изысканными видами смертной казни, то в недопущении непристойных ходатайств Синода о необходимости отказаться от данного императрицей обета, то, наконец, в способности плакать от несправедливого решения, вырванного происками того же Синода. Елизавета была умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII в., которую по русскому обычаю многие бранили при жизни и тоже по русскому обычаю все оплакали по смерти»⁷.

Современники отмечали, что «девятнадцатилетнее царствование этой государыни дало всей Европе возможность ознакомиться с ее характером. В ней привыкли видеть государыню, исполненную доброты и гуманности, великодушную, либеральную и щедрую, но легкомысленную, беспечную, питающую отвращение к делам, любящую сверх всего удовольствия и развлечения, верную скорей своим вкусам и привычкам, чем страстям и дружбе, до крайности доверчивую и всегда находящуюся под чьим-нибудь влиянием»⁸.

Двор Елизаветы утопал в роскоши и изысканных ночных развлечениях (царица боялась спать ночами, так как опасалась

Ил. 18. Цесаревна Елизавета Петровна с фаворитом Алексеем Шубиным и лейб-медиком И. Г. Лестоком на охоте. Рисунок. Художник Н. С. Самокиш. 1902 г.

заговоров, осуществляемых в России, как считалось, обычно ночью). Обычаи двора Елизаветы мало чем отличались от европейской придворной жизни. На балах звучала приятная музыка, исполняемая превосходными оркестрами, императрица блистала красотой и нарядами. При дворе регулярно проводились балы-маскарады. Сама Елизавета Петровна задавала тон и была законодательницей мод. Ее гардероб включал 15 тысяч платьев. Ни одно из них царица не надевала дважды.

Елизавета Петровна увлеклась охотой еще в молодости, под влиянием своего племянника Петра II (ил. 18). Длинный ряд охот, в которых она принимала участие уже в качестве императрицы, начался в Москве, куда она переехала в 1742 г. для коронации. Английский резидент при русском дворе сообщал своему правительству: «Императрица чрезвычайно пристрастилась к охоте: министры редко находят случай докладывать ей серьезные дела».

При Елизавете Петровне получил широкое распространение особый вид птичьей охоты – на тетеревов из шалашей, с чучелами, выставляемыми в качестве приманки⁹. Шалаша напоминали собой небольшие деревянные домики с окнами (ил. 19). Внутри такого домика находилась небольшая печка для согревания охотников. Стены, потолок и пол были обиты войлоком и выбеленной холстиной. Снаружи все это сооружение маскировали ельником и ставили на два деревянных бруса, служивших полозьями. Благодаря этому шалаш можно было перевозить с одного места на другое. Охота на тетеревов с чучелами проводилась, как правило, поздней осенью и зимой. Высокопоставленные охотники с удобством располагались в нескольких будках, а загонщики осторожно подгоняли к ним тетеревов. Загонщики, естественно, прилагали все старания, чтобы подогнать как можно больше птиц под выстрелы императрицы. Следует отметить, что Елизавета Петровна вела себя на охоте достаточно демократично. Она всегда награждала деньгами или вином тех загонщиков, которые подгоняли тетеревов равномерно ко всем шалашам, не обижая других охотников и охотниц. Императрица настолько увлекалась тетеревиной охотой, что вставала ради нее спозаранку (как известно, государыня любила поспать) и нередко посвящала ей по шести и более часов подряд.

В подмосковной Петровской роще и в окрестностях Измайловского зверинца императрица охотилась на тетеревов вместе с генерал-фельдмаршалом Людвигом-Груно-Вильгельмом, принцем Гессен-Гомбургским. В ноябре 1748 г. она в сопровождении наследника престола великого князя Петра Федоровича и его супруги четыре дня подряд выезжала в окрестности Царского Села «для забавы стрелянием птиц к поставленным чучелам»¹⁰.

Приезжая в Москву, Елизавета Петровна всякий раз с большим удовольствием охотилась в окрестностях первопрестольной. В бытность свою в Москве в мае 1744 г. императрица подарила графу А. Г. Разумовскому, который был назначен обер-егермейстером императорского двора, село Перово с деревнями Тетерки и Тимохово. Окрестности этих селений сделались любимым местом охот императрицы.

Последней охотой императрицы в окрестностях Москвы была псовая охота в Петровских рощах в начале мая 1754 г. На эту охоту были приглашены: цесарский посол, все «чужестранные

Ил. 19. Охотничий дом зверинца в Царском Селе. Рисунок.
Художник А. Н. Бенуа. 1902 г.

министры и знатные российские особы обоего пола». После охоты вся блестящая кавалькада направилась в Кусково, имение графа Шереметева, где высоким гостям было предложено вечернее кушанье, во время которого «представлена была изрядная иллюминация»¹¹.

Летом «дщерь Петрова» большею частью жила в Петергофе и нередко «забавлялась охотою» в окрестных лесах. Здесь в августе 1748 г. на одной из охот императрицы, как сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости», убит был «один медведь чрезвычайной величины, потому что его кожа была без четверти 4-х аршин; также и один лось, вышиною от копыт до спины в 2 аршина 6 вершков». Из Петергофа Елизавета Петровна часто выезжала в окрестности: в Царское Село, Красное Село, Ораниенбаум – для псовой или птичьей охоты (ил. 20). До нас дошло подробное описание одной из псовых охот, проходившей 30 сентября 1751 г. в окрестностях Красного Села. В этот день наследник престола прибыл к месту охоты из Петербурга около 10 часов утра. Вместе

Ил. 20. Приезд императрицы Елизаветы Петровны с тетеревиных токов в павильон Монбижу в Царском Селе. Художники А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере. 1902 г.

с ним был имперский посол И. Ф. фон Претлах, их сопровождала блестящая свита, одетая в богатые полевые кафтаны. В Красном Селе их встретили придворные кавалеры, также одетые в охотничье платье, которое состояло из суконных черкесских кафтанов бирюзового цвета и алых камзолов, обшитых золотым газом. Самый выезд на охоту начался в 12-м часу дня. Сначала прошла в поле охота императрицы; ее охотники были в алых суконных черкесских кафтанах и в зеленых камзолах с золотыми позументами; шли они в известном порядке, сообразно своему чину и, проходя мимо дворца, по обычаю «звали в рога». В конце кортежа ехал егермейстер Хитров с собственными собаками. За ним, в некотором отдалении, шла «лягавая охота» со своим форштмейстером во главе. Потом в каретах проехал в поле великий князь с царским послом и своей свитой и остановился на сборном пункте. В полдень из внутренних покоев показалась государыня, также одетая в богатый охотничий кафтан. Ко времени ее выхода на стол уже было приготовлено кушанье. «Наскоро закусивши», стоя,

вместе с придворными, она села в карету и отправилась к тому месту, где ее ожидал наследник. Подали лошадей, «зазвали» в рога, и охота началась. Великолепие и блеск костюмов, стоимость которых исчисляли в 20 000 рублей, живописная холмистая местность, звуки рогов, голоса гончих, отчетливо раздававшиеся в свежем осеннем воздухе, стройный порядок, в котором совершалась охота, — все это вызывало восхищение. Охота продолжалась до шестого часа вечера. Лагерь, в который должны были съехаться все участники охоты, был расположен в двух верстах от Красного Села, около бумажной мельницы. Здесь в роскошном шатре был приготовлен стол со многими «деликатными» кушаньями из трех перемен на 35 персон. Во время застолья музыканты играли в трубы и валторны, били в литавры. В Петербург императрица вернулась только поздней ночью¹².

Вернемся к оружейному гарнитуру. Если огнестрельное оружие из комплекта не вызывает сомнений в его охотничьем предназначении, то шпага служила явно другим целям. Дело в том, что подобное оружие было совершенно не приспособлено для охоты.

Прекрасно известно, что клинковое оружие использовалось в различных видах охоты. С XIV в. в употребление вошел специальный кабаный меч (нем. Schweinschwerter). Его сильно утолщенный трех-, четырех- и даже восьмигранный клинок, разработанный на основе треугольного в сечении эстока, был рассчитан на то, чтобы выдержать натиск нападающего кабана или другого крупного животного. Примерно к 1500 г. острие этого меча стало напоминать граненый или листовидный наконечник копья. Позднее поперек клинка ближе к его концу появились специальные стальные крючья (рикассо), предназначенные для того, чтобы меч не слишком глубоко вонзался в тело животного и не застревал там¹³.

В эпоху императрицы Елизаветы Петровны наиболее популярной и благородной придворной охотой была парфорсная (от фр. *par force* — т. е. «силой»). Она с различными видоизменениями благополучно дожила до сегодняшнего времени. В процессе преследования дичь загоняли и выматывали перед тем как прикончить ее. Эта охота состояла из нескольких этапов. Перед ее началом егеря со своими помощниками, используя собак, выискивали добычу. С помощью оставленных зверем следов, обломанных веток и звериного помета они старались определить

место нахождения животного как можно точнее. В идеале они должны были увидеть дичь. По пути ожидаемого бегства зверя расставляли загонщиков с собаками. Таким образом, собаки были готовы в любой момент преследовать добычу. Причем свежая свора сменяла уставших псов. После обнаружения животного (оленья, косули, лани, кабана и др.) начиналась собственно охота. При этом необходимо было удерживать собак по следу выбранной дичи. Когда загнанная добыча уже не могла бежать, ее необходимо было добить. Перед этим требовалось удержать собак от нападения на животное, иначе оно могло быть растерзано на клочки. Право нанести решающий удар жертве предоставлялось самому государю (если это была императорская охота), наиболее знатному охотнику или самому успешному из них. Зверя добивали ударом клинкового оружия или копья, а иногда достреливали. Наконец, следовала разделка туши. Это делалось тщательно и являлось определенным ритуалом. Монарх собственноручно делал символический надрез специальным ножом на животе добычи, после чего производилась разделка туши. Собаки должны были обязательно получить ее части, как правило, внутренности и легкие, в качестве вознаграждения¹⁴.

В самом начале XVI в. в связи с появлением парфорсной охоты был создан специальный кинжал, или разновидность кортика, для закалывания зверя – хиршфенгер («олений кинжал»). Им добивали загнанное животное с коня или спешившись, при этом требовалось высокое мастерство и хладнокровие. Поэтому с хиршфенгерами охотились только самые бывалые и опытные охотники. Этот вариант добивания зверя (оленья, косули, лани или кабана) коротким клинковым оружием был необходим для того, чтобы не ранить вцепившуюся в зверя собаку случайным выстрелом. Чаще всего хиршфенгер использовали на оленьей охоте, отсюда и его буквальный перевод с немецкого – «ловец оленья». Хиршфенгер имел прямой клинок, подобный клинку охотничьего меча, но значительно короче. Первоначально его длина равнялась 65–70 см, и охотнику не нужно было спешиваться. В дальнейшем клинок укоротили до 30–40 см. Он мог иметь двустороннюю или одностороннюю заточку. Хотя во втором варианте нижний конец обуха все равно затачивали, и острие становилось двулезвийным. В XVIII в. хиршфенгер стал универсальным оружием: им не только добивали зверя, но и рубили сучья и ветки для костра и т. п.¹⁵

Эфесы «оленьих кинжалов» делали с перекрестьем, которое иногда дополняли фигурным щитком, который предохранял клинок и ножны от попадания внутрь влаги. Рукоять отделявали костью. Модным было навершие в виде оленьего копытца, чаще всего литого из бронзы и позолоченного¹⁶. Ножны изготавливали из дерева и обтягивали кожей, которую сшивали с внутренней стороны. На внешней стороне ножен могли быть дополнительные гнезда для малого ножичка, вилки или шила.

С XVII в. к хиршфенгерам с правой стороны клинка у рукояти иногда стали приделывать пистолет с небольшим стволиком в 7–10 см длиной. Благодаря такому оружию можно было не только заколоть, но и пристрелить загнанную добычу.

Шпагой заколоть зверя было можно, только если тот находился в полностью обездвиженном состоянии. Бившееся в агонии животное легко бы сломало тонкий клинок камзольной шпаги, а пробить толстую шкуру кабана было подобным клинковым оружием практически невозможно. Поэтому назначение шпаги из оружейного гарнитура Елизаветы Петровны было явно другим.

В этой связи вспомним о еще одном увлечении «дщери Петровой» – балах и маскарадах, которые в годы ее правления достигают невиданного до того времени размаха, собирая до трех тысяч человек. Они становятся не только развлечением, но и повинностью для высших слоев общества.

Пропустить бал или маскарад для приглашенных по специальным именным билетам считалось невозможным – полиция за этим строго следила. За февраль 1748 г. сохранился рапорт генерал-полицимейстера Алексея Татищева о знатных прогульщиках: «По именному Вашего Императорского Величества указу повелено нижеобъявленных дам спросить для чего оне 15-го числа февраля при дворе Вашего Императорского Величества на бале не были и впредь всем дозволенным в приезде ко двору... персонам подтвердить, дабы в случающиеся при дворе... торжества, балы и знатные свадьбы, и в прочие дни, когда повестка бывает, приезжали неотложно под опасением гнева Вашего Императорского Величества». Ниже был приложен список дам с указанием причин отсутствия на балу: «Камергера князь Петра князь Михайлова сына Голицына жена – <...> не была за болезнию, в чем ссылается на доктора Кондоиди, который ее пользует», «Вице-адмирала Головина дочь – ветром себя застудила и от той стужи около гортани явилась опухоль»¹⁷ и т. д.

Особое место занимали маскарады, вносившие разнообразие в традиционные балы с устоявшимся набором церемониальных танцев. Их устраивали два раза в неделю. Один раз – для императорского двора и приглашенных лично государыней, второй – для шести первых классов «Табели о рангах» и «знатного шляхетства». Если на первые собирались 100–150 человек, и это была интимная компания государыни, то на вторых присутствовало до 800 человек¹⁸.

В начале июля 1758 г. в честь завершения визита принца Карла Саксонского императрица в Петергофе «дала великолепный праздник, за которым последовал маскарад, на коем присутствовало три тысячи человек в богатых костюмах, осыпанных драгоценными камнями»¹⁹.

На маскарады гости съезжались в костюмах и масках. Допускались и люди без масок, которых размещали в ложах, но танцевать они не могли. Для «масок» выставляли столы с напитками и закусками, карточные столы, а также устраивались лотереи. Специальные низкие решетки отделяли особ высшего общества от прочих приглашенных²⁰.

Свою лепту в организацию маскарадов вносила и сама Елизавета Петровна. Иногда она устраивала маскарады с переодеваниями. Указ о таком маскараде предписывал: «Быть в платье дамам – в кавалерском, а кавалерам – в дамском, у какого какое имеется: в самарах, кафтанах или шляфорах дамских». Обер-гофмейстерине госпоже Голицыной особо объявлено, что ей надлежит быть в маскарадном мужском платье – в домино, в парике и шляпе. Вероятно, Голицына чем-то прогневала императрицу, за что ей и велено было нарядиться отлично от других²¹.

«Журнал дежурных при дворе Ея Императорского Величества генерал-адъютантов» за 1750 г. сообщал: «Октября 23-го. При дворе Ея Императорского Величества был машкарад, который и продолжался пополуночи до 4-х часов, – без масок: женщины в мужском ординарном платье, мужчины в женском»²².

Как вспоминала о своих молодых годах при дворе Екатерина II, все общество выглядело ужасно неуклюже и жалко: «Императрице вздумалось заставить всех мужчин появляться на маскарадах в женском платье, а женщин – в мужском и без масок, закрывавших лицо; собственно, получался куртаг наоборот. Мужчины щеголяли в пышных юбках с каркасом из китового уса, в женских нарядах и с прическами, какие женщины обычно

делали для куртага, а дамы надевали мужское платье, такое же, как мужчины в подобных случаях. Мужчины этих превращений не одобряли, большинство из них, чувствуя, сколь они безобразны в юбках, пребывали в отвратительном настроении. Женщины в большинстве своем становились похожи на маленьких невзрачных мальчишек, а толстые и короткие ноги самых старых тоже их нисколько не красили. Одной лишь императрице мужской наряд шел необычайно: при ее высоком росте и некоторой мощи мужской костюм сидел на ней на удивление ладно. У нее были такие красивые ноги, каких я не видела ни у одного мужчины, и изящнейшие щиколотки. Она великолепно танцевала и во всех движениях отличалась особой грацией, как в мужском наряде, так и в женском. На нее хотелось глядеть, не отрывая взора, а если и приходилось отводить взгляд, то совершалось это с превеликим сожалением, потому что вокруг не было никого, кто мог бы с ней сравниться»²³.

На одном из таких балов-маскарадов с будущей российской государыней Екатериной произошел весьма курьезный случай. Ее партнер в полонезе камер-юнкер Сивере, довольно высокого роста, был в фижмах – каркасе из ивовых, стальных прутьев или из пластин китового уса для придания пышности женской юбке, которые дала ему сама императрица Елизавета Петровна и от которых он поэтому не имел права отказаться. Во время танца, подавая на повороте руку своей партнерше, Сивере опрокинул своими фижмами находившуюся сзади графиню Гендрикову, и та, падая, толкнула Екатерину Алексеевну. В результате Екатерина упала прямо под фижмы Сиверса, окончательно запутавшегося в своем длинном платье. Все трое оказались на полу, не имея возможности подняться без посторонней помощи²⁴.

Такие маскарады с переодеванием получили название «метаморфозы» (или «свет навыворот»). Они были нужны императрице Елизавете прежде всего для того, чтобы появиться в обществе в мужском платье. Для православной России подобный образ царицы был непонятен, но молодой Елизавете с ее стройными ногами и красивой изящной фигурой мужской наряд был к лицу. Иного способа прилюдно продемонстрировать достоинства фигуры, одеваясь лишь в платья с фижмами, не существовало. Поэтому на маскарадах Елизавета появлялась в наряде то офицера, то мушкетера, то казачьего атамана, то, подобно отцу, голландского матроса²⁵.

Английский дипломат Джон Гиндфорд в 1745 г. доносил в Лондон: «Весьма затруднительно представить, сколь офицерский мундир хорош для императрицы. Никогда не выдавшие ее, несомненно, приняли бы ее за офицера, если бы не прелестное ее лицо. Воистину она обладает красотой женщины, мужским сердцем и достойна восхищения целого света»²⁶.

Еще в юности будущая императрица, переодевшись в мужское платье, лихо скакала со своим племянником Петром II по полям и лесам на подмосковных охотах. Отправляясь свергать правительницу Анну Леопольдовну и малолетнего императора Иоанна Антоновича, она также переоделась в мундир лейб-гвардии Преображенского полка. Страсть к переодеваниям привела к тому, что в столице по ее указу появился первый императорский театр.

Мужское платье, сшитое наподобие военного мундира, Елизавета Петровна с удовольствием носила и в повседневной жизни, наслаждаясь восторженными взглядами придворных кавалеров. Превращая жизнь в игру, она рассматривала развлечение с переодеваниями как свою авторскую забаву²⁷.

Характер императрицы способствовал тому, что маскарад быстро «вошел в потребность». Елизавета лично составляла сценарий и определяла участников. Отказаться от присутствия на маскараде приглашенные не могли – это расценивалось как личное оскорбление государыни и могло повлечь за собой далеко идущие последствия.

Непременным атрибутом придворного мужского костюма той эпохи была камзольная шпага. Такие изящные шпаги во второй половине XVIII в. носили с гражданской одеждой. Они являлись обязательным и модным аксессуаром, показателем высокого общественного положения владельца. Камзольные шпаги отличались легкостью и удобством ношения. Эфесы украшали драгоценными камнями, золотом и серебром. Сохранились даже экземпляры с фарфоровыми рукоятями. Французские оружейники ввели в моду золочение фона, тем самым дополнительно увеличивая рельефность и четкость рисунка. Отметим, что особенную популярность эта техника получила в России у оружейников Тулы, которые таким способом создавали подлинные шедевры русского оружейного искусства. Подобные шпаги редко применялись в качестве самозащиты или дуэльного оружия, но представляли, как правило, замечательные образцы оружейного искусства. Над их

оформлением трудились художники и декораторы, которые стремились следовать модным тенденциям в искусстве. Законодателем моды в XVIII в. являлась Франция, и практически все оружейники Европы испытывали огромное влияние французского искусства. Это проявилось не только в использовании орнаментальных сюжетов ведущих художественных стилей барокко, рококо, неоклассицизма, но и в применении особых оформительских техник.

Несмотря на небольшие размеры, легкость и изящество, камзольная шпага вполне была пригодна как для защиты, так и для атак. К середине XVIII в. фехтовальное искусство достигло таких вершин, что даже такая камзольная «игрушка» могла легко лишить противника жизни точным ударом²⁸.

Небольшой шпагой было гораздо удобнее управлять, чем длинной и тяжелой боевой. К тому времени боевая стойка фехтовальщика из фронтальной преобразилась в боковую. Фехтовать стали намного быстрее и сложнее, делая основной упор на колющий удар. В случае сближения с противником либо били на вершием («яблоком») эфеса в лицо, либо работали в половину клинка, относя эфес за левое плечо, бедро или бок. Эфес малой шпаги (гарда, дужка и небольшой плоский щиток) стал проще, чем у боевой. Клинок шпаги делали граненым для облегчения ее веса. Некоторые камзольные шпаги весили не более 500 грамм, в то время как боевые достигали двух килограмм.

Шпага получила наименование камзольной, потому что носилась на камзоле, под кафтаном, который имел слева специальный клапан для ее эфеса. Клинок в ножнах слегка выдавался из-под одежды сзади, но уже ни за что не цеплялся, не болтался вызывающе и, что важно для придворного, не мешал танцевать.

Недостатком камзольной шпаги было то, что все же это было не боевое оружие. Клинок был слабее боевого. Скоростное фехтование приводило к быстрому уставанию кисти владельца шпаги. Стиль боя чаще всего был оборонительным, а для военных действий она вообще не годилась.

Впрочем, для императрицы Елизаветы Петровны камзольная шпага была нужна не для фехтования. Это оружие было атрибутом и непременной принадлежностью мужского костюма. Надевая шпагу на маскарад с переодеванием, Елизавета внешне превращалась в красивого и изящного придворного.

В собрании Метрополитен-музея в Нью-Йорке сохранился конный портрет императрицы Елизаветы Петровны

с арапчонком, созданный около 1743–1749 гг. придворным живописцем Г. К. Гроотом (ил. 21). Варианты данного портрета имеются и в собрании Государственного Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея²⁹.

Императрица Елизавета Петровна представлена на полотнах не столько воинственной государыней, сколько кокетливой светской дамой, облачившейся в мужской костюм и выехавшей на конную прогулку в сопровождении причудливо одетого слуги-арапчонка. Государыня запечатлена на фоне галерного флота в парадном офицерском мундире лейб-гвардии Преображенского полка, с лентой и звездой ордена Св. Андрея Первозванного на груди. В седельных кобурах – ольстрах – находятся пистолеты. В руке у императрицы жезл военачальника. На левом бедре висит парадная шпага с позолоченным эфесом.

Условно написанные детали – пышная листва деревьев, парковая скульптура, водоем на дальнем плане – придают пейзажу декоративный характер. Водная гладь и корабль ассоциируются с российским флотом – любимым детищем Петра I, но в картине это выглядит как парковый пруд с прогулочной яхтой. Повышенную декоративность придает картине колорит, построенный на переливах голубовато-зеленых и сиренево-розовых тонов. Парадному императорскому портрету придан характер изящного, камерного, декоративного произведения.

В собрании Государственного Русского музея находится еще один конный портрет императрицы Елизаветы кисти художника Г. К. Преннера, написанный между 1744 и 1755 гг.³⁰ На нем Елизавета Петровна изображена в латах, с орденами Св. Андрея Первозванного (лента и звезда) и Св. Екатерины (бант из орденской ленты на левой руке). Слева – конная группа вельмож во главе с великим князем Петром Федоровичем, изображенным с лентой и звездой высшего ордена Российской империи. Справа – конная группа статс-дам, среди которых великая княгиня Екатерина Алексеевна. На заднем плане – сцена осады русскими войсками крепости. Над головой императрицы парят два орла: один – в короне и со скипетром, у другого на голове золотой вензель императрицы, в клюве – оливковая ветвь. Правой рукой императрица указывает на осажденную крепость, на левом боку царицы находится позолоченная шпага с темляком. Все статс-дамы и кавалеры держат в руках обнаженные клинки. Лишь один

Ил. 21. Императрица Елизавета Петровна с арапчонком.
Художник Г. К. Роот. 1743–1749 гг. Метрополитен-музей (Нью-Йорк)

вооружен булавой. Вероятно, это последний гетман войска запорожского Кирилл Григорьевич Разумовский.

Предметы оружейного гарнитура императрицы Елизаветы Петровны из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи нередко экспонировались

на выставках. В частности: «Реликвии Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи» (Москва, 2002), «Европейская охота и охотничье оружие XVI–XVIII вв.» (Санкт-Петербург, 2009), «От Царства к Империи» (Калининград, 2021), «Во славу России. Реликвии Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи» (Санкт-Петербург, 2023) и др.

Особый интерес шпага и портрет императрицы Елизаветы Петровны вызвали в Калининградском областном историко-художественном музее на выставке «И трубы их медные славу поют» (2024). Выставка была посвящена важным датам – годовщине приведения к присяге на верность российской короне жителей Восточной Пруссии (1758) и 300-летию со дня рождения философа Иммануила Канта. Восточная Пруссия находилась в составе Российской империи до смерти императрицы Елизаветы Петровны, последовавшей 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г. по новому стилю).

Уникальный оружейный гарнитур «дщери Петровой» является замечательным памятником эпохе и мастерству русских оружейников середины XVIII в. Надеемся, что его составные части когда-либо будут объединены в единое целое в выставочном проекте, посвященном царствованию Елизаветы Петровны.

¹ ВИМАИВиВС. 100Ф 17-14.

² Там же. 37-84.

³ Там же. 112-5.

⁴ Государственный Эрмитаж. № З.О. 67, 8370.

⁵ Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки в выставочном центре «Эрмитаж – Выборг» 23 мая – 15 октября 2014 г. СПб., 2014. № 142. С. 82. О высоком качестве работ тульских оружейников второй половины XVIII в. см. также: Hayward, J. F. The Art Of The Gunmaker: Vol. 2 Europe and America 1660–1830. Barie and Rockliff, 1963. P. 268–270.

⁶ Подробнее о мастере И. Салищеве см.: Миллер Ю. А. Оружейное искусство Тулы XVIII–XIX веков в собрании Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 2005. № 12, 18–20, 23, 27, 32, 34, 36; Юркин И. Н. Загадки СЧС (О декоре и декораторах тульского оружия середины XVIII века в неизданной переписке Н. А. Демидова и А. Х. Постухова) // Тульский краеведческий альманах. 2013. Вып. 10. С. 7–14.

⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения. В 9 т. / Под ред. В. Л. Янина. М., 1989. Ч. 4. С. 313–316.

⁸ [Фавье Ж. Л.]. Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермиера... // Русская старина. 1878. Т. 23. № 10. С. 188.

- ⁹ Мельникова О. Б. «Забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою...» // Придворная охота. Каталог к выставке. М., 2002. С. 115.
- ¹⁰ Ефимов С. В. Европейская охота и охотничье оружие. От Средневековья до конца XVIII века. СПб., 2015. С. 408–409.
- ¹¹ Кутепов Н. И. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII–XVIII веков: Исторический очерк. СПб., 1902. Т. 3. С. 1111–1112.
- ¹² Там же. С. 1122–1126.
- ¹³ Блэкмор Г. Л. Охотничье оружие. От Средних веков до двадцатого столетия / Пер. с англ. С. Федорова. М., 2006. С. 27–35; Уизерс Х. Дж. С. Мечи и сабли. Иллюстрированная энциклопедия / Пер. с англ. Ю. Сырбу. М., 2011. С. 40–41.
- ¹⁴ Ефимов С. В. Европейская охота и охотничье оружие. С. 19–27.
- ¹⁵ Dolinek V., Šach J. Lovecké zbraně. Praha: Aventinum, 2006. S. 147–187; Ефимов С. В. Европейская охота и охотничье оружие. С. 457–458.
- ¹⁶ Кулинский А. Н. Немецкое холодное оружие. СПб., 2007. Т. 1. С. 156.
- ¹⁷ Морошкин И. Я. Донесение генерал-полицмейстера А. Татищева о дамах, не явившихся на придворный бал в Петербурге, 1748 г. // Русская старина. 1892. Т. LXXVI. Октябрь–ноябрь–декабрь. С. 433–434.
- ¹⁸ Екатерина Великая. Мемуары. В двух книгах / Изд. подг. М. А. Крючкова, Т. И. Акимова, Е. В. Морозова. М.: Ладомир: Наука, 2021. Кн. I. С. 292.
- ¹⁹ Мессельер де ла. Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года // Русская старина. 1874. Кн. 1. № 4. С. 1008.
- ²⁰ Манкевич И. А. Праздники в стиле барокко: «Веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2004. № 1 (2). С. 68; Захарова О. Ю. Светские церемонии в России XVIII – начала XX в. М., 2001. С. 121.
- ²¹ Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника, 1751–1761 / Сост. Л. М. Старикова. М., 2022. С. 511.
- ²² Там же.
- ²³ Екатерина Великая. Мемуары. С. 292.
- ²⁴ Захарова О. Ю. Светские церемонии в России XVIII – начала XX в. С. 122.
- ²⁵ Кальницкая Е. Я. Театр придворной жизни: Очерки петергофской повседневности. СПб., 2023. С. 286.
- ²⁶ Тургенев А. И. Русский двор в XVIII веке / Пер. с фр., примеч. и указ. имен Д. В. Соловьева. СПб., 2005. С. 145.
- ²⁷ Кальницкая Е. Я. Театр придворной жизни: Очерки петергофской повседневности. С. 286.
- ²⁸ См. подробнее: Кастл Э. Школы и мастера фехтования. Благородное искусство владения клинком / Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. М., 2007. С. 192–243.
- ²⁹ Metropolitan Museum of Art №1978.554.2; Государственный Эрмитаж, ЭРЖ-560; Государственная Третьяковская галерея № 4584, Государственный Русский музей № Ж-11371.
- ³⁰ Государственный Русский музей. Ж-5374.

Д. А. Журавлев (Санкт-Петербург)

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ МЕДИКОВ

Военно-медицинский музей формировался как центр обобщения опыта медицинского обеспечения войск в значительной хронологической перспективе. Вследствие этого его коллекция включает в себя не имеющий равных документальный массив, рассказывающий о военной медицине войн прошлого и современности. В год 85-летия со дня окончания Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. позволим себе остановиться на отдельных воспоминаниях медиков, посвященных этому периоду.

Число предметов в фондах Военно-медицинского музея, посвященных Советско-финляндской войне, превышает 700 единиц. Этот массив включает в себя различные материалы: документы (оттиски приказов Народного комиссара обороны СССР, начальника Санитарного управления Красной армии и санитарных отделов и пр.), письменные источники, фотоматериалы, альбомы, книги, предметы медицинского снабжения, модели, живопись и пр.

Воспоминания периода войны 1939–1940 гг. написаны медицинскими работниками гражданского здравоохранения и военно-медицинской службы Красной армии в 1940–1960-е гг. Из наиболее интересных стоит признать воспоминания В. В. Гориневской (1882–1953) и С. А. Сокольской (1885–1972), которые до сего времени не изданы, однако представляют значительный интерес с научной точки зрения.

Указанные воспоминания являются в определенной степени диаметрально противоположными в силу того, что их авторы были представителями разных специальностей и занимали несопоставимые места в профессиональной иерархии. Время их написания

также разделено значительным для середины XX в. хронологическим отрезком. Кроме того, необходимо отметить, что при написании воспоминаний авторы ставили различные цели, что отчетливо прослеживается по рукописям: В. В. Гориневская рассчитывала впоследствии издать написанное и потому подвергала себя очень тщательной самоцензуре и была не склонна к чрезмерной рефлексии и эмоциональности, в то время как С. А. Сокольская в меньшей степени думала о том, что ее воспоминания найдут широкую читательскую аудиторию, и потому с присущей ей открытостью излагала в рукописи и сомнения, и непроверенную информацию, что придает данному источнику особый интерес.

Валентина Валентиновна Гориневская – известный отечественный хирург, травматолог, организатор; доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, полковник медицинской службы. Ее воспоминания, которые она стала записывать в конце своей жизни, не были опубликованы. В нашем распоряжении лишь рукопись Валентины Валентиновны – 23 тетради, которые вместили важнейшие события из жизни известного врача. Советско-финляндской войне она посвятила две тетради, которым присвоила название «В снегах Финляндии. Декабрь 1939, январь, февраль, март 1940 г.» и «Финляндия – окончание войны. Неюки».

То обстоятельство, что В. В. Гориневская вела записи в конце 1940-х гг., несомненно, наложило отпечаток на их характер. Чем ближе к описываемым событиям подходит автор, тем больше он стремится к описательной части, и если и дает оценки, то в сфере ее внимания попадают локальные события. Прямолинейность и открытость, свойственные предшествующим периодам, в первую очередь, дореволюционным, уступают место осторожности и взвешенности.

Несмотря на это, на страницах воспоминаний Гориневской находят отражение и отдельные «нефасадные» стороны деятельности военно-медицинской службы Красной армии, связанные с проблемами, которые существовали, в первую очередь, на периферии, в частности, в Карелии. Вот что сообщает о первых днях Советско-финляндской войны автор: «Я уже собралась уезжать, но в это время замнаркома, который тогда был в Ленинграде, вызвал меня и предложил поехать на несколько дней в командировку в Петрозаводск, где в то время уже скопилось довольно большое количество раненых, которые

размещались в госпиталях – школах, и где, как он узнал, врачи совершенно растерялись и не знали, как им надлежит действовать. В Петрозаводске я действительно увидела, что там полная растерянность. Я остановилась в гостинице. В буфете – никаких продуктов, вообще с продуктами в Петрозаводске было плохо»¹.

Характерно в приведенном рассказе то обстоятельство, что, несмотря на начало войны, многие службы продолжали жить мирной жизнью. Автор отмечает, что в связи с выходным днем ответственные за прием и размещение раненых и больных лица бездействовали и все свое время посвящали своему дому, в частности, прогулке с детьми, при этом число нуждавшихся в экстренной медицинской помощи росло с каждой минутой. Открывается перед нами истинное положение в городе: «Картина была потрясающая: прибывшие раненые валялись в шинелях на каменных лестницах и на полу в коридорах. Сонный дежурный врач, которого вторые сутки не сменяли, что-то регистрировал, записывал, но довольно бестолково. Ни санпропускник, ни перевязочный, ни операционный блок не были налажены. Нигде не видно было ни врачей, ни рабочих, которые подготавливали помещения»². В этих условиях раскрывается пылкая натура Валентины Валентиновны – она жестко решает возникшие вопросы и заставляет работать медицинский персонал, вместе с тем запуская в Петрозаводске тяжеловесный механизм, который должен был работать во время войны, но заостенел в силу бюрократизации. Гориневская своим примером показывает, как надо работать и сама занимается мытьем прибывших раненых.

После прибытия в Ленинград В. В. Гориневская была направлена налаживать работу хирургов на Карельском перешейке, в районе Терийоки (Зеленогорска). На ее долю выпала большая работа, вместе с тем, условия деятельности были сравнительно неплохими. Полевые подвижные госпитали, к которым была прикреплена Гориневская, располагались в немногочисленных оставшихся зданиях дач на берегу Финского залива. Это облегчало жизнедеятельность хирургов, спасало жизни раненых. Сообщает автор о госпитале «Народной финской армии», отличавшемся от остальных по всем параметрам: полностью сохранившееся здание, великолепное оснащение. Это стало основанием для эвакуации сюда наиболее тяжело раненых из других госпиталей, что было связано, по-видимому, с малой загрузкой данного лечебного учреждения.

На страницах воспоминаний Валентины Валентиновны мы находим любопытные детали обмундирования врачебного состава в данное время: «...начальник госпиталя Штейн мне выдал полное обмундирование. Особенно мне пришлось по вкусу желтый тулупчик на бараньем меху с серым барашковым воротником. Мне в нем было тепло и уютно, и я в нем прощеголяла не только всю Финляндию, но и все зимы Великой Отечественной войны. Шлем с Красной звездой придавал мне воинственный вид. Валенки так и остались разные, выданные в Ленинграде на складе (по поводу этих разных валенок надо мной потом много смеялись). Во всяком случае, мне было тепло, и я не боялась жестоких финских морозов»³.

Не смогла В. В. Гориневская обойти наиболее животрепещущие темы, которые стали предметом мифотворчества, а именно: «кукушки» и финские мины.

Неоднократно Гориневская сообщает о неподготовленности как отдельных лиц, так и целых лечебных учреждений к тяжелой работе в этих непростых условиях. Валентина Валентиновна подчеркивает, что в ходе работы происходил отбор: либо медицинские работники приспосабливались к подобной обстановке, включались в работу, либо исчезали, и для этого существовали вполне легальные основания. Были и врачи, и средний медицинский персонал, которые не сработались с коллективом и отправлялись в Ленинград.

Финальная часть посвящена поездке в Выборг и представляет определенный интерес: «Среди общего разрушения вдруг следы какого-то домашнего уюта. Вот дом с выломанной стеной, а во втором этаже застланная шелковыми одеялами деревянная кровать. На выбитых окнах треплется ветром кружевные занавесочки. Над разрушенной булочной висит уцелевший золоченный макет – знаменитый «выборгский крендель». Рядом разбитые двери и полуразрушенная стена – стоят столики, покрытые скатертями, на одном чашка недопитого кофе. Страшное сочетание – полного разрушения с уголками нетронутого быта. Склады и магазины охраняют наши часовые. Ужасная картина разрушенного, сгоревшего города»⁴.

В воспоминаниях врача-психиатра Софии Александровны Сокольской содержатся малоизвестные детали повседневной жизни и быта медицинских работников лечебных учреждений Ленинграда в 1939–1940 гг., представителей гражданского

здравоохранения, позволяющие судить об особенностях лечебно-эвакуационного обеспечения войск и населения в этот период: этических проблемах, взаимодействии внутри медицинского сообщества, а также с пациентами; мировоззрении медицинских работников, оказавшихся в условиях боевых действий, и пр.

Воспоминания С. А. Сокольской основаны на дневниковых записях, которые позволили автору спустя десятилетия с момента описываемых событий реконструировать страницы прошлого и изложить канву происходившего, в том числе с учетом прожитого.

В период боевых действий 1939–1940 гг. Софья Александровна была врачом психиатрической больницы имени Форея. С началом Советско-финляндской войны в больнице, как и в целом в Ленинграде, были развернуты так называемые «оперативные койки», лечебные места (от единичных до крупных отделений) в гражданских лечебных учреждениях (больницах, научно-исследовательских институтах медицинского профиля), где размещались раненые и военнослужащие, которым требовалось, как правило, оказание специализированной медицинской помощи. Для этих целей также было проведено увеличение штата больницы имени Форея за счет включения в него специалистов, командированных с кафедры психиатрии Белорусского государственного медицинского университета.

Наряду с лечебными вопросами С. А. Сокольская занималась также организационными вопросами, в частности, принимала участие в заседаниях военно-врачебных комиссий.

Особо отмечает С. А. Сокольская суровую зиму 1939–1940 гг.: «В Финскую войну зимой были небывалые морозы. Больных доставляли нам с фронта не только с психозами, но и с отморозениями, с пневмониями, ангинами и прочими простудными болезнями»⁵.

Как специалист, она отмечает значительное число больных военнослужащих с психозами военного времени. В таком объеме пациенты в гражданские клиники ранее не поступали, и потому опыт лечения подобных пациентов только нарабатывался в период 1940–1941 гг. и, вероятно, был реализован во время Великой Отечественной войны и масштабирован на весь Советский Союз.

Отмечает С. А. Сокольская и изменения в повседневной жизни ленинградцев, связанные с затемнением, – необходимостью проводить светомаскировку дома, особенностями городской

жизнедеятельности (полностью темный Невский проспект) и практикой большего проведения времени дома в вечерние часы.

Эмоционально передает свои чувства в тот период автор, они затрагивают сомнения относительно хода боевых действий, особенно после неудачного хода войны на первом этапе: «Как-то верили в хороший конец войны, в победу, хотя у нас и скребло на сердце: «А Япония-то? А Порт-Артур? Ведь и Финляндия-то к нам слишком близко! И у них там какие-то линии Маннергейма. За ними кто-то прячется более сильный, приглядывается к нам, испытывает».

Вполне естественно, что возникали и вопросы о будущем, и здесь Сокольская вполне однозначно свидетельствует, что и она, и ее окружение довольно отчетливо представляли себе, что следующим будет военное столкновение с более сильным противником – Германией, а Советско-финляндская война – только «репетиция настоящей войны»⁶.

Таким образом, воспоминания медицинских работников, хранящиеся в фондах Военно-медицинского музея, являются важным источником по истории боевых действий и повседневной жизни в период боевых действий 1939–1940 гг., и дополняют картину происходящего за счет уникальных деталей, индивидуальной и подчас эмоционально окрашенной оценки свидетелей событий. Тем самым они позволяют создавать более глубокие по содержанию и рельефные в плане смыслов и образов обобщения, что может быть применимо при создании экспозиционных проектов музеев⁷, формировании грамотной риторики, а также более объективного и многомерного подхода к событиям прошлого.

¹ Военно-медицинский музей. ОФ 53385/13. Гориневская В. В. Мои воспоминания. Тетрадь 14. Л. 4.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. ОФ 53385/14. Тетрадь 15. Л. 5.

⁵ Там же. ОФ 76940. Сокольская С. А. Воспоминания. Часть III. «На большой дороге». Л. 40.

⁶ Там же. Л. 42.

⁷ Чернецов Б. И. «Нет шапкозакидательства, нет ощущения разочарования от ненужной или провальной для СССР войны». Реэкспозиция музейного комплекса Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в выставочном пространстве Центрального музея Вооруженных сил РФ // Военно-исторический журнал. 2025. № 1. С. 70.

К. Г. Игошин (Москва)

ДИОПТРЫ (ПРИЦЕЛЫ) РОССИЙСКОЙ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

К теме прицельных приспособлений российской полевой артиллерии эпохи наполеоновских войн автор этой статьи обращался дважды в 2012 г. В рамках работы третьей конференции «Война и оружие» в ВИМАИВиВС был озвучен доклад, посвященный обстоятельствам приема на вооружение привесного диоптра (прицела) И. П. Кабанова¹. Во второй половине того же года в журнале «Старый цейхгауз» была опубликована статья «Материальная часть российской полевой артиллерии в эпоху Наполеоновских войн», один из разделов которой был посвящен прицельным устройствам². Формат этой публикации требовал краткости, кроме того, историографическая традиция создавала иллюзию относительной ясности вопроса. Примерно половина раздела также была посвящена прицелу Кабанова, рассказ о прицелах предшествующих поколений носил более описательный, нежели исследовательский характер. Выявленные за прошедшее время новые сведения позволяют подробнее осветить некоторые аспекты разработки и принятия на вооружение диоптра А. И. Маркевича и несколько откорректировать данную тогда характеристику диоптра-предшественника.

Основным для историографической традиции и на первый взгляд безусловно надежным источником знаний о прицелах этого периода является учебник для великих князей А. И. Маркевича «Руководство к артиллерийскому искусству», в котором техническое описание всех трех диоптров соединяется с мемуарным свидетельством наиболее просвещенного в этом вопросе специалиста, к тому же изобретателя одного из прицелов³.

Ил. 1. Диоптр Тютчева из экспозиции ВИМАИВиВС (№ ГК 28014394)

Вот что он пишет о диоптре, употреблявшемся в русской полевой артиллерии в конце XVIII в.: «Прежде сего употреблялись у нас диоптры с верьху торельи привинченные, кои имели три только прицела, а именно: первый или ближний прицел производился, когда был пригнут диоптр к орудию, то по сделанному вдоль диоптра жолобку можно было прицеливать орудие; второй или средний прицел производился сквозь находящуюся посреди диоптра дырочку и третий или дальний сквозь дырочку, на верьху диоптра сделанную. Сих трех прицелов весьма было недостаточно для полевых сражений, где нужно бывает стрелять весьма на многоразличныя разстояния, от чего часто должно было прицеливать орудие на угад... А при том самый дальний прицел прежняго диоптра, по низости его, лишь в 1 дюйм вышиною, был весьма недалек. Следовательно на дальние разстояния и должно было стрелять на угад, без всякаго прицела»⁴. Изображений (рисунков или чертежей) таких диоптров в рукописях или изданиях рубежа XVIII–XIX вв. нам пока не встретилось, однако однозначно опознаваемый по описанию Маркевича диоптр имеется в коллекции ВИМАИВиВС и находится в экспозиции⁵ (ил. 1).

Информацией о принятии на вооружение и разработчике (разработчиках) этого прицела Маркевич, как видно, не располагал. Отсутствуют эти сведения и в «Истории отечественной артиллерии», автор соответствующей главы которой Б. В. Кондратьев при освещении этого вопроса также опирался преимущественно на Маркевича⁶.

При написании статьи для журнала «Старый цейхгауз» мы положились на сведения, приведенные известным и уважаемым исследователем российской артиллерии периода Отечественной войны 1812 г. А. А. Смирновым в его брошюре «"Аракчеевская" артиллерия»⁷: «Первый русский артиллерийский привинтной стоечный прицел – «диоптр» Тишина появился в 80-х гг. XVIII в.»⁸. Процитированная фраза, за исключением упоминания фамилии Тишина, была позаимствована из книги М. Н. Катханова «История развития приборов русской артиллерии»⁹. К сожалению, эта монография, созданная на основе его диссертации на соискание степени кандидата технических наук, не содержит научно-справочного аппарата, поэтому неизвестно, откуда автор взял сведения о времени принятия диоптра на вооружение.

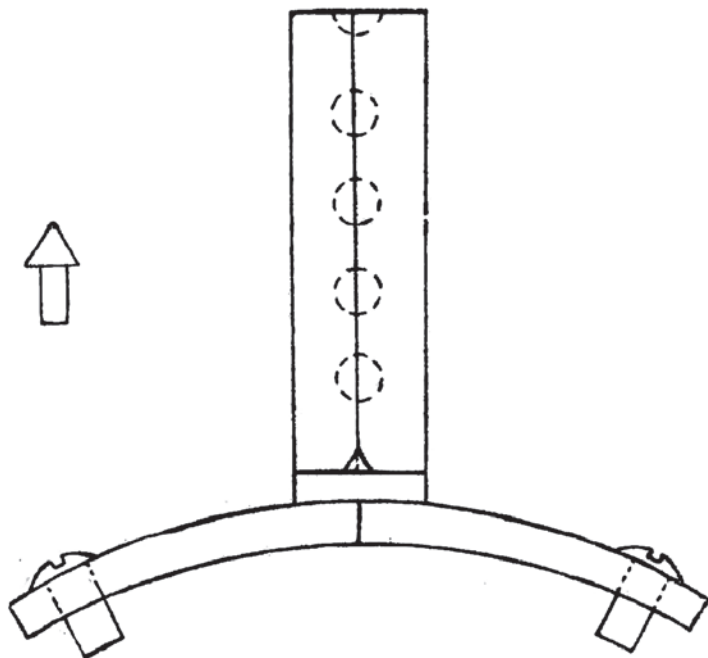
В российской артиллерии в конце XVIII – начале XIX в. при Петербургском арсенале, а затем в Артиллерийской экспедиции действительно служил артиллерийский офицер Гаврила Григорьевич Тишин, который вполне мог быть тем самым изобретателем. Однако никаких известий об этом ни в литературе, ни в источниках нам не встретилось. Пришлось обратиться за уточнениями к А. А. Смирнову¹⁰. Сверившись со своей машинописной рукописью, содержащей многочисленные редакторские правки, Александр Александрович обнаружил, что фамилия Тишина была вставлена в готовый текст от руки. Так как с момента создания рукописи (1981 г., депонированная версия – 1992 г.) прошло слишком много времени, вспомнить, откуда и на каком этапе взято это уточнение, автор не смог.

Сомнения, которые побудили выяснять происхождение сведений А. А. Смирнова, появились после знакомства со статьей В. Ф. Ратча «Практические занятия гвардейской артиллерии в царствование государя императора Павла Петровича»¹¹, на которую, в частности, ссылается и Б. В. Кондратьев в «Истории отечественной артиллерии»¹². Опираясь на неопубликованные «записки» известного российского артиллериста XVIII в.

генерал-лейтенанта А. О. Базина, полковник Ратч пишет: «Первые прицелы были введены у нас, для единого рога, графом Шуваловым, который всеми силами заботился об усовершенствовании стрельбы, но эти прицелы, вместо того, чтобы получить дальнейшее применение к прочим единого рога, после графа Шувалова пришли в совершенное забвение»¹³. А далее, говоря о периоде около 1798 г., он утверждает (без ссылок на источник): «Артиллерия снова обратилась к забытым диоптрам Шуваловских единого рога, а домогательства к его улучшению повели к дальнейшим изобретениям. В 1799 году гвардейская артиллерия употребляла уже прицел, изобретенный Маркевичем»¹⁴.

В соответствующем томе «Истории отечественной артиллерии» (в главе за авторством А. П. Барбасова и А. М. Агеева) мы находим уточнение данного утверждения: «Наконец, в 1759 г., к единого рога в качестве прицелов были приняты диоптры, изобретенные полковником Петром Тютчевым. Введение диоптров вместо прорези с мушкой выражало стремление русских артиллеристов к повышению точности стрельбы. Хотя первые диоптры были несовершенны, часто ломались при стрельбе и не получили широкого распространения в тот период, однако их изобретение и использование открыло перспективу для дальнейшего развития прицельных приспособлений в русской артиллерии»¹⁵. Здесь же приводится схематичный рисунок диоптра, принципиально соответствующий хранящимся в коллекции ВИМАИВиВС, но выше и с большим количеством прицельных отверстий (ил. 2). К сожалению, ни рисунок, ни само утверждение авторами не фундаментальны¹⁶.

Для проверки этой информации мы обратились к тексту рукописи «Русская артиллерия во второй половине XVIII века»¹⁷, которая является подготовительным материалом к упомянутой выше «Истории отечественной артиллерии». В ней свое утверждение Агеев фундаментирует ссылкой на архив ВИМАИВиВС (Архив АИМ, ф. Арсен., ех. 697, л. 83 об., 172), но иллюстрации в рукописи нет¹⁸. В этой же рукописи, в главе «Развитие материальной части артиллерии в последующие годы XVIII в.», которая была написана Агеевым в соавторстве с Г. П. Ярехой и не вошла ни в его диссертацию, ни в опубликованный вариант «Истории отечественной артиллерии», говорится о существенном усовершенствовании материальной части российской артиллерии,

Ил. 2. Изображение диоптра Тютчева из «Истории отечественной артиллерии» (Т. 1. Кн. 2. С. 195. Рис. 53)

осуществленном в начале 80-х годов XVIII в. под управлением генерала И. И. Меллера. Среди прочего автор, со ссылкой на архив ВИМАИВиВС (Архив АИМ, ф. Арсен., ех. 1068, л. 49.), утверждает, что новые орудия отливались с мушкой и имели диоптры¹⁹.

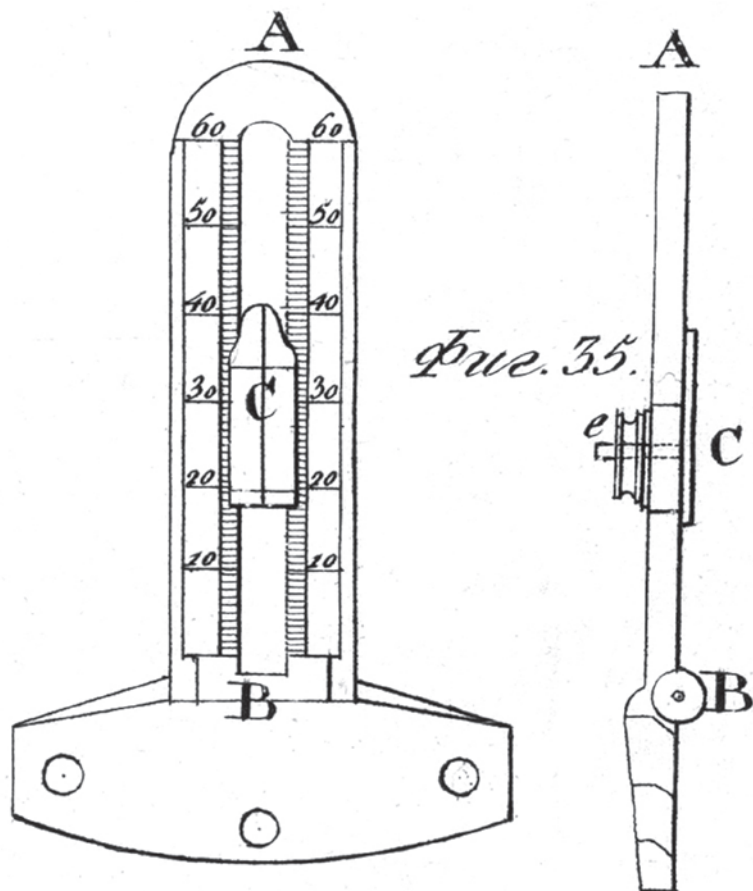
Скудная информация об использовании диоптров присутствует также в ряде опубликованных источников. В «Прибавлении о стрельбе» из «Наставления всем господам батарейным командирам» генерал-аншефа И. И. Меллера от 1 июня 1788 г. говорится: «Гибельнейшая для неприятеля стрельба в 300 сажень и ближе, в котором разстоянии наводить так, чтоб мушка была вся выше голов пехоты, а в кавалерию чрез мушку в головы, в случае же что на орудиях имеются диоптры, то метить через первый визирь в грудь неприятелю...»²⁰. В «Кратких артиллерийских записках» 1789 г. поручика А. А. Аракчеева²¹ в описании процесса наведения пушки сказано: «... тот, кто наводит орудие, усмотрит, что

точка, означающая средину казенной части или прорез диоптра, мушка, и предмет будут находиться в прямой линии»²².

На основании вышесказанного можно резюмировать, что в современной историографии нет полной верифицируемой картины разработки, принятия на вооружение и распространения ранних образцов диоптров. Крайне скудная имеющаяся информация позволяет полагать, что ранний проект откидного стоечного прицела (диоптра) был предложен для новоизобретенных единорогов полковником артиллерии Петром Тютчевым и утвержден в 1759 г. Распространение такого рода диоптров, по-видимому, началось только в 80-е г. XVIII в., в рамках неописанной в историографии реформы материальной части российской артиллерии под управлением генерала И. И. Меллера. Неизвестно, производились ли и кем именно доработки (адаптации) предложенного Тютчевым прицела в конце XVIII в. Упоминание А. А. Смирновым в качестве разработчика данного диоптра некоего Тишина мы считаем необоснованным.

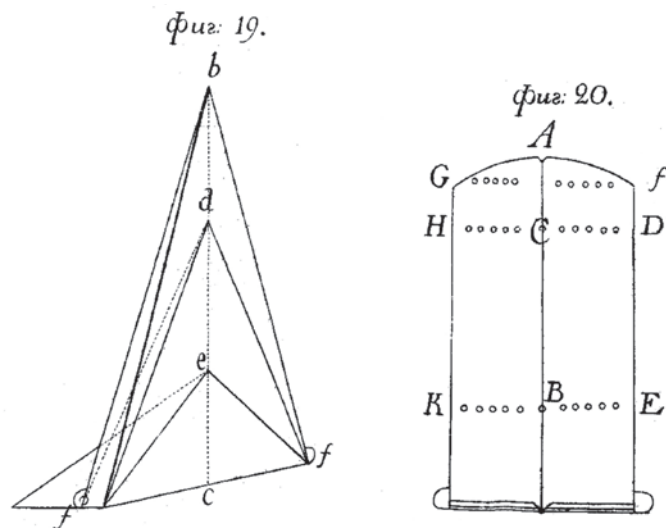
Когда и при каких обстоятельствах на смену этому диоптру пришел диоптр А. И. Маркевича, более высокий и с подвижной планкой, в которой сделаны прицельные отверстия? Вновь все сведения, тиражируемые в литературе, происходят из того же источника – от самого Маркевича: «Диоптром (*lahausse, der Viesiroder der Aufsatz*) называется привинченная сзади торельи медная прорезанная насквозь досточка, с двигающеюся в ней медною же полоскою с дырочками, служащими для прицеливания орудия в желаемое место. Полоска с дырочками, имея стальной шпенек, сквозь досточку проходящий и винтом нарезанный, может быть посредством гайки на всяком месте досточки останавливаема и чрез то подает способ поднимать и опускать на диоптре прицельные дырочки от низу и до верху. Когда не нужно орудие прицеливать, тогда диоптр на своем шолнере пригибается к заду торельи или ко дну орудия; во время же прицеливания ставится на шолнере вертикально. Таковые диоптры в 1799 году мною были предложены и в 1802 году введены в употребление»²³ (ил. 3). Однако если расширить источниковую базу, то картина разработки и принятия на вооружение получается иной.

Майор Маркевич с января 1797 г. служил в осадном артиллерийском батальоне в Петербурге (позднее этот батальон вошел в состав 1-го артиллерийского полка). До конца 1798 г. он исполнял различные поручения, в том числе работал над

Ил. 3. Изображение диоптра Маркевича из «Руководства к артиллерийскому искусству» (Т. I. Чертежи и рисунки. Л. 2. Фиг. 35). Вариант для осадной артиллерии

созданием топографической карты части побережья Финского залива, а в январе 1799 г. был назначен командиром роты в том же батальоне. В том же году во время управления артиллерией генерал-лейтенантом бароном (с 5 мая 1799 г. графом) А. А. Аракчеевым в Петербурге по Высочайшему повелению была напечатана работа Маркевича «Новые легчайшие и вернейшие способы ставить диоптры и мушки на артиллерийских орудиях и наводить оныя на градусы»²⁴. В этой небольшой по объему

Ил. 4. Изображение прицельной системы (откидные мушки и диоптр), предложенной Маркевичем в 1799 г.

книжке Андрей Иванович сделал ряд предложений, часть из которых в дальнейшем с доработками была принята в российской артиллерии. Среди них арсенальный станок для проверки и разметки изготовленных орудий, а также срезывание площадки на винграде для размещения особого квадранта, взамен вкладывавшимся в ствол или прикладывавшимся к дульному срезу. Однако предложенная им прицельная система мало походила на позднейший вариант его диоптра. Она состояла из нескольких мушек разной высоты, установленных на шарнирах, и откидного диоптра, такого же, как диоптр Тютчева, но с большим количеством отверстий для визирования, часть из которых находилась по бокам от центральной линии диоптра и должна была служить для прицеливания, если орудие находится на неровной местности и имеет перпендикулярный наклон²⁵ (ил. 4). Кроме того, Андрей Иванович предложил наносить на диоптре рядом с отверстиями разметку с указанием дальности прямого выстрела для каждого, а также предлагал составить таблицу дальностей для рикошетной стрельбы, «которая для Артиллеристов весьма может быть полезна; и сии таблицы будучи наклеены на холст, могут быть по своей малости и в поле даже с чрезвычайною пользою употребляемы»²⁶.

Выше мы цитировали В. Ф. Ратча, утверждавшего, что в 1799 г. гвардейская артиллерия «употребляла уже» новоизобретенный прицел Маркевича. К сожалению никаких подробностей он не приводит, и это утверждение не фундирует.

27 января 1800 г. по пока не установленным причинам А. И. Маркевич был исключен из службы. Но 21 марта 1801 г., вскоре после убийства Павла I, он был вновь принят на службу и определен во 2-й Кадетский корпус, в котором прослужил до самой смерти. Однако, помимо основного места службы, Андрей Иванович многие годы исполнял и иные обязанности, так или иначе связанные с научной и технической сторонами российской артиллерии. С 1804 по 1810 г. был членом Временного артиллерийского комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии (позднее Ученого комитета по артиллерийской части). 1 декабря 1801 г. он был произведен в подполковники, а 2 сентября 1802 г. «за усердную службу, а наипаче сочинение проэктов, весьма полезных для артиллерии» пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени²⁷. В настоящее время мы не располагаем данными, за какие именно «проэқты» последовало это пожалование, возможно, за внедрение арсенального поверочного станка. Видимо, в это же время Андрей Иванович представил обновленный вариант диоптра, о котором позднее напишет, что он был «введен в употребление» в 1802 г.

Но нужно ли понимать слова «введен в употребление» в значении «принят на вооружение»? В деловой переписке 5-го отделения Канцелярии инспектора всей артиллерии за первую половину 1807 г., хранящейся в научном архиве ВИМАИВиВС²⁸, находится подборка бумаг, присланная в начале года от Временного артиллерийского комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии, касающихся проектов прицелов полевой артиллерии, предложенных членами этого комитета подполковником 2-го Кадетского корпуса А. И. Маркевичем и директором Пажеского корпуса полковником артиллерии И. Г. Гогелем. Среди прочего в этой подборке находится собственноручная записка А. И. Маркевича «Замечания о пушечных выстрелах», датированная 11 сентября 1803 г.²⁹, в которой рассказывается об опытных стрельбах из пушек всех калибров полевой артиллерии с использованием разработанного Маркевичем стоечного прицела.

Из записки видно, что Маркевич экспериментировал с высотой мушек, на практике убедившись, что излишне высокие

мушки сокращают дальность выстрела. «Сие самое и заставило меня унижить помянутыя мушки по тому более, что оставя их таковыми, должно бы было иметь на орудиях с лишком высокие диоптры, дабы стрелять на дальние разстояния... Чем выше диоптр, тем более может вкрадываться неверности в прицелы, а следовательно и в самыя выстрелы...»³⁰. Чертежа диоптра при записке нет, и описание как таковое отсутствует, однако на основании текста можно составить характеристику данного его варианта: диоптр закреплен на стволе на шарнире, на нем обозначены деления («черты»), с указанием дальности прямого выстрела для каждого из них, прицел теперь имеет подвижную планку («подвижную дырочку»), которая позволяет осуществлять прицеливания на любые дальности: «нужно только поставить прицельную подвижную дырочку между такими прицелами или числами диоптра, между коими находится то разстояние, на кое попасть желаешь»³¹. То есть этот вариант диоптра в целом соответствует описанию из «Руководства к артиллерийскому искусству», однако имеет отличия в разметке и выполнен в едином размере для орудий всех калибров. Кроме того, из записки явствует, что это не окончательный утвержденный вариант прицела, а экспериментальный образец.

Эта записка является приложением к главному документу – рапорту от имени Артиллерийского комитета, датированному 7 января 1807 г.³² В рапорте содержится рекомендация принять новоизобретенный диоптр Маркевича на вооружение, при этом изложена хронологическая последовательность усовершенствований и испытаний этого прицела.

Записка Маркевича об испытаниях прицела 1803 г. поступила от Аракчеева для рассмотрения в Комитет (созданный 24 февраля 1804 г.) в ноябре 1804 г. Было принято решение произвести дополнительные опытные стрельбы, на этот раз не только из пушек, но и из единорогов. Стрельбы были намечены на лето следующего 1805 г. Для этого 5 декабря 1804 г. Артиллерийская экспедиция Военной коллегии предписала Маркевичу изготовить «при здешнем арсенале под его смотрением два образцовых диоптра» для этих испытаний³³.

Однако 27 мая 1805 г. Маркевич представил в Комитет образцовый экземпляр нового варианта своего прицела, который уже не имел на планке указания дальностей прямого выстрела, но был разделен на равные отрезки, показывающие степень возвышения

прицельного визира. Суммарная высота прицельной планки, разделенная на отрезки по 10 линий, составляла 3 английских дюйма. Причиной такой перемены стало осознание Маркевичем того, что реальные дальности выстрела зависят от многих переменных (погоды, качества пороха в партии, постоянно увеличивавшегося износа ствола и т. п.), и нанесенные на прицел однажды установленные дальности могут в боевых условиях мешать прицеливанию, «приводя в заблуждение и даже в беспечность артиллериста»³⁴. При этом вновь предполагалось, что каждый артиллерист мог бы опытным путем составить для своего орудия примерную таблицу дальностей.

Представленный диоптр и пояснительная к нему записка полностью удовлетворили Комитет, однако остался невыясненным вопрос высоты мушек, которую должно было определить для использования данного диоптра. Для этого были предложены стрельбы из всех семи видов орудий, использовавшихся в это время в российской полевой артиллерии. На Санкт-Петербургском арсенале должны были быть изготовлены семь диоптров, которые следовало установить на орудия, имеющиеся при Арсенале или «вернейшие» из Гвардейского артиллерийского батальона. Также на эти орудия должны были быть установлены мушки такой высоты, чтобы линия, проведенная от верхней точки торельного пояса до мушки, была параллельна оси канала ствола.

Стрельбы на Волковом поле удалось организовать только в августе 1806 г. При этом в Петербурге не оказалось ни одного 3-ф. и 1/4-п. единорога для конной артиллерии. При испытаниях изначально высокие мушки постепенно укорачивали, для того чтобы найти наиболее выгодную высоту: о недостатках излишне высоких мушек мы уже писали выше, низкие же мушки при высоком диоптре приводили к тому, что «линия прицела с линией канала будет пересекаться весьма в близком разстоянии от орудия, и тогда, стреляя на сих ближних разстояниях, выстрелы пойдут выше тех предметов, куда станешь целить»³⁵.

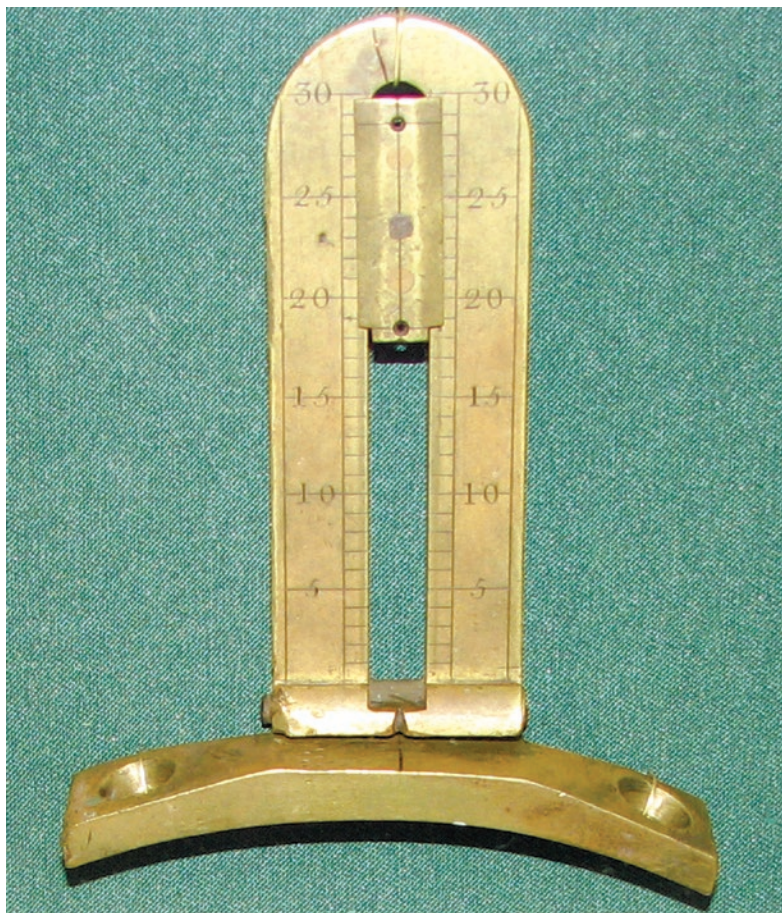
Судя по тому, что максимальная прицельная дальность у новой версии диоптра оказалась значительно больше, чем у версии, испытанной в 1803 г., можно предположить, что этот диоптр с 3-дюймовой прицельной планкой был выше своего предшественника. Так, максимальная дальность прежнего диоптра для самой мощной 12-фунтовой пушки средней пропорции составляла 400 сажень, а у прицелов новой модификации с новыми

мушками максимальная прицельная дальность легкой 6-фунтовой пушки была уже 600 саженьей.

Результатом стрельб было определение высот мушек для всех видов орудий, причем для тех видов единорогов, которые не участвовали в испытаниях, она была рассчитана по аналогии с прочими. Высота мушек определялась не в абсолютном выражении, а с учетом толщины (высоты) дульного возвышения, которая из-за несовершенства производства могла быть немного разной и у орудий одного типа. Также в ходе стрельб было определено, что для орудий легкой артиллерии высоты прицельной планки диоптра в 3 дюйма достаточно, а для орудий батарейной артиллерии, так как «иногда нужно из оных встретить своими выстрелами неприятеля и на дальнейшем сего разстоянии», необходимо делать диоптры на дюйм выше.

В своем рапорте Временный артиллерийский комитет резюмировал: «Касательно же конструкции сего изобретенного Г-ном Подполковником Маркевичем диоптра, Комитет, находя оный во всех частях удобным и неподверженным ни ломки ниже какой либо порче, бывши в своем механизме весьма несложным; а посему и одобрить его совершенно должно; выгода же его при действовании из орудий всякому конечно будет ощутительна и всякой найдет ее превосходною, а особливо пред употребляемым ныне в Артиллерии диоптром, которой имеет на себе только три цели, следовательно и три пункта только находится, куда при оном верно стрелять можно, но сей Подполковника Маркевича диоптр на всякой пункт того разстояния на кое орудие в состоянии только действовать иметь будет особую цель, ибо подвижная в нем планочка по мере удаления предмета может подвигаться сколько надобно в верх. И таким образом всякой Артиллерист может действовать из своего орудия с совершенным успехом»³⁶.

Решение графа Аракчеева по вопросу прицела Маркевича последовало весной того же 1807 г. 2 мая в оба арсенала, на которых изготавливались орудия полевой артиллерии (Санкт-Петербургский и Брянский), были отправлены предписания «О зделании диоптров противу препровождаемых при сем двух образцовых ко всем орудиям какия будут впредь отливаться»³⁷. На следующий день два образцовых диоптра с сопроводительным письмом такого же содержания, что и в указанных выше предписаниях, были отправлены в Артиллерийскую экспедицию для хранения при делах³⁸. Предписанные диоптры должны были

Ил. 5. Диоптр Маркевича из экспозиции ВИМАИВиВС (№ ГК 24398514)

отгибаться назад, к винграду, что было возможно делать только на орудиях без запальной раковины на торели, производство которых налаживалось как раз в это же время³⁹, и мы полагаем, что задержка с принятием решения о прицелах была связана именно с этим.

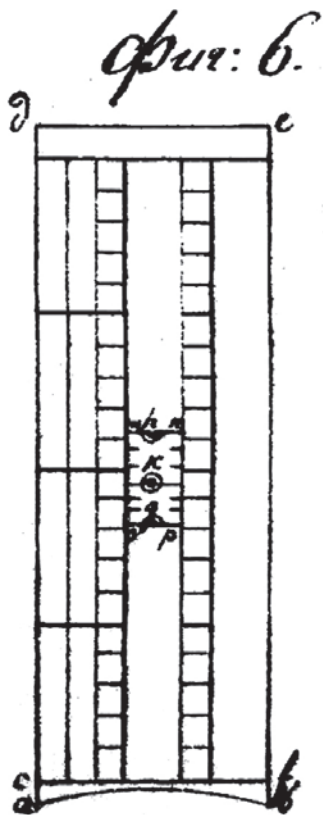
Возникавшие в ходе наладки производства вопросы решались по мере возникновения. Так, например, в конце мая 1807 г. в ответ на запрос начальника Брянского арсенала полковника

Ф. А. Бухмейера о том, как именно привинчивать диоптры к торели, на поверхности ее, или же они должны «всечены быть в тарель», Аракчеев приказал выяснить этот вопрос у начальника Санкт-Петербургского арсенала полковника П. И. Тимлера⁴⁰. Мы не располагаем сведениями, когда была утверждена модификация данного прицела для крепления к орудиям прежнего образца. Такие прицелы устанавливались так же, как диоптр Тютчева, на торельное кольцо и пригибались не к винграду, а к казенной части ствола (в коллекции ВИМАИВиВС такие диоптры имеются⁴¹) (ил. 5). Испытывавшиеся Комитетом в 1806 г. диоптры ставились как на такие старые орудия, так и на экспериментальные, с новым положением затравки, т. е. были отработаны оба варианта установки⁴².

Во второй половине 1807 г. подполковником бароном К. К. Плотно была выпущена вторая часть атласа справочных чертежей для артиллерийских рот, в которой присутствует «Чертеж мушкам и диоптрам для полковых и батарейных орудий»⁴³, а к концу года изданы «Краткие записки об оковках» к ним⁴⁴, где также присутствуют сведения о размерах новых мушек и диоптров.

Таким образом, реальный ход разработки и приема на вооружение прицелов Маркевича существенно отличается от версии, представленной им на страницах учебника для великих князей. Прицел был разработан не в 1799 г., а существенно позже — в 1805-м. Окончательная его доработка и испытания заняли еще два года, так что принятие на вооружение произошло не в 1802 г., а лишь в мае 1807-го. Т. е. во всех многочисленных войнах, которые вела Россия в начале XIX в., вплоть до Русско-шведской войны 1808–1809 гг., когда на орудиях стали появляться новые диоптры, российская полевая артиллерия была вынуждена пользоваться крайне несовершенным прицельным приспособлением, восходящим к середине XVIII в., или обходиться вообще без диоптров. Скорость же распространения в полевой артиллерии нового прицела пока остается неизвестной.

Ответ на вопрос, почему А. И. Маркевич постарался ввести в заблуждение своих читателей, находится на листах уже упомянутой переписки 5-го отделения Канцелярии инспектора всей артиллерии за первую половину 1807 г. Давая более ранние даты, он защищал свой изобретательский приоритет и камуфлировал некрасивую ситуацию, которая имела место при утверждении его диоптра и повлекла неприятные для него последствия.

Ил. 6. Изображение прототипа
диоптра Гогеля 1805 г.
АВИМАИВиВС. Ф. 3.
Оп. Инсп. Д. 764. Л. 56

Во время практических артиллерийских учений 1805 г. в Москве командир батареинной роты 8-го артиллерийского полка полковник И. Г. Гогель 2-й частным образом испытал деревянный прототип разработанного им приставного диоптра с подвижной прицельной планкой, основанного на тех же принципах, что и диоптр Маркевича (ил. 6). Вскоре после этого, в начале лета он был переведен в Петербург в 1-й артиллерийский полк на должность командира одного из батальонов этого полка, совмещенную с должностью командира одной из батареинных рот. Одновременно его кандидатура была представлена графом Аракчеевым к определению в члены Временного комитета по артиллерийской части⁴⁵. В августе того же года он представил графу Аракчееву записку «Мнение о диоптрах артиллерийских орудий»⁴⁶, в которой сурово раскритиковал стоящий на вооружении диоптр, назвав его «ни к чему не служащим»,

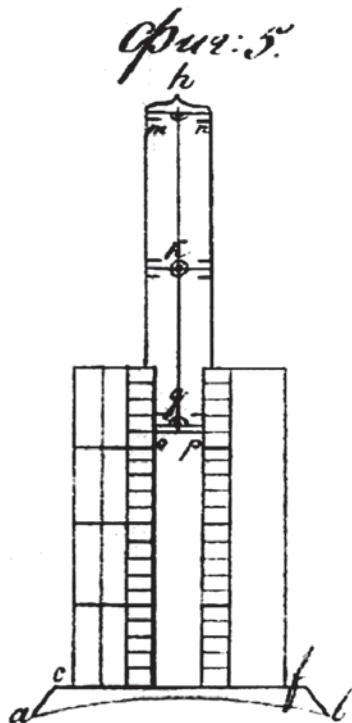
подробно описал принцип работы диоптра своего изобретения, который назвал «прицельною машиною», и предложил его для дальнейшего рассмотрения и доработки (ил. 7).

В сентябре 1805 г. Гогель со своим батальоном отправился в поход в составе корпуса генерал-лейтенанта П. А. Толстого, который продлился до весны 1806 г. Его записка об изобретенном им диоптре поступила на рассмотрение в Артиллерийский комитет только 16 апреля 1806 г. Члены Комитета, уже принявшие к этому времени принципиальное решение по проекту Маркевича, не

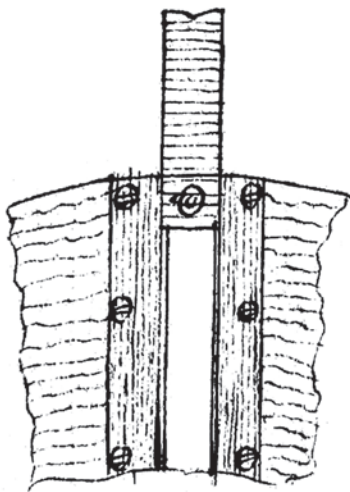
сочли нужным организовывать изготовление и испытание диоптра Гогеля. Однако ситуация осложнилась тем, что в октябре 1806 г. в карьере Ивана Григорьевича произошла существенная перемена: он покинул строевую службу и был переведен на научно-преподавательскую работу. 11 октября он впервые явился на заседание Комитета в качестве его полноправного члена, предъявив своим новым коллегам соответствующее предписание Аракчеева⁴⁷, а 30 октября высочайшим приказом был назначен директором Пажеского корпуса.

Временный артиллерийский комитет в это время состоял из «главноприсутствующего» – командира лейб-гвардии Артиллерийского батальона генерал-майора И. Ф. Касперского, подполковника 2-го Кадетского корпуса А. И. Маркевича, присутствующего Артиллерийской экспедиции военного советника «подполковничьего чина» А. А. Завороткова, командира легкой роты 6-й артиллерийской бригады майора барона К. К. Плотто и переводчика Артиллерийской экспедиции коллежского асессора Н. М. Астафьева. При этом Заворотков и Астафьев все второе полугодие 1806 г. не принимали участия в заседаниях Комитета. Первый по причине большой занятости на основном месте службы, второй, видимо, из-за болезни, от которой он 27 ноября 1806 г. скончался. Поэтому в испытаниях прицела Маркевича, помимо него самого, участвовали только Касперский и Плотто.

Именно Касперский и Плотто, не поставив в известность своего нового коллегу и автора одного из оцениваемых проектов, подписали цитированный нами рапорт Комитета от 7 января 1807 г.,

Ил. 7. Изображение диоптра Гогеля 1805 г. АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инсп. Д. 764. Л. 56

Ил. 8. Изображение первоначального варианта диоптра Гогеля 1807 г. АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инсп. Д. 764. Л. 73 об.

в котором прицел Маркевича рекомендовался к принятию на вооружение, а проекту Гогеля давалась хотя и благожелательная оценка, с похвалой его знаниям, но заключалось: «... ввести в употребление сей диоптр Комитет не полагает потому, что изобретенной прежде сего Г-ном Подполковником Маркевичем диоптр, которой уже ныне и употребляется в артиллерии гораздо удобнее, как выше изъяснено по своему весьма простому устройению и прочим выгодам»⁴⁸.

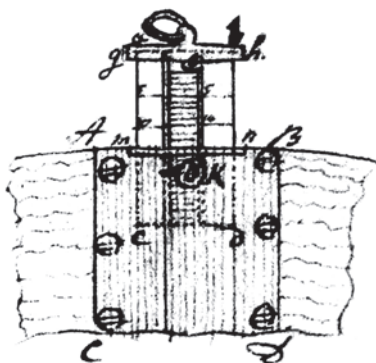
Иван Григорьевич узнал об этом заключении постфактум, случайно, и был чрезвычайно возмущен! 23 января он направил в Комитет свой формальный протест, который назвал

«Голос Члена Комитета сего Полковника Гогеля касательно сделанного Комитетом Г-ну всей Артиллерии Инспектору и ковалеру Графу Аракчееву донесения о диоптрах»⁴⁹. В этой записке он выразил свое несогласие с формой произошедшего: «не могу не изъяснить Комитету моего удивления о том что он мог определить, не только без согласия, но даже вовсе без ведома моего, сделать решительное донесение о таком предмете в котором я, сверх того Член Комитета, без коего следовательно ничего делать не должно, еще особенно личное участие имею»⁵⁰; также не преминул заметить, что был оскорблен похвалой своим знаниям: «На конец за помещенную мне похвалу принося мою благодарность Комитету объявляю что по мнению моему ни как нам не принадлежит судить о личных достоинствах кого бы то ни было а еще менее сочлена своего»⁵¹.

Но помимо этого, категорически не согласившись с рекомендацией о принятии на вооружение прицела Маркевича, Гогель предложил новый проект диоптра, который разработал во время заграничного похода в Ганновер. Предлагаемый на этот раз выдвижной диоптр, расположенный в углублении («выдолбке») на торели

орудия, по своей конструкции напоминал французские выдвижные диоптры и, по словам Гогеля, также учитывал устройство новых британских прицелов, которые он увидел у союзников в Ганновере⁵² (ил. 8 и 9). 25 января из Комитета на имя графа Аракчеева был отправлен рапорт, в котором предлагалось новый проект Гогеля взять в разработку⁵³. К рапорту также был приложен и его «Голос». (Примечательно, что подписан этот рапорт был одним Гогелем⁵⁴.) На рапорте есть карандашная пометка, что Касперскому было устно приказано сделать «таковую деревянную диоптру». Мы не располагаем сведениями, испытывался ли этот проект, в литературе и опубликованных источниках никаких упоминаний об этом нет.

16 февраля 1807 г. Гвардейский артиллерийский батальон выступил из Петербурга в Пруссию. В связи с этим 22 февраля генерал-майор Касперский был исключен из членов Комитета, а «главноприсутствующим» согласно старшинству в чине был назначен полковник Гогель⁵⁵. С этого момента соперничество между А. И. Маркевичем и И. Г. Гогелем, которое по особенностям характеров обоих сразу же перешло во вражду, приобрело невыгодный для Андрея Ивановича оборот. Эта вражда продлилась как минимум до начала 1810 г., когда Гогелю удалось-таки выдать Маркевича из Комитета, причем и само увольнение сопровождалось скандалом. Впрочем, об этом мы уже писали подробно в 2013 г.⁵⁶

Ил. 9. Изображение «исправленного» варианта диоптра Гогеля 1807 г. АВИАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инсп. Д. 764. Л. 74

¹ Игошин К. Г. Немедленно ввести оный в употребление // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 439–449.

² Игошин К. Г. Материальная часть российской полевой артиллерии в эпоху Наполеоновских войн. 1805–1815. Ч. 1 // Старый цейхгауз. 2012. № 3(47). С. 74–86. О прицелах: С. 82–84.

³ Маркевич А. И. Руководство к артиллерийскому искусству для употребления их императорских высочеств государей и великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Т. I. СПб., 1820. С. 26; Т. II. СПб., 1824. С. 32–38.

⁴ Там же. Т. II. С. 32–33.

⁵ № ГК 28014394. В коллекции ВИМАИВиВС также имеется конструктивно схожий экземпляр (№ ГК 35050586), который при этом выглядит более высоким.

В коллекции Бородинского военно-исторического музея-заповедника хранится альбом «Рисунки обмундирования и чертежи Артиллерии с 1798 по 1848 год», который является приложением к «Краткому обозрению состояния артиллерии с 1798 по 1848 год», поднесенному Великому князю Михаилу Павловичу в день 50-летнего юбилея нахождения в звании генерал-фельдцейхмейстера. На одном из листов этого альбома («Госкаталог» №: 47645890) имеется схематичное изображение такого же прицела, названного (ошибочно) «Диоптром 1798 года». (Любопытно, что в тексте «Краткого обозрения» сведений о дате принятия этого диоптра на вооружение нет.).

⁶ История отечественной артиллерии / под ред. Б. А. Светлосанова. Т. 1. Кн. 3. М., 1962. С. 21–22.

⁷ Смирнов А. А. «Аракчеевская» артиллерия. Русская артиллерия системы 1805 года / Военно-историческая серия «Рейтар». № 7. М.: «Рейтар», 1998. Ранее тексты А. А. Смирнова, из которых было составлено это издание, публиковались в альманахе «Военно-историческая фигурка», издаваемом петербургским Клубом любителей военно-исторической миниатюры (Клуб ЛВИМ). Сообщения Смирнова выходили с 3 по 10 номера альманаха, а в 11-м номере (1998) есть авторская заметка о выходе в издательстве «Рейтар» брошюры с большим количеством печаток. Раздел, посвященный прицельным приспособлениям, был опубликован в 1997 г. в № 8.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Катханов М. Н. История развития приборов русской артиллерии. М., 1955. С. 28.

¹⁰ Это не было затруднительным, так как мы на протяжении ряда лет работали совместно, в соседних кабинетах. Происходило это в 2013–2014 гг., точнее припомнить дату события более чем 10-летней давности не представляется возможным.

¹¹ Ратч В. Ф. Практические занятия гвардейской артиллерии в царствование государя императора Павла Петровича // Артиллерийский журнал. 1853, № 4. С. 313–339.

¹² История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 3. С. 22.

¹³ Ратч В. Ф. Практические занятия гвардейской артиллерии в царствование государя императора Павла Петровича. С. 328.

¹⁴ Там же. С. 331.

¹⁵ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 195–196. Далее, на с. 197 утверждается, что те же прицелы Тютчева употреблялись и на «секретных» гаубицах второго поколения (1758 г.).

¹⁶ Тот же самый текст и то же самое изображение, также без ссылок, присутствуют и в кандидатской диссертации А. М. Агеева, которая легла в основу данной главы «Истории отечественной артиллерии». См.: Агеев А. М. Реформы 50–60-х гг. XVIII века в русской артиллерии: Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1955. С. 144–145, 153.

¹⁷ Русская артиллерия во второй половине XVIII века: отчет по теме № 154-52-10. Л., 1953. [Машинописный текст]. 536 с. Подробнее об этой рукописи мы писали

в 2021 г.: Игошин К. Г. О русском единороге. К вопросу о разработке и развитии единорогов как артиллерийской системы // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды десятой Международной научно-практической конференции 12–14 мая 2021 года. Ч. II. СПб., 2021. С. 78. Необходимо сделать существенное уточнение к списку авторов, приведенному в нашей публикации 2021 г.: Шкафов являлся руководителем научного коллектива, а ответственным исполнителем был А. М. Агеев.

¹⁸ Русская артиллерия во второй половине XVIII века. С. 115, 126.

¹⁹ Там же. С. 186–187, 193, 202.

²⁰ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 2. Приложения. СПб., 1894. Приложение 6-е (ошибочно указано 4-е). С. 49–50.

²¹ Краткия артиллерийския записки, для наставления унтер-офицеров, в новоучрежденных артиллерийских батальонах, сочиненныя при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе. СПб., 1789. Авторство дается по: Ратч В. Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве // Военный сборник. № 5. 1861. С. 42.

²² Краткия артиллерийския записки. С. 37.

²³ Маркевич А. И. Руководство к артиллерийскому искусству. Т. I. С. 26.

²⁴ Маркевич А. И. Новые легчайшие и вернейшие способы ставить диоптры и мушки на артиллерийских орудиях и наводить оныя на градусы, с приобщением разсуждения о прицеливании орудий, высоте и виде мушек и диоптров на оных; предложены от Артиллерии Майором Маркевичем. СПб., 1799.

²⁵ Там же. С. 21–32. Чертежи: фиг. 19–20.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058, ч. 3. Формулярные списки. Л. 1091.

²⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инсп. Д. 764.

²⁹ Там же. Л. 60–66. Этот интереснейший документ был нами опубликован: Игошин К. Г. Записка подполковника А. И. Маркевича «Замечания о пушечных выстрелах» // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. XX: Сборник материалов. М., 2023. С. 314–323.

³⁰ Там же. С. 315.

³¹ Там же. С. 316.

³² АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инсп. Д. 764. Л. 25–35 об.

³³ Там же. Л. 25 об.

³⁴ Там же. Л. 27 об.

³⁵ Там же. Л. 29 об.

³⁶ Там же. Л. 31 об.

³⁷ Там же. Д. 733. Л. 107–107 об.

³⁸ Там же. С. 111.

³⁹ См. подробнее: Игошин К. Г. Эволюция конструкции стволов орудий российской полевой артиллерии в период 1805–1812 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Второй Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2011 года. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. С. 306–308.

⁴⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инсп. Д. 733. Л. 116.

⁴¹ В экспозиции представлен диоптр для легкой и конной артиллерии (№ ГК 24398514), а также в фондах имеется диоптр для батарейной артиллерии (№ ГК 35050651).

⁴² АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инсп. Д. 764. Л. 37–43.

⁴³ Плотно К. К. Чертежи пантонной фуры переднему и заднему ходам, пантону с его принадлежностью, походной кузницы, постановлению на всех орудиях полевой артиллерии мушек и диоптров, заготовлению разного леса для всех до полевой артиллерии касающихся предметов, повозкам для инструментов, роспусков и вновь исправленным оковкам при полковых и батарейных лафетах, при батарейном передке и зарядном ящике. Ч. II. СПб., 1807.

⁴⁴ Плотно К. К. Краткие записки показывающие, сколько и каких именно оковок употребляется к пантонной фуре, пантону и его принадлежности, походной кузнице, повозке для инструментов, роспускам для возки при артиллерии запасных колес и прочего запасного леса, и к ведру для коломази, с означением их номеров и знаков или букв коими они клеймятся; с приложением описания разнаго сорта каната при полевой артиллерии и пантонах употребляемого, также таблиц показывающих размер пантонной фуры, пантона и его принадлежности, походной кузницы, повозки для инструментов, роспусков, мушек и диоптров на всех полковых и батарейных орудиях постановляемых; с приобщением к оному двух ведомостей о разных сортах железа для выделывания оковок к оным орудиям и заготовления для оных разнаго леса; и наконец, с прибавлением вновь исправленных оковок при полковых и батарейных лафетах, при батарейном передке и зарядном ящике. СПб., 1807.

⁴⁵ АВИМАИВнВС. Ф. 3. Оп. Инсп. Д. 640. Л. 70.

⁴⁶ Там же. Д. 764. Л. 46–56.

⁴⁷ Там же. Д. 710. Л. 274 об.

⁴⁸ Там же. Д. 764. Л. 35.

⁴⁹ Там же. Л. 71–78.

⁵⁰ Там же. Л. 72.

⁵¹ Там же. Л. 77.

⁵² Там же. Л. 73.

⁵³ Там же. Л. 70–70 об.

⁵⁴ Рапорты и отношения от имени Комитета подписывал либо «главноприсудствующий», либо, в случае его отсутствия по уважительным причинам, старший в чине присутствующий офицер. Видимо, в данном случае Касперский был занят подготовкой своего батальона к походу.

⁵⁵ Там же. Д. 733. Л. 28–28 об.

⁵⁶ Игошин К. Г. Как ссорились Иван Григорьевич и Андрей Иванович. (К вопросу о личных отношениях в коллективе Временного артиллерийского комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии) // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 245–249.

В. В. Ионов (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ Артиллерийской разведки накануне Висло-Одерской наступательной Операции 1945 г.

В результате успешных действий Красная армия к концу 1944 г. в основном изгнала врага из пределов Советского Союза и освободила Румынию, Болгарию, часть Польши и Югославии, большую часть Венгрии. Советские войска вступили в пределы Чехословакии.

Под ударами Красной армии окончательно разваливался блок фашистских государств. Уже и бывшие гитлеровские сателлиты вступали против него в войну на стороне антифашистской коалиции.

К началу 1945 г. линия советско-германского фронта проходила от Лиепаи через Тильзит, Варшаву, Сандомир, оз. Балатон, а далее по р. Драве на территории Югославии.

Перед Красной армией в начале 1945 г. стояла историческая задача – добить вермахт, завершить освобождение стран Восточной и Юго-Восточной Европы и совместно с союзниками по антигитлеровской коалиции принудить нацистскую Германию к безоговорочной капитуляции.

Для достижения этой цели Ставка Верховного Главнокомандования спланировала ряд наступательных операций.

Начало действий Красной армии намечалось на 20 января 1945 г., но в связи с тем, что войска противника нанесли сильный удар по союзникам в Арденнах и начали их быстро теснить к Атлантическому побережью, премьер-министр Великобритании У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с просьбой ускорить наступление с востока.

Сталин, как известно, ответил, что несмотря на неблагоприятные условия погоды, Ставка Верховного Главнокомандования решила, учитывая обстановку на западе, усиленными темпами закончить подготовку и начать широкие наступательные действия против врага по всему центральному участку советско-германского фронта не позже второй половины января¹.

Верное своему союзническому долгу, советское командование приняло ряд необходимых мер и ускорило сроки перехода в наступление: 1-му Белорусскому фронту предписывалось начать наступление 14 января, а 1-му Украинскому фронту – 12 января 1945 г.

Германское командование в ожидании наступления Красной армии со среднего течения Вислы сосредоточило на данном направлении более 28 дивизий, объединенных в группу армий «А» (9-я полевая, 4-я танковая армии и главные силы 17-й полевой армии)².

Эту достаточно сильную группировку предстояло разгромить 1-му Белорусскому (командующий – Маршал Советского Союза Г. К. Жуков) и 1-му Украинскому (командующий – Маршал Советского Союза И. С. Конев) фронтам при активном содействии авиации дальнего действия³ (командующий – главный маршал авиации А. Е. Голованов).

Висло-Одерская стратегическая наступательная операция, проведенная советскими Вооруженными силами в период с 12 января по 3 февраля 1945 г., по количеству участвовавших в ней сил и средств, размаху и результатам вошла в историю как одна из крупнейших операций Второй мировой войны. К концу ее ширина полосы наступления войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов достигла 1000 км, а глубина их продвижения – 500 км.

Красная армия при участии 1-й армии Войска Польского и польских партизан освободила западные и южные районы Польши, в том числе ее столицу Варшаву, вышла на Одер в 60–70 км от Берлина. В ходе наступления были полностью уничтожены 35 и разгромлены 25 вражеских дивизий, захвачено более 147 тыс. пленных, около 14 тыс. орудий и минометов, до 1400 танков и штурмовых орудий⁴.

Успех Висло-Одерской наступательной операции был обусловлен тщательно проведенной разведкой, в том числе и артиллерийской. В период предварительной подготовки обычно

проводились мероприятия по изучению театра военных действий и возможных операционных направлений, доукомплектованию соединений армий и их боевой подготовке, приведению в порядок военной техники и материальной части войск, накоплению материальных ресурсов⁵. Теперь нужно было добывать данные о противнике главным образом с помощью агентурной и авиационной разведки и разведки наземных войск. «На эту важную сторону дела было обращено особое внимание командования штабов всех степеней», – сказал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков⁶.

Перед магнушевским, пулавским и сандомирским плацдармами линия фронта оставалась стабильной более четырех месяцев, и за это время органы разведки 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов смогли всесторонне изучить противостоящего им врага. Магнушевский плацдарм, как и другие плацдармы на Висле, стал воротами, через которые советские войска двинулись на освобождение Польши. Уже ко времени получения фронтами директивы Ставки на проведение Висло-Одерской наступательной операции усилиями всех видов разведки, главным образом воздушной, был накоплен достаточно обширный разведывательный материал о составе и группировке войск противника, о характере и построении воздвигаемой им обороны.

Разведка действовала непрерывно, своевременно добывая данные о вражеских войсках. Знать, что за противник сидит в первой траншее и каковы его намерения, интересно и важно, но далеко не достаточно⁷. Требовалось вести разведку глубокую, чтобы хорошо представлять себе, что делается в тылу противника за десять, тридцать, пятьдесят километров от его переднего края. Это не значит, что командир роты или батальона должен вести разведку на такую глубину. У него нет для этого сил и средств. Но он мог и должен был стремиться как можно дальше просматривать позиции противника и впередилежащую местность. Только тогда атаки врага не будут для него неожиданными. Глубокую разведку вели командиры дивизий, корпусов и армии. У них для этого было больше возможностей.

Документы свидетельствуют, что начиная с декабря 1944 г. основные усилия всех видов и органов разведки все более концентрировались на изучении тактической вражеской обороны, и прежде всего на изучении его главной полосы обороны. В решении этой задачи решающая роль отводилась артиллерийской разведке, которая должна была вскрыть состав и группировку

артиллерии и минометов противника, определить с необходимой точностью их огневые позиции, выявить систему пулеметного огня и оборонительных сооружений как на переднем крае, так и в глубине обороны.

Опыт боевых действий показал, что успешное выполнение этих задач обеспечивалось наличием в составе фронтов мощных средств инструментальной и воздушной артиллерийской разведки, а также действиями разветвленной и многочисленной войсковой разведки. Так, в составе 1-го Белорусского фронта имелось 13 разведывательных артиллерийских дивизионов, 93-й (подполковник К. М. Мясоедов), 98-й (подполковник И. С. Тищенко) отдельные корректировочные разведывательные авиационные полки, а также 4-й (майор Г. Г. Галат), 6-й (подполковник М. Г. Комаров) воздухоплавательные дивизионы аэростатов артиллерийского наблюдения. Все эти средства, за исключением двух разведывательных дивизионов, действовавших в полосах 47-й (командующий – генерал-лейтенант Ф. И. Перхорович) и 1-й (командующий – генерал дивизии С. Поплавский) армий Войска Польского, были задействованы на магнусhevском и пулавском плацдармах. Распределение их между армиями первого эшелона было произведено с расчетом, чтобы в полосе каждой армии главного направления действовало два–три разведывательных дивизиона, эскадрилья артиллерийской авиации, один–два отряда аэростатов наблюдения. Например, в полосе 5-й ударной армии (командующий – генерал-полковник Н. Э. Берзарин) к началу операции были развернуты 725-й (майор А. Н. Левин), 821-й (подполковник И. П. Косторных) отдельные разведывательные артиллерийские дивизионы, разведывательный артиллерийский дивизион 44-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады (гвардии полковник И. А. Соколов), 1-й и 2-й отряды аэростатов 4-го воздухоплавательного дивизиона аэростатов артиллерийского наблюдения. Кроме того, армии была придана эскадрилья 98-го отдельного корректировочного разведывательного авиационного полка. Плотность средств инструментальной разведки в полосе армии составляла 4 км на один разведывательный дивизион. Всего на северном (магнусhevском) плацдарме было развернуто восемь разведывательных дивизионов, действовавших со средней плотностью 5–6 км на дивизион, а на южном (пулавском) плацдарме – три дивизиона, действовавших с плотностью до 10 км на дивизион.

Вместе с тем столь высокая плотность средств артиллерийской инструментальной разведки была достигнута лишь незадолго до начала операции, так как они развертывались постепенно. Первоначально, примерно до середины декабря 1944 г., на плацдармах были развернуты штатные разведывательные дивизионы 43-й гвардейской (гвардии полковник П. А. Кобрин) и 62-й пушечных артиллерийских бригад (полковник Е. М. Ефимов) 8-й и 69-й армий, 810-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион фронтового подчинения и 725-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион 22-й артиллерийской дивизии прорыва РГК (генерал-майор артиллерии Д. С. Зражевский). Затем на плацдармы были выведены штатные разведывательные дивизионы армейских пушечных артиллерийских бригад 61-й (командующий – генерал-полковник П. А. Белов), 5-й ударной и 33-й (командующий – В. Д. Цветаев) армий, которые до начала оперативного развертывания и смены войск находились еще в своих районах сосредоточения. Эти дивизионы были развернуты в полосах предстоящих действий своих армий. В последнюю очередь по мере прибытия к участкам прорыва на плацдармах развертывались средства инструментальной разведки артиллерийских соединений РГК (112-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион (майор П. Г. Фролкин) 6-го артиллерийского корпуса прорыва РГК, 821-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион 4-го артиллерийского корпуса прорыва РГК, 45-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион (подполковник Б. Г. Барановский) 4-й корпусной артиллерийской бригады и дивизион 136-й пушечной артиллерийской бригады (полковник А. П. Писарев) 3-й ударной армии).

До начала развертывания и смены войск руководство деятельностью всех последовательно наращиваемых на плацдармах средств инструментальной разведки осуществляли штабы артиллерии 8-й гвардейской (начальник штаба – гвардии полковник Ф. М. Хижняков) и 69-й (полковник Г. П. Мартынов) армий, оборонявших плацдармы.

В отличие от 1-го Белорусского несколько меньшими средствами артиллерийской инструментальной и воздушной разведки располагал 1-й Украинский фронт. В его составе имелось 11 разведывательных дивизионов, 118-й отдельный корректировочный разведывательный авиационный полк (подполковник

П. Ф. Сыченко, с января 1945 г. майор П. Ф. Расторгуев) и 10-й воздухоплавательный дивизион аэростатов артиллерийского наблюдения (подполковник В. Е. Подъяуров). Характер распределения их между армиями существенно не отличался от описанного выше.

Операция дает пример, когда из средств воздушной разведки в течение подготовительного периода использовалась только артиллерийская авиация, так как подъем аэростатов наблюдения до начала операции был запрещен. В это время авиация использовалась преимущественно для площадного фотографирования позиционных районов вражеской артиллерии, реже – для ведения визуальной разведки и как исключение – для корректирования артиллерийского огня. Несмотря на то, что широкому применению артиллерийской авиации препятствовали частые туманы (до 80 % всех дней подготовительного периода были с туманами), она все же выполнила большой объем работы. Так, только силами 118-го отдельного корректировочного разведывательного авиационного полка за период с октября по декабрь 1944 г. была произведена неоднократно аэрофотосъемка главной полосы вражеской обороны и заснята суммарная площадь, равная 6479 кв. км, и, кроме того, было произведено 146 самолето-вылетов для визуального наблюдения.

За этот же период артиллерийская авиация 1-го Белорусского фронта сфотографировала 3524 кв. км площади и произвела 213 самолето-вылетов для решения других задач, из них для корректирования огня только 8.

Опыт операции показал, что необходимость в повторном фотографировании позиционных районов артиллерии вызывалась тем, что противник достаточно широко и умело применял действия кочующих орудий (взводов, батарей) с временных и ложных огневых позиций, чем запутывал советскую разведку, все время фиксировавшую наличие у него значительно большего количества артиллерии, чем он реально мог иметь. Ко всему этому он весьма искусно оживлял ложные огневые позиции, так что даже большим специалистам дешифрирования трудно было на крупномасштабных фотоснимках отличить их от действительных позиций.

На 1-м Белорусском фронте это обстоятельство превратилось в сложную проблему, для разрешения которой штабу артиллерии фронта во главе с генерал-лейтенантом артиллерии

Г. С. Надысевым пришлось создать специальную комиссию, но и она не смогла успешно решить поставленную ей задачу. Даже при самом тщательном и искусном дешифрировании снимков повторенная четырежды (6, 16, 21 и 28 декабря 1944 г.) аэрофотосъемка давала нарастание количества действующих артиллерийских и минометных батарей, и комиссия вынуждена была принять половинчатое решение – включить в план подавления все батареи, подтвержденные аэрофото- и звуковой разведкой, но расчленив их на две группы. В первую группу предлагалось включить все безусловно подавляемые батареи, а во вторую – батареи возможного подавления, то есть те, которые будут подавляться только при необходимости в этом⁸. В итоге было узаконено обязательное подавление некоторого количества ложных батарей.

На 1-м Украинском фронте острота этой проблемы была приглушена тем, что там последняя контрольная аэрофотосъемка была выполнена за 5–6 дней до начала операции, сразу же после обильного снегопада. На свежем снежном покрове отчетливо обозначались обжитые районы, и благодаря этому стал возможен отсев ложных позиций.

Для характеристики действий звуковой разведки можно указать, что за период 24 декабря 1944 г. – 14 января 1945 г. батареями звуковой разведки, развернутыми на плацдармах 1-го Белорусского фронта, было произведено 829 звуковых засечек, из коих только 61 засечка (7 %) приходилась на долю минометов, что свидетельствует о больших трудностях засечки минометов применявшимися в то время средствами звуковой разведки⁹.

Топографическая разведка и подготовка позиционных районов для артиллерии были возложены на армии, оборонявшиеся в полосах предстоящих ударов (8-я гвардейская (командующий – гвардии генерал-полковник В. И. Чуйков) и 69-я армии (командующий – генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи) на 1-м Белорусском фронте и 5-я гвардейская армия (командующий – гвардии генерал-полковник А. С. Жадов) – на 1-м Украинском фронте). Например, в 5-й гвардейской армии хорошо было организовано постоянное наблюдение за вражеской обороной всеми видами разведки – войсковой, артиллерийской, инженерной, радио; часто устраивались засады, группы разведчиков засылались в тыл противника, проводилась разведка боем, в результате чего через каждые 3–5 дней брали «языков». «Большую помощь

получали мы и от авиационной разведки», — вспоминал бывший командующий¹⁰.

В помощь топографическим батареям разведывательных дивизионов, выполнявшим эту работу, было выделено по одному-два отделения фронтовых геодезических отрядов на армию. Они объединяли и увязывали работу всех топографических подразделений, занимавшихся подготовкой топографической основы для артиллерии. Под их руководством в течение подготовительного периода на 1-м Белорусском фронте была развита сеть опорных точек на площади в 298 кв. км, привязано 1038 точек, в том числе 689 огневых позиций и точек наводки, 106 наблюдательных пунктов¹¹. Все работы по топографическому обеспечению артиллерии были выполнены в плановые сроки и обеспечивали подготовку огня на полной топографической основе.

Однако действия войсковой артиллерийской разведки осложнялись неблагоприятными условиями наблюдения с наземных наблюдательных пунктов. Наличие на многих участках переднего края вражеской обороны высот, кустарников и отдельных рощ мешало разведке глубины обороны. Ограничивали горизонтальную видимость и частые густые туманы. Все это вынуждало прибегать к маневру наблюдательными пунктами, широко применять подвижные боковые и передовые наблюдательные пункты.

Характерно, что наращивание сил войсковой артиллерийской разведки на участках прорыва происходило также постепенно. Наиболее интенсивное развертывание артиллерийских наблюдательных пунктов началось в последней декаде декабря, при этом были приняты меры к ограничению их общего количества.

Так, в случаях, когда дивизион целиком ставился на одну огневую позицию, разрешалось иметь всего два наблюдательных пункта на дивизион: совместный наблюдательный пункт командира дивизиона и подручного ему командира батареи и передовой наблюдательный пункт дивизиона, возглавляемый одним из командиров батарей. Третий командир батареи был старшим на огневой позиции.

Несмотря на эти ограничения, плотность артиллерийских наблюдательных пунктов на участках прорыва к началу операции была все же очень большой. Например, в полосе прорыва 5-й ударной армии она составляла 83 пункта на 1 км. Это — не считая пунктов сопряженного наблюдения дивизионов, работавших во многих случаях на короткой базе. В итоге, избежать полностью

некоторой скученности артиллерийских наблюдательных пунктов на участках прорыва так и не удалось¹².

Следует отметить, что на обоих фронтах было уделено серьезное внимание со стороны артиллерийских штабов фронтов и армий вопросам повышения качества и результативности работы войсковой артиллерийской разведки. В этих целях с личным составом разведывательных подразделений были проведены в армиях, корпусах и дивизиях кратковременные сборы, слеты и конференции по обмену опытом работы. Были проведены мероприятия и по улучшению организации работы на наблюдательных пунктах. На все достоверно разведанные цели в штабах дивизионов и полков были заведены карточки действий целей, а на цели, включенные в план подавления, – паспорта, в которые старшие офицеры заносили точные координаты цели и краткую характеристику ее. Был установлен строгий порядок дежурств на наблюдательных пунктах и смены наблюдателей с обязательной передачей по карточкам (паспортам) и показом на местности разведанных целей. Безусловно, все это способствовало повышению эффективности войсковой артиллерийской разведки. В результате деятельности органов артиллерийской разведки, вспоминал Маршал Советского Союза И. С. Конев, на всем участке будущего прорыва для каждого командира батареи и командира роты были изготовлены специальные карты-бланковки с нанесенными на них разведывательными данными о противнике. Карта-бланковка – это копия с карты, но только с целым рядом дополнительных деталей. Теперь на каждую такую бланковку были нанесены все инженерные укрепления противника, вся его система огня, все объекты атаки на данном участке¹³.

Рассмотрим деятельность артиллерийской разведки одной из бригад 6-й артиллерийской дивизии РГК (генерал-майор артиллерии Н. А. Зернов). 29 декабря 1944 г. в бригаде начали разведку противника, организованную на основании указаний и плана разведки штаба соединения. Для детального изучения и разведки противника на удалении 200–600 м от него были выбраны наблюдательные пункты командиров батарей и дивизионов. Кроме того, каждый дивизион имел несколько оттянутый назад наблюдательный пункт, организованный на деревьях, вышках, для просмотра глубины.

Всего было организовано 5 командных наблюдательных пунктов, 12 наблюдательных пунктов командиров

батарей, 6 передовых наблюдательных пунктов и 2 боковых пункта и 10 пунктов сопряженного наблюдения.

Основной задачей разведки являлась разведка особо прочных сооружений противника, артиллерийских и минометных батарей, а позже – разведка целей, находящихся в участках, подлежащих огневому воздействию бригады по плану артиллерийского наблюдения.

Всего органами разведки бригады за период подготовки операции обнаружено и засечено с пунктов сопряженного наблюдения дивизионов¹⁴:

Объекты	Количество
Дзоты	17
Пулеметные точки	4
Наблюдательные пункты	2
Артиллерийские батареи	8
Минометные батареи	9
Огневые позиции 6-ствольных минометов	4
Блиндажи	5

Разведчики-наблюдатели получали строго ограниченный сектор или объект наблюдения, не превышающий поля зрения оптического прибора.

Смена разведчиков-наблюдателей производилась, как смена часовых.

На каждом наблюдательном пункте имелись положенные документы (артиллерийская панорама местности, разведывательная карта местности 5000, разведывательная схема местности 25 000, журнал целей, журнал разведки, схема полевой недвижимости). На наблюдательных пунктах дивизиона и бригады, кроме того, были: схема положения сторон, схема расположения целей по квадратам.

Имел место обмен разведанными со штабами стрелковых, инженерных воинских частей.

Широкое применение минометов в ходе боевых действий вызывало большие потери и делало продвижение медленным. Поэтому для артиллерийской разведки обнаружение минометов

противника являлось важным направлением деятельности¹⁵. На фронтах подсчитывали процент разведанных минометов к числу ожидаемых. Ожидаемое число определялось на основании данных о количестве соединений противника и их организации.

Заслуживают внимания вопросы организации артиллерийской разведки в боях за крупный населенный пункт¹⁶.

1. В боях внутри города или крупного населенного пункта противник имел большие возможности для укрытия своих огневых средств и живой силы в каменных строениях и сооружениях городского типа. Это требовало от всех артиллеристов особо тщательной организации артиллерийской разведки всех видов и широкого использования данных общевойсковой разведки, разведки боем с обязательным привлечением артиллерийских разведчиков в поисковые группы стрелковых воинских частей, в отдельных случаях, когда этого требовала обстановка, посылать специальные артиллерийские поисковые группы в распоряжение противника с целью разведки его огневых средств и, особенно, минометных батарей.

2. В силу того, что визуальное наблюдение с наблюдательных пунктов крайне затруднено и ограничено, наблюдательные и командные пункты максимально приближались к боевым порядкам пехоты, артиллерийские наблюдатели со средствами связи высылались непосредственно в боевые порядки пехоты, в штурмовые группы, организуя передвижные наблюдательные пункты. Данные разведки такого передвижного наблюдательного пункта немедленно докладывались командиру взвода, орудия и даже наводчику, находящемуся поблизости от орудия, действующего в составе штурмовой группы.

3. Наблюдательные пункты артиллерийских начальников устраивались на верхних этажах высоких домов, на чердаках, колокольнях и ни в коем случае не в подвалах и низких зданиях. Для лучшего просмотра улиц и кварталов широко использовалась сеть боковых наблюдательных пунктов, имеющих командные наблюдательные пункты, телефонную или радиосвязь.

4. Наибольшую трудность в боях за крупные города и населенные пункты составляла разведка артиллерийских и минометных батарей противника, которые, как правило, располагались укрыто за крупными строениями, и обнаружить их визуальным наблюдением не представлялось возможным, а звуковая разведка при

наличии высоких городских зданий и сильного, вследствие этого, искажения звукозаписи на пленке реальных результатов засечки батареи не давала.

5. В целях своевременного обнаружения намерений противника в ближайшей глубине его обороны (перегруппировки, накопление для контратак, перемещение артиллерии) целесообразно к боевым порядкам противника выдвигать разведчиков-слухачей с радиостанциями с целью своевременного открытия огня по сосредоточениям танков или штурмовых орудий и воспреещения маневра артиллерии и техники.

6. При организации разведки в крупном городе – каждому разведчику нужно ставить конкретную задачу по разведке огневых точек в определенном объекте (квартал, дом, этаж, дот, дзот).

7. В штабах всех степеней для обобщения разведанных использовать карты или планы города, крупного населенного пункта в крупных масштабах. Цели на карту наносить по координатам.

8. Лучшим способом целеуказания в период боя в городе является целеуказание по плану или карте данного города в крупном масштабе. Возникает необходимость обеспечения такими картами артиллерийских частей до командира взвода.

9. Для разведки обороны глубины противника в городе необходимо артиллерийским частям придавать аэростаты наблюдения и корректировочную авиацию. На эти же средства разведки успешно можно возлагать и задачу разведки артиллерийских и минометных батарей противника, а также корректировку нашей артиллерии.

При организации разведки в населенном пункте артиллерийским воинским частям пришлось встретиться со следующими трудностями:

- ограниченность обзора ввиду наличия высоких зданий;
- отсутствие явно выраженного переднего края;
- затруднения в применении средств инструментальной разведки;
- крайне невыгодные условия, а подчас и невозможность развертывания баз сопряженного наблюдения;
- исключительно выгодные условия для противника в деле удобного и скрытного расположения огневых средств.

Все эти причины неотложно требовали изыскания каких-то новых методов ведения разведки противника¹⁷.

Таким образом, в итоге объединенных усилий и напряженной деятельности всех видов и средств артиллерийской разведки к началу огневого планирования были установлены с большой полнотой и достоверностью состояние и характер вражеской обороны, группировка его сил и огневых средств, система и оборонительных сооружений. В штабах артиллерии армий был накоплен разведывательный материал, обеспечивавший рациональное планирование огня артиллерии по конкретным объектам вражеской обороны.

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. М.: 1957. Т. 1. С. 299.

² Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: 1959. Т. 4. С. 105.

³ 6 декабря 1944 г. авиация дальнего действия была переформирована в 18-ю воздушную армию.

⁴ Макарян И. П. От Вислы до Одера. Из опыта деятельности советских органов стратегического руководства при подготовке и в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции 1945 года // Военно-исторический журнал. 2005. № 3. С. 3.

⁵ Лелюшенко Д. Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. Изд. 4-е, испр. М.: Наука, 1987. С. 270.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Изд-во АПН, 1975. Т. 2. С. 289.

⁷ Чуйков В. И. Конец третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973. С. 82.

⁸ Надышев Г. С. На службе штабной. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1976. С. 208.

⁹ Артиллерия в наступательных операциях второго и третьего периодов войны (19 ноября 1942 г. – 9 мая 1945 г.). Кн. II. М.: Воениздат, С. 583.

¹⁰ Жадов А. С. Четыре года войны. М.: Воениздат, 1978. С. 226.

¹¹ Артиллерия в наступательных операциях второго и третьего периодов войны (19 ноября 1942 г. – 9 мая 1945 г.). С. 584.

¹² Дайнес В. О. Советские ударные армии в бою. М.: Яуза, 2009. С. 659.

¹³ Конев И. С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1970. С. 11.

¹⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 36. Оп. 12599. Д. 358. Л. 5.

¹⁵ Там же. Д. 212. Л. 24–25.

¹⁶ Там же. Д. 361. Л. 28–31.

¹⁷ Там же. Д. 328. Л. 23.

А. С. Ирютин (Москва)

СПЕЦИФИКА ЗАДАЧ, РЕШАЕМЫХ СЕВЕРНЫМ ФЛОТОМ И КАРЕЛЬСКИМ ФРОНТОМ В ХОДЕ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ В ЗАПОЛЯРЬЕ В 1941–1944 гг.

Боевые действия в Заполярье начались 29 июня 1941 г., и перед Северным флотом и Северным (впоследствии Карельским) фронтом были поставлены задачи, решаемые ими, исходя из общих стратегических задач и быстро меняющейся оперативной обстановки на данном театре военных действий (далее – ТВД). Задачи эти имели свою специфику, которая менялась с 1941 по 1944 г. Понимание этой специфики крайне важно в изучении истории вооруженной борьбы на Крайнем Севере в 1941–1944 гг.

Итак, что же означает слово специфика в общем понимании этого термина согласно Большой советской энциклопедии? Специфика – спецификум (от позднелатинского *specificus* – особый, особенный) – особенности, присущие только данному предмету, явлению или роду, классу предметов, явлений; существенные признаки, отличающие данный объект от всех других, например, С. профессии летчика, С. искусства, С. издania¹. Исходя из этого, мы можем выделить три особенности, присущие задачам, решаемым силами Карельского фронта и Северного флота, в частности, на Мурманском направлении (ил. 1).

Первая особенность на самом северном участке советско-германского фронта сформировалась, исходя из климатических и географических условий на Мурманском направлении. Боевые действия развернулись на территории от границы с Финляндией (установленной по результатам Советско-финляндской войны

Схема 1.

Ил. 1. Специфика, присущая задачам, решаемым силами Карельского фронта и Северного флота

1939–1940 гг.) до линии фронта, которая была установлена осенью 1941 г. и фактически не менялась до начала Петсамо-Киркенесской наступательной операции в октябре 1944 г. Противник был остановлен на рубеже реки Западная Лица и на перешейке полуострова Средний, где с 1940 г. был создан 23-й укрепленный район, впоследствии переформированный и отданный в подчинение Северному флоту с присвоением наименования СОР (Северный оборонительный район, создан 12 июля 1942 г. решением Ставки ВГК²). Учитывая преобладающий горный характер местности, обе противоборствующие стороны начали возводить фортификационные сооружения, причем немецкие войска – с использованием горнопроходческого оборудования, бетона и завезенных сборных металлических конструкций типа «лисья нора». Красная армия и Северный флот предпринимали аналогичные усилия по инженерному оборудованию позиций, часть долговременных оборонительных сооружений была построена еще до войны, что, конечно же, облегчало оборону в суровых условиях Арктики. По воспоминаниям участников войны, как с советской, так и с немецкой стороны, климат зачастую был опасней, чем противник. Действительно, климат в Заполярье чрезвычайно суров. Северная часть Кольского п-ова находится в атлантической области субарктического климатического пояса, южная – в атлантико-арктической области умеренного пояса. Прохладное дождливое лето (средняя температура июля 9–14 °С), умеренно холодная

(средняя температура января от -10 до -18°C) зима с большим количеством снега. Частые циклоны вызывают обильные осадки, резкие оттепели в холодный период и похолодания в теплый. Среднегодовые температуры отрицательны (от 0 до -4°C) и понижаются с запада на восток. Благодаря теплему Нордкапскому течению Баренцево море в районе Мурманска не замерзает. Ледовый покров Белого моря нестабилен из-за приливно-отливных колебаний, находясь в постоянном движении. Безморозный период от 44–50 дней в Хибинах и Ловозерских Тундрах до 120–140 на равнинах. Первые заморозки наблюдаются в конце августа – начале сентября, последние – в начале июля. Годовая сумма осадков максимальна в западных районах, достигая в Хибинах 500–700 мм в долинах и 880 на плато. К востоку их количество резко уменьшается до 200–400 мм в год. Примерно половина осадков выпадает в твердом виде. Устойчивый снежный покров сохраняется в тайге 200–220 дней, в горных тундрах и на склонах плато – до 250. Летом направление ветров в основном северное, зимой – южное, особенно сильные ветры (до 30 м/с и более) характерны для Мурманского берега³. Кроме сурового климата в местах, где велись бои, наблюдаются магнитные аномалии, что сказывается на навигационных приборах, кроме годовых изменений, магнитное склонение имеет суточное колебание. Важным географическим фактором является также длительная полярная ночь: длительность полярного дня и полярной ночи составляет соответственно 51 и 25 суток на параллели 680 северной широты⁴. Для местности данного ТВД характерны частые и сильные туманы, внезапно налетающие снежные заряды, магнитные бури и рефракция, что значительно усложняет ведение боевых действий и требует хорошей подготовки командиров. Примером сложностей, связанных с климатом в Заполярье, может являться апрельско-майская наступательная операция 1942 г. После поражения германских войск под Сталинградом советское командование планирует и проводит ряд наступательных операций, имеющих целью нанесение поражения противнику на нескольких фронтах и освобождение оккупированных территорий СССР. После неудачного сентябрьского наступления на Мурманск и Полярный в 1941 г. немецкое командование не отказалось от новой попытки взять Мурманск. Командир немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия» генерал Эдуард Дитль убеждал высшее командование, что для

захвата Мурманска надо значительно больше войск, чем усиленный корпус. Дитль опасался ударов с моря и требовал прикрытия приморского фланга. Однако Гитлер настаивал на взятии Мурманска. Новое наступление на город немцы планировали на весну 1942 г.⁵ В этих условиях советским командованием была разработана и осуществлена совместная операция 14-й армии и Северного флота по предотвращению немецкого весеннего наступления и при успехе операции возможному прорыву немецкой линии обороны. Для содействия наступающим с фронта войскам 14-й армии и нанесения удара по правому флангу обороны противника на южное побережье Мотовского залива в составе оперативно-тактического десанта была высажена 12-я особая бригада морской пехоты (12-я обмп) полковника В. В. Россохина с задачей разгромить обороняющиеся на берегу подразделения противника, а в дальнейшем наступать навстречу главной группировке войск 14-й армии, содействуя ей в разгроме 143-го горно-егерского полка (143 геп). Морским пехотинцам приходилось действовать в исключительно сложных условиях. Перед десантной операцией в районе губы Большая Западная Лица с войсками и кораблями были проведены учения и тренировки по отработке взаимодействия десанта с кораблями артиллерийской поддержки и авиацией. Одновременно проводились воздушная разведка группировки и характера противодесантной обороны противника и аэрофотосъемка района высадки, создавались наблюдательно-корректировочные посты. Для обеспечения быстрой высадки десанта на необорудованное побережье и выгрузки техники были построены три боновых причала, в районе высадки организованы эвакуопункты, подготовлен аварийно-спасательный отряд. Штабы разработали необходимые боевые документы⁶. С целью ввода в заблуждение противника относительно участка высадки главных сил накануне в Титовской губе, в 10 км от участка высадки бригады был высажен демонстрационный десант в составе 170 человек разведывательного отряда штаба Северного флота⁷. Бригада скрытно, без артиллерийской подготовки произвела высадку в трех пунктах высадки Мотовского залива на участке до 6 км в условиях полярного дня, с неустойчивой погодой, без огневой подготовки, но с применением дымовых завес. Благодаря организованной подготовке высадка десанта была проведена в установленный срок и без потерь. К 08.00 28 апреля все части бригады

высадились на берег и обозначенные планом операции рубежи. Застигнутый врасплох противник не смог оказать серьезного сопротивления. К исходу 28 апреля бригада захватила плацдарм по фронту до 7 и в глубину до 5 км, выполнив тем самым свою ближайшую задачу⁸.

Оборона противника в Заполярье представляла собой сеть опорных пунктов на господствующих высотах с линиями связи и транспортными коммуникациями между пунктами. Апрельско-майская десантная операция по своим особенностям и условиям была одним из тяжелейших испытаний, выпавших на долю морских пехотинцев 12-й обмп. С 28 апреля стало невозможным использование авиации. Первого мая резко ухудшилась погода, помешавшая вводу в бой второго эшелона 14-й армии – 52-й сд. Резко понизилась температура, начались снегопады и метели. Всякое передвижение по дорогам стало невозможным. Ураганный ветер срывал снег с сопок и нес его в лощины. Целую неделю с 4 по 11 мая свирепствовала пурга. Вихри мокрого снега сменялись холодным ветром, земля покрывалась ледяной коркой, по которой невозможно было передвигаться. Участники тех боев утверждали, что ничего более страшного из пережитого в Заполярье они не видели. Отсутствие сухопутных коммуникаций в районе десантной операции делало задачу доставки необходимого имущества до подразделений бригады практически невыполнимой. Вся местность, где развернулись бои, была изрезана ущельями и гранитными скалами, где по-настоящему укрыться, окопаться и замаскироваться не представлялось возможным. Раненых и обмороженных, оружия и минометы, стрелковое вооружение, боеприпасы и продовольствие морские пехотинцы несли на себе по обрывистым, обледеневшим скалам. Основа сухого пайка – концентраты – себя не оправдали, из-за отсутствия дров и кухонь приготовить горячую пищу было невозможно. Личный состав принимал концентраты в сухом виде, запивая холодной водой, в результате чего были случаи заболевания со смертельным исходом. Личный состав бригады был одет в полузимнее обмундирование, выданные ботинки американского производства в боевой обстановке себя не оправдали (маломерки, пропускали воду, быстро изнашивались в условиях горной местности), 2 из 8 батальонов не имели маскхалатов, в районе боевых действий отсутствовал сплошной снежный покров, и лыжи использовать было нельзя⁹. Несмотря

на это, личный состав бригады продолжал выполнять боевую задачу, имели место случаи скрытия бойцами фактов ранения и отказ эвакуироваться в тыл на лечение¹⁰. Воспользовавшись тем, что наступление соединений 14-й армии с юга не получило развития, противник снял часть сил с этого участка и, используя их как резервы, атаковал морских пехотинцев. Позднее, кроме резервов 6-й и 2-й гед, противник ввел в бой и свои оперативные резервы. Ночью 4 мая части 12-й обмп перешли в наступление, но вскоре были остановлены противником, который, начав контрнаступление, сумел прорвать ее оборону, но понес большие потери. В последующие дни действия противника сводились к попыткам штурмовых групп пробиться в расположение бригады. Личный состав 12-й обмп в результате многодневных боев и крайне тяжелых погодных условий был ослаблен физически, понес потери от заболеваний и обморожений, но продолжал героически сражаться, ведя тяжелые оборонительные бои. 6 мая на плацдарм был высажен 3-й батальон 125-го горно-стрелкового полка морской пехоты Мурманского укрепленного района, а 9 мая – 9-й оленелыжный батальон. Получив 6 мая подкрепление, бригада прочно закрепилась на новых рубежах обороны. К исходу 9 мая все командиры батальонов 12 обмп получили приказ организовать сбор вооружения, снаряжения, обмундирования, похоронить убитых¹¹. Активные боевые действия прекратились. 11 мая командующий Карельским фронтом, на основании распоряжения Ставки ВГК, дал директиву 14-й армии прекратить наступление и закрепиться на достигнутых рубежах, а Северному флоту – эвакуировать и вывести в резерв 12-ю обмп.

На 15 сутки боевых действий в тылу противника подразделения бригады начали организованный отход с позиций в указанные командованием флота пункты посадки на побережье Мотовского залива. К 12.00 13 мая 1942 г. они полностью переправились на правый берег губы Большая Западная Лица и сосредоточились в указанных в приказе квадратах¹².

В итоге 12-я обмп поставленную задачу выполнила и продвинулась на 18 км вглубь территории, занятой противником. Только вследствие того, что 14-я армия не смогла прорвать немецкую оборону с фронта и не вышла на соединение с бригадой, противник получил возможность использовать резервы против бригады, которая вынуждена была перейти к обороне. 22 мая 1942 г.

12-я обмп была передислоцирована на полуостров Рыбачий на отдых и пополнение, впоследствии войдя в состав Северного оборонительного района (СОР). В документах бригады и штаба Северного флота отмечаются очень большие потери. Из 6016 человек (с приданными частями 7165) бригада к концу операции потеряла убитыми, ранеными, обмороженными и пропавшими без вести 4503 человека (с приданными частями 4992). Это составило около 75 % (с приданными частями 70 %) ¹³. Основная заслуга бойцов и командиров 12-й обмп – это срыв готовящегося немецкого наступления на Мурманск весной 1942 г., нанесение противнику больших материальных и людских потерь. С уверенностью можно утверждать, что такие высокие потери в большей степени были связаны как со сложным рельефом, так и резко изменившейся погодой. В таких погодно-климатических условиях любой, даже тщательно разработанный план могла постигнуть неудача.

Вторая особенность, присущая задачам, решаемым силами Карельского фронта и Северного флота на Мурманском направлении, – это отсутствие в Арктике серьезных военно-морских сил у Германии на начало войны с Советским Союзом. Тут имели место просчеты немецкого командования, которое спланировало ведение войны в Арктике против СССР как чисто сухопутную операцию, посчитав Северный флот достаточно серьезным противником, объективно силы немецких ВМС на арктическом театре военных действий были слабы. Виной этому стали большие потери немецких ВМС в ходе операции по оккупации Норвегии, немецким эсминцам пришлось столкнуться с тяжелыми британскими кораблями, и практически все они были потоплены. На момент начала войны с СССР в портах Норвегии были сосредоточены 5 эскадренных миноносцев, 6 подводных лодок и другие корабли, этих сил было явно недостаточно, чтобы справиться с Северным флотом, который имел в своем составе значительное количество эсминцев и подводных лодок. По этим причинам германское командование планировало захват Мурманска и Полярного как чисто сухопутную операцию, операция «Черно-бурая лиса» имела своей целью массированными ударами и стремительным наступлением сухопутных войск овладеть Кольским полуостровом и Кировской железной дорогой, чтобы лишить СССР внешней морской связи с возможными союзниками на Западе. При таком развитии военных действий, по

мнению вражеских генералов, Северный флот оказался бы запертым в мелководном Белом море и был бы уничтожен¹⁴.

Потеря Мурманска и Полярного как основного северного транспортного узла и базы Северного флота привела бы к утрате контроля над Заполярьем в целом и потере самого короткого транспортного пути ленд-лиза в самый опасный, начальный период Великой Отечественной войны. Превосходство немецкой авиации было как качественным, так и количественным, 5-й воздушный флот люфтваффе вместе с финскими ВВС имел, по разным оценкам, 547 боевых самолетов¹⁵, кроме того, немецким самолетам предстояло преодолеть гораздо меньшее расстояние от своих аэродромов до линии фронта, чем советской авиации, аэродромы которой были расположены на значительном удалении от госграницы. Тем не менее, уже с первых дней войны корабли Северного флота оказывали артиллерийскую поддержку частям Красной армии, с помощью морских охотников, торпедных катеров и мобилизованных рыболовецких траулеров осуществлялась эвакуация раненых, высадка тактических десантов и подвоз к линии фронта всего необходимого.

Выполняя операцию «Черно-бурая лиса», германское командование 29 июня 1941 г. развернуло наступление на участке от Титовки до Кандалакши. Одновременно в бомбардировках наших позиций участвовало до 25 вражеских самолетов. Неся значительные потери в живой силе, части 14-й стрелковой армии стали постепенно отходить с оборонительных рубежей в районе Титовки. Продвижение врага на перешейке полуострова Средний сдерживал 135-й стрелковый полк, но силы были неравны. Для огневой поддержки армейцев в губу Кутовая были направлены эсминцы «Валериан Куйбышев» (командир капитан-лейтенант С. Н. Максимов), «Урицкий» (командир капитан-лейтенант В. В. Кручинин). Противолодочную оборону эсминцев осуществляли сторожевые катера «МО-121» (командир лейтенант И. А. Кроль) и «МО-123» (командир лейтенант В. М. Лозовский). На борту эсминца находился флагманский артиллерист штаба Северного флота капитан 2-го ранга А. Д. Баринов. Поддержанные огнем кораблей батальоны 135-го стрелкового полка закрепились на правом берегу реки Титовки. Наступление гитлеровцев было остановлено. Противник бросил против группы кораблей 40 пикирующих бомбардировщиков Ю-87, но североморцы, отражая налеты авиации, уклоняясь

от бомб, продолжали стрельбу главным калибром по береговым целям. В результате немецкие войска перешли к обороне, тактическая инициатива была перехвачена 135-м стрелковым полком. Корабли в этой операции явились тем средством, которое позволило в кратчайший срок резко повысить мощь огневых средств обороняющихся частей и приостановить наступление противника на главную базу флота. Впоследствии применение корабельных групп для поддержки действий сухопутных войск и морской пехоты носило систематический характер и позволяло отчасти компенсировать нехватку орудий и минометов, особенно в подразделениях морской пехоты¹⁶. На Мурманском направлении гитлеровцы, проведя перегруппировку сил, в ночь с 5 на 6 июля предприняли наступление в районе Западная Лица. 58-й стрелковый полк в течение четырех часов вел тяжелый бой в районе Пороги. По согласованию с командованием 52-й стрелковой дивизии корабли флота с 6 до 8 часов высадили тактический десант – один стрелковый батальон (550 человек) на восточный берег губы Западная Лица. Высадку десанта прикрывали огнем сторожевые корабли «Гроза», «Муссон» и «Туман», тральщики «Т-890» и «Т-891», три катера типа МО-4. Потерь при высадке не было. Десантники с боями заняли усадьбу колхоза «Большая Лица» и соединились с батальонами 112-го стрелкового полка своей дивизии. В результате ожесточенного боя противник с большими потерями был отброшен к западу от реки Западная Лица. На следующее утро североморцы вновь без потерь высадили второй тактический десант (батальон пограничников) на западный берег губы Западная Лица, боевые действия которого с плацдарма во фланг противнику способствовали успеху частей 52-й стрелковой дивизии. Для немецко-фашистских захватчиков создалось критическое положение. Все части 2-й и 3-й горных дивизий горно-стрелкового корпуса «Норвегия» вели тяжелые бои на берегу реки Западная Лица, и у генерала Э. Дитля не оказалось резерва, необходимого для отражения атак десантников. В тот момент и командование отдельной армии «Норвегия», штаб которой с 15 июня находился в северном финском городе Рованиemi, смогло перебросить в этот район только 4-й пулеметный батальон и перебазировало группу бомбардировщиков для нанесения бомбоштурмовых ударов по нашим наземным частям. Однако к тому времени пограничники выполнили свою задачу и были сняты с плацдарма нашими кораблями¹⁷. Северный

флот в критический момент явился тем инструментом, который позволил остановить немецкое наступление на Мурманск и Полярный летом и осенью 1941 г., перевести блицкриг в позиционную войну.

В дальнейшем, с началом проводки союзных конвоев, немецкие ВМС в Норвегии значительно усилились, а с окончанием «Битвы за Атлантику» и захватом инициативы в войне на море союзниками по антигитлеровской коалиции, практически весь крупный надводный флот Германии сосредоточился в Норвегии. Немецкие подводные лодки и надводные корабли предпринимали атаки на союзные конвои, осуществляли набеговые действия на коммуникации Северного флота (операция «Страна чудес» 1942 г.). Однако их все равно было недостаточно для прекращения судоходства на Севере и уничтожения Северного флота, который с 1941 г. непрерывно наращивал свой корабельный состав и совершенствовал береговую оборону. К началу Петсамо-Киркенесской наступательной операции 7 октября 1944 г. в базах Северной Норвегии находились линейный корабль «Тирпиц», около 15 эсминцев и 30 подводных лодок, более 100 тральщиков, торпедных катеров и сторожевых кораблей, свыше 20 самоходных барж, 3 корабля ПВО, 2 минных заградителя и другие силы¹⁸. Несмотря на такую внушительную мощь, кригсмарине не предприняли попыток защитить свои порты Лиинахамари и Киркенесс, оставив решение этой задачи сухопутным войскам и авиации.

Третьей особенностью, присущей задачам, решаемым силами Карельского фронта и Северного флота, была слабо развитая инфраструктура театра военных действий, что привело к «очаговому» построению советско-германского фронта на Севере. Например, из-за отсутствия достаточно развитой сети дорог на мурманском направлении протяженность фронта с момента его стабилизации осенью–зимой 1941 г. до момента начала Петсамо-Киркенесской наступательной операции осенью 1944 г. составляла около 40 километров по фронту. Учитывая местные условия и позиционный характер боевых действий, немецкое командование смонтировало три ветки канатной дороги, привезенной из Альп, что позволило бесперебойно снабжать немецкие войска на перешейке полуострова Средний и на фронте, проходившем по реке Западная Лица. Советское же командование снабжало свои части по дороге Мурманск – Петсамо

автомобильным и гужевым транспортом, в том числе с помощью транспортных оленелижных батальонов, а части Северного оборонительного района, созданного на основании приказов наркома обороны и наркома ВМФ от 12.07 и 31.07.1942 г.), не имевшие сухопутной связи с тылами, снабжались морским транспортом. С увеличением угрозы для крупных транспортных кораблей со стороны немецкой авиации и подводных лодок всю тяжесть транспортных перевозок в интересах СОР взяли на себя мотоботы, мобилизованные рыболовецкие траулеры. Мотоботы оказались идеальным средством доставки грузов, малоразмерные, выкрашенные в камуфляжную окраску под фон берега, они обеспечивали непрерывное снабжение частей СОР, для подводных лодок были слишком маленькой целью, а для борьбы с авиацией противника были вооружены зенитными средствами. Позднее, с созданием аэродрома на полуострове Рыбачий для их защиты использовалось авиационное прикрытие истребителями. Были использованы и плохие погодные условия, при которых эти небольшие транспортные суда могли незамеченными совершать свои рейсы. Такие разные способы снабжения войск в Заполярье обуславливались плохой развитой транспортной инфраструктурой и слабой заселенностью региона. Безусловно, с выходом Финляндии из войны осенью 1944 г. положение немецкой 20-й горной армии ухудшилось, немцам пришлось спешно уходить из Финляндии, где находились основные тыловые базы с запасами, кроме того, эвакуация тылов и войск усложнилась еще и тем, что правительство Швеции с 27 сентября 1944 г. запретило иностранным кораблям заходить в шведские территориальные воды Ботнического залива и Балтийского моря¹⁹. В этих условиях штаб 20-й армии начал готовить операцию «Береза», целью которой было отступление с территории Финляндии. По условиям договора между СССР и Финляндией немецкие войска должны были быть выдворены с территории Финляндии за 12 дней, что стало причиной боев между немецкой и финской армиями. Советские войска, вышедшие в Карелии на государственную границу с Финляндией, соблюдали условия мирного договора и в преследовании немецких войск не участвовали. Это подтверждает в своей книге воспоминаний «Армия в Арктике» и немецкий генерал Герман Хельтер: «Русские, сразу же после перехода русско-финской границы, установленной перемирием, прекратили

минными полями, инженерными заграждениями. Особенно сильно были укреплены рубежи на реке Западная Лица (протяженность 40 км, глубина 8 км) и на перешейке полуострова Средний (протяженность 9 км, глубина 3 км).

На направлении предстоящего удара советских войск противник сосредоточил группировку 56 тыс. человек, 770 орудий и минометов, 160 самолетов²¹. С советской стороны к Петсамо-Киркенесской наступательной операции были выделены: 14-я армия (командующий генерал-лейтенант В. И. Щербаков) – 8 стрелковых дивизий, 1 укрепленный район, 5 стрелковых и отдельная танковая бригада, 2 танковых и 2 тяжелых самоходно-артиллерийских полка. Всего: 113 200 человек, 2100 орудий и минометов, около 200 танков и САУ. С воздуха советские войска поддерживали 747 самолетов 7-й воздушной армии (командующий генерал-лейтенант И. М. Соколов)²². Значительную роль в Петсамо-Киркенесской операции сыграл Северный флот, который выделил 6 эскадренных миноносцев, 8 подводных лодок, 20 торпедных катеров, 275 самолетов и 20 000 бойцов. Остальные силы флота в ходе операции обеспечивали внешние и внутренние (арктические) коммуникации и нарушали коммуникации противника²³. Понимая, что успех всей Петсамо-Киркенесской операции во многом зависит от того, удастся ли организовать своевременный подвоз всего необходимого наступающим войскам, командование Карельского фронта и 14-й армии вело строительство трех автомобильных дорог. Однако по причине скалистого грунта и трудных погодных условий удалось построить только одну дорогу. Неразвитая дорожная сеть доставляла неудобства и обороняющейся стороне. «Опыт показал, – писал командующий 20-й немецкой армии генерал Рендулич Лотар, – что русские прекрасно понимали и мастерски использовали возможности местности... и все же бездорожье резко снижало темпы их наступления. Эти же причины сковывали действия и обороняющейся стороны: сужались возможности быстрого ввода в бой резервов. Требовалось много времени и усилий, чтобы доставить их в нужное место и в нужное время»²⁴. В сложившихся условиях для поддержания темпов наступления и лишения противника возможности маневра своими резервами важное значение имело овладение портами Печенга и Лиинахамари. Быстро захватить и использовать их в условиях глубоко эшелонированной обороны немецкой группировки

можно было только путем высадки десантов. Командование Карельского фронта и Северного флота нашли верное решение – с юга и севера нанести удар по открытым флангам противника. С юга должны были ударить специально созданные для действий в условиях бездорожья легкие стрелковые корпуса (126-й, 127-й), способные действовать на удалении до 100 км от пунктов снабжения. С севера охват открытого фланга противника, отсечение его от основных сил и коммуникаций должны были выполнить морские пехотинцы Северного флота. В рамках проведения Петсамо-Киркенесской наступательной операции штаб Северного флота разработал и провел самостоятельную операцию «Вест» с целью содействия войскам Карельского фронта. Одной из важных целей этой операции был захват, по возможности с сохранением портовой инфраструктуры, портов Печенга и Лиинахамари, единственных на мурманском направлении позволявших использовать для транспортировки грузов в интересах армии крупнотоннажные суда. Со взятием порта Печенги основную массу грузов для 14-й армии стал доставлять Северный флот. Для обеспечения безопасной транспортировки грузов морем и воспрепятствования эвакуации войск и материальных средств противника заблаговременно командованием Северного флота были развернуты на позициях подводные лодки, введено воздушное патрулирование и сопровождение конвоев. Решительные действия Северного флота и непривлечение к обороне крупных сил кriegсмарине позволили советскому командованию взламывать оборону противника не лобовыми ударами, а действиями по открытым флангам группировки противника. Потерпев поражение в районе Петсамо, противник под прикрытием сильных арьергардов отступал на запад. Используя береговые батареи для обстрела тяжелыми орудиями наступающих частей 14-й армии Карельского фронта, гитлеровские войска препятствовали сосредоточению штурмовых групп, наши войска несли потери, темп наступления снизился.

В этой обстановке Северный флот получил задачу высадить десант морской пехоты на южное побережье Варангер-фьорда для обеспечения приморского фланга 14-й армии. 18 октября 4-й батальон 12-й ОБРМП был высажен в заливах Сусло-Вуоно и Аресо-Вуоно. Морские пехотинцы овладели населенными пунктами Афанасьев, Турунен, Вуореми и к 20 октября освободили побережье до Вуореми включительно. Утром 23 октября

в Коббхольм-фьорде высадили десант в составе 3-го батальона 12-й ОБРМ и отдельного отряда 125-го ПМП общей численностью 608 человек под командованием командира 3-го батальона капитана Артамонова. Противник, не ожидавший появления десанта, в спешке бежал, не успев взорвать орудия 150-мм батареи и склады боеприпасов. В ночь с 24 на 25 октября Северный флот высадил десант в составе двух батальонов 63-й ОБРМП в заливе Хольменгор-фьорд в 15 км северо-восточнее Киркенеса. Стремительным броском морские пехотинцы овладели рыбацкими поселками, захватили батареи береговой обороны и электростанции, обеспечивавшие электроэнергией весь район Киркенеса. Одновременно ранее высадившиеся подразделения 12-й ОБРМП и 125-го ПМП форсировали залив Бек-фьорд и перешли в наступление на Киркенес с востока. 25 октября город был освобожден.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 31 октября 1944 г. 63-я отдельная бригада морской пехоты была удостоена почетного наименования «Киркенесская».

26 октября 14-я армия совместно с 63-й ОБРМП и соединениями 126-го легкого стрелкового корпуса (31-я отдельная лыжная, 3-я и 72-я отдельные морские стрелковые бригады) освободили норвежский город Мункельвен. 27 октября бригада 126-го легкого горнострелкового корпуса, совершив переход по горной местности, овладела г. Нейденом. На южном направлении 127-й легкий горнострелковый корпус в составе 69-й и 70-й отдельных морских стрелковых бригад совместно с 31-м СК, постоянно преследуя противника в крайне тяжелых условиях горно-тундровой местности, за 10 суток преодолел 150 км, овладел населенным пунктом Наутси и вышел на границу с Финляндией.

В ходе боевых действий на Крайнем Севере получила дальнейшее развитие тактика действий морской пехоты в горах. Особое значение имели действия разведывательных подразделений бригад морской пехоты и морских стрелковых бригад и 181-го разведывательного отряда Северного оборонительного района. Совместные действия Северного флота и войск Карельского фронта позволили в крайне неблагоприятных климатических и погодных условиях в короткий срок взломать глубоко эшелонированную оборону противника.

Используя немецкие трофейные документы, начальник отдела военно-исторической службы армии США Эрл Зимке

красноречиво описал уровень военного искусства, которого достигли Красная армия и Северный флот в ходе операции: «За одну неделю русские не оставили камня на камне от линии фронта, на укрепление которой у немцев ушло три года планирования и труда. Но самым тяжелым ударом для немцев стало то, что русское наступление полностью опровергло доктрину, которой 20-я горнострелковая армия придерживалась с 1941 года: арктический рельеф местности делает невозможным быстрое перемещение больших воинских контингентов и, в частности, исключает танковые операции»²⁵.

В заключение можно сделать вывод, что за период войны в Заполярье с 1941 по 1944 г. был получен уникальный опыт ведения боевых действий в Заполярье, впервые в истории войн велись в таком масштабе боевые действия при таких условиях (ил. 3).

Ил. 3. Памятник советскому солдату-освободителю. г. Киркенесс, Норвегия. Сайт Российского консульства в Киркенессе, фото в открытом доступе

¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/135069/%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0> – дата обращения 23.01.2025 г.

² Боевая летопись ВМФ. М.: Воениздат, 1983. С.46.

³ <https://bigenc.ru/c/kol-skii-poluostrov-db0c22> – дата обращения 22.01.2025 г.

⁴ Лоща Баренцева моря. Ч. 2. Главное управление навигации и океанографии МО РФ. СПб.: ЦКФ ВМФ, 1995. С. 16.

⁵ Боевой путь Советского Военно-морского Флота. М.: Воениздат, 1974. С. 191.

⁶ Абрамов Е. П. Морская пехота. СПб.: «Судостроение», 2005. С. 53.

- ⁷ Абрамов Е. П., Литвинов В. В. Презревшие смерть. СПб.: Творческое объединение «Пальмира», 2010. С. 99.
- ⁸ Филиал ЦАМО РФ – АВМФ. Ф. 1346. Оп. 2. Д. 30. Л. 67.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Оп. 28. Д. 5. Л. 22.
- ¹¹ Там же. Д. 6. Л. 72.
- ¹² Там же. Л. 78.
- ¹³ Филиал ЦАМО РФ – АВМФ. Ф. 11. Д. 1241. Л. 109.
- ¹⁴ Красавкин В. К., Филоненко В. Н. Штаб Северного Флота (1916–1998)», историко-документальный очерк. СПб., 1999. С. 86.
- ¹⁵ https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101548%40cmsArticle – дата обращения 22.11.2024 г.
- ¹⁶ Красавкин В. К., Филоненко В. Н. Штаб Северного Флота... С. 94.
- ¹⁷ Там же. С. 102
- ¹⁸ Жирохов М. Асы над тундрой. Воздушная война в Заполярье. 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. С. 125.
- ¹⁹ Носков А. М. Скандинавский плацдарм. М.: Наука, 1977. С. 213.
- ²⁰ Хельтер Г. Армия в Арктике. М.: Иностранная литература, 1954. С. 60.
- ²¹ Жирохов М. Асы над тундрой. С. 125.
- ²² Там же. С. 125.
- ²³ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 50.
- ²⁴ Носков А. М. Скандинавский плацдарм. С. 216.
- ²⁵ Зимке Эрл. Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945. М.: Центрполиграф, 2005. С. 378.

П. В. Кадосов (Санкт-Петербург)

**СЕМЬЯ ГЕРОЕВ. ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СТАВСКИЙ (1853–1921)
И ЕГО ПОТОМКИ**

Н а протяжении нескольких десятилетий в городе Ораниенбауме Санкт-Петербургской губернии жила семья Ставских, чьи представители сыграли в известной степени знаковую роль в истории Российской империи времен ее заката. Глава семьи, Михаил Иванович Ставский, типичный представитель кадрового офицерства Российской императорской армии, стоял у истоков знаменитой Офицерской стрелковой школы и служил в ней долгие годы. Его старший сын, Илларион Михайлович, прославился как деятель Белого движения и был увековечен писателем А. И. Куприным в очерке «Полковник Ставский». Трое братьев Иллариона Михайловича погибли на полях Первой мировой войны, им посвящена статья «Семья героев» авторства другого писателя, В. С. Кривенко¹. Биографии прочих членов этого семейства также представляют несомненный интерес и являются зеркалом эпохи. В данной работе на основании архивных источников приводится подробная история рода Ставских.

Даты до 1918 г. указаны по старому стилю, в соответствии с источниками.

Михаил Иванович Ставский (ил. 1) родился 12 июля 1853 г. в станице Николаевской Омского уезда, который в то время относился к Тобольской губернии. Его родителей звали Иван Иванович и Евдокия Ивановна. На момент рождения сына отец служил *«учителем при полковой школе»*, а несколько лет спустя фигурировал в документах как урядник Пятого казачьего полка и учитель Четвертой сотенной школы станицы Николаевской. В той же станице служил сотником родной брат Ивана Ивановича

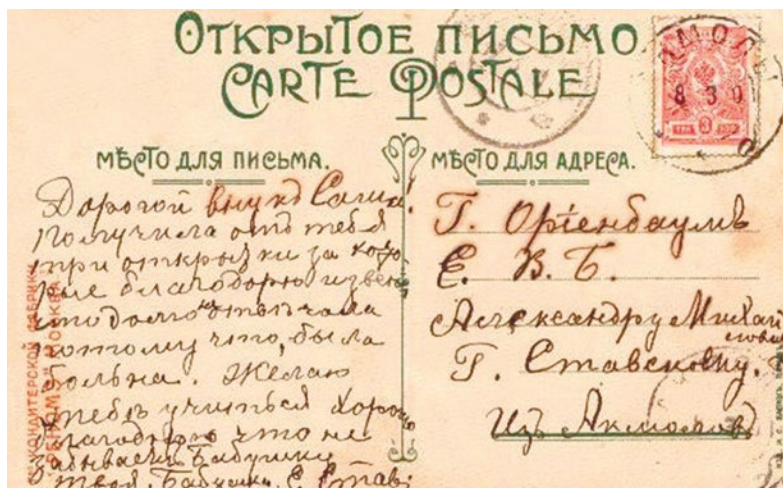
Ил. 1. Михаил Иванович Ставский. Выпускной альбом Офицерской Стрелковой школы за 1893 г. Из фондов Краеведческого музея г. Ломоносова

Михаил, восприемник при крещении и полный тезка будущего генерала². Таким образом, герой статьи происходил из казачьей семьи и на момент рождения дворянином не был. Впоследствии в его послужных списках указывалось, что он происходил из почетных граждан Тобольской губернии³.

Сохранилась открытка, которую мать Михаила Ивановича написала одному из своих внуков на рубеже XIX и XX вв. (ил. 2). В почтовом штампе указано обиходное название «Акмолы», относящееся к городу Акмолинску (современная Астана) – с 1868 г. станица Николаевская и весь Омский уезд входили в состав Акмолинской области.

Среднее образование Михаил Иванович Ставский получил в Омской военной прогимназии, которую окончил по первому разряду в 1870 г. с назначением унтер-офицером во 2-й Западно-Сибирский линейный батальон. Три года спустя он был направлен для продолжения обучения в Оренбургское юнкерское училище, окончил его в 1875 г. также по первому разряду и вернулся к службе в линейном батальоне. В том же году Михаил Ставский был произведен в прапорщики, назначен заведующим батальонным лазаретом и оставался в этой должности до окончания своей службы в Сибири. Летом 1877 г. Михаил Иванович был переведен в Учебный пехотный батальон и прибыл в его расположение в Ораниенбаум⁴. Вся дальнейшая жизнь Ставского так или иначе связана с этим городом.

В 1878 г. он был зачислен «в постоянный кадр» батальона. За время службы в этой воинской части Михаил Иванович был произведен в подпоручики (1879) и поручики (1880), состоял помощником заведующего оружейной мастерской (1879–1882) и членом батальонного суда (1879–1880)⁵.

Ил. 2. Открытка от Е. Ставской к внуку А. Ставскому.
Конец XIX – начало XX в. Из собрания автора. Публикуется впервые

В начале 1881 г. поручик Ставский был «внесен в списки» лейб-гвардии Егерского полка с оставлением в постоянном составе Учебного пехотного батальона. В связи с переводом в гвардию он был «переименован» в подпоручики⁶.

В 1882 г. состоялось преобразование учебного батальона в Офицерскую Стрелковую школу. Михаил Иванович Ставский, таким образом, служил в ней с самого основания. Его должности в школе были следующими: заведующий оружейными мастерскими (1882–1890)⁷, заведующий офицерской командой школьной роты (1890–1894), заведующий хозяйством школы (1895–1896), командир Стрелковой роты школы (1896–1899, официально утвержден в 1897; также временно исправлял эту должность в 1882, 1884 и 1892), заведующий обучающимися в школе офицерами и помощник начальника школы (1900–1903, исправлял должность с 1899). Также Михаил Иванович исполнял много обязанностей по совместительству: был членом (1882, 1884, 1885, 1887–1888), а затем делопроизводителем (1888–1899) школьного суда, делопроизводителем и членом комиссии офицерского заемного капитала (с 1893), членом (с 1896) и председателем (с 1899, исправлял должность с 1897) распорядительного комитета офицерского собрания, заведующим школьной библиотекой

Ил. 3. 1903(?) г. Офицерская Стрелковая школа. Предположительно, прощание М. И. Ставского с сослуживцами перед отъездом в 191-й Дрогичинский полк. Фотография из фондов Краеведческого музея г. Ломоносова

(1898–1899), членом временной хозяйственно-строительной комиссии по постройке домов для офицеров переменного состава школы (с 1900), членом комиссии по постройке школьного стрельбища и оружейного полигона (с 1902)⁸.

Можно заметить, что большинство обязанностей Михаила Ивановича Ставского в Стрелковой школе носило хозяйственно-бюрократический характер. В 1901 г. он, сверх того, временно исправлял должность начальника школы⁹.

За время службы Михаил Иванович получил чины гвардии поручика (1883), штабс-капитана (1888) и капитана (1893). В 1899 г. он был «переименован» в подполковники и тут же произведен в полковники с оставлением в списках лейб-гвардии Егерского полка¹⁰.

В 1903 г. полковник Михаил Ставский получил назначение на должность командующего 191-м резервным Дрогичинским полком и оставил службу в Офицерской Стрелковой школе¹¹ (ил. 3).

Дрогичинский полк дислоцировался в Варшавской губернии, но семья Михаила Ивановича продолжала жить в Ораниенбауме.

Ил. 4. Дом Дегтярева (одно из зданий усадьбы Ставских). г. Ломоносов, Иликовский пр., д. 24Б. Фотография из открытых источников

Об этом свидетельствуют записи в метрических книгах церкви Офицерской Стрелковой школы о рождении младшего сына полковника в 1905 г.¹² и о смерти одной из его дочерей в 1906-м¹³, а также другие источники, в частности, об обучении старшего сына в Петергофской гимназии в 1899–1908 гг.¹⁴

В 1908 г. Михаил Иванович Ставский был произведен в генерал-майоры и назначен командиром Первой бригады Второй Восточно-Сибирской Стрелковой дивизии¹⁵. Расположение дивизии находилось в Уссурийском крае. Место жительства семьи героя данной статьи в этот период неизвестно. Летом 1913 г. Михаил Иванович вышел в отставку с производством в генерал-лейтенанты. В 1914 г., после начала Первой мировой войны, он был вновь призван на службу и назначен командующим Второй бригадой 66-й пехотной дивизии, но уже в октябре того же года уволен в связи с болезнью¹⁶.

За время службы Михаил Иванович Ставский удостоился следующих наград: орденов Святого Станислава 3-й степени (1885), Святой Анны 3-й степени (1896), Святого Станислава 2-й степени (1901), Святой Анны 2-й (1905) и Святого Владимира 4-й

степени (1907), а также серебряных медалей в память царствования императора Александра III и в память коронования императора Николая II. Помимо русских наград, Михаил Иванович имел иностранные: Французский крест общества спасателей на Верхнем Рейне (1899) и Командорский крест французского ордена Черной звезды (1904)¹⁷. Причины, по которым русский офицер удостоился французских наград, в настоящее время не установлены.

Еще после первой отставки Михаил Иванович окончательно поселился в Ораниенбауме¹⁸. Во время службы в Офицерской Стрелковой школе он с семьей жил в казенной квартире¹⁹, но не позднее 1908 г. у Ставских уже был собственный дом на Лесной улице²⁰.

Ныне Лесная улица называется улицей Дегтярева, в честь выдающегося оружейного конструктора Василия Андреевича Дегтярева (1879–1949), который в годы Первой мировой войны жил там в сторожке *«при имени одного старого отставного генерала»*²¹. Этим генералом и был Михаил Иванович Ставский. В своих воспоминаниях изобретатель рассказывает, как однажды Ставский возмутился тем, что семья Дегтяревых держит у себя индюков, и их пришлось зарезать²². Дегтярев достаточно уничижительно характеризует старого офицера, возмущаясь его раздражительностью, но надо отметить, что дело происходило в 1915 г., когда Михаил Иванович потерял на войне сразу двух сыновей.

«Сторожка», где жила семья конструктора, сохранилась до настоящего времени. Сейчас она известна как «дом Дегтярева», а ее официальный адрес – Илковский проспект, 24Б²³. При этом здание находится поблизости от современного дома № 3 по улице Дегтярева (бывшей Лесной), где исторически располагалась усадьба Ставских. Это совпадает с тем, как описывает местоположение сторожки мемуарист – в стороне от дороги. Таким образом, «дом Дегтярева» является сохранившейся постройкой усадьбы генерала Ставского (ил. 4).

Долгое время дата смерти Михаила Ивановича и ее обстоятельства оставались неизвестными и сейчас публикуются впервые. Герой статьи скончался от рака желудка 1 февраля 1921 г. в Ораниенбауме, во втором отделении Подвижного госпиталя. Автору удалось установить этот факт на основании материалов ЦГА СПб. Трудности в поисках при наличии базы данных актов гражданского состояния за 1918–1924 гг. объясняются тем,

что в актовой записи Михаил Иванович ошибочно назван не Ставским, а Станским²⁴.

Более подробные сведения были найдены в материалах Ораниенбаумского волостного совета депутатов. На момент смерти бывший царский генерал служил в Красной армии в должности полевого инспектора 187-й стрелковой бригады²⁵. Полтора месяца спустя это воинское подразделение примет участие в подавлении Кронштадтского мятежа.

Факт службы у большевиков офицера Российской императорской армии, конечно, не является экстраординарным. Но в случае с Михаилом Ивановичем Ставским это все-таки вызывает удивление, так как к тому времени он был уже стар и болен, а его старший сын участвовал в Белом движении. Возможно, вступление бывшего генерала в Красную армию объяснялось банальными финансовыми проблемами, которые неизбежно должны были обрушиться на семью Ставских после 1917 г.

В 1940-е гг. единственный живой к тому времени сын генерала, Владимир Михайлович, писал в автобиографии, что его отец добровольно вступил в Красную армию в 1918 г. и служил полевым инспектором в Северо-Кавказской Красной армии²⁶. Но этот документ содержит много неточностей.

Михаил Иванович был похоронен на Троицком кладбище Ораниенбаума.

Жену Михаила Ивановича звали Екатерина Илларионовна (ил. 5). Она была дочерью выдающегося церковного ученого и государственного деятеля Иллариона Алексеевича Чистовича. Дедушкой Екатерины Илларионовны по материнской линии был духовник императорской семьи протопресвитер Василий Борисович Бажанов. Екатерина родилась 12 декабря 1866 г. и была крещена 24 января следующего года. Крещение совершил ее дедушка, он же стал восприемником. Другой восприемницей стала его дочь, тетя новорожденной Александра Васильевна Горданова, жена полковника Вячеслава Алексеевича Горданова, участника Крымской войны. Также в качестве восприемницы была записана императрица Мария Александровна, жена Александра II, хотя лично при купели она не присутствовала²⁷.

Образование Екатерина Илларионовна получила в Санкт-Петербургском училище ордена Святой Екатерины, которое окончила в 1884 г. с большой золотой медалью²⁸.

Ил. 5. Екатерина Илларионовна Ставская, урожденная Чистович. Фотография из семейного архива Чистовичей

С будущим мужем она, без сомнения, познакомилась в Ораниенбауме, где ее отец любил снимать дачу на лето²⁹. После смерти отца в 1893 г. Екатерина Илларионовна стала опекуницей своей малолетней единокровной сестры Веры Чистович, которая также училась в училище Святой Екатерины и часто гостила у Ставских³⁰.

Овдовев, Екатерина Илларионовна продолжала жить в Ораниенбауме. Согласно базе данных ЦГА СПб, в 1924 г. она была лишена избирательных прав как вдова генерала. Из конфиденциального источника автору стало известно,

что Екатерина Ставская умерла в Ораниенбауме в 1931 г. (Владимир Михайлович Ставский ошибочно указывал, что это произошло годом раньше³¹). Ей было суждено пережить всех своих детей, кроме одного. Скорее всего, местом погребения Екатерины Илларионовны стало Троицкое кладбище, где были похоронены ее близкие.

Всего у супругов Ставских было десять детей: Ольга, Илларион, Александр, Николай, Иван, Михаил, Владимир, Борис, Елена и Константин. Не все они родились в Ораниенбауме, но все были крещены священниками церкви Святителя Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе. Пока был жив Илларион Алексеевич Чистович, он неизменно становился восприемником своих внуков. Трое детей, Ольга (1888–1890)³², Борис (1901–1902)³³ и Елена (1903–1906)³⁴ умерли в младенчестве.

Ил. 6. Илларион Михайлович Ставский в 1908 г., после окончания гимназии. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52059. Л. 1. Публикуется впервые

Ил. 7. Илларион Михайлович Ставский во время Первой мировой войны. Фотография из открытых источников

Все выжившие дети Ставских были мальчиками, и все они учились в Петергофской гимназии императора Александра II.

Старший из детей, Илларион Михайлович (1889–1927), был назван в честь своего знаменитого деда, который также был его крестным. Илларион Ставский избрал военную карьеру еще до начала Первой мировой войны. Оставив обучение на математическом факультете Санкт-Петербургского университета, он перешел в Николаевское инженерное училище, которое окончил в 1912 г. и с тех пор служил в различных воинских частях³⁵ (ил. 6).

Иллариону Ставскому было суждено стать блистательным офицером, память которого почтил сам А. И. Куприн. Несомненно, писатель лично был знаком с Илларионом Михайловичем, так как оба они участвовали в походе Северо-Западной армии на Петроград в 1919 г. Уже упоминавшийся очерк Куприна «Полковник Ставский» изначально был некрологом, который писатель опубликовал в эмигрантской газете «Возрождение» (1927. 17 сентября. № 837)³⁶. В настоящее время это произведение легко доступно, из него можно узнать о подвигах И. М. Ставского во время Первой мировой и Гражданской

Ил. 8. Александр, Николай и Иван Ставские. Новое время.
Иллюстрированное приложение. 1916. № 14602. С. 8

войн. Поэтому здесь ограничимся упоминанием о том, что с 1916 г. Илларион Михайлович командовал конно-саперной командой знаменитого партизанского отряда особой важности атамана Пунина, а в следующем году возглавил весь отряд³⁷ (ил. 7).

Во время боевых действий на северо-западе в ходе Гражданской войны именно Илларион Михайлович руководил взятием Ямбурга в мае 1919 г., а осенью того же года его отряд первым ворвался в Гатчину. Заболев туберкулезом в эмиграции, полковник совершил самоубийство, на несколько дней опередив естественную смерть. Похоронен он на кладбище Пантен в Париже.

А. И. Куприн упоминает некие «записки» Ставского, которые он незадолго до смерти отправил своей матери. Но их судьба неизвестна.

Трое братьев Иллариона Михайловича – Александр (1891–1916), Николай (1893–1915) и Иван (1895–1915) – героически погибли на Первой мировой войне³⁸ (ил. 8).

Александр Михайлович не предназначал себя к военной карьере. В 1908 г. он с золотой медалью окончил гимназию, а в 1912-м – юридический факультет Санкт-Петербургского университета, после чего поступил на службу в Министерство юстиции (ил. 9).

Когда начались война, Александр Ставский был мобилизован и добился назначения в лейб-гвардии Драгунский полк, где в свое время отбывал воинскую повинность³⁹. Уже в первых боях он блестяще себя проявил и удостоился орденов Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (Высочайший приказ от 23 октября

1914 г.), Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (Высочайшие приказы от 18 февраля и 15 марта 1915 г. соответственно)⁴⁰. Командир лейб-гвардии Драгунского полка, граф Ф. М. Нирод в своих воспоминаниях рассказывает о том, как прапорщик Ставский во главе развезда разведчиков углубился на вражескую территорию, оказался отрезан от своих и на протяжении пяти месяцев, с декабря 1914 по апрель 1915 г., находился в тылу противника, скрываясь в лесах и продолжая разведывательную деятельность⁴¹. После успешного прорыва к своим Александр Михайлович

Ил. 9. Александр Ставский в 1908 г., после окончания гимназии. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52085. Л. 2. Публикуется впервые

был награжден офицерским Георгиевским крестом 4-й степени (награждение было совершено командующим 4-й армией и утверждено Высочайшим приказом от 1 апреля 1916 г.)⁴². 26 ноября 1915 г. Ставский присутствовал в Могилеве на праздновании по случаю награждения Георгиевским крестом императора Николая II⁴³. Впоследствии Александр Михайлович, продолжая числиться в драгунах, был прикомандирован к лейб-гвардии 2-му Стрелковому Царскосельскому полку⁴⁴. В рядах этого воинского подразделения он погиб 1 октября 1916 г.: будучи дважды раненым, храбрый офицер продолжал вести свою роту в атаку на занятый германцами окоп и был наповал убит третьей пулей⁴⁵. Прах Александра Ставского был доставлен в его родной Ораниенбаум и погребен на Троицком кладбище⁴⁶.

Николай Михайлович Ставский сражался в рядах 4-го Финляндского стрелкового полка, а Иван Михайлович – 206-го пехотного Сальянского полка. Большой интерес представляют выдержки из их писем родителям, которые были опубликованы В. С. Кривенко в неоднократно упоминавшейся статье. Эти

Ил. 10. Николай Ставский в 1911 г., после окончания гимназии. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58454. Л. 1. Публикуется впервые

отрывки являются ценным свидетельством эпохи. *«Странное желание у меня – пропеть вам сейчас мою лебединую песню, – пишет Николай Ставский незадолго до гибели. – Когда получите это письмо, не будет уже отчаянного веселого лейтенантика в живых: на поле чести, смертью храбрых найдет он себе покой»*⁴⁷. 29 января 1915 г. подпоручик Ставский погиб *«в сражении с австро-немцами на высоте 992 в Карпатских горах»*. Вначале он был погребен неподалеку от места смерти, *«близ церкви в деревне Козево»*⁴⁸ (ныне Львовская область), но месяц спустя перезахоронен в Ораниенбауме⁴⁹ (ил. 10).

Иван Михайлович в это время учился в Павловском военном училище. Получив известие о смерти брата, он написал родителям: *«Через четыре месяца я пойду по следам братьев, отомщу за Колю, займу его место... Умереть в бою – это славная смерть»*. Иван Ставский попал на фронт летом 1915 г. и сразу оказался в гуще сражений. *«А шrapнель все рвется и рвется, – писал он. – Да ваши хорошенькие часики прекратили свое существование, осколок шrapнели попал в них, когда они лежали в моей землянке»*. *«Страшный, ураганный огонь, – сообщает Иван Михайлович в другом письме. – Шrapнели рвались ежеминутно, но Бог меня хранил, хотя шинель у меня пробита в трех местах на рукаве и на груди... Из 25 товарищей осталось четверо»*⁵⁰. 12 июля прапорщик Ставский во главе двух рот совершил атаку на немцев близ деревни Майдан-Островский на территории Царства Польского и во время этой атаки погиб⁵¹.

Судьба пятого брата Ставского, Михаила Михайловича, который родился в 1896 г.⁵², сложилась иначе. В возрасте семнадцати лет, в ноябре 1913 г., во время обучения в Петергофской гимназии императора Александра II, он застрелился. По официальной версии, причиной этого был «припадок умоисступления»⁵³.

Но согласно заметке участника революционного движения Ю. М. Васильева, самоубийство Ставского связано с проблемами в гимназии. Во время его похорон на Троицком кладбище Ораниенбаума двое учеников – 6-го и 8-го классов – выступили с речами, в которых жестко критиковали гимназические порядки. В результате один ученик был отчислен, а другого заставили *«отсидживать четыре воскресенья подряд по шесть часов каждый раз»*⁵⁴. По свидетельству брата Владимира, Михаил покончил с собой *«из-за произвола педагога-немца»*⁵⁵.

Владимир Михайлович Ставский родился в 1899 г.⁵⁶ В советское время он называл местом своего рождения город Ишим Омской губернии⁵⁷, но запись о его крещении находится в метрической книге церкви Стрелковой школы Ораниенбаума. Учитывая, что родился Владимир 9 января, а крещен был 19 апреля, это вполне возможно.

В 1921 г. Владимир Михайлович, после гибели и эмиграции старших родственников оставшийся главой семьи, занимался похоронами отца⁵⁸, а годом позже – самого младшего из своих братьев, Константина (1905–1922), умершего от плеврита⁵⁹.

После смерти Константина Владимир Ставский оказался единственным сыном, который оставался с матерью, Екатериной Илларионовной. Когда в 1927 г. в Париже погиб Илларион Михайлович Ставский, Владимир остался ее единственным выжившим ребенком.

Жизненный путь Владимира Михайловича изложен в его автобиографии, написанной в 1948 г. для вступления в партию. Но этот документ содержит ряд неточностей, возможно, допущенных сознательно из соображений безопасности. В частности, Владимир Ставский пишет, что на Первой мировой войне было убито не трое, а четверо его братьев⁶⁰, очевидно, записав в число погибших эмигранта Иллариона Михайловича. Поэтому указанной автобиографии нельзя доверять безоговорочно. Однако, представляется, что основные вехи собственного трудового пути Владимир Михайлович изложил верно, так как их не было смысла скрывать, и они легко могли быть проверены с помощью других документов.

Согласно автобиографии, Владимир Ставский, как и его братья, учился в Петергофской гимназии, которую окончил в 1917 г. Год спустя он добровольцем вступил в Красную армию (возможно, вместе с отцом), а в 1919 г. как инструктор по плаванию

был переведен на флот, где и служил до демобилизации в 1923 г. В Гражданской войне Владимир Михайлович участия не принимал. В 1924–1927 гг. он окончил Ораниенбаумский лесной техникум, защитил квалификацию на звание лесовода, шестнадцать лет работал по специальности в различных лесозаготовительных и лесоустроительных экспедициях, а в апреле 1943 г. добровольцем пошел на фронт. Во время Великой Отечественной войны Владимир Михайлович был дважды ранен, причем один раз тяжело, а также один раз контужен. Среди его наград – ордена Красной Звезды и Славы 3-й степени, медали «За отвагу» и «За победу над Германией», шесть Сталинских благодарностей⁶¹. Таким образом, гвардии сержант Владимир Ставский продолжил героические традиции своей семьи.

После войны он вернулся к работе по специальности и поступил в Ленинградскую проектно-изыскательную контору «Кареллеспроект». В 1948 г. Владимир Михайлович был принят в ВКП(б). На тот момент он был женат и имел восьмилетнего сына⁶². Его дальнейшая судьба в настоящее время неизвестна.

Могины Ставских на Троицком кладбище Ораниенбаума не сохранились.

Такова история семьи Ставских, в которой тесно переплетены героические и трагические события и которая иллюстрирует жизнь нашего Отечества в переломную эпоху начала XX века.

¹ Кривенко В. С. Семья героев // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1916. № 14602. С. 7–10.

² Метрическая книга Свято-Николаевской церкви станицы Николаевской Омского уезда Тобольской губернии за 1853 год // Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 16. Оп. 2. Д. 165. Л. 423 об.–424.

Метрическая книга Свято-Николаевской церкви станицы Николаевской Омского уезда Области Сибирских киргизов за 1859 год // Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 16. Оп. 4. Д. 14. Л. 23 об.-24.

³ Послужной список полковника М. И. Ставского от 13 июня 1908 года // Ставский Илларион Михайлович (личное дело студента). ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52059. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 27 об.

⁵ Там же.

⁶ По материалам Краеведческого музея г. Ломоносова (собранным Ф. Д. Тимофеевым).

⁷ Тот же источник.

⁸ Послужной список полковника М. И. Ставского от 13 июня 1908 года. Л. 28–29.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ Там же. Л. 27 об.–28 об.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1905 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 816. Л. 282 об.–283. Кадр 285.

¹³ Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1906 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 898. Л. 244 об.–245. Кадр 249.

¹⁴ Ставский Илларион Михайлович (личное дело студента) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52059. Л. 23.

¹⁵ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1913 года. СПб., 1913. С. 569.

¹⁶ По материалам Краеведческого музея г. Ломоносова (собранным Ф. Д. Тимофеевым).

¹⁷ Послужной список полковника М. И. Ставского от 13 июня 1908 года // Ставский Илларион Михайлович (личное дело студента). ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52059. Л. 27–29.

¹⁸ Весь Петербург: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1914 год. СПб., 1914. Разд. III. С. 628.

¹⁹ Об определении своекоштной пансионеркой девицы Веры Чистович // ЦГИА СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3154. Л. 20.

²⁰ Ставский Илларион Михайлович (личное дело студента). ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52059. Л. 18.

²¹ Дегтярев В. А. Моя жизнь. М., 1950. С. 92.

²² Там же. С. 93.

²³ Дом Дегтярева // Сайт «CITYWALLS» URL: <https://www.citywalls.ru/house20040.html?s=vkedhqsc5d6brsne8lttv2i3l> (дата обращения: 20.12.2024).

²⁴ Книга регистрации записи о смерти за 1921 год. Ораниенбаумский ВИК, г. Ораниенбаум № 01–№ 100 (копия) // ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 2. Д. 1885. Л. 10–10 об.

²⁵ Регистрация актов о рождении и смерти граждан. Переписка с Губернским отделом ЗАГСа об обмене гербового сбора с первичных документов и запрещении регистрации браков несовершеннолетних // ЦГА СПб. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 37. Л. 25.

²⁶ Ставский Владимир Михайлович. 1948–1949 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 9. Д. 3416. Л. 4 об.

²⁷ Метрическая книга Большого собора Зимнего дворца в Санкт-Петербурге за 1867 год // РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 53. Л. 3 об.–4.

²⁸ О выпуске и награждении воспитанниц Санкт-Петербургского училища ордена Святой Екатерины в 1884 году // РГИА. Ф. 759. Оп. 54. Д. 17. Л. 10 об.

²⁹ Никанор (Бровкович), архиепископ. Моя хиротония (из воспоминаний) // Русский архив. 1908. № 2. С. 198–200.

³⁰ Об определении своекоштной пансионеркой девицы Веры Чистович // ЦГИА СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3154. Л. 1–1 об., 6, 16, 20.

³¹ Ставский Владимир Михайлович. 1948–1949 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 9. Д. 3416. Л. 4 об.

³² Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1888 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 92. Л. 116 об.–117. Кадр 119; Метрическая книга церкви Свт. Спиридона

Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1890 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 150. Л. 431 об.–432. Кадр 434.

³³ Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1901 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 602. Л. 189 об.–190. Кадр 204; Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1902 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 651. Л. 238 об.–239. Кадр 249.

³⁴ Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1903 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 705. Л. 287 об.–288. Кадр 293; Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1906 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 898. Л. 244 об.–245. Кадр 249.

³⁵ Ставский Илларион Михайлович (личное дело студента). ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52059; По материалам Краеведческого музея г. Ломоносова (собранных Ф. Д. Тимофеевым).

³⁶ Чуваков В. Н. Незабываемые могилы. Т. 6. Кн. 2 (Скр–Ф). М., 2006. С. 147.

³⁷ Хорошилова О. А. Всадники, несущие смерть Германии: Штрихи к истории отряда Особой важности атамана Пунина (1915–1918) // Родина. 2010. № 4. С. 66.

³⁸ Кривенко В. С. Семья героев. С. 7–10.

³⁹ Там же. С. 9; Ставский Александр Михайлович (личное дело студента) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 52085; О службе причисленного к Министерству Юстиции Александра Ставского // РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 12746.

⁴⁰ Наградной лист Лейб-Гвардии Драгунского полка корнета Александра Ставского // РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26997. Л. 291об.

⁴¹ Нирод Ф. М. Разъезд корнета Ставского // Лейб-драгуны дома и на войне. Выпуск 1-й. Париж, 1928. С. 77–85.

⁴² Приказы о чинах военных 1916 года. Т. 4 (апрель). СПб., 1916. С. 27–28.

⁴³ Оношкович-Яцына Е. Н. Принесение поздравления Государю Императору в ставке в Могилеве 26 ноября 1915 г. по случаю возложения Государем на себя ордена Св. великомученика и победоносца Георгия 4-й степени // Военная быль. № 100. Париж, 1969. С. 20–21.

⁴⁴ Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат) // РГВИА. Ящик 7523-С.

⁴⁵ Кривенко В. С. Семья героев. С. 9.

⁴⁶ Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1916 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1849. Л. 56 об.–57. Кадр 61.

⁴⁷ Кривенко В. С. Семья героев. С. 7.

⁴⁸ Метрическая книга церкви 4-го Финляндского стрелкового полка за 1915 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1754. Л. 209 об.–210. Кадр 213.

⁴⁹ Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1915 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1789. Л. 94об.–95. Кадр 98.

⁵⁰ Кривенко В. С. Семья героев. С. 7–8.

⁵¹ Там же. С. 8; Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат) // РГВИА. Ящик 7523-С.

⁵² Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1896 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 387. Л. 307об.-308. Кадр 311.

⁵³ Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1913 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1577. Л. 64 об.-65. Кадр 67.

⁵⁴ Заметка по поводу самоубийства Михаила Ставского // ЦГИА СПб. Ф. 2189. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

⁵⁵ Ставский Владимир Михайлович. 1948–1949 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 9. Д. 3416. Л. 4об.

⁵⁶ Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1899 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 515. Л. 183 об.–184. Кадр 187.

⁵⁷ Ставский Владимир Михайлович. 1948–1949 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 9. Д. 3416. Л. 4.

⁵⁸ Регистрация актов о рождении и смерти граждан. Переписка с Губернским отделом ЗАГС а об обмене гербового сбора с первичных документов и запрещении регистрации браков несовершеннолетних // ЦГА СПб. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 37. Л. 25.

⁵⁹ Метрическая книга церкви Свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской Стрелковой школе в г. Ораниенбауме за 1905 год // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 816. Л. 282 об.–283. Кадр 285; Книга регистрации записи о смерти за 1922 год. Ораниенбаумский ВИК, г. Ораниенбаум № 01–№ 200 // ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 2. Д. 1887. Л. 93–93 об.

⁶⁰ Ставский Владимир Михайлович. 1948–1949 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 9. Д. 3416. Л. 4 об.

⁶¹ Там же. Л. 4.

⁶² Там же. Л. 4 об., 9 об.

*М. Н. Кирилов (Санкт-Петербург),
Ю. Н. Колесников (Москва)*

**ФОРМИРОВАНИЕ, БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА
И БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КОРЕЙСКИХ
И КИТАЙСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
(ЧАСТЕЙ) В СОСТАВЕ РККА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ. 88-Я ОТДЕЛЬНАЯ СТРЕЛКОВАЯ
БРИГАДА**

К концу 1930-х гг. японские оккупационные власти в Маньчжурии провели серию успешных карательных операций против китайских партизан. Отряды повстанцев, лишённые обеспечения и поддержки со стороны местного населения, были бы уничтожены, если бы не опирались на помощь великого северного соседа в лице СССР. Советское руководство внимательно отнеслось к участникам национально-освободительного движения. В соответствии с секретным указанием народного комиссара обороны Маршала СССР К. Е. Ворошилова и народного комиссара внутренних дел Л. П. Берии об оказании помощи китайскому партизанскому движению в Маньчжурии 15.04.1939 г. НКО и НКВД СССР обязали Военные советы 1 и 2-й отдельных Краснознаменных армий (ОКА), управления НКВД по Читинской области, Хабаровскому и Приморскому краям, забайкальские и дальневосточные управления пограничных войск «...в целях более полного использования китайского партизанского движения в Маньчжурии и его дальнейшего организационного укрепления оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами, а также руководить их работой». Интернированные партизаны передавались

«...Военным советам для использования в разведывательных целях и переброски их в Маньчжурию...». Начальнику УНКВД Приморского края М. М. Гвишиани (ил. 1) передать Военному совету 1-й ОКА 350 китайских партизан, прошедших проверку органами НКВД. Начальнику УНКВД Хабаровского края И. Ф. Никишову (ил. 2) передать Военному совету 2-й ОКА интернированных руководителей китайских партизанских отрядов Чжао Шанчжи и Дай Хунбина.

Ил. 1. М. М. Гвишиани

В связи с активизацией японской Квантунской армии против партизанского движения в Маньчжурии с 1940 г. китайцев из армий антияпонского сопротивления пришлось эвакуировать в СССР. В течение последующих нескольких лет, до середины 1942 г., китайские партизанские отряды, в рядах которых было немало и корейцев, регулярно переходили через границу, отдыхали и лечились в СССР, проходили проверку органами НКВД, а затем возвращались в Маньчжурию для продолжения вооруженной борьбы.

Ил. 2. И. Ф. Никишов

В свою очередь, Военный совет 1-й и 2-й ОКА поставил перед командирами китайских партизанских отрядов следующие боевые задачи:

Ил. 3. И. Р. Апанасенко

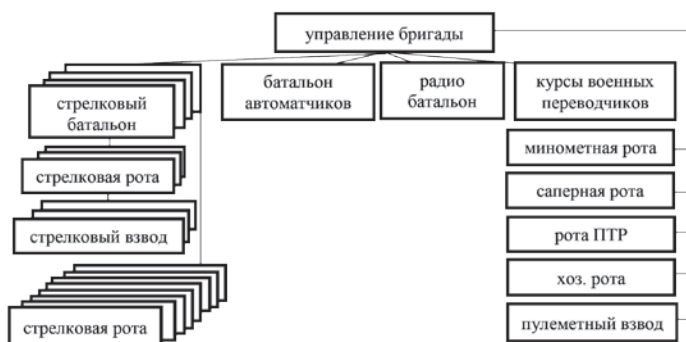
организация партизанских районов на Хингане, прием в отряды новых бойцов всех национальностей, организация опорных баз партизанского движения, проведение революционной антияпонской агитации на оккупированных территориях. Помимо диверсионного применения в составе партизанских отрядов китайские патриоты активно использовались советской разведкой в качестве агентов. В то же время существовала реальная угроза заброски японских

агентов, под видом партизан, на территорию СССР.

В этом направлении с личным составом партизанских отрядов активно работали органы контрразведки перед отправкой партизанских отрядов в Маньчжурию. Перешедшие в СССР партизаны размещались в Северном лагере (лагере «А») в поселке Вятское-на-Амуре, а также в Южном лагере (лагере «Б»), располагавшемся в предместье туркменского города Керки. На этих базах личный состав китайских партизанских отрядов занимался боевой и политической подготовкой, которой руководили офицеры Красной армии, прикомандированные к данным лагерям приказом командования Дальневосточного фронта (ДВФ). Группу советских офицеров, занимавшихся подготовкой партизанских отрядов, возглавлял майор В. А. Самарченко.

В апреле 1942 г. согласно мнению, высказанному Н. С. Соркиным и Чжоу Баочжуном, командующий ДВФ генерал армии И. Р. Апанасенко (ил. 3) направил в ставку ВГК СССР предложение о создании из бойцов китайской Объединенной армии учебного полка. Эта инициатива была одобрена Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным, было принято решение о формировании учебной бригады с присвоением ей номера советской войсковой части и полным обеспечением по нормам РККА. 21.07.1942 г. приказом командующего ДВФ № 00132 все интернированные маньчжурские партизаны были объединены под знаменем только что сформированной 88-й отдельной

стрелковой бригады (осбр) формирования Дальневосточной армии (ДВА) и Объединенных войск против японских захватчиков для разведывательно-диверсионных действий в японском тылу. Бригада формировалась по штату № 04/230 – 004/241, в ее состав вошли: управление бригады; политотдел и отдел контрразведки УКР «Смерш»; 4 стрелковых батальона (в каждом по 3 роты из 3 взводов, в составе 4 батальона 8 стрелковых рот); батальон автоматчиков и радиобатальон; 4 отдельные роты (минометная, саперная, противотанковых ружей (ПТР) и хозяйственная); отдельный пулеметный взвод; специальное отделение курсов военных переводчиков (ил. 4).

Ил. 4. Схема организации 88-й осбр в июле 1942 г.¹

Формированию и боевой подготовке 88-й осбр было уделено большое внимание, так как ей предназначалась особая роль и политическое значение как корейской и китайской национальной части (по примеру польских, чехословацких и других иностранных частей (соединений и объединений), формировавшихся в СССР), которая послужила основой подготовки военных и политических кадров. Как воинская часть бригада готовилась принять участие, совместно с Красной армией, в борьбе против японских империалистов за освобождение китайского и корейского народов².

Для проведения политической подготовки в расположении бригады были предусмотрены клуб и летний кинотеатр, в котором регулярно демонстрировались советские кинофильмы. В фойе клуба вывешивались официальные сообщения Совинформбюро о положении дел на фронтах и сообщения с тихоокеанского ТВД

на русском и китайском языках. Общее руководство политической работой в бригаде с лета 1943 г. осуществлял офицер штаба ДВФ китайский коммунист майор Лю Ялоу, выпускник Военной академии им. М. В. Фрунзе, участник Сталинградской битвы. 5 августа 1942 г. в составе бригады по штату 04/16 была сформирована полевая касса Госбанка и по штату 014/69-В полевая почтовая станция на конной тяге³. Общая численность 88-й осбр в соответствии со штатом № 04/230–004/241 составляла 4988⁴.

Основным предназначением 88-й осбр было ведение разведки в глубоком тылу противника в Маньчжурии на всю глубину наступательной операции ДВФ, до Ляодунского полуострова включительно – Порт-Артур и Дальний. В этой связи личный состав занимался боевой, политической, снайперской, разведывательной подготовкой и диверсионной деятельностью. Местом дислокации бригады стало село Вятское-на-Амуре в 72 км от Хабаровска⁵. Бригада находилась в непосредственном подчинении разведывательного отдела штаба ДВФ, а затем, уже в ходе разгрома Квантунской армии, – разведывательного отдела штаба 2-го ДВФ. В 1945 г. 88-я осбр стала основой вновь сформированной «Северо-Восточной антияпонской Объединенной Армии».

Комплектование бригады происходило из числа китайцев и корейцев – участников сил сопротивления, а также за счет советских граждан китайского и корейского происхождения, представителей других национальных меньшинств СССР схожих этносов (нанайцев, эвенков). В состав бригады также вошли политэмигранты – 70 участников военного мятежа под руководством Чжан Вэйго и Ван Вэнжу. Принадлежность соединения к военной оперативной разведке повлияло и на кадровую расстановку: за редким исключением, на ключевые должности в 88-й осбр были назначены наиболее ярко проявившие себя в ходе партизанской войны против японских оккупантов командиры из числа этнических китайцев и корейцев. Так, командиром бригады был назначен участник Северного похода народной революционной армии Китая коммунист Чжоу Бао-Чжун (ил. 5). В период 1942–1945 гг. работал по обучению и воспитанию китайских офицеров и солдат, в 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды и в 1945 г. – орденом Красного Знамени. Заместителем по политической части был назначен Чжан Шоуцзян, заместителем по строевой и боевой подготовке – майор Т. Н. Ширинский, начальником штаба бригады – майор В. А. Самарченко, начальником политотдела – майор

В. Е. Серегин. Командир 1-го стрелкового батальона (сбн), укомплектованного в основном военнослужащими-корейцами, был назначен капитан Цзин Жи-Чэн (псевдоним будущего корейского лидера Ким Ир Сена. – *М. К., Ю. К.*) (ил. 6), член Коммунистической партии Китая (КПК) с 1932 г., активный участник партизанского движения в Манчжурии в 1932–1942 гг., в РККА был зачислен 17 июля 1942 г. Участник войны против Японии в 1945 г., приказом командующего 2-й ДВФ от 29.08.45 г. № 10/н был награжден орденом Красного Знамени.

Офицерский состав 88-й бригады был смешанный (ил. 7), на должностях командиров рот и взводов стояли граждане СССР, Кореи и Китая. Штат также подразумевал должности переводчиков. Китайские офицеры проходили подготовку на окружных курсах младших лейтенантов⁶. Кроме того, в распоряжении Забайкальского, 1-го и 2-го ДВФ находились красноармейцы китайской и корейской национальностей на должностях помощников военных комендантов, окончившие полугодовые программы подготовки в военно-учебных заведениях НКО СССР,

Ил. 5. Чжоу Бао-Чжун

Ил. 6. Ким Ир Сен

Ил. 7. Офицерский состав 88-й осбр

проходившие службу в Красной Армии, которые также были направлены в части сформированной бригады⁷.

Необходимо отметить тот факт, что большая часть китайских и корейских бойцов и командиров не знала русского языка. В связи с этим по ходатайству командования ДВФ призванные в РККА советские граждане корейской и китайской национальности, знавшие родной язык, стали направляться в бригаду. В 1942 г. в самой бригаде были организованы курсы русского языка для китайских военнослужащих. Зимой 1943 г. были открыты курсы китайского языка для советских военнослужащих. В апреле 1944 г. было завершено полное укомплектование 88-й осбр.

Еще весной 1941 г. личный состав южного и северного лагерей приступил к боевой учебе. Она включала занятия по огневой, строевой, физической и тактической подготовке. Программа огневой подготовки включала изучение правил стрельбы, устройства стрелкового оружия, минометов, противотанковых ружей, а также практическую стрельбу. По тактической подготовке изучались приемы ведения разведки, партизанских действий, взаимодействие партизанских отрядов с регулярной армией, методы защиты от воздушных нападений и газовых атак противника. Изучались топографическая съемка и фотографирование, работа на переносных радиостанциях. Физическая подготовка

в зимнее время включала лыжные гонки, в летнее – бег, плавание на 100 и 400 м и греблю, занятия по скалолазанию и прыжки с парашютом. В июле 1941 г. личный состав северного лагеря был направлен на аэродром Хабаровска для занятий по парашютной подготовке. В числе выполнивших прыжки с самолета были и 16 китайских женщин-военнослужащих. С 1942 г. на боевую подготовку отводилось 12 ч, в том числе 3 ч на изучение русского или китайского языков. В полевых лагерях для командного состава действовали курсы по изучению наступательных и оборонительных боев, снайперской войны, военного снабжения, военной медицины, саперного дела и др.

Чтобы выполнять сложные разведывательные и диверсионные задачи, весь личный состав бригады сразу же после ее формирования приступил к систематической боевой учебе по особым программам. Боевая и политическая подготовка проводилась с учетом реальной ситуации в Маньчжурии, а также в соответствии с требованиями ведения партизанской войны на оккупированных территориях. Боевая подготовка подразделений бригады была направлена на отработку действий небольшими группами в тылу японских войск. Боевое предназначение частей бригады определило и цели подготовки ее личного состава.

1. Подготовка военных командных кадров для национально-освободительной войны. Прежде всего, рядового бойца и сержанта. На военное время подготовка командиров взводов, рот (отрядов). Не менее важная цель политической подготовки заключалась в умении вести агитационную (политическую) работу среди населения Маньчжурии. Из граждан СССР (нанайцев, эвенков) проводилась подготовка командиров отделений.

2. Овладение тактикой боя, методами и опытом партизанского движения. Изучение техники радиосвязи, подготовка радистов, необходимых для поддержания устойчивой радиосвязи разведгрупп с центром⁸.

Сразу после своего формирования боевая подготовка бригады планировалась и проводилась по «Программе ускоренной боевой подготовки стрелковых частей Красной Армии» новых формирований, со сроком обучения в один месяц. Дальнейшее обучение после окончания ускоренной программы проводилось по «Программе боевой подготовки пехоты Красной Армии», издания 1941 г.⁹ Для обеспечения постоянной боевой готовности, а также для отработки взаимодействия и обучения штабов

в управлении войсками в 88-й обср проводились: батальонные учения не менее одного раза в 10 дней; бригадные учения не менее одного раза в две недели¹⁰.

Огневую подготовку первого месяца обучения планировали и проводили в точном соответствии с требованиями программы ускоренного обучения, в дальнейшем по программе 1940 г. Целью ставилось научить личный состав вести огонь в условиях зимы, снегопада, метели, снизу вверх и сверху вниз, по самолетам и «ку-кушкам»¹¹ противника. Отрабатывались (повторно) начальные и тренировочные упражнения боевыми патронами в условиях ограниченной видимости, ночью, при искусственном освещении, с деревьев и по цели на дереве, на скатах высот. На занятиях по огневой подготовке, на тактических учениях и маршах на лыжах обучали вести огонь и метать гранаты с лыж с места и на ходу¹².

Для достижения взаимозаменяемости между различными специальностями личный состав стрелковых подразделений обучали, кроме владения винтовкой, действиям с пистолетом-пулеметом, ручным пулеметом и минометом калибра 50 мм. Всех пулеметчиков и минометчиков, кроме штатного вооружения, – действиям с пистолетом-пулеметом и самозарядной винтовкой. Младший и средний командный состав обязан был уметь владеть всем оружием своего подразделения. Средний и старший, кроме этого, – вести прицельную стрельбу из 82-мм миномета.

Обучение снайперов проводилось в первый месяц на пятнадцатидневных сборах по ускоренной программе. Дальнейшую подготовку снайперов проводили в подразделениях, для чего отводилось не менее 10 ч. в неделю. Боевую подготовку автоматчиков проводили по ускоренной программе, в дальнейшем совершенствовали ее на тактических занятиях, все подразделения автоматчиков обязательно ставили на лыжи¹³.

Особое внимание уделялось подготовке по тактико-специальной, технической, агентурной и особенно разведывательной работе. Агентурная подготовка включала в себя изучение методов добывания сведений, поддержания личной и безличной связи, вербовки информаторов, радиodelo, хождение по азимуту в условиях таежной местности. Большое внимание уделялось вопросам конспирации, скрытности, изучению обстановки в районе ведения разведки, знанию работы контрразведки Японии. Кроме этого, необходимо было знать диалект, быт и нравы населения того города или села, где предстояло вести разведку, одеваться

соответственно легенде и питаться продуктами, которые способствуют выделению пота с запахом местных жителей.

Под руководством советских инструкторов личный состав 88-й осбр обучался прыжкам с парашютом, передвижению на лыжах, фотodelу, выживанию в экстремальных условиях, форсированию впасть рек Амура и Уссури, умению маскироваться на местности и многому другому.

Политико-моральное состояние личного состава частей и подразделений бригады советским командованием отмечалось как «здоровое»¹⁴. Весь личный состав бригады очень ответственно подходил к вопросам боевой подготовки. Китайские и корейские бойцы даже в свободное время учились тому, как профессионально применять оружие, интересовались, как воюют с немецко-фашистскими захватчиками, чтобы почерпнуть тот опыт для борьбы с японской армией на их родине, в Китае и Корее.

Осенью 1942 и в декабре 1944 г. 88-я осбр была подвергнута проверке комиссией штаба ДВФ. В обоих случаях ее итоги показали высокое политико-моральное состояние всего личного состава бригады. В декабре 1944 г. боевая подготовка 1, 3 и 4-го батальонов была оценена на «отлично». О высоком уровне боевой подготовки в бригаде свидетельствует тот факт, что после возвращения в Корею военнослужащие корейцы, ставшие впоследствии офицерами и генералами Корейской народной армии, заполняя анкетные данные, в графе образование писали: «88-е военное училище»¹⁵.

Боевое применение китайских и корейских подразделений против японской армии в оккупированной Маньчжурии началось еще в 1941 г. До начала своего формирования и на протяжении всего существования китайские и корейские группы совершали рейды через советско-китайскую и советско-корейскую границы, для разведки, диверсий, организации и поддержания связи с партизанскими отрядами, находившимися в тылу противника.

С весны 1941 г. по август 1945 г. в Маньчжурию из северного и южного лагерей, а позже и из состава 88-й осбр, на боевые задания было отправлено 30 групп общей численностью более 300 чел. Но не все убывающие на боевые задачи в тыл японской армии бойцы возвращались обратно в пункт постоянной дислокации, личный состав бригады нес потери. Так, в июне 1941 г. в уезде Жаохэ группа Ян Цихая была окружена и расстреляна крупным японским патрульным подразделением. В этом же

бою погибла талантливая радистка, китайка по национальности Чэнь Юйхуа. 12 февраля 1941 г. во время выполнения очередного боевого задания в Маньчжурии в японском плену погиб основатель Объединенной армии – китайский патриот Чжао Шанчжи. 3 августа 1942 г. при выполнении боевого задания в Маньчжурии во главе малой разведывательно-диверсионной группы погиб командир 3-го сбн капитан Сюй Хэнчжи. Всего же за данный период из состава бригады погибли или же пропали без вести не менее 200 китайских и корейских военнослужащих.

Вдобавок личный состав бригады являлся неисчерпаемым кадровым ресурсом для органов агентурной разведки Красной армии. В период с 1940 по 1943 г. для агентурной разведывательной работы из состава бригады и бывших китайских и корейских партизан было привлечено 89 чел. Из них по состоянию на 29 сентября 1945 г. на агентурной разведывательной работе находилось: в составе 1-го ДВФ 26 чел., в составе 2-го ДВФ – 9 чел.

К лету 1945 г. разведчики бригады изучили обстановку в провинциях Хейлунцзян и Цзилинь. Знали структуру укрепленных районов, месторасположение оборонительных сооружений, места нахождения штабов, казарм, складов с боеприпасами, военным снаряжением и продовольствием, степень прочности сооружений, системы водо- и электроснабжения, нахождение аэродромов, мостов, железнодорожных станций, морских и речных портов и пунктов базирования сил флота. К началу боевых действий командование ДВФ знало численность японских войск в пределах 100–150 км от государственной границы, их нумерацию, маршруты передвижения из гарнизонов на боевые позиции. Данные разведки явились ценнейшей информацией для планирования и ведения боевых действий частями и соединениями 1-го и 2-го ДВФ, Тихоокеанского флота (ТОФ) и КАФ.

Перед началом боевых действий против Японии из состава 88-й осбр в передовые части 1-го и 2-го ДВФ был направлен личный состав, хорошо владевший обстановкой в районах действия советских войск, в качестве проводников. Многие из них погибли, некоторые бойцы после выполнения задач вернулись в пункт постоянной дислокации бригады в с. Вятское. Часть личного состава осталась в освобожденных районах для выполнения задач по организации взаимодействия советских войск с 4-й и 8-й армиями КПК, которые по приказу Мао Цзедунa были передислоцированы на северо-восток Китая.

9 августа 1945 г. СССР объявил войну империалистической Японии. Формально 88-я осбр входила в состав действующей армии с 9 августа по 3 сентября 1945 г., но непосредственно в боевых действиях в полном составе части и подразделения бригады на фронте участия не принимали. 26 августа 1945 г. представитель главнокомандующего советских войск на Дальнем Востоке генерал-полковник И. В. Шикин передал командиру 88-й осбр Чжоу Бао-Чжуну приказ маршала А. М. Василевского. В нем указывалось, что китайский личный состав бригады будет действовать в Маньчжурии отдельно от советских частей. Задача китайских бойцов – занять стратегически важные города в Северо-Восточном Китае, исполнять в этих городах должности помощников советских военных комендантов, уточнены и другие задачи, которые должен будет выполнять личный состав 88-й осбр в Северо-Восточном Китае.

После напряженной подготовительной работы вместе с представителями советского командования бойцы и командиры 88-й осбр из Хабаровска отправились в города Маньчжурии и в Корею. 6 сентября 1945 г. выехала первая группа в составе 170 чел., 7 сентября – вторая группа – 40 чел., 8 сентября – третья группа – 102 чел., 9 сентября – четвертая группа – 30 чел. Более 70 бойцов из состава 88-й бригады начали работу в г. Чанчуне и в шестнадцати других городах Северо-Восточного Китая. В 1945 г. личный состав бригады послужил основой «Северо-Восточной антияпонской Объединенной Армии».

Китайские товарищи оказывали действенную помощь советскому командованию в установлении и поддержании общественного порядка в освобожденных городах, вели борьбу с остатками японских войск и бандитскими группами. Организовали работу по созданию местных органов власти на северо-востоке Китая что, в конечном счете, привело к созданию в 1949 г. нового государства – Китайской Народной Республики. 12 октября 1945 г. приказом командующего ДВО № 042 88-я осбр была расформирована.

Вклад в общую Великую Победу солдат, сержантов и офицеров 88-й осбр был высоко отмечен советским командованием. Приказом по 2-му ДВФ № 10/н от 29.08.1945 г. 255 чел. из состава бригады были удостоены боевых наград (ил. 8). Впоследствии всему личному составу бригады была вручена и медаль «За победу над Японией»¹⁶.

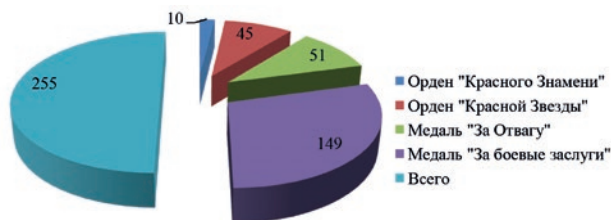

Рис. 8. Диаграмма. Награжденный личный состав 88-й осбр 29.08.1945 г.

После расформирования бригады осенью 1945 г. большинство офицеров китайской национальности были направлены на работу на руководящих должностях в районные комендантуры и полицейские участки освобожденной Маньчжурии. Корейских бойцов бригады во главе с капитаном Ким Ир Сеном направили для работы в Корею в состав Советской гражданской администрации (СГА). Командование бригады служило в штабе 25-й армии, а возглавлял СГА генерал-полковник Т. Ф. Штыков, член военного совета 1-го ДВФ и будущий советский посол в КНДР.

В органы местного самоуправления на руководящие должности были направлены советские офицеры, корейцы по национальности. В сентябре 1945 г. из Владивостока в порт Вонсан на пароходе «Пугачев» прибыл капитан Ким Ир Сен со своим 1-м сбн из состава 88-й осбр. В феврале 1946 г. Ким Ир Сен возглавил Временный народный комитет Северной Кореи, в состав которого входили 11 бюро-министерств, созданных на базе соответствующих департаментов СГА. Под контроль временного комитета переходили суд, прокуратура и все департаменты советской гражданской администрации, которая осуществляла теперь, преимущественно, чисто консультативные функции. Весной 1946 г. была проведена аграрная реформа, а в августе того же года началась национализация, проект которой был подготовлен в штабе 25-й армии. В декабре 1947 г. была проведена денежная реформа, результатом которой стало введение северокорейской валюты. Одновременно с экономическими проводились и политические преобразования. В июле 1946 г. была создана Компартия Северной Кореи, самостоятельная организация, независимая от ЦК КПК в Сеуле. Руководителем новой компартии стал Ким Ир Сен. В том же месяце в Пхеньяне были

открыты университет и ряд других вузов, в том числе высшая школа кадровых работников (ВШКР).

Наконец, в 1947 г. под Пхеньяном было создано Кандонское политическое училище, готовившее кадры для нелегальной деятельности на юге страны. Директором училища стал гражданин СССР, кореец по национальности Пак Пен Юль. Другой проверенный сотрудник – Пан Хак Се, бывший работник прокуратуры г. Кзыл-Орда, возглавил бюро безопасности Народного комитета. Таким образом, к концу 1947 г. в северной части полуострова сформировалось самостоятельное государство со всеми институтами. Последним шагом к образованию новой страны стало проведение в августе 1948 г. выборов в Верховное народное собрание Северной Кореи. 9 сентября 1948 г. первая сессия ВНС провозгласила Корейскую Народно-Демократическую Республику и приняла ее первую Конституцию. Подавляющее большинство представителей новой власти были выходцами из 1-го сбн 88-й осбр.

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 238. Оп. 1585. Д. 79. Кор. 13600. Л. 462.

² Там же. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 2. Кор. 14032. Л. 12.

³ Там же. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 77. Кор. 13600. Л. 156, 157.

⁴ Там же. Д. 79. Л. 461, 462.

⁵ Там же. Оп. 1584. Д. 170. Позит. 127/4696. Кор. 13672. Л. 34.

⁶ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1620. Д. 240. Кор. 311. Л. 75–77, 114 об.

⁷ Там же. Д. 241, Кор. 723. Л. 170–177.

⁸ Там же. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 2. Кор. 14032. Л. 13.

⁹ Там же. Ф. 304. Оп. 7008. Д. 10. 1942 г. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ «Кукушками» назывались снайперы, использующие деревья как огневую позицию.

¹² ЦАМО. Ф. 304. Оп. 7008. Д. 10. 1942 г. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Ф. 1896. Оп. 1. Д. 3. Кор. 101407. Л. 181.

¹⁵ Там же. Л. 106, 168.

¹⁶ Там же. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 2. Кор. 14032. Л. 12–15.

К. Ю. Колесниченко (Владивосток)

СТРЕЛКОВОЕ И АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ В СОВЕТСКО-КИТАЙСКОМ КОНФЛИКТЕ НА КВЖД

Советско-китайский вооруженный конфликт 1929 г. стал проверкой боевой, мобилизационной и оперативной готовности военной группировки, дислоцированной на Дальнем Востоке и в Забайкалье, функционирования системы транспорта, военной промышленности, связи.

Нормализация отношений с Японией в первой половине 1920-х гг. и внутривосточная ситуация в Китае позволяли СССР решать оборонные задачи на Востоке страны небольшим числом войск и сил РККА. В период с 1924 по 1928 г. советская военная группировка на Дальнем Востоке и в Забайкалье, входившая в состав Сибирского военного округа (СибВО), имела относительно небольшую численность – 18-й и 19-й стрелковые корпуса (СК) по две стрелковые дивизии (СД) в каждом, а также две отдельные кавалерийские бригады и ряд других частей.

Обострение советско-китайских отношений в 1927–1929 гг., вызванное деятельностью китайских властей в Маньчжурии, включая запрет прохода советских судов по р. Амур и блокаду работы КВЖД, стимулировало принятие руководством страны мер по укреплению обороноспособности Дальнего Востока.

По данным разведывательного управления штаба РККА активизация китайской стороны в вопросе КВЖД в первую очередь определялась не политической линией США, Великобритании и Японии, а внутривосточной ситуацией в Китае, а именно сближением нанкинского правительства Чан Кай Ши и Мукденской группировки (Чжан Сюэлян), контролировавшей три провинции Маньчжурии.

Сложившаяся международная ситуация позволяла советской стороне применять меры дипломатического, экономического и военного характера. В качестве последних разведывательным управлением рекомендовались наращивание войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье, проведение маневров СибВО на границах Маньчжурии, демонстративные действия советской авиации¹.

Решением Политбюро от 13 июля 1929 г. предписывалось переместить в район Благовещенска одну стрелковую дивизию, еще одну дивизию СибВО держать в готовности к переброске на Дальний Восток². В июле 1929 г. на Дальний Восток была передислоцирована 26-я Златоустовская стрелковая дивизия³. В июле–сентябре 1929 г. было продолжено усиление войск в Забайкалье и на Дальнем Востоке за счет частей СибВО, Московского и Ленинградского военных округов, включая передислоцированную в Забайкалье на период конфликта 21-ю Пермскую территориальную стрелковую дивизию (первый случай участия территориальной стрелковой дивизии в вооруженном конфликте), 26-ю авиационную эскадрилью (АЭ), 5-й, 6-й и 25-й отдельные авиаотряды (АО), отдельные танковую роту и дивизион бронемашин⁴.

Разработка плана ведения войны советской стороной предусматривала возможность расширения масштабов конфликта – по оценкам советской военной разведки, изложенным в документе «Соображения об оперативном использовании китайских войск против СССР» (24 августа 1929 г.), военное выступление Китая против СССР полагалось возможным при условии объединения блока главнейших военных группировок Китая, в первую очередь центрального правительства Китая во главе с Чан Кайши в Нанкине и Мукденской группировки под руководством Чжан Сюэяня, контролировавшей три провинции на Востоке Китая, согласования и увязывания их стратегических планов, также принималась во внимание позиция Японии. Однако Чжан Сюэянь не стремился к вступлению в более тесный союз с Чан Кайши, полагая себя независимым правителем и не перебрасывая части своей армии из Мукденской провинции на советско-китайскую границу.

Также не исключалась угроза вторжения армии Нанкинского правительства во Внешнюю Монголию – с целью установить над ней контроль и обезопасить Китай «от проникновения

коммунистических идей». Подготовительная работа для такого вторжения велась Нанкинским правительством, хотя, по мнению советской военной разведки, решение о нападении определялось, в том числе, исходом конфликта в Северной Маньчжурии.

После того как силы Мукденской группировки Чжан Сюэяня установили полный контроль над КВЖД, советское руководство приняло решение создать на Дальнем Востоке самостоятельное объединение с функциями военного округа – решением Политбюро, оформленным приказом РВС СССР № 227/41 от 6 августа 1929 г., создавалась Особая Дальневосточная армия (ОДВА) со штабом в Хабаровске⁵.

Командующим ОКДВА назначили В. К. Блюхера, который в 1924–1927 гг. был главным военным советником при китайском революционном правительстве в Гуанчжоу (Кантоне), а с мая 1928 г. – помощником командующего войсками Украинского военного округа⁶.

В ОДВА вошли соединения и части на территориях Дальнего Востока, Бурят-Монгольской АССР, Иркутского округа Сибирского края (последнего – временно). В оперативном подчинении ОДВА находились Дальневосточная военная флотилия, пограничные войска ОГПУ в ДВК, Забайкальская и Уссурийская железные дороги.

В состав армии были включены 18-й и 19-й СК, шесть СД – 1-я Тихоокеанская⁷, 2-я Приамурская дважды Краснознаменная, 26-я Златоустовская Краснознаменная, 35-я Сибирская Краснознаменная, 36-я Забайкальская и 21-я Пермская территориальная, а также 5-я отдельная Кубанская и 9-я отдельная Дальневосточная кавалерийские бригады, Бурят-Монгольский и Сибирский отдельные кавалерийские дивизионы, части и подразделения местных стрелковых войск (стрелковый батальон, две стрелковые роты и взвод), 7 военных госпиталей 1-го и 2-го классов. Специальные и технические войска ОДВА, усиленные путем передислокации ряда частей из Сибирского, Московского и Ленинградского военных округов, включали два дивизиона бронепоездов (по три бронепоезда в каждом), отдельную роту танков МС-1, отдельные батальоны радио и связи, два отдельных саперных батальона, три отдельных артдивизиона, 9-й железнодорожный полк. В ВВС армии и Дальневосточной военной флотилии (ДВФл) входили 5-я, 26-я и 40-я им. В. И. Ленина отдельные авиаэскадрильи (ОАЭ), 6-й, 19-й и 25-й отдельные авиаотряды, 68-й

отдельный речной гидроавиаотряд ДВФл, авиационные части обслуживались пятью авиапарками, общая численность самолетов составляла 70 единиц.

На 31 июля 1929 г. советские войска на Дальнем Востоке и в Забайкалье включали около 50,3 тыс. человек, из них 41,4 тыс. в стрелковых и 2,6 тыс. в кавалерийских частях, 11,1 тыс. лошадей, 1290 пулеметов, 339 орудий калибром 76,2–152 мм, 6 бронепоездов, 9 танков, 8 кораблей⁸.

По данным разведывательного управления штаба РККА, силы мукденской группировки, дислоцированные в трех провинциях Маньчжурии, имели 31 пехотную и 13 кавалерийских бригад, в общей сложности 272 тыс. человек, 370 пулеметов и 180 орудий. На 19 июля 1929 г. группировка на границах Маньчжурии составляла 9 пехотных и 4 кавалерийские бригады – в общей сложности около 130 тыс. человек⁹.

Таблица 1

**Численность и состав сил мукденской группировки
на границах Манчжурии в июле 1929 г.**

Направление	Забай- кальское	Сунга- рийское	Примор- ское	Благовещен- ское	Итого
Личного состава, тыс. чел.	54,0	5,5	63,0	5,0	127,5
Пулеметов, ед	107	26	200	Нет данных	313
Орудий, ед.	70	20	120	Нет данных	110
Бомбометов, ед	100	16	110	Нет данных	226

Сост. автором по: Горбунов Е. А. Сталин и ГРУ. 1918–1941 годы. М., 2018. С. 126–127, 130–132; Сунцов Н. П., Хвостиков М. П., Яхнин Ю. Л. и др. Краснознаменный Дальневосточный. История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. 3-е изд. М.: Воениздат, 1985. С. 97–99.

В ходе военного конфликта в октябре–ноябре 1929 г. советская военная группировка путем проведения Сунгарийской, Фугдинской, Мишаньфуской, Манчжуро-Чжалайнорской, Хайларской операций разгромила противостоящие силы Мукденской группировки, обеспечив восстановление советского контроля над КВЖД. 22 декабря советской и китайской сторонами было подписано мирное соглашение, а к январю 1930 г. советские войска покинули Маньчжурию.

Относительно небольших сил ОДВА оказалось достаточно, чтобы восстановить права СССР на КВЖД и исключить реализацию китайского плана перерезать Транссибирскую магистраль войсками Мукденской группировки при поддержке Сунгарийской речной военной флотилии и вооруженных отрядов белогвардейцев.

Постановлениями ЦИК СССР от 1 января, 23 и 28 апреля 1930 г. ОДВА, Дальневосточная военная флотилия и пограничная охрана Дальневосточного края были награждены орденами Красного Знамени, ОДВА переименована в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию (ОКДВА), Дальневосточная военная флотилия – в Дальневосточную Краснознаменную военную флотилию¹⁰.

Важнейшим фактором, обеспечившим благоприятный для советской стороны исход конфликта, стало техническое превосходство советских сил в артиллерии, авиации, танках, стрелковом вооружении, наличие в боевом составе Дальневосточной военной флотилии мониторов, канонерских лодок, авиации, а также более высоким уровнем боевой подготовки частей ОКДВА при их меньшей (по сравнению с противником) численности.

Артиллерия РККА включала батальонную, полковую, дивизионную, корпусную артиллерию и артиллерию РГК, подразделения артиллерийской инструментальной разведки.

В соответствии с утвержденной организационно-штатной структурой к 1929 г. в состав СД входил артиллерийский полк (два дивизиона по четыре батареи каждый), а также артиллерийская батарея либо дивизион двухбатарейного состава полковой артиллерии, в стрелковый батальон – пулеметная рота и взвод батальонной артиллерии. Стрелковый корпус мирного времени располагал тяжелым артиллерийским дивизионом (две батареи по шесть орудий), в военное время корпус получал артиллерийский полк из трех дивизионов, в состав артиллерии отдельных кавалерийских бригад входили кавалерийские артиллерийские дивизионы¹¹.

Артиллерия РККА была вооружена материальной частью времен Первой мировой войны. Основу батальонной артиллерии составляла 37-миллиметровая пушка образца 1915 г. (37-миллиметровая пушка Розенберга), основным вооружением артиллерийских дивизионов стрелковых полков были

76,2-мм полевые пушки обр. 1902 и горные пушки образца 1909 г., в конце 1928 г. началось поступление в войска новой 76,2-мм полковой пушки образца 1927 г. В артиллерийских полках стрелковых дивизий на вооружении состояли 76,2-мм полевые пушки обр. 1902 и 122-мм гаубицы образцов 1909 и 1910 гг., на вооружении тяжелых артиллерийских дивизионов и полков стрелковых корпусов – 107-мм пушка обр. 1910 г. и 152-мм гаубица обр. 1910 г.¹².

По итогам проведенного в 1925 г. обследования артиллерии РККА Военно-морской инспекцией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции был сделан вывод о чрезвычайной отсталости техники нашей артиллерии по сравнению с артиллерией иностранных армий, а также армий вероятных противников; так, 37-мм пушки батальонной артиллерии имели ряд недостатков, в связи с чем предлагалось улучшить имевшиеся орудия, с перспективой их замены новыми образцами.

Преимуществом 76,2-мм горной пушки, применявшейся в полковой артиллерии, была возможность ее разборки на ряд основных частей, вес каждой из частей не должен был превышать 98 кг для перевозки выучным способом, однако требовалось улучшение и упрощение конструкции полковой пушки. Также предлагалось усовершенствовать 76,2-мм пушки и 122-мм гаубицы дивизионной артиллерии, 107-мм пушки и 152-мм гаубицы корпусной артиллерии¹³. Фактически приступить к работам по модернизации артиллерии РККА смогли во второй половине – конце 1920-х гг., а в серийное производство модернизированные образцы были запущены в начале 1930-х гг.

К началу конфликта на КВЖД основу стрелково-пулеметного вооружения РККА составляли винтовки Мосина, станковые пулеметы Максима и Кольта, основными ручными пулеметами в стрелковых частях были пулеметы Льюиса и Шоша, по опыту Гражданской войны и борьбы с басмачеством в Средней Азии в 1920-х гг. наилучшим считался ручной пулемет Льюиса, станковым – Максима¹⁴. Первый из них ценился за высокую кучность стрельбы, а также за качество изготовления, благодаря чему оставался на вооружении РККА дольше прочих образцов зарубежного производства; станковый пулемет Максима обеспечивал возможность ведения интенсивного огня и высокую меткость стрельбы, но требовал водяного охлаждения ствола и имел довольно высокую массу пулемета и станка, при этом

данная модель после ряда модернизаций оставалась на вооружении на протяжении 1920–1940-х гг.; ручной пулемет Шоша имел относительно небольшую массу, но конструкция его была недостаточно надежна, питание осуществлялось из коробчатого магазина емкостью всего 20 патронов¹⁵.

Одной из проблем было оснащение стрелковых частей РККА вообще и ОДВА в частности несколькими типами пулеметов, в которых использовались патроны трех разных калибров (7,62 мм для станковых пулеметов Максима и «Кольт», 7,7 мм для ручных пулеметов Льюиса, 8 мм для ручных пулеметов Шоша), что усложняло обеспечение частей боеприпасами, организацию обучения и боевой подготовки. По данным начальника снабжений РККА и Флота Д. П. Оськина, в 1925 г. в РККА имелось до 7,5 тыс. пулеметов иностранного производства, изнашивавшихся, с иссякающим запасом патронов¹⁶. Также началась поставка в части ручного пулемета Дегтярева, но их количество в частях было невелико: так, в ОКДВА к началу конфликта на КВЖД таких пулеметов имелось лишь по 2–3 штуки на стрелковый полк.

Еще одной проблемой стало неудовлетворительное состояние вооружения и военной техники. Согласно документам особого отдела ОДВА, в стрелковых частях армии значительная часть ручных и станковых пулеметов не была пригодна к длительным боевым действиям в силу высокой степени износа, некоторые пулеметы проходили капремонт еще в 1923–1924 гг., ремонт осложнялся недостатком запчастей к станковым пулеметам Максима и Кольта, к ручным пулеметам Шоша запчасти отсутствовали почти полностью, отмечалась нехватка пулеметных лент и коробок для станковых пулеметов. Так, в 21-й СД станковые пулеметы были «старые, с изношенной матчастью, еще с империалистической войны», особенно системы Кольта, во второй пулеметной роте 63-го СП из 10 станковых пулеметов Максима 6 не давали «нормального боя». В 76-м и 77-м СП 26-й СД пулеметы Шоша были «совершенно изношены», в 65-м СП 21-й СД из 15 таких пулеметов 6 были небоеспособны. При выходе к границе в 4-м СП 2-й СД были взяты ударники от 18 пулеметов неприкосновенного запаса¹⁷.

Для подготовки частей ОДВА к широкомасштабным боевым действиям было выделено значительное количество имущества из неприкосновенного запаса и мобилизационных запасов

СибВО и ОДВА, в том числе вооружения и боеприпасов, однако часть его была в неудовлетворительном состоянии. Так, проверка прибывших 7 августа 1929 г. со склада № 5 (Омск) на склад № 57 (Чита) 48 пулеметов системы Максима, числившихся как годные, показала, что 20 из них требуют ремонта в мастерских, а еще 5 – заводского ремонта. Со склада № 41 (Иркутск) на склад № 57 для ОДВА было отправлено 40 пулеметных тачанок, из них 9 требовали складского ремонта и 3 легкого. Ремонт пулеметов и тачанок приходилось осуществлять складу № 57.

Артиллерия находилась в хорошем состоянии, но в документах отмечалось неудовлетворительное состояние лафетов горных пушек. В артиллерии отмечалась нехватка буссолей, стереотруб, биноклей. Кроме того, в стрелковых и артиллерийских частях армии отмечалась нехватка конского состава, пополнение же частей конским составом по мобилизации потребностей армии не удовлетворило. В артиллерии имелся некомплект строевых и тяжело-артиллерийских лошадей: в 1-м артполку 1-й СД 60 (12 %) из имевшихся 483 лошадей часть были негодны, тяжелый артдивизион 19-го СК из-за нехватки лошадей был «мало подвижен», в 26-й СД не хватало 99 лошадей, в артиллерийских частях 21-й СД – 35, в артиллерийском дивизионе 78-го СП – 12 лошадей. В результате артиллерийские части в ходе конфликта на КВЖД выступали в районы сосредоточения не в полном составе: 2-я СД оставила в Благовещенске 12 орудий, артполк 36-й СД оставил на зимних квартирах 11 орудий. Аналогичная ситуация была в стрелковых полках: 1-й Читинский СП 1-й СД был вынужден оставить на зимних квартирах часть пулеметов и даже батальонную артиллерию, артиллерийские дивизионы стрелковых полков 2-й СД вышли в районы сосредоточения в составе одной батареи каждый, в 35-й СД 103-й СП оставил на зимних квартирах четыре, а 104-й и 105-й СП – по три орудия¹⁸.

Для решения описанных выше проблем поставка ОДВА вооружения, военной техники и боеприпасов осуществлялась на протяжении всего конфликта. Стрелковые полки насыщались 7,62-мм ручными пулеметами Дегтярева, а также станковыми пулеметами системы Максима¹⁹.

Более подробно данные о наличии и поставках артиллерийских орудий, стрелкового вооружения, боеприпасов к ним приведены в таблицах 2 и 3.

**Наличие в ОДВА стрелково-пулеметного
и артиллерийского вооружения к началу конфликта
на КВЖД и их поступление в ходе конфликта**

	Имелось к началу кон- фликта	Поступило в ходе конфликта из НЗ и мобзапасов	Приведено в негодность в ходе конфликта	Наличие на 1.01.1930 (ожидаемое поступление)
Стрелково-пулеметное вооружение				
Винтовки всех типов, штук	82 471	0	8400	74 071
Пулеметы системы Максима	906	600	338	1168 (66)
Пулеметы системы Кольта	290	29	27	292
Ручные пулеметы РПД	52	495	0	547
шашки	8834	1200	1371	
пики	1590	578	162	
Артиллерийское вооружение				
37-мм пушки Розена	22	0	0	
76,2-мм полевые пушки обр. 1902 г.	177	0	6	
76,2-мм горные пушки	68	0	7	
107-мм пушки	19	0	0	
122-мм гаубицы	63	0	3	
152-мм гаубицы	12	0	0	

Составлена автором по: РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 320. Л. 54–55.

В ходе конфликта ОДВА было израсходовано 3,3 млн винтовочных патронов всех калибров, 27 тыс. револьверных патронов, 6800 ручных гранат, 24 695 орудийных выстрелов, в негодность было приведено 8,4 тыс. винтовок, 365 станковых пулеметов, 1371 шашка, 162 пики, 6 76,2-мм полевых и 7 76,2-мм горных пушек, 3 122-мм гаубицы, 133 бинокля, 14 стереотруб, 19 буссолей.

Таблица 3

**Наличие в ОДВА боеприпасов к началу конфликта на КВЖД,
их расход и поступление в ходе конфликта**

	Имелось к началу конфликта	Поступило в ходе конфликта из НЗ и мобзапасов	Израсхо- довано в ходе кон- фликта	Наличие на 1.01.1930 (ожидаемое поступление)
Патроны к стрелково-пулеметному вооружению и ручные гранаты				
Боевые винтовочные патроны кал. 7,62 мм	73 807 604	23 000 000	3 076 638	93 730 966
Боевые английские патроны кал. 7,7 мм	15 479 251	0	71 988	15 398 403
Боевые французские патроны кал. 8 мм	11 089 148	0	152 235	10 936 913
Патроны к авиационным пулеметам	262 236	504 935	59 969	707 204 (100 000)
7,62-мм патроны к револьверу системы Наган	379 909	0	27 000	352 909
Ручные гранаты системы Мильса и образца 1914 г.	117 909	43 628	6 800	154 737 (расчет)
Боеприпасы к артиллерийским орудиям				
37-мм гранат	24 700	0	2290	22 410 (20 000)
7,62-мм гранат к полевым пушкам	121 556	0	8793	112 763
7,62-мм шрапнелей к полевым пушкам	1 325 960	0	5266	1 240 174
7,62-мм гранат к горным пушкам	75 969	0	2735	73 234 (75 360)
7,62-мм шрапнелей к горным пушкам	75 789	0	3128	73 661 (29 000)
122-мм гранат (бомб) к полевым пушкам	33 671	15 000	2860	45 819 (10 500)
122-мм шрапнелей к полевым пушкам	17 764	0	448	17 316 (2500)
107-мм гранат к пушкам	6133	5560	844	10 849 (2000)
107-мм шрапнелей к пушкам	5831	0	363	5468 (1000)
152-мм шрапнелей к тяжелым гаубицам	9268	6360	250	15 378 (490)
152-мм шрапнелей к тяжелым гаубицам	1142	0	18	1124

Составлена автором по: РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 320. Л. 54–65.

На начальном этапе вооруженного конфликта советская сторона использовала артиллерию как для демонстрации силы, так и для пресечения отдельных вылазок и поддержки действий своих войск на различных участках границы²⁰.

В ходе Сунгарийской операции активно применялась артиллерия мониторов и канонерских лодок Дальневосточной военной флотилии. За период конфликта мониторы типа «Ленин» израсходовали 270 боевых фугасных снарядов калибра 152 мм, 2066 120-мм боевых фугасных снарядов всех типов к орудиям с длиной ствола 50 калибров, канонерские лодки типа «Бурят» – 474 фугасных и 9 шрапнельных снарядов к 120-мм орудиям с длиной ствола 45 калибров, что сопоставимо с расходом боеприпасов орудиями дивизионной и корпусной артиллерии калибров 122–152 мм²¹.

Наиболее интенсивно артиллерия, авиация, танки, бронепоезда применялись в ходе Маньчжурско-Чжэлайновской операции, в которой с советской стороны были задействованы части 21-й, 35-й и 36-й СД, 5-я отдельная кавалерийская бригада, Отдельный Бурято-Монгольский кавдивизион, отдельная танковая рота, дивизион бронепоездов, батальон 9-го отдельного железнодорожного полка, 26-й АЭ, 6-го и 25-го АО, всего 6033 штыка, 1599 сабель, 331 станковый и 166 ручных пулеметов, 88 орудий, 2 бронепоезда, 9 танков, 32 самолета²².

Г. Чжэлайнор и ст. Маньчжурия были прикрыты системой оборонительных сооружений полевого типа – советская полевая и гаубичная артиллерия зачастую не пробивала верхних перекрытий окопов и блиндажей. Расход боеприпасов в этой операции составил 1885 37-мм гранат, 5287 гранат и 3084 шрапнельных снарядов для 76,2 пушки образца 1902 г., 1145 гранат и 1030 шрапнелей для горных пушек, 122-мм гаубицами было израсходовано 2232 бомб, 266 шрапнелей. Корпусная артиллерия израсходовала 477 гранат и 288 шрапнелей для 107-мм орудий, 188 152-мм бомб. Расход винтовочных патронов составил 1 792 885 штук²³.

Несмотря на успешный для советской стороны исход вооруженного конфликта, подготовка к боевым действиям, а также их ход выявили целый ряд существенных недостатков в боевой подготовке частей, состоянии техники и вооружения, организации всех видов снабжения, отрицательно отражавшихся на боеготовности частей.

По результатам анализа опыта боевых действий в конфликте на КВЖД и результатам проверки артиллерии ОДВА инспекторами пехоты РККА А. И. Седякиным и артиллерии РККА В. Д. Грендалем в феврале 1930 г. в секретариат РВС были направлены доклады о боевых действиях ОКДВА во время конфликта на КВЖД. Авторами докладов отмечались недостатки в организации взаимодействия различных родов войск, потребность ОКДВА в автоброневых частях и усилении тяжелой артиллерии, невысокое качество конского состава артиллерии, необходимость совершенствования организационно-штатной структуры частей²⁴.

В своем докладе от 27 февраля 1930 г. инспектор артиллерии В. Д. Грендаль предложил проведение ряда мероприятий по усилению артиллерии ОДВА, включая развертывание 18-го и 19-го отдельных полевых тяжелых дивизионов в корпусные артполки нормального штата (по 6 152-мм гаубичных и 3 107-мм пушечных батарей в каждом полку). Необходимость усиления тяжелой артиллерии диктовалась опытом прорыва советскими войсками укрепленной полосы у ст. Маньчжурия и способностью китайской армии к быстрому созданию сильно укрепленных полевых позиций. В кавалерийских бригадах предлагалось ввести 3-ю батарею в состав конноартиллерийского дивизиона. Сложности с буксировкой артиллерии, снижавшие ее маневренность и подвижность в ходе боевых действий, обусловили предложение о моторизации артиллерийских парков стрелковых дивизий и корпусной артиллерии²⁵.

Японская военная разведка, отслеживавшая ход вооруженного конфликта на КВЖД, сделала вывод о том, что, несмотря на несовершенство вооружения, советские части были насыщены артиллерией, пулеметами и винтовками. Общий вывод заключался в правильном понимании того факта, что цель проводимой реорганизации и перевооружения РККА – превращение ее в одну из ведущих армий мира – успешно реализовывалась, что в недалеком будущем грозило изменением баланса сил в возможном советско-японском вооруженном конфликте в пользу советской стороны²⁶.

Летом 1929 г. была утверждена программа коренной модернизации РККА в рамках первого пятилетнего плана (1928–1932) с акцентом на техническое перевооружение армии с целью не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре

войны, быть сильнее по решающим видам вооружения – артиллерии, авиации, танкам²⁷. Именно эти приоритеты и были положены в основу концепции поддержания баланса сил на Дальнем Востоке в 1930-е гг.

¹ Горбунов Е. А. Сталин и ГРУ. 1918–1941 годы. М., 2018. С. 126–127, 130–132.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 98.

³ ЦАМО. Ф. 6369. Оп. 233941с. Д. 1. Л. 3.

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 778. Л. 244.

⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 966. Л. 5–8; Ф. 9. Оп. 18. Д. 788. Л. 244.

⁶ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 12.

⁷ Далее используются только номера стрелковых дивизий и полков, наименования опускаются.

⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 778. Л. 244.

⁹ Горбунов Е. А. Сталин и ГРУ. С. 128.

¹⁰ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М.: Граница, 2000. С. 150.

¹¹ Дятлов В. В. Применение артиллерии на начальном этапе вооруженного конфликта на КВЖД // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 7(78). С. 259. С. 92.

¹² Широкоград А. Б. Гений советской артиллерии: триумф и трагедия В. Грабина. М.: АСТ, 2002. С. 38–39.

¹³ Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.): Сб. документов / Под ред. В. А. Золотарева, сост. Т. В. Сорокина и др. М., 2005. С. 499–500.

¹⁴ Севрюгов С. Красная конница в малой войне в пустынях: Борьба с басмачеством в воспоминаниях краскомов. М.: Вече, 2020. С. 184–185.

¹⁵ Федосеев С. Л. Все пулеметы русской армии. М., 2021. С. 250, 282, 284–286.

¹⁶ Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.). С. 502–503.

¹⁷ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 10 об.–11.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 320. Л. 56–57.

²⁰ Дятлов В. В. Применение артиллерии на начальном этапе вооруженного конфликта на КВЖД. С. 259.

²¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 320. Л. 54–55.

²² Сунцов Н. П., Хвостиков М. П., Яхнин Ю. Л. и др. Краснознаменный Дальневосточный. История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. 3-е изд. М.: Воениздат, 1985. С. 97–99.

²³ Там же. Л. 71.

²⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 680. Л. 26.

²⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 680. Л. 60–61, 78.

²⁶ Зорихин А. Г. Военная разведка Японии против СССР. Противостояние спецслужб в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. 1922–1945. М., 2023. С. 93–94.

²⁷ Там же. С. 94.

М. Б. Крапивенцева (Тула)

ФОРМИРОВАНИЕ И ХРАНЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В АРСЕНАЛЕ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА

Арсенал Тульского оружейного завода (ТОЗ) сыграл значимую роль в сохранении оружейного наследия России XVIII–XIX вв. В указанный период именно здесь происходил процесс формирования коллекции исторического оружия, послужившей основой фондов будущего Тульского государственного музея оружия (ТГМО).

Арсенал располагался на месте построенного в начале XVIII в. в рамках централизации тульского оружейного производства оружейного двора и являлся структурным подразделением завода с конца XVIII в. до 70-х гг. XIX в. Его основные функции заключались в приемке готовой продукции от мастеров предприятия, а также стрелкового оружия из действующих войск для последующей сортировки, ремонта, консервации и хранения¹.

Отдельные направления деятельности по хранению культурных ценностей являлись составной частью общей работы по сохранению запаса оружия для армии, которая регулировалась предписаниями Артиллерийского департамента Военного министерства, инспектора оружейных заводов России. Материалы регулярных проверок и переписка ТОЗ с вышестоящими органами служат значимой источниковой базой для воссоздания истории формирования коллекции, а также происхождения сохранившихся до настоящего времени в собрании ТГМО образцов.

В 1720 г. экстракт о «Дирекции Главной артиллерии» определил одной из функций ТОЗ хранение стрелкового оружия: как произведенного заводом для отправки по требованиям в войска, так и полученных от «Главной артиллерии» образцов, признанных негодными к дальнейшему использованию².

В 40-е гг. XIX в. хранилище на тульском оружейном дворе стали называть «магазином» или «цейхгаузом». Туда доставляли оружие и амуницию из полков, цейхгаузов и крепостей со всей страны для разбора и ремонта. Так, в 1785 г. в тульских магазинах состояло 54 959 единиц оружия³. Учетом ценностей и движением денежных средств занималось цейхваторское правление, а непосредственным разбором оружия – оружейные надзиратели и старосты.

Усовершенствование данной системы хранения стало следствием модернизации ТОЗ после принятия нового «Положения Тульского оружейного завода» 1782 г., которая предполагала, в том числе, наличие на предприятии каменного заводского магазина, «от воды, огня и кражи безопасного»⁴. На оружейном дворе планировалось провести ремонт построенных в 1718 г. каменных палат, но в ходе работ хранилище оружия отделили от складов материалов для производства и к 1787 г. возвели здание Арсенала⁵.

Конец XVIII – начало XIX в. отмечены массовым приемом оружия из комиссариатских депо и арсеналов страны. Так, на 4 августа 1798 г. в тульском Арсенале было неразобранного 38 360 ед. огнестрельного и 10 103 ед. холодного оружия, принятого от полков и комиссариатских депо (Санкт-Петербургского, Киевского, Херсонского, Смоленского, Рижского и др.)⁶.

Совершенствование системы хранения в Арсенале оружия, в том числе исторического, часто происходило по инициативе руководства ТОЗ. Например, в 1822 г. ввиду значительного количества скопившегося оружия правление завода ходатайствовало о его разборе и о последующем направлении из полков в другие арсеналы страны. Данное предложение Артиллерийский департамент счел целесообразным и предписал разделить в Арсенале ТОЗ оружие на «негодное» и «годное» для использования «для казенной пользы»⁷, что и было сделано в 1824–1827 гг.⁸

Наряду с готовой продукцией и отремонтированным оружием хранились и экземпляры, представлявшие историко-культурную ценность, среди которых «курьезное», т. е. экспериментальное оружие. С 1779 г. по указу Екатерины II мастера были обязаны объявлять об изготовленных подобных предметах – ружьях, пистолетах, шпагах, в частности, на западноевропейский манер. В соответствии с этим документом, Оружейной Канцелярии предписывалось приобретать их у мастеров за казенный счет,

записывать в приход цейхвартерского правления и размещать «особливо в отдельном ящике под наблюдением бухгалтера»⁹.

Однако вопрос о размещении исторического оружия иногда мог быть спорным. Примером служит случай обнаружения в 1782 г. на оружейном дворе трех медных пушек-единорогов с принадлежностями контролером Оружейной Канцелярии, который обратился к тульскому наместнику с просьбой о передаче их тульскому городничему для хранения «в безопасном месте»¹⁰.

В Арсенале¹¹ ТОЗ формирование коллекции исторического оружия осуществлялось через накопление образцового и памятного оружия. К последнему относились ружья, изготовленные на предприятии в честь его посещения членами Российской императорской фамилии или в качестве подарков. Одним из таких первых презентов, с высокой степенью вероятности, являлся принадлежавший Елизавете Петровне охотничий штуцер с серебряной насечкой, оставленный в память о ее визите на завод в 1744 г.¹²

Первым сохранившимся до настоящего времени образцом памятного оружия является ударно-кремневый карабин, выполненный в честь Екатерины II, которая 14 декабря 1775 г. в кузнечной мастерской ТОЗ «соизволила по заготовленному ружейному стволу трижды ударить» молотком, поднесенным ей на блюде¹³.

На оставление в Арсенале этого «памятника вожделенного события» впоследствии указывал ряд историков, в частности, И. П. Шумилов, охарактеризовавший его как «первую достопамятность арсенала»¹⁴. Ученый-просветитель В. Ф. Зуев, посетивший завод в 1781 г., писал, что в особом кабинете содержатся «оружейные редкости, выдумки», в том числе «достопочтеннейшее ружье» Екатерины II¹⁵. В 1780 г. этот образец был представлен австрийскому императору Иосифу II¹⁶, а в 1787 г., возможно, и Екатерине II при ее повторном посещении ТОЗ и осмотре вновь построенного Арсенала.

О нахождении в Арсенале в начале XIX в. данного карабина «как драгоценного памятника» и «того самого стального с обронею насечкой блюда и на нем того самого молотка» свидетельствует факт их демонстрации в 1816 г. посетившим завод императору Александру I¹⁷ и великому князю Николаю Павловичу¹⁸.

С этого времени изготовление памятного оружия для хранения в Арсенале «со всей бережливостью на будущие времена»¹⁹ стало традиционным. Так, в честь визита на ТОЗ в 1837 г. великих князей Александра Николаевича, Николая Павловича и великой

княгини Елены Павловны по распоряжению командующего заводом на откованных с их символическим участием стволах карабина, драгунского ружья и пистолета оружейный мастер приборного цеха И. Сушкин в 1838 г. наводкой золотом выполнил надписи для хранения с «другими такими же драгоценностями»²⁰. Следующим стало ружье в ознаменование посещения ТОЗ императором Николаем I в 1842 г.²¹, и к моменту передачи исторического оружия из Арсенала в музей оружия «царских ружей» насчитывалось 9 единиц. В настоящее время они составляют одну из самых ценных коллекций ТГМО²².

С визитами императорских особ связано не только пополнение, но и отчуждение артефактов. Так, в 1787 г. Екатерина II приказала перевезти в Московскую Оружейную палату некоторые образцы «древнего оружия»²³. О количестве переданного существуют разные мнения. Так, И. Ф. Афремов пишет о «большей части орудий»²⁴, заведующие музеем ТОЗ И. А. Крылов²⁵ и Н. К. Герасимов²⁶ – о «всем собранном старинном оружии», а С. А. Зыбин – о «нескольких образцах»²⁷.

Документы, подтверждающие такую передачу, не выявлены. На возникновение легенды могла повлиять информация из "Камер-фурьерского журнала", что Екатерина II «благоволила рассматривать все работы, в то время разными мастерами производимые, и изволила, как из ружей и ефесов, так и из других вещей что было угодно ее величеству купить»²⁸. Возможно, факт покупки трансформировался в дальнейшем в предание о передаче из Тулы оружейных редкостей.

В 1816 г. при осмотре магазинов ТОЗ великий князь Николай Павлович повелел отправить в Санкт-Петербургский Арсенал 16 ед. огнестрельного и 7 ед. холодного оружия периода 1752–1790 гг., включая дубельгак из Арсенала²⁹.

Руководство ТОЗ, осознавая ценность хранящегося в Арсенале исторического оружия, предпринимало попытки восстанавливать целостность коллекции. Так, в 1846 г. правление завода обратилось в Санкт-Петербургский Арсенал с просьбой вернуть «древнее оружие» тульского производства³⁰.

В декабре 1850 г. из Санкт-Петербурга было возвращено на ТОЗ из «оружейных запасов» и из Достопамятного зала Арсенала 73 ед. оружия, изготовленного в 1718–1790 г., среди которых преобладали пехотные ружья и пистолеты. Все образцы, за исключением двух эспонтонов, имели повреждения и утраты, кроме того,

при приеме было выявлено несоответствие ряда предметов приложенным описаниям³¹.

Как упоминалось выше, другой формой пополнения коллекции являлось отложение образцового оружия, изначально имевшего утилитарное назначение. Начало его сбора на тульском оружейном дворе, вероятно, было положено приказом генерала-фельдцейхмейстера Я. Брюса от 6 июля 1715 г. о рассылке и сбережении на оружейных заводах эталонных образцов принятого на вооружение стрелкового оружия³².

Порядок его хранения был прописан в «Положении для Тульского оружейного завода» 1823 г., в соответствии с которым это оружие размещали отдельно от остального – в правлении, а для проверки всех деталей следовало иметь лекала³³ и чертежи³⁴.

В этот же период руководство ТОЗ, занимаясь разбором имущества Арсенала, указало на необходимость выделить оружие, представлявшее историческую ценность, и предложило использовать его для украшения Арсенала. Данное предложение в 1825 г. получило поддержку Артиллерийского департамента³⁵.

Для этих целей была составлена ведомость хранящегося в Арсенале «оружия прежних образцов». Среди них были 36 образцовых ружей и штуцеров (солдатских, винтовальных, егерских, уланских, особого конного образца, «для финляндской гвардии»), драгунский мушкетон, 9 пар пистолетов (драгунских, кирасирских, уланских, гусарский, конного образца). Из значительного количества холодного оружия образцового отобрали только 20 единиц: 5 солдатских тесаков, 6 палашей, 4 сабли (гусарская, особого образца офицерская, рядовая уланская), 2 егерских кортика, эспонтон, 3 алебарды³⁶.

Важное значение для усовершенствования системы хранения и учета образцового оружия при всех оружейных заводах, арсеналах и артиллерийских гарнизонах имело распоряжение начальника Артиллерийского департамента 1835 г., согласно которому предписывалось хранить его в застекленных шкафах, располагая по названиям в хронологической последовательности³⁷. В 1836 г. по решению правления ТОЗ для демонстрации «постепенного хода разработки оружия и лекал» подрядчик оружейник В. Золотухин изготовил 5 витрин размером 2,4 x 0,9 x 0,4 м из еловых досок со стеклянным верхом³⁸.

Также в этот период при ежегодном осмотре Арсенала в учетные ведомости включали значительное количество «вещей

давнишней заготовки», т. е. более раннего периода, не сохранившихся до нашего времени. Например, на 1 июня 1835 г. числилось около 22 тыс. принадлежностей к артиллерийским орудиям, 89 дубельгаков, 418 пик, 2535 круглых штыков, 540 эспонтонов, 152 алебарды, 96 кирасирских палашей, а также литавры, штандарты, знамена и пр.³⁹

Важным этапом для формирования коллекции будущего музея оружия стало разграничение категорий образцового оружия на устаревшее и действующее, а также мест их хранения. По предписанию инспектора оружейных заводов М. Е. Храповицкого образцовое оружие, используемое для производства, должно было находиться в правлениях заводов, а неиспользуемые образцы – в их арсеналах⁴⁰. В 1837 г. по предписанию Артиллерийского департамента⁴¹ правление ТОЗ передало в Арсенал 38 образцов оружия и принадлежностей 1809–1835 гг. «за ненадобностью для руководства»⁴².

В этом документе впервые приводятся более подробные описания предметов с указанием названия, комплектности, времени и места изготовления, даты утверждения образца, источника поступления на ТОЗ. К записанным ранее образцовым ружьям здесь добавлены изготовленные в конце 20 – начале 30-х гг. XIX в. на Тульском, Ижевском, Сестрорецком заводах 7-линейные пехотные, драгунские, саперные и конно-егерские ружья. Они были переданы на завод по распоряжениям инспектора оружейных заводов. В числе образцовых присутствовал 7-лин. конно-егерский карабин 1817 г., изготовленный в память визита великого князя Михаила Павловича, который относился и к категории достопамятного оружия (ТГМО КП-4519). Также в список вошли принадлежности, например, форма для литья пуль калибра 6¼ линии и ножны к штыкам.

В 1842 г. состоялось следующее событие, оказавшее существенное влияние на улучшение качества учета хранившегося в правлении ТОЗ оружия. По распоряжению командира завода Н. И. Лазаревича в арсенальные книги было записано все неучтенное за 1837–1842 гг. образцовое оружие с указанием атрибутирующих признаков, в том числе калибра и размеров. Среди них выявлены крепостное ружье Фалиса обр. 1839 г. (ТГМО КП-22), пистолет казачий офицерский обр. 1839 г. (ТГМО КП-1362), штуцер кавалерийский обр. 1818 г. (ТГМО КП-466).

В этом же документе приведен подробный перечень деталей прибора, комплектующих, принадлежностей к оружию и инструментов:

винтовальных досок, цилиндров для калибровки стволов, прижимов для разборки стволов, антабок, ножен для штыков⁴³.

Значимый шаг к музеефикации редких образцов, находящихся на государственных оружейных заводах, был сделан Циркулярным предписанием Артиллерийского департамента № 28 от 28 июня 1845 г. Оно указывало на обязательное хранение относящихся к артиллерийскому ведомству предметов с ярлыками, описывающими их историю. В соответствии с ним на ТОЗ был составлен «Список ярлыков для достопамятного оружия»⁴⁴ на 78 единиц огнестрельного оружия с принадлежностями. Этот документ, позволяющий выявить ряд предметов из современного собрания ТГМО, можно считать одним из первых описаний будущей музейной коллекции.

Первый раздел этой ведомости включал 8 ружей и 1 пистолет, «удостоенные собственноручной выделки при посещении ТОЗ особами Императорской Фамилии» в 1775–1842 гг. Во второй раздел вошли 34 единицы «Огнестрельного оружия образцов прежнего времени» 1744–1835 гг. В раздел, названный «Оружие ударной системы», были включены поступившие в период 1835–1839 гг. опытные ружья Робера-Велле (ТГМО КП-1162) и Эртелу (ТГМО КП-191), штуцер Колетта-Шаруа (ТГМО КП-441) и пистолет Вителока (ТГМО КП-1487), имеющие в настоящее время ценность как источники для изучения истории создания в России образцов капсюльного оружия в 30-е гг. XIX в.⁴⁵

Ружья, необычные в конструктивном отношении (например, с трехгранным или «плоским» стволом), или с художественной отделкой вошли в раздел «Оружие, находившееся с давнего времени для украшения арматуры Арсенала». Они являлись подтверждением сведений П. П. Свинына о том, что в Арсенале хранились ружья, качество отделки которых служило основанием для получения оружейником звания мастера⁴⁶.

Значимым для формирования коллекции будущего музея стало повеление Николая I в 1846 г., согласно которому на всех оружейных заводах России требовалось сохранять в отдельных шкафах образцы оружия, когда-либо изготовленные на них⁴⁷. По сути, это распоряжение определило направление комплектования коллекции изделиями, производившимися на предприятии. На ТОЗ в тот год была составлена ведомость образцового оружия, которая во многом повторяла предыдущий список⁴⁸. В последующем поступающее на ТОЗ образцовое оружие пополняло этот перечень

и также хранилось в Арсенале, косвенным подтверждением чему является его наличие в собрании музея. Так, в 1856 г. доставлен штуцер с «закругленными краями, с кольцевым курком и с прогрессивными нарезками в стволе»⁴⁹ (ТГМО КП-430).

Обязанности по сохранению исторического оружия возлагались на служащих Арсенала, которых можно считать одними из первых музейных работников Тульского края. В конце XVIII в. Арсеналом заведовал поручик по приему огнестрельного оружия, избравшийся оружейным сообществом на трехлетний срок и утверждавшийся на службу Тульской казенной палатой. В 1797 г. в штатную структуру ТОЗ введена должность надзирателя Арсенала, соответствующая чиновнику IX класса. Ему полагался помощник из отставных унтер-офицеров⁵⁰. Надзиратель Арсенала вместе с надзирателем дела оружия осуществляли разбор и определение годных для ремонта экземпляров, вели журнал прихода и расхода оружия, оружейных вещей и прочих предметов.

«Положение для Тульского оружейного завода» 1823 г. ввело должность старшего смотрителя Арсенала, который подчинялся помощнику командира ТОЗ по хозяйственной части. Он обеспечивал поддержание чистоты, хранение оружия, готового к отправке в войска, организовывал его выдачу по предписаниям правления и размещение в хранилище с возможностью доступа к сверке, вел учетную документацию⁵¹. Также в Арсенале числились два браковщика с двумя помощниками, а при Арсенале и магазинах – 13 младших смотрителей, 3 старших и 6 младших вахтеров унтер-офицерского звания, писцы⁵². Такая организационная структура практически без изменений просуществовала до передачи ТОЗ в арендно-коммерческое управление в 1864 г.

Обеспечение сохранности оружия затруднялось недостаточной площадью помещений и непригодностью неотапливаемых сырых зданий Арсенала, магазинов и приемных палат, на что смотрители неоднократно обращали внимание руководства. Так, титулярный советник Д. Е. Пономарев в 1820 г. указал на необходимость устранения коррозии оружия⁵³. Благодаря его рапорту и последующему ходатайству правления ТОЗ Артиллерийский департамент предписал производить регулярную чистку и смазку оружия, в том числе и исторического, и финансировал эти работы⁵⁴.

Функции по обеспечению контроля за хранением арсенального имущества возлагались на правление ТОЗ, проводившее регулярные комиссионные освидетельствования собрания. Основными

учетными документами Арсенала являлись несколько инвентарных книг, классифицированных по целевому использованию оружия. Так, в середине XIX в. это были «Новое переправочное огнестрельное и белое оружие», «Оружие прежних образцов», «Старое огнестрельное и белое годное и негодное оружие, оставленное от полков», «Годное к исправлению оружие»⁵⁵. Для фиксации исторического оружия, используемого в декоративных целях, была выделена «Книга украшения Арсенала». С начала 40-х гг. XIX в. подобные образцы стали заносить во 2-ю Арсенальную книгу «Оружие прежних образцов» с соответствующей пометкой⁵⁶. В ведомостях не встречаются образцы иностранного оружия, что возможно объяснить спецификой Арсенала как хранилища запаса оружия для российских войск.

Экспонирование исторического оружия подчинялось единой концепции оформления, в том числе и внешнего вида Арсенала, который был в конце XVIII – второй четверти XIX в. главной архитектурной доминантой Оружейной слободы Тулы. Как отмечали современники, которым посчастливилось посетить Арсенал, «...кроме церквей в Туле обращают на себя внимание следующие каменные здания: арсенал с залой, украшенной трофеями из старых оружейных вещей, оружейный завод, два корпуса присутственных мест...»⁵⁷. Главные ворота Арсенального двора были увенчаны композицией, составленной из карабинов со штыками, сабель, алебард, стальных лат, шлемов-«шишаков».

В 40-х гг. XIX в. на Арсенальном дворе произвели масштабную архитектурную модернизацию под руководством заводского архитектора А. М. Михайлова⁵⁸. Въездные ворота, оформленные чугунными фигурами рыцарей, стали более монументальными, сохранив при этом традицию устройства торжественного въезда. Около основного входа в здание Арсенала размещались чугунные пушки XVII в., две из них вошли в список достопамятного оружия⁵⁹.

Известно, что в начале XIX в. в первом зале Арсенала была устроена военная арматура. П. П. Свиньин отмечал, что в ее центре размещался украшенный «замысловато разным оружием и знаменами» мраморный бюст Екатерины Великой, который она прислала из Санкт-Петербурга в знак благоволения к заводу⁶⁰. Во время капитального ремонта здания Арсенала украшавшие его предметы были сданы в заводские склады⁶¹.

В 1842 г. приступили к созданию следующей арматуры⁶². Она представляла призматико-цилиндрическую конструкцию «из всех

родов оружия», увенчанную гипсовым, покрытым бронзой бюстом императора Николая I⁶³. Ее изображения не сохранились, также не известен и размер. Однако о масштабе арматуры позволяет судить ведомость выделенного на ее изготовление оружия. Так, из Арсенала поступили 10 дубельгаков, 54 ружья, по 4 карабина и мушкетона, 60 пистолетов, 63 алебарды, 58 эспонтонов, 45 протазанов, 100 круглых штыков, а также литавры, кирасы, ружейные замки и пр.⁶⁴ Из заводских магазинов были отпущены «негодные к употреблению» 22 пистолета, 121 мортирка, 16 тесаков, 7 сабель, 6 палашей, пики, 729 драгунских и 1001 пехотных ружейных стволов, 142 шомпола, 32 штыка⁶⁵. Также из заводских цехов передали несколько тысяч деталей: личинок, замков, скоб ружейных и пистолетных, дульных блях⁶⁶.

Качеству работ по созданию арматуры придавалось важное значение. Для очистки ее металлических частей, окраски и сборки лож выбрали «известных искусством и честностью оружейников, имеющих при домах фабрики» И. Мосолова и Г. Машкова⁶⁷. Деревянное основание арматуры под контролем заводского столяра выполнили 36 специально нанятых плотников. Окончательную сборку, занявшую 4 месяца, произвели «способные для этой работы» мастера-оружейники И. Селезнев, Н. Плеханов, А. Дронов⁶⁸.

Образцовое и «царское» оружие не использовалось в арматуре, о чем пишет И. Ф. Афремов: «Там же внизу лежат: прежние литавры, дубель-гаки... Здесь же хранятся в отличной оправе шесть ружей, осчастливленных работой Высочайших особ»⁶⁹. Для обеспечения сохранности и экспонирования последних в 1844 г. было изготовлено два шкафа из лакированного ясеневоего дерева со вставками из богемского стекла, которые разместили по обе стороны арматуры. В парадной зале располагался дубовый верстак на случай «разборки ружья в присутствии Государя Императора, особ Высочайшего Двора и других высоких лиц»⁷⁰.

Стены этой комнаты в соответствии с художественным замыслом архитектора украшались памятными надписями о монарших визитах. В 1843 г. оружейник И. Баташев изготовил две стальные пластины с надписями о посещении завода императорами Николаем I и Александром I размером 44,5 x 35,6 см, стоимостью 1 р. серебром «за каждую надпись»⁷¹; в 1844 г. – о посещении Екатериной I⁷², великим князем Михаилом Павловичем и его супругой, а в 1845 г. – Петром I⁷³.

На основе сохранившихся описаний можно сделать вывод, что оформление экспозиции было направлено на прославление достижений Тулы как главного поставщика оружия под покровительством и во славу российских монархов. Ее осматривали только почетные гости завода.

Ряд вещей из арсенального имущества (ружейные стволы, клинки, тесачные эфесы и палашные крестовины и пр.) использовался для украшения экзерциргауза в Тульском кремле. В 1835 г., когда тот был перемещен из Кремля, указанные предметы возвратили заводу и сдали в магазины как металлический лом, что свидетельствует об отношении современников к этим предметам как не представляющим историческую ценность⁷⁴.

В 1873 г. в процессе реорганизации артиллерийских хранилищ был образован Окружной артиллерийский склад Московского военного округа и его Тульский отдел ручного оружия, которому было передано хранение стрелкового оружия для войск⁷⁵. С высокой степенью вероятности, именно с этими мероприятиями связана инициатива руководства ТОЗ о передаче коллекции исторического оружия, хранившегося в здании Арсенала, и открытии на ее базе музея, но уже в здании заводоуправления ТОЗ в 1873 г.⁷⁶

Таким образом, предпринимаемые на протяжении конца XVIII – второй трети XIX в. меры по обеспечению сохранности исторического оружия в Арсенале ТОЗ позволили сберечь одну из ценнейших для истории российского вооружения коллекций оружия и создать основу фондового собрания Тульского государственного музея оружия.

¹ Крапивенцева М. Б. История Арсенала Тульского оружейного завода в отечественной историографии // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. 25–27 октября 2023 г. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2024. С. 281–286.

² Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное Артиллерийское Управление. Часть I. Книга I. Исторический очерк. СПб.: тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. С. 56.

³ Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 205. Л. 633.

⁴ Положение Тульского оружейного завода. СПб.: Сенат. тип., 1782. С. 39.

⁵ Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Часть первая. М.: Типография В. Готье, 1850. С. 190.

⁶ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 3. Д. 352. Л. 5–6 об.

⁷ Там же. Т. 1. Д. 789. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 488.

- ⁹ Там же. Д. 184. Л. 17.
- ¹⁰ Там же. Д. 196. Л. 1.
- ¹¹ Использование термина «арсенал» применительно к хранилищу оружия на тульском оружейном дворе встречается в опубликованных материалах с конца 70-х гг. XVIII в., до постройки здания в 1787 г.
- ¹² Крылов И. А. Опись имущества исторического Музея Императорского Тульского Оружейного завода. Россия. г. Тула. 1901 г. С. 60 (ТГМО КП-2-22018); Шумилов И. П. История города Тулы и Тульского оружейного завода. Тула: тип. Н. И. Соколова, 1889. С. 42.
- ¹³ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1775 года. СПб., 1878. С. 789.
- ¹⁴ Шумилов И. П. История города Тулы... С. 44.
- ¹⁵ Зуев В. Ф. Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 88.
- ¹⁶ Крылов И. А. Опись имущества исторического Музея... С. 62–63.
- ¹⁷ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 708. Л. 2 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 707. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Д. 931. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Д. 1119. Л. 5.
- ²¹ Там же. Д. 1222. Л. 5.
- ²² Будаева Л. П. Царские ружья из собрания Тульского государственного музея оружия (к визитам членов царской семьи на Тульский оружейный завод) // Тульский краеведческий альманах. 2004. С. 29–34.
- ²³ Андреев Н. Ф. Пребывание императрицы Екатерины II в Туле // Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 2. С. 486.
- ²⁴ Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии... С. 203.
- ²⁵ Крылов И. А. Опись имущества исторического Музея... С. 63.
- ²⁶ Герасимов Н. К. Музей 1-х Т.О.З. Путеводитель по музею. Тула, 1929. С. 1.
- ²⁷ Зыбин С. А. История Тульского Императора Петра Великого оружейного завода. Т. I. 1595 г. 1712–1834 г. М.: Типо-Лит. Т/Д. И. Н. Грызунов и К°, 1912. С. 155.
- ²⁸ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 585, 589–590.
- ²⁹ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 707. Л. 5.
- ³⁰ Там же. Д. 1324. Л. 12.
- ³¹ Там же. Л. 41–43.
- ³² Пинк И. Б. «Сдавать, как курьез в цейхгаузы на хранение»: к вопросу о дате основания собрания Тульского государственного музея оружия // Журнал регионалистики, культуры, истории науки: сборник статей к 70-летию доктора исторических наук И. Н. Юркина. М.: Изд-во «Янус-К», 2023. С. 341.
- ³³ Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 979.
- ³⁴ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 1156. Л. 10.
- ³⁵ Там же. Д. 836. Л. 9.
- ³⁶ Там же. Л. 8–8 об.
- ³⁷ Васина Т. А. Ижевский завод на рубеже XIX–XX вв.: общественно-культурная среда промышленного поселения (по материалам «Вятских губернских ведомостей») // Облик российской провинции: исторические и современные социокультурные проблемы: V Междунар. Стахеевские чтения: Мат-лы науч. конф. Елабуга, 2012. С. 80–89.
- ³⁸ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 2086. Л. 589.
- ³⁹ Там же. Д. 1040. Л. 10.

- ⁴⁰ Там же. Д. 5465. Л. 3.
- ⁴¹ Там же. Д. 1156. Л. 10.
- ⁴² Там же. Д. 5465. Л. 5–9.
- ⁴³ Там же. Д. 1202. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1276. Л. 4–8.
- ⁴⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5–9. Д. 269. Л. 22–24.
- ⁴⁶ Свинын П. П. Тульский оружейный завод // Сын Отечества. 1816. № XIX. С. 262.
- ⁴⁷ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 1324. Л. 2.
- ⁴⁸ Там же. Л. 5–8.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1593. Л. 1.
- ⁵⁰ Там же. Д. 342. Л. 10.
- ⁵¹ Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 984.
- ⁵² Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М.: тип. А. Семена, 1826. С. 98.
- ⁵³ РГВИА. Ф. 503. Оп. 5. Д. 186. Л. 1.
- ⁵⁴ Там же. Л. 6 об.
- ⁵⁵ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 1042. Л. 4–52.
- ⁵⁶ Там же. Д. 5459. Л. 8–9.
- ⁵⁷ Линк И. В. Материалы для статистики Российской империи. Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1839. С. 99.
- ⁵⁸ Крапивенцева М. Б. «Не имеет никакой надобности блеснуть наружностью»: архитектурная реконструкция Арсенального двора Тульского оружейного завода в 40-е гг. XIX в. // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2023. № 4. С. 80–90.
- ⁵⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5–9. Д. 269. Л. 25 об.
- ⁶⁰ Свинын П. П. Тульский оружейный завод. С. 262.
- ⁶¹ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 1208. Л. 23.
- ⁶² Там же. Л. 23 об.
- ⁶³ Там же. Д. 1232. Л. 3.
- ⁶⁴ Там же. Д. 1208. Л. 18–19 об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 2.
- ⁶⁶ Там же. Л. 18 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 24 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 25.
- ⁶⁹ Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии... С. 203.
- ⁷⁰ ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 1. Д. 1206. Л. 41.
- ⁷¹ Там же. Д. 1229. Л. 1. (О факте посещения ТОО Императором Петром I см.: Юркин В. Н. Петр Железный (Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы). 2-е изд. Тула: Дизайн-коллегия, 2022).
- ⁷² Там же. Д. 1229. Л. 18 (Вероятно, имеет место техническая ошибка и подразумевается Екатерина II).
- ⁷³ Там же. Д. 1252. Л. 3.
- ⁷⁴ Там же. Д. 5459. Л. 37.
- ⁷⁵ Очерк преобразований в современной артиллерии. Т. 1. СПб.: Тип. и хромолит. Траншель, 1889. С. 61.
- ⁷⁶ Исторический обзор Тульского оружейного завода и настоящее его положение (окончание) // Русский инвалид. 1873. № 266. С. 4.

А. Ю. Кузнецов (Нальчик)

**О РАНЕЕ НЕ ОПИСАННОЙ ОФИЦЕРСКОЙ
ПЕХОТНОЙ САБЛЕ ОБРАЗЦА 1871 г.
И О ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ,
СДЕЛАННОМ НА МАНЕР ЭТОЙ САБЛИ**

В сборнике трудов шестой Международной научно-практической конференции «Война и оружие» была опубликована моя статья, в которой впервые была представлена краткая информация о ряде ранее не описанного российского переделочного холодного оружия второй половины XVIII – начала XX в. и о неописанных переделочных изменениях в известных образцах¹. В статье, публикуемой в настоящем сборнике, вводится в научный оборот ранее не описанная офицерская пехотная сабля обр. 1871 г., присвоенная генералам, штаб и обер-офицерам для ношения вне службы при обыкновенной городской форме.

В книге-определителе А. Н. Кулинского «Русское холодное оружие» в разделе «Сабля пехотная офицерская обр. 1826 года» представлена следующая информация: «В 1871 г. саблю обр. 1826 г. было разрешено носить вне службы при городской форме всем генералам и офицерам, которым ранее были присвоены пехотные сабли обр. 1865 г.»². Однако, сравнивая текст из определителя с текстом официального, опубликованного 28 декабря 1871 г. именного приказа³, я обратил внимание на то, что текст приказа был А. Н. Кулинским трактован неточно: приказ регламентировал ношение не сабли обр. 1826 г., а присвоенной генералам и офицерам сабли пехотной, но в ножнах «прежней пехотной сабли» (ил. 1). В 1871 г. на вооружении офицеров Российской императорской армии состояла присвоенная им пехотная офицерская сабля обр. 1865 г.⁴ в металлических ножнах

с клинком и эфесом драгунским. Прежние пехотные сабли обр. 1826 и 1855 гг. у генералов и пехотных офицеров были отменены еще в 1863 г. с присвоением им императорским именным приказом другой сабли. 29 мая 1863 г. «Государь Император высочайше повелеть соизволил: Всем генералам, штаб и обер-офицерам, имеющим ныне на своем вооружении саблю пехотного образца в кожаных или железных ножнах, носимую на поясной кожаной или галунной портупеех, — вместо тех саблей и портупей впредь присваивает-

ся драгунская сабля (шашка) в кожаных ножнах (существующего в Кавказской Армии образца)⁵, с пехотным темляком, на портупее через плечо, из золотого или серебряного галуна, смотря по металлическому прибору, подшитого черным сафьяном»⁶. Т. е. после 29 мая 1863 г. на вооружении у всех генералов, штаб- и обер-офицеров Российской императорской армии, без каких-либо исключений, официально уже не состояло присвоенных им ранее пехотных саблей образцов 1826 и 1855 гг., а императорский приказ от 28 декабря 1871 г. регламентирует ношение генералами и офицерами вне службы именно присвоенной им 2 октября 1865 г. пехотной сабли обр. 1865 г., но в иных ножнах. В упомянутом приказе отмечалось: «Ножны должны быть из черной лакированной кожи, с бронзовыми оконечниками, по образцу прежней пехотной сабли»⁷. Под «прежней пехотной саблей» в приказе мог подразумеваться только образец пехотной сабли 1826 г., так как образец пехотной

30366. — *Докабря 28. Именной, объявленный въ приказъ по военному ведомству 31-го того же Декабря. — О формъ ношенія генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ вне службы саблей при обыкновенной городской формъ.*

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, копимъ присвоены пѣхотныя сабли, разрѣшается носить въ службы, при обыкновенной городской формѣ, тѣ же сабли въ кожаныхъ ножнахъ, на портупее подѣ мундиромъ, какъ онѣ носились при сюртукахъ.

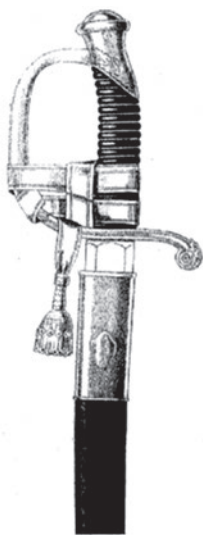
Примѣчаніе. Генералы могутъ въ тѣхъ же случаяхъ носить и шпагу.

2. Ножны должны быть изъ черной лакированной кожи, съ бронзовыми вызолоченными оконечностями, по образцу ноженъ прежней пѣхотной полусабли.

3. Темлякъ, какъ для пѣхотной сабли, такъ и для шпаги, долженъ имѣть тѣсму (сложную вдвое) длиною въ 12-ть вершковъ. — Снособы же повязки темляка на пѣхотной саблѣ, а также и на генеральской шпагѣ, показаны въ прилагаемыхъ при семъ рисункахъ.

(Рисунки см. въ концѣ Тома.)

Ил. 1. Текст именного императорского приказа от 28 декабря 1871 г.

Ил. 2. Рисунок пехотной офицерской сабли с примером повязки темляка (левый рисунок в приложении к № 50366 в ПСЗ)

сабли 1855 г. имел ножны металлические⁸, а образец драгунской сабли, присвоенный в 1863 г. офицерам, имевшим до этого на своем вооружении сабли пехотного образца, имел ножны с двухточечным подвесом на портуpee и без отдельных от ножен наконечников⁹. Поскольку изменение в ножнах сабли при сохранении формы клинка и эфеса в практике российского оружейведения определяется как принятие на вооружение нового образца, то, следовательно, в 1871 г. генералам, штаб- и обер-офицерам для ношения вне службы были присвоены пехотные сабли нового образца 1871 г.¹⁰ Я считаю, что ошибке в справочнике-определителе А. Н. Кулинского способствовало то, что в приказе от 28 декабря 1871 г. под пунктом «З» было помещено предписание о способе повязки темляка на пехотной сабле и генеральской шпаге, а в конце тома составители ПСЗ в качестве иллюстрации поместили рисунки оружия с повязанным темляком. На этих рисунках с повязанным темляком была изображена пехотная сабля с эфесом сабли образца 1826 г., т. е. с эфесом сабли, которая уже 9 лет не состояла на вооружении офицеров пехоты (если не считать офицерскую саблю переделочного обр. 1863 г., у которой эфес был без малой боковой дужки). Кроме того, художником была допущена еще одна не замеченная составителями ПСЗ ошибка: на крайнем левом рисунке сабля с повязанным темляком была нарисована несколько выдвинутой из ножен, и заметно, что видимая часть клинка имеет двухстороннюю заточку, как это показано и на соседнем рисунке шпаги (ил. 2). Вот эти ошибки составителей и художника, вероятно, и способствовали тому, что помимо описанной сабли образца 1871 г. стали изготавливаться также и сабли, сделанные «на манер сабли образца 1871 года», отличия которых описаны ниже.

Приводится краткое описание сабли офицерской пехотной образца 1871 г. для ношения вне службы при обыкновенной

Ил. 3 (а–в). Сабля пехотная офицерская
обр. 1871 г. с эфесом на манер золотого оружия.
Частное собрание

городской форме: она представляет собой пехотную офицерскую саблю с клинком и эфесом, аналогичными клинку и эфесу сабли офицерской драгунской обр. 1841 г., но в ножнах, аналогичных ножнам пехотной офицерской сабли образца 1826 г. (ил. 3).

Как было упомянуто, помимо сабли утвержденного образца 1871 г. в числе сохранившегося исторического оружия встречаются сабли, изготовленные «на манер сабли образца 1871 г.»¹¹, то есть имеющие как признаки, так и отличия от этого образца:

1) сабли с эфесом от офицерской сабли драгунской обр. 1841 г. и с клинком и ножнами от сабли офицерской пехотной образца 1826 г.¹²;

2) сабли с эфесом офицерской пехотной сабли обр. 1826 г., но с отпиленной боковой дужкой эфеса, как это регламентировано для переделочной драгунской офицерской сабли обр. 1863 г., с клинком сабли обр. 1826 г. или с клинком сабли офицерской драгунской обр. 1841 г. и ножнами как у сабли офицерской пехотной обр. 1826 г.¹³ (ил. 4)¹⁴;

3) сабли с эфесом офицерской драгунской сабли обр. 1841 г. или с эфесом сабли офицерской пехотной обр. 1826 г., но с отпиленной боковой дужкой эфеса, как это регламентировано для переделочной драгунской офицерской сабли обр. 1863 г.,

Ил. 4. Сабля на манер пехотной офицерской сабли обр. 1871 г. с драгунским клинком от сабли обр. 1841 г., с эфесом от сабли пехотной офицерской обр. 1826 г. со спиленной боковой дужкой и с ножнами от сабли пехотной офицерской обр. 1826 г. Частное собрание

с прямым шпажным или палашным клинком, с прямыми ножнами и распрямленным нижним наконечником, изготовленным на манер наконечника офицерской пехотной сабли обр. 1826 г. (ил. 5).

В порядке версии: сабли с прямым клинком, вероятно, заказывали генералы, которые имели право носить при обыкновенной городской форме шпагу, но желали, чтобы клинок их шпаги был оформлен на манер офицерской пехотной сабли нового образца 1871 г., затем это оружие генералов с прямым клинком послужило примером при заказе сабель для ношения вне службы штаб- и обер-офицерами. Практике использования прямого клинка могла послужить и ошибка художника, который на прилагаемом к приказу рисунке с примером повязки темляков нарисовал на видимой части клинка сабли обоюдосторонние скосы лезвия, как это изображено на соседнем рисунке шпаги. Также можно предположить, что драгунская сабля с переделанным эфесом от пехотной сабли обр. 1826 г., т. е. с эфесом как у переделочной драгунской офицерской сабли обр. 1863 г.¹⁵, могла послужить образцом для художника, рисовавшего рисунки с примерами повязки темляков, и этот же художник пририсовал к сабле регламентируемые приказом ножны от «прежней пехотной сабли», и в итоге мог получиться рисунок сабли, внешне схожей с саблей обр. 1826 г. Это предположение подтверждается тем, что малая боковая дужка сабли на левом рисунке, приложенном к приказу от 28 декабря 1871 г., не просматривается, а бигель¹⁶ эфеса относительно бигеля эфеса сабли обр. 1826 г.

Ил. 5 (а–г). Сабля на манер пехотной офицерской сабли обр. 1871 г. с прямым шпажным клинком, с эфесом от сабли драгунской офицерской обр. 1841 г. и с ножами на манер сабли пехотной офицерской обр. 1826 г. Частное собрание

видится значительно опиленным, так как на бигеле нет полагавшихся сабле обр. 1826 г. орнаментальных украшений как по центру, так и в верхней его части.

Стоит отметить, что сабли с прямым клинком, изготовленные «на манер сабли обр. 1871 г.», среди сохранившегося исторического оружия известны в большем количестве, чем сабли утвержденного обр. 1871 г., и в большем количестве, чем сабли, изготовленные «на манер сабли обр. 1871 г.» с сабельным клинком. Это позволяет предположить, что среди офицеров Российской императорской армии оружие с прямым клинком, изготовленное «на манер сабли обр. 1871 г.», в период 1871–1881 гг. было более модным и потому более распространенным. Это также могло быть следствием того, что драгунские сабельные клинки с драгунскими эфесами, будучи вынутыми из ножен сабли обр. 1871 г. (в отдельности они же являются ножнами сабли обр. 1826 г.) могли гораздо чаще, чем оружие с прямым клинком, использоваться с сабельными металлическими ножнами как оружие строевое¹⁷, и в этих металлических сабельных ножнах они могли сохраниться до наших дней, и в настоящее время могут получать атрибуцию только как «офицерская пехотная сабля обр. 1865 г.», а экземпляры сабель с несохранившимися ножнами, но с изогнутыми

сабельными клинками и с драгунскими офицерскими эфесами или с эфесами переделочными «на манер драгунских» могут получать атрибуцию как «сабля офицерская драгунская обр. 1841, обр. 1848, или обр. 1863 года», в зависимости от формы клинка. Сохранившиеся в частных и музейных собраниях экземпляры холодного оружия с прямыми клинками и с драгунскими офицерскими эфесами, как в кожаных ножнах, так и в металлических ножнах или без ножен, к настоящему времени не имели устоявшейся атрибуции¹⁸.

Автор благодарит коллекционеров и исследователей истории русского холодного оружия Владимира Баранова (Москва) и Поля Климова (Санкт-Петербург) за возможность ознакомиться с фотографиями предметов из их личных коллекций.

¹ Кузнецов А. Ю. Российское казачье и армейское переделочное холодное оружие (вторая половина XVIII – начало XX веков) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды шестой Международной научно-практической конференции, 13–15 мая 2015 г. Ч. 2. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 445–459.

² Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005. С. 121.

³ ПВВ № 394 от 31 декабря 1871 г. // ПСЗ № 50366.

⁴ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. С. 137.

⁵ Упомянутый в приказе образец сабли, хоть и обозначен в скобках (пашка), имел клинок «обыкновенной драгунской сабли», так как офицерская драгунская сабля «с драгунским эфесом и шашечным клинком» была отменена 27 сентября 1859 г. // ПСЗ № 34914.

⁶ ПВМ. 1863. № 191. ПСЗ № 39683.

⁷ ПСЗ № 50366.

⁸ ПСЗ № 29653.

⁹ ПВМ. 1863. № 191; ПСЗ № 39683.

¹⁰ Такая практика атрибуции отмечена во всех справочниках-определителях А. Н. Кулинского. Саблей пехотной офицерской обр. 1855 г. он атрибутирует саблю с клинком и эфесом от сабли обр. 1826 г., но с металлическими ножнами, аналогичными ножнам кавалерийской сабли обр. 1827 г. Саблей пехотной офицерской обр. 1865 г. А. Н. Кулинский атрибутирует саблю офицерскую драгунскую обр. 1841 г., но в железных ножнах; Саблей пехотной офицерской обр. 1913 г. – пашку обр. 1881/1909 г., но в железных ножнах, аналогичных ножнам сабли обр. 1827 г. // Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. С. 135, 137, 146.

¹¹ Применение термина «на манер» для характеристики оружия известно в до-революционный период, например, в преискурантах ЗОФ предлагалось оружие, изготовленное «на манер золотого», то есть такое оружие, которое не по всем параметрам соответствовало образцовому «золотому оружию», так как эфес оружия «на манер золотого» изготавливался не из золота, как было регламентировано, а из позолоченного металла. См. преискуронт Златоустовской оружейной фабрики // Окунцов Ю. П. Златоустовская оружейная фабрика. М., 2011. С. 252.

¹² Такой вариант сабли мог получиться, если у офицера имелась сабля пехотная обр. 1826 г. и ему удобней было поменять на ней эфес на эфес от драгунской офицерской сабли обр. 1841 г., а не изготавливать новые ножны для его другой сабли обр. 1865 г., с драгунским офицерским клинком.

¹³ Такой вариант сабли мог получиться, если у офицера накануне 28 декабря 1871 г. была на вооружении переделочная офицерская драгунская сабля обр. 1863 г., которая ему была присвоена еще до присвоения офицерского чина, т. е. тогда, когда он еще был в чине фельдфебеля, старшего вахмистра или портупей-юнкера, а затем он носил ее в железных ножнах, как это было регламентировано именным императорским приказом от 2 октября 1865 г., а затем после 28 декабря 1871 г. стал носить ее в ножнах «прежней» пехотной сабли обр. 1826 г.

¹⁴ Фото взято из книги: Леонов О., Устьянов А. Строевое холодное оружие русской армии и флота 1700–1881. Справочник. М., 2017. С. 309.

¹⁵ Кузнецов А. Ю. Российское казачье и армейское переделочное холодное оружие... С. 450–451.

¹⁶ Термин «бигель» обозначает основную дужку эфеса.

¹⁷ Немногие пехотные офицеры могли позволить себе заказывать для оружия, имевшего прямой клинок, металлические ножны, так как прямые ножны на оружии строевом явно указывали на то, что это оружие не утверждено для ношения в строю, и офицер мог получить замечание от офицера, имевшего обязанность осматривать оружие в строю, однако исторические фотографии офицеров в строевой форме и с таким «неуставным» оружием встречаются.

¹⁸ А. Н. Кулинский, имея в виду оружие с прямыми клинками и драгунскими эфесами, пишет: «Пока эти экземпляры определяются нами как «сборные» и не поддаются более точной атрибуции» // Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. С. 320; Исследователь В. В. Баранов предложил называть такое оружие «драгунскими саблями образца 1841 года, шпажного ношения» // Баранов В. В. Нетипичные особенности некоторых предметов Российского холодного оружия // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды десятой Международной научно-практической конференции, 12–14 мая 2021 г. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС. 2021. С. 141.

С. Г. Кузнецов, А. А. Порошин (Саратов)

**ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЯМИ
ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ГЕНЕРАЛ
ОТ АРТИЛЛЕРИИ Н. И. ИВАНОВ**

В о время Первой мировой войны главнокомандующими армиями фронта (далее ГК) Вооруженных сил России на западном направлении были 22 генерала. Многие их имена по-прежнему остаются малоизвестными, хотя, на наш взгляд, изучение пути становления военачальников, их военная карьера, в том числе практический командный опыт, сыгравший свою роль в ходе войны, представляют большой интерес. Из общего числа ГК можно выделить семь генералов, осуществлявших руководство стратегическими операциями в ходе Первой мировой войны и оставивших след в ее истории. Это М. В. Алексеев, А. А. Брусилов, Я. Г. Жилинский, Н. И. Иванов, А. Н. Куропаткин, Н. В. Рузский, А. Е. Эверт.

Одним из первых ГК был утвержден по мобилизационному расписанию № 19 от 26 июня 1910 г. командующий Киевским военным округом (КВО) генерал от артиллерии Н. И. Иванов – армиями Юго-Западного фронта (ЮЗФ).

В происхождении Николая Иудовича Иванова существовала некая тайна. В его послужном списке указано: из потомственных дворян Калужской губернии, православного вероисповедания, родился 22 июля 1851 г. в семье штабс-капитана¹. По воспоминаниям же генерал-лейтенанта К. И. Адарида «Н. Ю. Иванов – был сыном фельдфебеля л-гв. 1-й артиллерийской бригады, трагически погибшего во время парада на Царицинском лугу в С-Петербурге, но успевшего перед смертью просить Великого князя Михаила Николаевича² не оставлять его сына. Великий

князь принял участие в судьбе мальчика, и благодаря этому последний получил возможность достичь офицерского звания в армии... Н. Ю. не только никогда не скрывал своего происхождения, но, до известной степени, даже его подчеркивал, часто повторяя, что он из «мужиков»³. При этом Н. И. Иванов сам сообщил незадолго до своей смерти, что «...родился в Чите и был сыном какого-то ссыльнокаторжного... фамилия его была совсем не Иванов»⁴. Можно предположить, что этот каторжанин вполне мог быть евреем-кантионистом (учитывая отчество Иванова – Иудович, Юдович. – А. П., С. К.), выбившимся в фельдфебели. «Участие в судьбе мальчика» великий князь проявил, вероятно, определив малолетнего ребенка в дворянскую семью⁵, давшую ему фамилию, а затем в Павловский кадетский корпус⁶. В 1866 г. Н. И. Иванов поступил в Михайловское артиллерийское училище и окончил полный курс по 1-му разряду. Офицерское становление Н. И. Иванова проходило в иных условиях, чем, например, у родовитого Я. Г. Жилинского, и своей дальнейшей карьерой он был обязан исключительно себе самому, своим знаниям и своему отношению к службе⁷. Многолетняя служба субалтерн-офицером в артиллерийской бригаде сформировала грамотного артиллерииста, замеченного командованием и выдвинутого на пятнадцатом году службы на должность командира артиллерийской батареи. Длительная добросовестная служба в строю, в непосредственной близости к нижним чинам сформировала в нем качества, отмеченные в составленной на него в 1899 г. аттестации: «...Умственные способности хорошие. ... *Воли твердой* (здесь и далее курсив наш. – А. П., С. К.). Вполне усерден и энергичен, законы знает и руководствуется ими. Служебную тактичность соблюдает. Отлично знаком с бытом офицеров и солдат и всецело отдается заботам и служебным [делам]. Безукоризненно честен и к казенному интересу относится правильно. Артиллерийски грамотен отлично, неутомим в работе, не беря все на себя, своих подчиненных [воспитывает] через самостоятельное развитие по своей специальности. Достоин назначению на высшие должности. Общее заключение о качествах – выдающийся»⁸.

В определенной степени подтверждением выводов аттестации явилось командование III Сибирским корпусом⁹ в Русско-японской войне, где он ловко и вовремя выводил свои части из-под ударов, избегая тем самым тяжелых поражений, и проявил

необходимые для старшего начальника спокойствие и личное мужество¹⁰. Это принесло Н. И. Иванову известную популярность в армии и в кругах, близких к императору. Вероятно, вследствие этого 19 декабря 1905 г. последовало высочайшее назначение командиром 1-го Артиллерийского корпуса (АК)¹¹. Оно отменило приказ главнокомандующего вооруженными силами на Дальневосточном театре военных действий о назначении Н. И. Иванова временно исполняющим должность главного начальника тыла Маньчжурской армии, отданный тремя днями ранее.

Проявив свои волевые качества в подавлении июльского восстания 1906 г. солдат и матросов Кронштадта¹², Н. И. Иванов заслужил расположение царской семьи, о чем, вероятно, можно судить по назначению в ноябре 1906 г. временным кронштадтским военным генерал-губернатором, а затем в апреле 1907 г. главным начальником Кронштадта¹³, где он оставался до полного наведения порядка по усмирению революционных выступлений. Преданность престолу была отмечена назначением 25 февраля 1907 г. постоянным членом Совета Государственной обороны и 6 декабря званием генерал-адъютанта¹⁴, что возносило Н. И. Иванова на самый верх административного и придворного окружения императора. Однако недостаток общекультурного образования, недополученного им в семье, кадетском корпусе и военном училище, *неоднозначность* происхождения вызывали снисходительное отношение к нему в высших кругах петербургского общества, «...его считали «goujat»¹⁵ и никак не могли понять, почему Государь пожаловал его генерал-адъютантом»¹⁶.

В декабре 1908 г. Н. И. Иванов был назначен командующим войсками Киевского военного округа (КВО), сдав на больших маневрах в Красном Селе экзамен на допуск¹⁷. Он серьезно относился к службе, был предан своему долгу и занимался подготовкой войск к войне согласно условиям современного военного дела¹⁸. Однако однобокость его профессиональной подготовки, вызванная практической службой преимущественно в артиллерии, и отсутствие высшего военного образования¹⁹ способствовали рождению прозвища «заведующий артиллерией», «артиллерийский каптенармус» и заставляли восполнять пробелы общевойсковой теоретической и оперативной подготовки самостоятельно²⁰. Служба его носила в большей степени характер

административный, оперативные вопросы были в полном ведении начальника штаба военного округа М. В. Алексеева, который у Н. И. Иванова пользовался неограниченным доверием и громадным авторитетом, особенно в вопросах стратегического характера²¹. При этом Н. И. Иванов считался тонким артиллерийским специалистом, знатоком практического артиллерийского дела²². Однако узость его взглядов не позволила осознать (как, например А. А. Брусилову. – *А. П., С. К.*), что система обучения артиллерии была нерациональна. Боевая подготовка пехоты и кавалерии проходила в отрыве от артиллерии, не способствуя выработке навыков взаимодействия при достижении общих целей²³. Как показал позиционный период Первой мировой войны, недостатки в обучении применения артиллерии в бою в соответствии с ее свойствами привели к неумению управлять артиллерийскими массами, в результате чего имелись случаи, когда наши войска несли большие потери от своей артиллерии²⁴.

Анализ послужного списка Н. И. Иванова (см. таблицу 1)²⁵ до 1914 г. показывает, что на командную строевую службу у него приходилась 25 % всей военной службы. Отсутствие системной и длительной командной практики и, как следствие, искусства командования не позволило ему во время Первой мировой войны реализовать свой потенциал и сформировать у себя полководческие навыки, необходимые для успешного управления воинскими формированиями и ведения крупных операций с большими войсковыми массами.

На ЮЗФ совместная служба ГК Н. И. Иванова и начальника штаба М. В. Алексеева слагала их взаимоотношения, в зависимости от интеллектуальных данных обоих, от соотношения воли первого и знаний второго, что позволяло успешно управлять операциями ЮЗФ в 1914 и 1915 гг. до назначения М. В. Алексеева ГК СЗФ. С его уходом «военное счастье Н. И. Иванова поколебалось»²⁶.

Это впервые проявилось в период с 19 апреля по 2 июня 1915 г. во время Горлицкого прорыва противником линии обороны войск ЮЗФ, в котором ГК не смог распорядиться имеющимися значительными резервами и грамотно организовать контрудары. В результате чего войска ЮЗФ были вынуждены оставить Галицию, что значительно ухудшило стратегическое положение русских войск в Польше²⁷.

Полководческая несостоятельность Н. И. Иванова проявилась в ходе наступательной операции ЮЗФ в декабре 1915 г., вызванной необходимостью оказать союзническую помощь Сербии. Анализ политической и стратегической обстановки подсказал Ставке единственно реальный на тот период вариант, заключающийся в наступлении левым флангом ЮЗФ в районе н. п. Трембовля, отбросив противника за р. Стрыпа. Проведение этой операции было возложено на вновь сосредоточенную и отлично снабженную 7-ю армию совместно с 9-й и 11-й армиями.

Подготовке фронтовой операции предшествовал приказ ГК, запрещающий организовывать армиям разведку в полосах готовившегося наступления, что, по мысли командования фронта, мешало бы скрыть замыслы операции. Это обрекало наступать «вслепую» на хорошо подготовленную и эшелонированную оборону противника. Штаб фронта оставил без внимания узкий фронт атаки в 7-й армии, выбранный для прорыва силами 2-го АК неразведанной полосы обороны противника, что способствовало уничтожению живой силы русских войск под воздействием сквозного флангового огня оборонявшихся²⁸.

Подобные «огрехи» планирования на втором году войны и неуверенность ГК не остались незамеченными Ставкой, что вызвало желание ее НШ М. В. Алексева приехать в штаб ЮЗФ, «чтобы самому направить Иванова в развитии и исполнении наступательной операции; видно, что Иванов не сумеет повести дело...»²⁹.

Обстановка не позволила М. В. Алексеву осуществить свое намерение, и операция прошла при оперативном управлении штаба ЮЗФ, отличавшемся нерешительностью и сбивчивостью своих указаний. Наступление русских войск осуществлялось в колоннах по 16 шеренг, что в современной войне также способствовало уничтожению наступавших³⁰. Управление операцией было отдано командирам корпусов, и влияние старшей инстанции было сведено лишь к смене брошенных без должной подготовки войск резервным корпусом 7-й армии³¹. Результатом наступательной операции были многочисленные бессмысленные жертвы в личном составе. Корпуса, наступавшие в 9-й армии, далее проволочных заграждений противника не прошли.

Итоги операции подвел НШ Ставки генерал от инфантерии М. В. Алексеев: «Понесенные потери не стоят результатов»³².

Впоследствии, оценивая Н. И. Иванова на посту ГК, А. И. Деникин, А. Д. Бубнов, В. И. Гурко считали, что фактическими водителями армий были его начальники штаба: сначала М. В. Алексеев, позже В. М. Драгомиров³³.

Главнокомандующие строили свою военную карьеру, соотносясь с собственными желаниями и возможностями, которые определялись происхождением, воспитанием, образованием, личными качествами. При этом никоим образом не нарушалось правило «служить верно», входившее в кодекс дворянской чести и признаваемое на протяжении многих десятилетий офицерами, принадлежавшими к разным кругам дворянского общества. Стремление офицеров – выходцев из дворянской знати приносить пользу Отечеству не ставилось под сомнение³⁴, также как и офицеров – выходцев из солдат, к которым относился Н. И. Иванов. Однако одно стремление к победе не могло обеспечить военачальнику необходимого качества командования в управлении войсками. Не происхождение имело главное значение в этом случае. Низкая профессиональная подготовка в совокупности с личными качествами ГК зачастую лишали русскую армию победы. Это в полной мере продемонстрировал один из первых ГК Великой войны.

Таблица 1

**Служебная деятельность Н. И. Иванова
до начала Первой мировой войны³⁵**

Вид служебной деятельности	Занимаемые должности	Время пребывания в них
Стрелецкая командная	Командир батареи (временно исполнял обязанности)	9.05.1881–18.7.1881
	Командир батареи	5.10.1884–15.12.1887
	Командир Восточного отряда, переименованного 11.9.1904 г. в III Сибирский корпус (в Русско-японской войне)	18.07.1904–15.12.1905
	Командир корпуса (1-го АК)	16.05.1906 – 6.11.1906
	Командующий войсками Киевского военного округа	2.12.1908 – 19.07.1914
		Всего: 10 лет, 10 мес.

Административная	Заведующий мобилизационной частью ГАУ с зачислением по Гвардейской пешей артиллерии	3.3.1888–11.04.1890
	Командующий Кронштадтской крепостной артиллерией	11.04.1890 – 9.09.1897
	Временно исп. должн. коменданта крепости (командир в отпуске)	29.09.1897–18.12.1897
	Временно исп. должн. коменданта крепости (смерть командира)	11.03.1899 – 22.05.1899
	Состоял для поручений при генерал-фельдцейхмейстере	11.12.1899-18.06.1904
	Допущен к временному исполнению должности главного начальника тыла Маньчжурской армии	18.12.1905 -18.04.1906
	Назначен временным кронштадтским генерал-губернатором	7.12.1906 – 20.04.1907
	Назначен главным начальником Кронштадта	20.4.1907 – 2.12.1908
		Всего: 16 лет, 9 мес.

¹ См.: Российский Государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 5066. Л. 2.

² Михаил Николаевич (13.10.1832 – 5.12.1909 гг.) – великий князь. В 1856 г. вступил в должность генерал-фельдцейхмейстера (главного начальника артиллерии), которую занимал до конца жизни. См.: Тысячелетие Российской Империи. Энциклопедический справочник. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2004. С. 281.

³ Адарики К. И. Пережитое (1910–1914) гг. // Военно-исторический Вестник, № 25, май 1965 г. Издание общества ревнителей русского военной истории под редакцией Ю. А. Топоркова. Париж. С. 5. К. И. Адарики однозначно указывает инициалы Иванова – Н. Ю. – Юдович.

⁴ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. С. 246.

⁵ По словам Н. А. Епанчина, распространенное мнение, что отец Н. И. Иванова был простым солдатом, неверно. Ивановы были мелкопоместными помещиками Тульской губернии, и в их имении жили две сестры Николая Иудовича. См.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М.: Полиграфресурсы, 1996. С. 372.

⁶ Отличие Павловского кадетского корпуса от других корпусов заключалось в том, что он, по преимуществу, был предназначен для детей-сирот дворянского происхождения, увечных солдат и вдовцов чиновников, служивших в отдаленных частях Империи.

⁷ Адариди К. И. Пережитое. С. 5.

⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 3220. Л. 3–5.

⁹ В монографии В. В. Глушкова и А. А. Шаравина «На карте Генерального штаба Маньчжурия». М., 2000. С. 59 упомянут генерал-майор Н. И. Иванов, который, будучи начальником штаба 1-го Сибирского корпуса, участвовал в конце 1901 г. на маневрах японской армии в качестве наблюдателя. В подстрочнике ошибочно дается ссылка, что речь идет об Иванове Н. И., который в годы Первой мировой войны был главным-командующим армиями Юго-Западного фронта. Необходимо отметить, что Николай Иудович Иванов никогда не занимал должность начальника штаба 1-го Сибирского корпуса. 14 апреля 1900 г. он был назначен исполняющим должность начальника артиллерии Десантного Корпуса с оставлением в должности «состоящим для поручений при Его Императорском Высочестве Генерал-Фельдцейхмейстере, с зачислением по полевой пешей артиллерии». В указанной должности находился во Владивостоке с 16 сентября 1900 г. по 11 января 1901 г., прибыл в С-Петербург 15 февраля 1901 г. И, согласно послужному списку, на Дальний Восток не выезжал. С декабря 1901 г. – генерал-лейтенант. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5066. Л. 4–5. Вероятно, в монографии речь идет об однофамильце, о котором Н. А. Троицкая, сотрудник Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, в сообщении «Япония и японцы в документах РГИА ДВ» упоминает как о Генерального штаба генерал-майоре Иванове (инициалы не указаны. – А. П., С. К.), начальнике штаба 1-го Сибирского армейского корпуса, который в апреле 1902 г. в Военном собрании Владивостока делал сообщение о своем присутствии в конце 1901 г. на маневрах двух японских дивизий. Об этом же Иванове упоминает полковник Е. И. Мартынов в своей книге «Воспоминания о Японской войне командира пехотного полка». Плоск, 1910, С. 69.

¹⁰ Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. С. 62. Однако историк А. Керсновский считал, что удаче Н. И. Иванова, скорее всего, были связаны с положительной деятельностью начальника штаба III Сибирского корпуса генерал-майора Е. И. Мартынова. См.: Керсновский А. История русской армии (1881–1916). Смоленск: «Русич», 2004. С. 89. Это весьма вероятно, так как трудно предполагать тактически грамотные действия по организации боя трех родов войск в ходе войны у артиллерийского генерала, вся предыдущая служба которого была связана с артиллерией, преимущественно с крепостной. И командование общевойсковым соединением было первым подобным опытом. Генерал А. Куропаткин считал его одним из виновников неудачи на Шахэ (одной из операций в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.), ибо «в то время, как I Сибирский корпус генерала Штакельберга истекал кровью в бою, соседний III Сибирский корпус генерала Иванова, стоявший в трех верстах от линии боя, пальцем не двинул, чтобы поддержать изнемогающего соседа». См. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопрезвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. С. 245. Автор воспоминаний о Русско-японской войне (Дружинин) так описывает свои наблюдения за работой Н. И. Иванова и его штаба (до прихода на должность начальника штаба III Сибирского корпуса Е. И. Мартынова) во время Шахэйской операции: «Отовсюду поступали донесения... Все это выслушивалось, обо всем судили и рядили, но ничего не делалось, чтобы отдалить какие-нибудь соответствующие распоряжения... для целесообразного руководства боем; получалось впечатление, что все... начальники являлись только зрителями... маневров, а не руководителями важного боя». См.: Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1936. С. 365.

- ¹¹ 1-й Артиллерийский корпус был передислоцирован с Дальнего Востока в Санкт-Петербургский военный округ для подавления революционных выступлений. См.: Айрапетов О. Бешабашная бестолочь // Родина. 2004. № 1. С. 56.
- ¹² См.: Бубнов А. Д. В царской ставке. М.: Воениздат 2002. С. 29; Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота... С. 245.
- ¹³ Будучи главным начальником Кронштадта, успешно (на фоне общего шаблонного) командовал Восточной армией на армейских маневрах войск Красносельского, Владимирского и Усть-Ижорского лагерных сборов, используя боевой командный опыт, за что ему Николаем II была объявлена Высочайшая благодарность. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5066. Л. 7.
- ¹⁴ См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5066. Л. 6.
- ¹⁵ Goujat (франц.) – хам.
- ¹⁶ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 372.
- ¹⁷ См.: Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 297–298.
- ¹⁸ См.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 373–374.
- ¹⁹ Н. И. Иванов не оканчивал академию ГШ.
- ²⁰ См.: Адарики К. И. Пережитое. С. 5.
- ²¹ См.: Там же. С. 6.
- ²² См.: Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: Астрель АСТ, 2003. С. 249.
- ²³ См.: Золотарев В. А., Соколов Ю. Ф. Трагедия на Дальнем Востоке // Военная история Государства Российского: в 30 т. Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. I. М.: 2004. С. 163; Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Минск, Харвест, 2003. С. 15.
- ²⁴ См.: Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Росспэн, 2001. С. 58; Барсуков Е. И. Русская артиллерия в мировую войну: в 2 т. М.: Воениздат, 1938. Т. I. С. 336–337; Записка генерала-от-инфантерии Балужева. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1292. Л. 228–231; Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (1916). С. 15.
- ²⁵ В таблице 1 в разделах «строевая командная» указано время вступления в должность. Не указаны: время учебы в военных заведениях; нахождения «в распоряжении» соответствующих начальников; длительные командировки (за исключением «цензового» командования); нахождение в должности офицера артиллерийской батареи.
- ²⁶ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. С. 107.
- ²⁷ См.: История Первой мировой войны (1914–1918): в 2 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 35–36.
- ²⁸ См.: Керсновский А. История Русской армии (1881–1916). С. 268–269.
- ²⁹ См.: Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. С. 378.
- ³⁰ См.: Там же. С. 380, 393–394.
- ³¹ См.: Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг.: в 2 т. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. Т. 1. С. 352.
- ³² См.: Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. С. 394.
- ³³ См.: Деникин А. И. Старая армия. М.: Айрис Пресс, 2005. С. 103; Бубнов А. Д. В царской ставке. С. 29; Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. С. 255.
- ³⁴ См.: Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина М.: LINKA-PRESS, 1995. С. 29.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5066.

Н. Л. Курсанина (Москва)

ЗНАЧЕНИЕ ЛИНИИ ЗАКАЛКИ ПРИ АТРИБУЦИИ ЯПОНСКОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ (НА ПРИМЕРЕ САБЛИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЦВММ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО)

Одна из самых ярких и узнаваемых особенностей японского холодного клинкового оружия – ярко выраженная линия, проходящая вдоль лезвия. Эта линия – граница между закаленным лезвием и незакаленной основой клинка – называется линией закалки, или по-японски «хамон». Слово «хамон» состоит из двух иероглифов 刃文: первый иероглиф – 刃, «ха» – переводится как лезвие, а одно из значений иероглифа «мон» – узор. Таким образом, «хамон» дословно переводится как «узор лезвия». Зональная закалка имеет еще одно название – 刃縁, «хабути/хабучи», где иероглиф 縁 «фути/фучи» обозначает окантовку, обод и в целом переводится как «окантовка лезвия». Закаленная часть лезвия называется 焼き刃, «якиба» – 焼き «закалка» и 刃 «ха¹» – закаленное лезвие.

Твердость тела клинка, как правило, соответствует 50–53 HRC с содержанием углерода (C) от 0,2 до 0,5 %. Для режущей кромки, испытывающей основные нагрузки при рубке, требуется твердость около 58 HRC и содержание углерода около 0,7–0,8 %.

Вязкость перлитного тела клинка, обеспечиваемая трооститом, сочетается с жесткостью режущей кромки, более светлой из-за скоплений зерен мартенсита. На границе зоны закалки мартенсит и троостит образуют светлые линии и узоры, резко выделяющиеся на фоне менее твердых структур – сорбита и перлита.

Другими словами, *хамон* очерчивает переход между областью с более твердой мартенситной сталью на кромке лезвия и более

мягкой перлитной сталью в центре и на обухе меча. Эта разница в твердости является целью процесса изготовления мечей с мягкой основой и закаленным лезвием, а внешний вид – всего лишь побочный эффект.

Закалка лезвия – достаточно простой процесс, нужно нагреть и охладить покрытую специальной глиной заготовку, но вместе с тем – это один из самых сложных этапов изготовления качественного клинка. Здесь имеют значение и температура нагрева (как правило, нагрев производится на сильном огне до температуры, когда заготовка утрачивает черноту, но еще не появляются красные пятна), и свойства глины, которую используют для покрытия заготовки. Глину берут разных составов и намазывают заготовку слоями разной толщины: основу клинка более толсто, а лезвие – тонко. Способов нанесения глины на клинок много, в разных кузнечных школах использовались разные методы, кроме того, в разных регионах глина отличается по составу.

Также в разных кузнечных традициях использовались свои технологические особенности нагрева, так, например, в кузнечной традиции провинции Сагами использовался сильный нагрев до желтого цвета.

Мартенсит чрезвычайно хрупок, а троостит недостаточно тверд, поэтому на протяжении веков кузнецы искали способы должным образом совместить эти структуры, чтобы лезвие не растрескивалось и не крошилось при ударе. В результате сложились определенные правила:

для клинков из твердой стали использовали тонкую прямую линию закалки;

для клинков средней твердости – беспорядочную, волнистую, средней ширины линию;

у относительно мягких клинков закалку старались делать широкою прямую, или высокую, часто доходящую или почти доходящую до ребра, волнистую или узорную линию.

Эти правила соблюдались в классических традициях до XVII в. (старые мечи – *кото*, 古刀).

Японцы всегда стремились использовать *хамон* не только как доказательство дифференцированной закалки, но и как выразительное средство, придававшее клинку художественную ценность.

Развитие техник и кузнечных способов не стояло на одном месте, и с XVII в. линия закалки стала претерпевать значительные

Ил. 1. Сабля парадная полицейская образца 1875 г. ЦВММ

изменения. Стали появляться различные варианты известных раньше узоров, а также более сложные, оригинальные, несущие в себе больше эстетическое, чем технологическое значение.

Красота четкого, идеально выверенного рисунка, с симметричными вершинами или же хаотичного, но при этом прекрасно структурированного узора, всегда завораживает. Сталь клинка, как полотно картины, расписывается то бушующими волнами, то бутонами гвоздик, то горными вершинами или же идеально прямой, будто нарисованной под линейку, ровной линией. Мастерство кузнеца в плане узора ограничено только воображением и технико-технологическими условиями. Узоры могли быть довольно сложными и подчиняться общим эстетическим тенденциям каждой эпохи, а также показывать характерные черты периода, провинции и школы их изготовления.

Хамон также являлся хорошим показателем уровня мастерства кузнеца. Чем выше уровень кузнеца, тем свободнее он использовал художественный элемент линии заковки. Часто достигший вершин мастерства кузнец-оружейник вырабатывал «свой» *хамон* и делал его своим фирменным стилем.

Уникальная индивидуальная линия заковки может быть маркером при установлении авторства предмета в случаях, когда клинок подписан кратким именем (двумя иероглифами) без указания на место жительства или место работы. Известно, что одно и то же имя могли использовать несколько мастеров в разное время и в разных провинциях, а также династии, чьи мастера на протяжении поколений подписывались одним и тем же именем.

Например, такая проблема возникла при исследовании предмета японского холодного оружия, хранящегося в коллекции Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого, который атрибутирован как сабля парадная обр. 1875 г. высших чинов японской полиции (*кю-гунто*, 旧軍刀), XIX в. (последняя четверть), 1875–1900 гг., инв. № КП-22325 (ил. 1). Сабля поступила в музей со склада Артиллерийского отделения Краснознаменной Амурской флотилии 3 сентября 1946 г.²

Ил. 2. Спинка рукояти с декором и родовым гербом

Ил. 3. Гарда с цветками десятилепестковой сакуры

Клинок вставлен в уставную опра-
ву военной полиции, тип 8/19 (образца
1875/1886 гг.). Рельефное изображение
солнца с шестнадцатью лучами (*хиаси*,
日足) на верхней части спинки рукоя-
ти – обозначение оружия высших рангов
офицеров гражданской полиции и депар-
тамента пожарных³. Декор спинки рукоя-
ти, покрывающий только верхнюю часть
спинки, указывает на конкретное зва-
ние офицера – суперинтендант⁴ (ил. 2).
Дополнительное украшение листьев во-
круг цветов сакуры было принято в 1886 г.
(19 год периода Мэйдзи), таким образом,
саблю можно отнести к модернизирован-
ному типу 19⁵.

Эфес состоит из рукояти и гарды, выполненной в форме ле-
пестка с удлиненной дужкой с одной стороны и загнутым кольцом
с другой. Внешняя часть гарды выполнена в виде ажурного про-
резного узора из цветов вишни (*сакуры*, 桜) с десятью лепестками
(*кадосакуры*, 廉桜) – два цветка в первой панели, и полтора – во
второй, что тоже указывает на высшее офицерское звание (ил. 3).
Однако десятилепестковая *кадосакура* – это символ, который ис-
пользовался на армейских мечах, в отличие от символа сакуры
с пятью лепестками, который указывал на отношение к граждан-
ской полиции и пожарному департаменту. Тут, вероятнее всего,
была осуществлена замена гарды с дужкой на армейскую в про-
цессе бытования сабли, так как эфесы у армейских и полицейских

сабель, кроме количества лепестков на узоре, ничем другим не отличаются.

Необычен дополнительный, неуставной, элемент внизу спинки рукояти – родовой герб (*камон*, 家紋). Герб изображает большой круг в середине и шесть кругов поменьше вокруг и называется «семь светил» (солнце, луна и пять планет) или «семь дней недели» (*ситиё*, 七曜 (しちよ)). Это родовой герб клана Танума (田沼家), который существовал с 1224 года. Последним представителем клана Танума был Танума Тадаси (田沼正, たぬま ただし), родившийся в 1882 г. и в 1900 г. унаследовавший титул виконта (子爵 (ししやく) *сисяку*)⁶ после смерти отца – члена палаты лордов виконта Танума Нодзومي (田沼 望, たぬま のぞみ). В 1920 г. Танума Тадаси отказывается от титула виконта и уходит служить. Хотя сведений о его биографии мало, но представляется возможным, что именно он был владельцем данной сабли, так как его возраст и положение в обществе позволяли иметь высокое офицерское звание, а титул главы клана мог оправдать монтаж родового герба на эфесе сабли.

Клинок однолезвийный, с ребром жесткости (*синоги*, 鎚) проходящим по всей длине, обух клиновидной формы с небольшим поднятием (*иори-хикуй-мунэ*, 庵低い棟), изгиб небольшой (2 см), сосредоточенный в нижней первой трети клинка (*сакидзори*, 先反り). Такой изгиб типичен для формы клинков, изготовлявшихся до XVII в., – древних мечей (*кото*, 古刀) (ил. 4).

На период изготовления до XVII в. указывает также мягкая, изящная подрезка хвостовика, выполненная в виде округлой вершины горы или, как ее еще называют, «контур каштана» – *курид-зири* (栗事理)⁷, типичная для старых мастеров.

На хвостовике клинка с левой стороны (внутренней при ношении лезвием вниз) имеется подпись мастера, состоящая из двух иероглифов *нидзи-мэй* (二字銘) – 廣次 (ил. 5), читающихся

Ил. 4. Изгиб клинка

Ил. 5. Хвостовик
с подписью Хироцугу

в имени как Хироцугу (廣 – устаревшая форма иероглифа 広⁸). Справочники по оружию говорят, что было 23⁹ или 22¹⁰ мастера, работавших под именем Хироцугу (廣次) в разное время в разных провинциях, охватывая практически всю Японию: Бидзэн, Тикудо, Этидзэн, Кага, Каи, Мусаси, Овари, Исэ, Сагами, Суруга, Тамба, Ямасиро, Хоки, Хидзэн.

Двухиероглифичная подпись была популярна в период «древних мечей» (кото, 古刀), в последующие эпохи к подписи имени кузнеца прибавляется место жительства, работы или звание, часто пишут и год создания.

Таким образом, уже по внешним признакам: форме клинка, изгибу, окончанию хвостовика и типу подписи можно однозначно отнести клинок к кузнечному периоду «древних мечей» (кото, 古刀), продолжавшемуся с X в. до 1596 г.

В интересующий нас период до XVII в. можно выделить десять мастеров: по одному работали в провинциях Бидзэн, Исэ, Кага и Мусаси, и целая династия из шести кузнецов жила в провинции Сагами. Такое количество мастеров с одинаковым именем затрудняет идентификацию изготовителя именно этого клинка. Поэтому важным подспорьем в атрибуции играет техника создания клинка. В данном предмете, в связи с особенностями получения и хранения, клинок покрылся равномерной темной патиной, полностью закрывшей структуруковки металла, поэтому определить традицию по технологииковки не представляется возможным. Однако прекрасно видимая линия закалки дает нам вероятность атрибуции автора. Линия закалки «хамон» на клинке выполнена высокими беспорядочными волнами, разными по высоте и форме, классифицируемыми как «высокие беспорядочные волны» *о-гуномэ-мидарэ* (大互の目乱れ) или *нотарэ-мидарэ* (湾れ乱れ). Еще одна особенность закалки – большие пятна закаленного металла, называемые *тобияки* (飛焼き), выше линии закалки, которые доходят практически до ребра – тенденция к максимальной закалке (*хитацура*, 皆焼) (ил. 6–8).

Ил. 6. Линия заковки с прыгнувшими пятнами

Ил. 7. Линия заковки

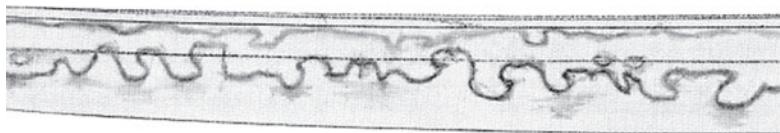

Ил. 8. Линия заковки

Эта необычная интерпретация смеси волнообразных элементов заковки с обильным количеством *тобияки*, разбросанных по всему клинку, восходит к кузнецам провинции Сагами (相模) периода Намбокутё (1336–1392 гг.) и позднее стала визитной карточкой традиции Сосю-дэн (相州伝), которая оказала влияние на кузнечные традиции других провинций.

В XIV в. наступает период раздела политической власти Японии на два лагеря: «северный» и «южный» двор (период Намбокутё), резиденция сёгуната переносится из Камакуры, которая находилась в провинции Сагами, в другие области: южный двор во главе с императорской династией обосновался в Ёсино, а северный двор с альтернативным императором Комё и поддерживающим его сёгуном Асикага Такаудзи (足利 尊氏) обосновывается в Киото. Киото становится центром политики и культуры, новые власти отдают предпочтение мечам, выкованным в традициях Бидзэн и Мино, которые становятся очень популярными среди самураев¹¹. Провинция Сагами постепенно приходит в упадок.

В этот период два великих кузнеца, считающиеся потомками и учениками величайшего японского кузнеца Масамунэ (正宗), работавшего в провинции Сагами в конце XIII – начале XIV вв., Хиромицу (広光) и Акихиро (秋広) развивают собственный стиль, более яркий и необычный, названный Сю-Сосю (末相州). Его особенностью стала высокая, беспорядочная,

Sōshū Hirotsugu (相州広次)

Ил. 9. Линия закалки Хироцугу 1-го из провинции Сагами

с крупным рисунком, стремящимся покрыть все лезвие, линия закалки с крупными яркими пятнами (*гуномэ-мидарэ* / *нотарэ-мидарэ хитацура*, 大互の目乱れ / 湾れ乱れ 皆焼)¹².

В XV в. (период Муромати) в этом стиле продолжают работать мастера Сю-Сосю, такие как Хиромаса (広正), Масахиро (正広), Ёсихиро (吉広), Сукэхиро (助広) и Хироцугу (広次). В «Нихон-кото-си» (日本新々刀史) говорится, что Хироцугу первого поколения был сыном, а Сукэхиро – учеником кузнеца по имени Ёсихиро (吉広), который переехал из провинции Ямато во второй половине периода Намбокутё (1336–1392 гг.) и освоил кузнечный стиль Сагами, добавив туда элементы традиции Ямато¹³.

Династия Хироцугу насчитывает шесть мастеров¹⁴, четырех из которых принято объединять в одну династию, и еще двух мастеров, работавших параллельно с ними:

1) Хироцугу, 1-е поколение (Бунна 文和, 1352-1356)¹⁵ – подписывался «Житель Сосю Хироцугу» (*Сосю дзю Хироцугу*, 相州住広次);

2) Хироцугу (Эйтоки 永徳, 1381–1384) – подписывался «Житель Сосю Хироцугу» (*Сосю дзю: Хироцугу*, 相州住広次), «Хироцугу» (広次). Сын Ёсихиро (吉広), упоминаемого выше. Его линия закалки наследовала отцовскую высокую волну, стремящуюся охватить все лезвие (*о-гуномэ-мидарэ, нотарэ-мидарэ с тенденцией к хитацура*)¹⁶ (ил. 9);

3) Хироцугу 2-го поколения (Оёй 応永, 1394–1428) – подписывался «Житель Сосю Хироцугу» (*Сосю дзю: Хироцугу*, 相州住広次), «Житель Симада Хироцугу» (*Симада дзю: Хироцугу*, 相州住広次) – сначала жил в Сагами, а потом работал в селении Самада (島田) провинции Суруга;

4) Хироцугу (Эйкуё 永享, 1429–1441) – подписывался «Житель Сосю Хироцугу» (*Сосю дзю: Хироцугу*, 相州住広次);

5) Хироцугу 3-го поколения (Бунмэй 文明, 1469–1487) – подписывался «Житель Сосю Хироцугу» (*Сосю дзю: Хироцугу*,

相州住広次), «Хироцугу» (広次), «Сделал житель Сосю Хироцугу» (*Сосю дзю: Хироцугу саку*, 相州住広次作), настоящее имя Итикава Тёбэй (市川長兵衛), известно, что он прожил очень долгую жизнь и что он все еще работал в период Эйсё (永正, 1504–1521). В «Словаре японских кузнецов» (*Нихон Токо Дзитэн*, 日本刀工辞典)¹⁷ ему был присвоен высокий ранг «Уровень работы выше среднего» (*тю-дзё-саку*, 中上作).

6) Хироцугу 4-го поколения (Тенбун 天文, 1532-1555) – подписывался «Житель Сосю Хироцугу» (*Сосю дзю: Хироцугу*, 相州住広次), «Хироцугу» (広次). Работал не только в Сагами, но и в провинциях Суруга, Кай, Мусаси, Хитачи и Исэ.

Из всех этих кузнецов двумя иероглифами подписывались Хироцугу сын Ёсихиро, Хироцугу 3-го поколения и Хироцугу 4-го поколения. Работы мастеров Хироцугу 3-го и 4-го поколения идентичны и даже по подписям сложно установить их авторство (ил. 10). Но некоторые черты написания иероглифа «次» в исследуемом мече и на хвостовиках Хироцугу 3-го или 4-го поколений имеют небольшие различия: так, верхняя правая черта имеет разные углы наклона, а «ножка» основной части иероглифа отличается длиной и изгибом.

Таким образом, можно предположить, что меч из коллекции ЦВММ имени императора Петра Великого не относится к работам этих мастеров.

Исходя из всего выше изложенного, представляется возможным, что автором данного меча является мастер Хироцугу, сын Ёсихиро, живший и работавший в Сагами в конце XIV – начале XV вв. (основной период работы 1381–1384 гг.)

Данное исследование не закрывает вопрос атрибуции, так как со временем возможны более масштабные и глубокие

Hirotsugu (広次・廣次)
Sue-Schödt, 3rd or 4th generation, differentiation difficult

Ил. 10. Подписи 3-го и 4-го поколений Хироцугу

исследования, которые создадут возможность более полной идентификации предмета. Наше изучение линии закалки позволило только приблизиться к установлению авторства и направлено на изучение японского холодного оружия и отдельных его особенностей. В своей статье мы постарались показать, что линия закалки *хамон* – важный элемент атрибуции японских мечей, представляя собой отличительную черту технико-технологичных традиций отдельных школ и мастеров, в частности, кузнечной традиции провинции Сагами и династии кузнецов Хироцугу.

¹ В японском языке слоги с глухими согласными озвончаются: «ха – ба» «фу – бу», и т. д.

² Суханов И. П. Японское оружие в фондах Центрального военно-морского музея. СПб.: «Петрополис», 2019. С. 74–75.

³ Фуллер Р. Японские мечи: энциклопедия японского оружия. М.: «Астрель»; «АСТ», 2008. С. 17.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Курсанина Н. Л. Символы на офицерском холодном оружии японской императорской армии периода Мэйдзи (1868–1912) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2023 г. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2023. С. 286.

⁶ Виконт (子爵 (ししゃく) сиякю) – четвертый из пяти титулов, используемых в современной Японии. При переводе в европеизированную систему титулов: герцог (公爵 (こうしゃく) ко:сяку), граф (侯爵 (こうろう-こうしゃく) сороко:сяку), виконт (子爵 (ししゃく) сиякю), барон (男爵 (だんしゃく) дансякю).

⁷ Nagayama Kokan. The Connoisseur's Book of Japanese swords. Token Kenma-jo. Tokyo, 1955. С. 68.

⁸ В 1947 была проведена реформа, упростившая написание 1850 иероглифов.

⁹ Hawley W. M. Japanese swordsmiths. Hollywood, Calif, 1966. С. 39–40.

¹⁰ Markus Sesko. Swordsmiths of Japan. 2015 Markus Sesko. С. 125–126.

¹¹ Nagayama Kokan. The Connoisseur's Book of Japanese swords... С. 201.

¹² Ibid. С. 200.

¹³ Honma Junji. Nihon-kotō-shi. The History of the kotō Era of Japanese Swords. С. 251.

¹⁴ Markus Sesko. Swordsmiths of Japan. С. 125.

¹⁵ В японской традиции пишется средний период работы мастера по императорскому японскому календарю (元号 гэнго). Ясно, что мастер работал в более широком временном диапазоне, но мы будем писать, как указано в исторических книгах с указанием названия периода правления).

¹⁶ В книге М. Sesko «Genealogies and Schools of Japanese Swordsmiths» его указывают как Хироцугу 1-го поколения, определяя его года работы периодом Бунна (文和, 1352–1356 гг.), поэтому выходит некоторая путаница.

¹⁷ Фудзисиро Ёсиро. Словарь японских кузнецов. «Нихон Токо Дзитэн» (яп. 日本刀工辞典) - 日本刀工辞典 新刀篇 - 国立国会図書館デジタルコレクション. С. 228.

О. Р. Кушнир (Санкт-Петербург)

**ДРАГОМИРОВСКИЕ «ОБСТРЕЛКИ»
(ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРМИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.)**

Противоречивость строительства вооруженных сил России в период правления Александра II заключалась в том, что, с одной стороны, необходимо было поднять армию на современный уровень военного дела, однако – с минимальными усилиями для скудной российской казны, с другой – требовалось сохранить от николаевской армии все, что признавалось Александром Николаевичем правильным и эффективным. Эта ситуация отразилась на принципах тактической подготовки войск и воспитания солдат, иллюстрацией чему – характерной и, пожалуй, самой известной и доступной – стали сочинения М. И. Драгомирова (1830–1905), написанные в 60–70-х гг. XIX в. Драгомиров официальные идеи разобрал до мелочей и подвел под них максимально возможные основания. Но, будучи человеком увлекавшимся, он, ни краешком ногтя не выходя за установленные рамки, стремился довести высочайше утвержденные взгляды до абсолюта и на этом поприще изобретал неожиданные и замысловатые новинки.

В 1872–1873 гг. в журнале «Военный сборник» Драгомиров опубликовал серию статей «По поводу некоторых сочинений и статей, вызванных последними двумя кампаниями» – т. е. войнами австро-прусской (1866 г.) и франко-прусской (1870–1871 гг.). В них он сделал акцент на склонности европейских армий к увеличению интенсивности стрельбы. Россия в военном отношении всегда следовала за передовыми странами Запада, так что ружейная «трескотня» немцев и французов могла стать дурным примером для русских военных и привела бы к «неумеренному», как было принято считать, расходу патронов.

Встревоженный этим обстоятельством, Драгомиров проводил мысль, что хорошо стреляет не тот, кто стреляет чаще, а тот, кто стреляет спокойнее. Кроме того, считал он, спокойный солдат быстрее и правильнее сможет под огнем перестроиться из рассыпного строя (для стрельбы) в сомкнутый, необходимый для штыкового удара – приема, в России объявленного главным для решения задач боя. Чтобы заблаговременно приучить солдат к спокойствию в бою под огнем, Драгомиров предложил обстреливать их: *«По окончании предварительного обучения, т. е. при производстве рекрута в солдаты, он подвергается последнему испытанию – в хладнокровии под выстрелами. Для этого он становится перед мишенью, хоть № 3-го; а стрелок, выбираемый, конечно, из отличных, стреляет в нее по сторонам испытуемого, со станка, поставленного от мишени шагах в пятидесяти. Выдержавший испытание удовлетворительно объявляется солдатом. Обряд этот, обставленный с некоторою торжественностью, составил бы посвящение рекрута в солдаты и, вместе с тем, наглядное его убеждение в том, что солдату не только стыдно, но [и] смешно бояться звука пули. При самом небольшом внимании подобную обстрелку можно обратить в молодецкую потеху, которую солдат полюбит бы. Повторять обстрелку следует ежегодно с офицерами и со старыми солдатами, уделив на нее хоть пять патронов из положенного на человека отпуска»*¹.

Отклики последовали практически сразу же. В газете «Московские ведомости» за 4 июля 1873 г.² была помещена статья «Monstrum horrendum обучения войск» В. Волоцкого, который категорически восстал против обстреливания солдат, заявив, что это резко повысит число несчастных случаев на войсковых занятиях. В самом «Военном сборнике» в июне 1873 г. против предложения Драгомирова выступил автор, подписавшийся аббревиатурой «З-ъ». Он заявил: непонятно, что Драгомиров понимает под словом «удовлетворительно», можно, например, бледнеть, или нет; на пятидесяти шагах свиста пули не слышно; такое «воспитание» не только не закалит солдат, ибо каждый следующий обстрел заставит человека бояться вновь, но даже даст обратный эффект, так как постановка к щитам и приготовление к выстрелу может напомнить солдатам церемонию расстрела³.

Драгомиров не терпел противоречия, особенно в области, где претендовал быть главным российским специалистом: воспитании солдата и, говоря современным языком, военной психологии.

Ил. 1. Прицельный станок, употреблявшийся в русской армии в XIX в. 1879–1882 гг. ВИМАИВиВС

Поэтому он ответил в своей манере – едкой, насмешливой, с переходом на личности. Он посмеялся над «пугливым» Волоцким (которого свысока назвал «г. В.») на тему несчастных случаев, объяснив названные 800 чел. в год плодом воображения Волоцкого, и одновременно попытался доказать, что возможная гибель при обстреливаниях – столь же обычное явление, как и несчастные случаи при прохождении других видов военной подготовки⁴. «З» Драгомиров ответил в том смысле, что если кто может предложить лучший метод воспитания – пусть предложит, и был еще нетерпимее по тону. Возможно, поэтому ответ Драгомирова «З» был опубликован только двадцать лет спустя⁵.

Драгомиров, за которым, казалось бы, осталось последнее слово, долго не мог успокоиться и вернулся к теме в статье «Армейские заметки», помещенной в мартовском номере «Военного сборника» за 1874 г., вновь пройдясь по «З». Однако единодушие противников явно обескуражило Михаила Ивановича: на сей раз он подписал «Заметки» не своим именем, как раньше, а инициалами «N.N.»⁶ Обстреливания он отстаивать не перестал, но с ощутимо меньшим пылом, причем ему пришлось

признать: «Польза их применения признается пока весьма немногими»⁷. Кем именно – Драгомиров умолчал.

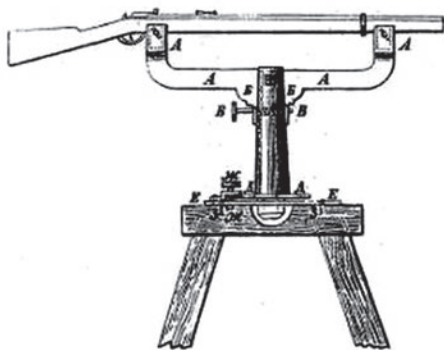
Резкость Драгомирова по отношению к «З» понятна, ибо тот попал в самое уязвимое место. Драгомиров до того времени не был ни в одном бою – в отличие от «З»: в статье последнего содержится намек на то, что автору приходилось стоять в строю под обстрелом. *«Не знаем, участвовал ли когда-нибудь в бою г. Драгомиров; если же участвовал, то мог бы заметить, что даже старые, обстрелянные в действительных сражениях солдаты иногда при свисте пуль бледнеют, инстинктивно дергают головой»*⁸. Будучи последователен (и упрям) и выполняя правило, которое он ставил во главу угла: в обучении главное – показ, Драгомиров уже в должности начальника 14-й пехотной дивизии решился провести эксперимент на себе самом.

«Военная энциклопедия» издательства Сытина говорит об этом так: *«Приучая себя к самообладанию и спокойствию под пулями, Драгомиров, для примера своей дивизии, становился в Бендерском лагере около мишеней и приказывал обстреливать их лучшим стрелкам»*⁹. По множественному числу можно понять, что подобные обстреливания самого себя Драгомиров устраивал неоднократно, и чуть ли на виду у всей дивизии. При этом воспоминания о нем, изданные в России до революции, ни намеком не упоминают об этих обстреливаниях. Подробных историй полков 14-й пехотной дивизии, в которых могли бы найтись следы «обстрелок», составлено не было. Лишь В. А. Сухомлинов коснулся обстреливаний в своих воспоминаниях, изданных в 1924 г., в эмиграции: *«Очень много толковали тогда о том, что Михаил Иванович Драгомиров стал у мишени и одному из хороших стрелков приказал обстрелять свою фигуру вокруг, сажая пули на некотором расстоянии одну от другой»*¹⁰.

Получается, что «обстрелка» была, все же, одна. Однако из слов Сухомлинова нельзя понять ни характера обсуждений драгомировского эксперимента, ни реакции начальства, ни впечатлений очевидцев и самого Драгомирова, ни даты проведения им самообстреливания. Ответить на эти вопросы отчасти позволяет документ, обнаруженный нами в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург). Его мы помещаем в конце статьи.

Неизвестно, как помог Драгомирову бендерский опыт во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Во всяком случае,

в его «Учебнике тактики», изданном в 1879 г., предложения обстреливать солдат нет. Более того, критики заметили: Драгомиров в «Учебнике» рекомендовал военным приучать свою мысль «в готовности на смерть», но каким способом – не сказал¹¹. Все же от идеи воспитательных обстрелов Драгомиров не отказался: в 1886 г. в статье «Подготовка трех родов оружия к взаимной

Ил. 2. Прицельный станок, употреблявшийся в русской армии в XIX в. Из «Наставления для обучения стрельбе» 1879 г.

выручке» он вновь предложил готовиться к смерти, и вновь – не в основном тексте, а в приложенной таблице – «обстреливание одиночных людей с 50 шагов со станка отличными и, главное, спокойными стрелками»¹². Судя по всему, это было в последний раз. Драгомиров продолжал утверждать необходимость «воспитания спокойствия» и «приучения к опасности» до конца своих дней, но – абстрактно, без предложений конкретных приемов. Также нет сведений, чтобы он устраивал индивидуальные обстреливания себя или кого-нибудь другого в бытность командующим войсками Киевского округа (1889–1903 гг.).

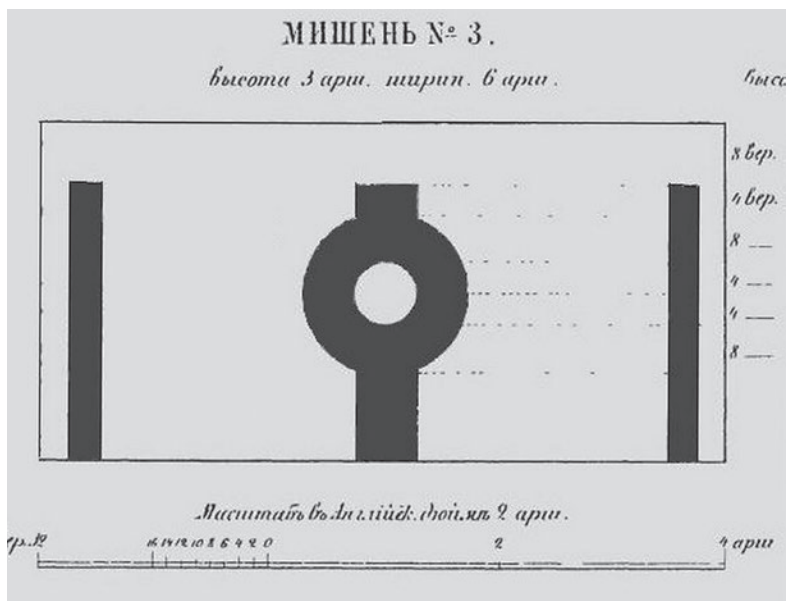
Помимо сомнительной воспитательной ценности, можно предположить, какие причины не позволили ввести драгомировские «обстрелки» в войсковую практику. В июне 1877 г. офицер 5-го драгунского Каргопольского полка на стрельбище случайно застрелил трубача, причем винтовочную пулю разорвало, и в трубача попала ее часть¹³. В 1884 г. сразу два случая произошло в Одесском военном округе: в 13-м стрелковом батальоне был убит «махальный» – солдат, на стрельбище показывавший попадания и промахи по мишеням¹⁴; в 60-м резервном пехотном кадрам батальоне от случайного выстрела погиб унтер-офицер, проверявший зарядание винтовок¹⁵. Приведенные происшествия были «избранными», сложными с юридической точки зрения, что позволяет предположить: гибель или ранения пулями на

занятиях в русской армии происходили несколько чаще. Если же прибавить к ним травмы и увечья, регулярно получавшиеся солдатами на гимнастических снарядах, а в кавалерии – и при верховой езде, то общее число за год вполне могло достигать осмеянной Драгомировым цифры в 800 человек.

Распространению обстреливаний в армии препятствовали личные качества их инициатора. Уважение к Драгомирову как к заслуженному генералу и писателю соседствовало с юмористическим отношением к его «чуждачествам». (Чтобы убедиться в последних, достаточно прочесть его приказы по 14-й дивизии накануне переправы через Дунай в 1877 г. Позже, когда Драгомиров был командующим войсками Киевского округа, офицеры потешались над «Мишкиными» «курбетами а-ля Суворов»¹⁶.) Эксцентричность речей и поступков только утверждала современников в сознании того, что учителем Драгомиров был слабым. «Учебник тактики» стал единственным учебным пособием, которое ему удалось издать при жизни, и написан он был в такой форме, что рецензенты недоумевали: учебник это или книга для чтения? – и заявляли, что учиться по нему самостоятельно, без помощи преподавателя, невозможно¹⁷. (Злые языки говорили, что Драгомирову пришлось самому распродавать – «цена 3 руб. с пересылкою, безденежные требования удовлетворяемы не будут» – тираж «щегольски» изданного «Учебника» молодым офицерам¹⁸.)

Наконец, взгляды Драгомирова на разные вопросы военного строительства из года в год становились все более отсталыми, критика их не ослабевала. Так что чем дальше, тем менее «обстрелки» по-драгомировски становились возможны к введению во всей русской армии.

Мы предлагаем вниманию читателя фрагмент письма М. И. Драгомирова И. Ф. Тутолмину, который позволим себе предварить некоторыми комментариями. Драгомиров знал Тутолмина, конечно, по Академии генерального штаба, которую Тутолмин окончил в 1862 г.; Драгомиров в это время был преподавателем тактики в академии. Великий князь, упомянутый в документе, – очевидно, Николай Николаевич – Старший (1831–1891), в 1874 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, генерал-инспектор кавалерии.

Ил. 3. Мишень № 3. Из «Наставления для стрелкового образования пехоты и драгун» 1866 г. Мишень № 3 – щит высотой 3 и шириной 6 аршин (213 x 426 см), изображавший сомкнутое подразделение противника. Отменена в 1879 г.

Полковник, впоследствии генерал, Иван Федорович Тутолмин (1837–1908) основную часть своей службы провел в кавалерии, состоял при Николае Николаевиче, являлся воспитателем его детей и попечителем младшего сына, Петра, т. е. был близок к княжеской семье. Драгомиров же пользовался благосклонностью Николая Николаевича, который, видя чудачества Драгомирова, все же старался использовать таланты Михаила Ивановича в интересах армии¹⁹. Желая оставить свой эксперимент в тайне, Драгомиров прибегает к покровительству великого князя недаром: ситуация, когда генерал становится к стенке, а нижний чин стреляет *в его сторону*, пусть и по прямому генеральскому приказанию, вопиюще расходилась с дисциплинарными принципами русской армии. Видимо, это и послужило причиной отсутствия упоминаний об «обстрелке» при жизни Драгомирова. Видно также, что просьбу отрицать факт обстреливания Тутолмин выполнил: статья в «Военной энциклопедии» в 1912 г. практически

повторяет мысль газетной статьи 1874 г. – в том виде, в котором эту мысль передал в письме Драгомиров.

Была у Драгомирова и другая причина искать великокняжеской милости. Несмотря на деланое презрение к «статейке», в главном «бендерский штатский» был прав. В 1873 г. инспекция выявила «весьма неудовлетворительную» стрелковую подготовку в войсках 14-й дивизии, но и в 1874 г. положение не изменилось. Глазомерное измерение расстояний проводилось «более на бумаге, чем на практике»; прицеливание с руки было крайне слабым – «встречались люди, совершенно не умеющие взять прицельную линию»; спуск курка выполнялся неправильно²⁰. Общий балл за стрельбу полков 14-й дивизии в 1874 г. – «посредственно», она была причислена к четвертому, самому низкому, разряду по стрельбе, и из тридцати одной проверявшейся дивизии заняла 26-е место²¹.

Разговор с унтер-офицером – вынужденная мера, но отчасти свидетельствует как о чудачестве, так и об идеалистических представлениях Драгомирова того времени в области солдатской психологии: какой нижний чин, да еще в присутствии командира полка, отважится сказать генералу в лицо о своем негативном отношении? Сам Драгомиров впоследствии утверждал, что русский солдат «иногда смеет» заявлять претензии²².

Присутствие штабс-капитана Остапова доказывает, что Драгомирову подобрали не только лучшего стрелка, но и лучшую винтовку, и лучшие патроны, ибо в обязанности «заведывающего оружием» входили ремонт оружия, наблюдение за содержанием оружия в ротах, хранение оружия, хранение и приготовление патронов («Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск» 1871 года). Это было тем более важно, что в 1874 г. оружие в 14-й пехотной дивизии содержалось плохо: на винтовках были сбиты мушки, в каналах стволов стерты нарезы, имелись раковины и ржавчина. Из пяти осмотренных инспекцией в 53-м пехотном Волынском полку винтовок три (!) оказались не пристреляны – «разбрасывали» пули далее двух вершков (1 вершок $\approx 4,45$ см – *О. К.*) от точки прицеливания²³. Кроме того, заведующий оружием следил за приготовлением и установкой мишеней.

Драгомирова обстреливали, скорее всего, из 6-линейной винтовки Крнка: в отчете инспекции 1874 г. у солдат пехотных полков Одесского округа упомянуты только винтовки Крнка; винтовки Бердана не упоминаются²⁴. Кроме того, даже в начале

Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в стрелковых ротах были винтовки Крнка с прицелом на 1200 шагов²⁵. Разрывы пуль, которые столь небрежно признает Драгомиров, случались довольно часто, потому что пули для патронов к винтовкам Крнка поначалу продолжали по старинке отливать, причем в многогнездных формах; только через несколько лет перешли к штамповке. Отлитые в таких формах пули были наименее качественны и наиболее подвержены разрывам. Нареканий на разрывы пуль к 4,2-линейным винтовкам Бердана не было, вероятно, потому, что эти пули отливали в одногнездных формах²⁶, однако пули Бердана часто срывались с нарезов²⁷. К случаю в Каргопольском полку можно прибавить целое дело, которое в конце 1877 – начале 1878 г. разбиралось оружейным отделом Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления: о разрыве при стрельбе стволов 27 (!) винтовок в полках 30-й пехотной дивизии. Оказалось, что часть застрявших в стволах пуль при выстреле разорвало²⁸.

Еще одной причиной беспокойства Драгомирова во время эксперимента могло стать качество прицельных станков, которые в 14-й дивизии были «дурно устроены и не в достаточном количестве»²⁹.

Письмо датировано 24 сентября 1874 г. Летние 1874 г. сборы войск Одесского военного округа под Бендерами проходили с 5 августа по 24 сентября. Батальонные учения с боевыми патронами и артиллерии с боевыми зарядами проводились 28–29 августа 1874 г., причем каждый из четырех пехотных полков 14-й дивизии формировал один сводный батальон³⁰; таким образом, в каждый день обучалось по два батальона. Стало быть, в один из этих двух дней и состоялась «обстрелка» Драгомирова. Скорее всего, 28 августа: Волынский полк по старшинству был первым в 14-й дивизии, и по принятым в армии обыкновениям батальону от этого полка, вероятно, учение было проведено в первый день. Кроме того, потерявший терпение Драгомиров, безусловно, устроил эксперимент в первый же подходящий момент.

* * *

«Глубоко тронут тем, что в[еликий] к[нязь] удостоил сказать насчет дивизии; но если он так думает, то почему же не приехать посмотреть? А насчет того, что плохо стреляют, то в[еликий] к[нязь] был, очевидно, введен в заблуждение газетной статейкой,

пущенной каким-нибудь бендерским штатским. Так как это уже разболтано, то не стану отрицать, чтобы ничего подобного не было; но было-то не совсем так. Вам сообщаю, как было действительно, но с покорнейшею просьбою не трубить об этом, и даже при случае говорить, что это вздор, что, мол, на Драгомирова брехали немало, возможно, сбrehали еще раз и, конечно, не в последний. В[еликого] князя, которому доложите, как действительно было, позволяю себе просить о приезде, ибо это я делал не для рекламы, а вышла реклама, что мне очень больно и неприятно.

Вот как было: после учения с боевыми патронами и зарядами батальону Волынского полка с батареей батальон пошел учением назад к лагерю; оставлен был только у[нтер-] о[фицер] Петров, 1-й стрелковой роты, выбранный по моему предварительному приказанию как хороший стрелок и человек, не способный ошалевать. Был также приготовлен станок в 50 шагах от мишени; оставлен, кроме того, командир полка полковник Родионов и завед[ывающий] оружием ш[табс-] к[апитан] Остапов – оба люди не плюсуны – почтенные, одним словом, люди. Ошибка была в том только, что батальон и присутствовавшие на учении ушли не далее 100 шагов, следовательно, некоторые могли видеть. Но больше терпеть было невмочь. Начал я с того, что подошел к Петрову и спросил, не имеет ли он против меня вражды или злобы? (Тут слеза прошибла, и захватило дух.) «Никак нет, в[аше] п[ревосходительст]во!» – «Не ошалеваешь ли когда-нибудь?» – «Никак нет, в[аше] п[ревосходительст]во!» – «Знаешь, как нужно исполнять приказания начальства?» – «Что прикажут, то и должен исполнить, в[аше] п[ревосходительст]во!» – «Ну так вот: я стану у мишени и покажу тебе, куда ты должен стрелять; ты и стреляй со станка» – «Слушаю, в[аше] п[ревосходительст]во!» Затем стал к середине мишени № 3 и приказал всадить три пули левее меня и столько же правее на $\frac{1}{4}$ аршина³¹ в сторону. Как видите, ничего тут особенно опасного нет, а между тем, практика в самообладании есть, ибо все-таки остается опасение: ну, а если заденет? Да иногда и будет задевать, потому, в особенности, что рвет некоторые пули. Но что сделать? Где дрова рубят, там щепки должны лететь. Нет такого дела, кроме игры в бирюльки и военного (? – О. К.), которому можно было бы выучиться, не рискуя собою отчасти, а иногда и вполне. Кто хочет [достичь] цели, должен мириться со средствами, к ней ведущими. А если мы такая слякоть, что и отдаленной опасности выносить не можем, на

что же мы годимся? Да, я не кончил. После обстрела я поцеловал Родионова и Остапова за товарищескую услугу, затем подошел к Петрову, сказал ему спасибо за хорошую стрельбу, сказал еще, что он теперь мне «дядькой» приходится, и рубль серебра за хорошую стрельбу дал. Во время же учебной стрельбы никогда перед мишень[ю] не становился, и это было бы действительно глупо, ибо нужно приучать себя к мысли о смерти, но лезть на смерть, от которой никому никакой пользы не будет – абсурд. Засвидетельствуйте мое глубокое почтение в[еликому] к[нязю] – батюшке и в[еликим] к[нязьям] – сыновьям»³².

¹ Драгомиров М. По поводу некоторых сочинений и статей, вызванных последними двумя кампаниями // Военный сборник. 1873. № 4. Ч. I. С. 281.

² Все даты приводятся по старому стилю.

³ З-ь. По поводу статьи г. Драгомирова, помещенной в 4 № «Военного сборника» за 1873 г. // Военный сборник. 1873. № 6. Ч. I. С. 285, 286.

⁴ Заметка на «Monstrum Horrendum» г. В. в № 166 «Московских ведомостей» 1873 г. // Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1858–1881. Т. 1. СПб., 1881. С. 614.

⁵ Военные заметки // 14 лет. 1881–1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. СПб., 1895. С. 14–16.

⁶ Инкогнито раскрыто во втором томе «Сборника оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1858–1881» (СПб., 1881).

⁷ Армейские заметки // Военный сборник. 1874. № 3. Ч. I. С. 44.

⁸ З-ь. По поводу статьи г. Драгомирова, помещенной в 4 № «Военного сборника» за 1873 г. С. 285.

⁹ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 9. С. 204.

¹⁰ Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин: Русское универсальное издательство, 1924. С. 16.

¹¹ Библиография // Военный сборник. 1879. № 11. Ч. II. С. 18.

¹² Подготовка трех родов оружия к взаимной выручке // Военный сборник. 1886. № 1. Ч. I. С. 56.

¹³ Избранные решения Главного военного суда // Военный сборник. 1879. № 10. Ч. II. С. 220.

¹⁴ Избранные решения Главного военного суда // Военный сборник. 1885. № 1. Ч. II. С. 46.

¹⁵ Избранные решения Главного военного суда // Военный сборник. 1886. № 3. Ч. II. С. 37.

¹⁶ Граф Адам Ржевуский. Листки воспоминаний о Михаиле Ивановиче Драгомирове // Разведчик. 1913. № 1172. С. 250.

¹⁷ Библиография... С. 16; Н. Лачинов. Несколько слов об «Учебнике тактики» г. М. Драгомирова // Русский инвалид. 1879. № 216 (5 октября).

¹⁸ Из воспоминаний М. И. Венюкова. Кн. 3 (1877–1884 гг.). Амстердам, 1901. С. 99; Русский инвалид. 1879. № 167 (1 августа).

- ¹⁹ Андреевский Е. К. Из воспоминаний о М. И. Драгомирове // Русская старина. 1907. Т. 138. № 4. С. 91, 94, 96; В. Сухомлинов. Воспоминания. С. 16.
- ²⁰ Выдержки из отчетов о проверке в 1874 г. занятий по обучению стрельбе в частях войск Одесского военного округа // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1903. С. 230–232.
- ²¹ Отчет о смотрах стрельбы, произведенных в 1874 г. в некоторых пехотных и драгунских полках, расположенных в Финляндском, Виленском, Варшавском, Киевском, Одесском, Харьковском, Московском, Казанском и Кавказском округах, и стрелковых батальонах (за исключением 4 туркестанских) // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1903. С. 117–119.
- ²² Ответ «Старому офицеру» // 14 лет. 1881–1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. СПб., 1895. С. 299.
- ²³ Выдержки из отчетов о проверке в 1874 г. занятий по обучению стрельбе в частях войск Одесского военного округа. С. 232, 233.
- ²⁴ Отчет о смотрах стрельбы, произведенных в 1874 г. в некоторых пехотных и драгунских полках... С. 113.
- ²⁵ О вооружении турок // Русский инвалид. 1877. № 247 (10 ноября).
- ²⁶ Перечень занятий оружейного отдела Артиллерийского комитета // Оружейный сборник. 1876. № 1. С. 24–26.
- ²⁷ Материалы к вопросу о срывах пуль с нарезов // Оружейный сборник. 1878. № 4. С. 45–47; Опасения за новый ружейный порох вследствие принятия для него бурого угля // Оружейный сборник. 1879. № 1. С. 7–9; Материалы к вопросу о срывах пуль с нарезов // Там же. С. 33, 36, 38, 43, 44, 49–51, 64.
- ²⁸ Перечень занятий оружейного отдела Артиллерийского комитета. С. 33–34.
- ²⁹ Выдержки из отчетов о проверке в 1874 г. занятий по обучению стрельбе в частях войск Одесского военного округа. С. 231.
- ³⁰ Из пехоты кроме 14-й дивизии в сборах принял участие Бендерский крепостной батальон, однако не сказано, что ему проводилось учение с боевой стрельбой (Г. Б. Лагерный сбор под Бендерами // Военный сборник. 1875. № 1. Ч. II. С. 33, 41).
- ³¹ Около 17,5 см.
- ³² РГИА СПб. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 16. Л. 180, 181.

С. С. Лебедева (Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРЕДСТВАМИ ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В едущим фактором социальной защиты военнослужащих во второй половине XIX – начале XX в. выступала система военного образования, не только готовящая высококлассных специалистов, профессионалов, но и позволяющая им после завершения военной службы быть полезными Отечеству в различных сферах государственной и общественной жизни.

К середине XIX в. система военного профессионального образования благодаря военному министру генералу-адъютанту Милютину и передовым ученым того времени, привлекаемым к работе Военного министерства, приобрела ясные очертания и представляла из себя структуру, включающую типы учебных заведений, которые были выделены в соответствии с Постановлением о военно-учебных заведениях. В эту структуру входили академии: Николаевская, Генерального штаба, Михайловская, Артиллерийская, Николаевская инженерная, Военно-юридическая. Отдельно выделялся Пажеский корпус, обеспечивающий высший уровень военного профессионального образования.

В состав военных училищ были включены: Пехотное, Николаевское Артиллерийское, Николаевское инженерное, Военно-юридическое, Военно-топографическое, а также военные гимназии, военные прогимназии, специальные школы Артиллерийского ведомства.

В блок учреждений входили: Императорская медико-хирургическая академия, Финляндский кадетский корпус, военно-фельдшерские курсы, Петербургские курсы при второй Петербургской военной гимназии, учительская семинария военного ведомства¹.

Из перечисленных военных учреждений большинство отличалось традициями, на протяжении десятилетий выполняло четкие намеченные задачи, имело опыт образования, не уступающего европейским стандартам, и даже в каких-то направлениях превосходящий его. В то же время создавались совершенно новые образцы учреждений, востребованных временем.

Если деятельность перечисленных профессионально-образовательных учреждений нашла хотя бы частичное отражение в печати, то деятельность некоторых не было уделено внимания, хотя их создание было актуально с позиции рассматриваемой нами общей проблемы².

В состав учреждений выше названного постановления входили военно-фельдшерские школы, которые предназначались для подготовки медицинских и аптечных специалистов в системе военного ведомства. Эти школы состояли из 4 классов, принимались учащиеся 13–17 лет из круглых сирот, сирот погибших воинов или умерших от ран, а также дети увеченных от ран в военное время, сыновья военнослужащих, состоящих под покровительством комитета о раненых, сыновья лиц, имеющих знаки отличия, военные ордена, сыновья унтер-офицеров, сыновья рядовых.

В военно-фельдшерские школы также принимались приходящие ученики без различия сословий от 13 до 18 лет при хорошей успеваемости и нравственности. При этом требовались метрическое свидетельство о рождении и крещении, медицинское свидетельство, увольнительная, свидетельство от общества, к которому был приписан отец, и его послушной список.

Система образования в военном учреждении предполагала строгий контроль со стороны врача, наблюдение за сохранением здоровья воспитанников, служащих учреждения и их семей. Уделялось внимание надзору за гигиеническими условиями, медицинскому осмотру всех воспитанников (не только больных), а также лечению заболевших.

Учительская семинария военного ведомства готовила учителей для военных прогимназий. При реализации общей программы обучения особое внимание уделялось русскому и церковнославянскому языкам, пению, игре на скрипке. Окончившие семинарию могли служить учителями, священниками семинарии, при этом получали чин государственного секретаря.

Военные прогимназии ставили своей задачей вооружать учащихся общеэлементарным образованием и воспитанием сыновей

офицеров и чиновников военного ведомства, служить подготовкой для поступления в юнкерские училища или другие структуры военного ведомства.

«Исторический очерк военно-учебных заведений» за 1881–1891 гг. указывает на значительный рост как военных гимназий, содержащихся по сокращенному штату, так и учебных заведений, учрежденных исключительно для приходящих учеников. Увеличилось число военных прогимназий, их стало восемь. В этот период начинает работать шестнадцать юнкерских училищ. Учрежден Донской кадетский корпус, преобразованный из бывших прогимназий. Увеличилось число военных учреждений за счет пожертвований частных лиц, среди которых преобладали бывшие военные. Повысился авторитет военно-учебных заведений³.

С начала 70-х гг. XIX в. образовательная деятельность военного ведомства начинает значительно развиваться за счет деятельности Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ). Именно на этой базе растет потенциал военного педагогического образования, привлечение к теоретической и практической деятельности известных ученых того времени. Ставится вопрос о всестороннем развитии воспитанников военных гимназий, уделяется внимание проблеме здоровья, разрабатывается система физического воспитания, опирающаяся на последние данные анатомии, физиологии, психологии и других наук.

В целях обеспечения страны высокопрофессиональными кадрами Военный министр генерал-адъютант граф Милютин приглашает на работу в ГУВУЗ авторитетного ученого, специалиста в области анатомии, физиологии, хирургии Петра Францевича Лесгафта. Для решения актуальной для того времени задачи разработки системы физического воспитания ученый был командирован в учебные заведения Западной Европы и имел возможность изучить опыт тринадцати государств. В результате ученым было написано исследование «Приготовление учителей гимнастики в Западной Европе» и разработана собственная оригинальная система физического воспитания, которая была апробирована автором во 2-й Петербургской военной гимназии. Труд «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста» стал новой теоретико-практической вехой в педагогической науке и был рекомендован для использования в деятельности учебных заведений всех уровней.

П. Ф. Лесгафт изучал физическое и духовное развитие ребенка с целью всестороннего гармонического его воспитания⁴. Труды П. Ф. Лесгафта во многом определили задачи, содержание и условия организации жизни воспитанников в военно-учебных заведениях. Именно им было инициировано создание Музея ГУВУЗ, что позволило видеть в динамике развитие образования в различных военно-профессиональных структурах.

Особое внимание уделяется развитию образовательной среды как для обучающихся, так и для преподавателей, придается значение музею внутри учебного заведения. Идея его создания объясняется потребностью показать связь времен и открыть возможности для стратегии развития учреждения, программ и, в конечном счете, – будущей профессии военного специалиста. Этой же цели служит и библиотека, не только расширяющая профессиональный кругозор, но и способствующая становлению высококультурного всесторонне развитого человека.

Высокий научный уровень преподавания обеспечивался потенциалом физических и химических кабинетов, оснащенных в соответствии с последними требованиями науки и практической деятельности. Военные лаборатории, кабинеты черчения и рисования позволяли подготовить многогранного специалиста, оперативно реагирующего на изменяющиеся условия, требующие таких качеств для военной службы как активность, самостоятельность, инициативность.

На протяжении ряда лет складывается опыт защиты военнослужащих, но он в большей степени опирался на религиозно-нравственные основания и требования выполнения служебного долга. Накал общественной жизни с начала шестидесятых годов обострил проблему защиты личного достоинства. Особенно это проявилось на примере рассмотрения «следственного дела о жестоком обращении с нижними чинами» подполковника Ждан-Пушкина, командира 12-й артиллерийской бригады⁵.

Расширяющиеся территории на востоке и юге страны требовали образовательных структур и форм, отвечающих потребностям военной службы в новых условиях и запросам местного населения, во многом определяющего их быт, условия проживания и даже возможности социокультурного развития.

Передовая общественность середины XIX в. в России уделяла большое внимание развитию образования населения на всех территориях, при этом активно взаимодействовали

с населением военные округа под руководством военных губернаторов. Появление новых земель на юге и востоке государства поставило новые задачи не только перед местной властью, но и перед органами самоуправления и потребовало новых инициатив во всех сферах жизни, в том числе и в образовании населения.

Ряд документов свидетельствует о серьезной государственной политике в данной сфере. Развитие образования на юге России в середине 50-х гг. XIX в. шло довольно успешными темпами, чему способствовала государственная политика и активное привлечение к общественной жизни местных национальных сообществ.

При кавказских линейных батальонах с 1859 г. проходили обучение в школе военных воспитанников по 50–100 человек от каждого батальона. Суммы на обучение поступали от кавказского интендантского отдела и местного самоуправления. Именно местные сообщества часто выступали инициаторами сбора средств на образовательные учреждения. Так, например, по положению, утвержденному императорским указом в 1859 г. черноморской дирекцией, были открыты учебные заведения в Ставрополе. В Ейске по желанию городского общества, которое пожертвовало 1500 р., начало действовать женское училище. При этом общественность города брала на себя дальнейшее содержание, для чего установила особый сбор, чтобы при выпуске из учреждения сироты получали 200 р. на всепомоществование⁶.

Князь Сергей Васильчиков пожертвовал в пользу Закавказского девичьего института 20 000 р. серебром, чтобы на проценты содержались дочери офицеров Ширванского пехотного полка. В эти годы произошло преобразование Закавказского девичьего института, который увеличил количество своих воспитанниц до 150 человек и прибавил 30 новых своекоштных пансионеров.

На благотворительные действия всегда откликалась попечительница при управлении женскими учебными заведениями Елизавета Ксавьерьевна Воронцова, которая принимала активное участие в развитии данных учебных заведений. Она способствовала открытию пансионата Святой Нины в Тифлисе, Кубани и Шелюсе, а также Святой Рижии в Ереване, Святого Александра в Ставрополе. В память мужа С. Воронцова она выделила дополнительно 200 000 р. на образование.

Освоение новых территорий на востоке России, в основном в Туркестане и Оренбургской губернии, потребовало подготовки специалистов, знающих местные языки. В связи с этим в военных

гимназиях были отобраны воспитанники, говорящие на местном наречии, для подготовки из них переводчиков с персидского и татарского языков, начиная с 3 класса. Дополнительно были организованы двухгодичные курсы. Для обучающихся назначали сопровождающих («дядьки» из лиц, говорящих на местном языке и надежной нравственности). При этом выделялась дополнительная плата на общее наблюдение за ходом теоретических занятий и практической подготовки будущих переводчиков. После успешного окончания курса воспитанники получали аттестат и звание переводчика. Перед отправлением по месту службы им выдавалось пособие на общую сумму 100 р., а также отпускались деньги на прогонные на две лошади до места назначения. Расходы осуществлялись за счет сумм Главного управления ГУВУЗ.

В начале 1870-х гг. растет внимание к «униженным и оскорбленным», в том числе и военной службой. Активизируется деятельность попечительского комитета о тюрьмах. Появление труда В. Н. Никитина «Быт военных арестантов в крепости» приоткрыло картину организации жизни осужденных, в прошлом проходивших военную службу⁷. Автор поставил вопросы, волнующие общество того времени: о военном суде, о необходимости обучения и организации труда заключенных. Он считал, что арестованные должны быть заинтересованы в труде и он должен быть оплачиваемым. Приведены данные по полученному в прошлом образованию группой военных арестантов, которые находились в поле исследования автора, было выявлено, что учились в гимназиях – 7 чел., в семинариях – 6, в уездных училищах – 20 чел. Один заключенный был кандидатом Дерптского университета. В. Н. Никитин делает вывод о необходимости защиты личного достоинства военных арестантов такими важнейшими средствами как образование и трудовая оплачиваемая деятельность. В этот период А. А. Наумов рассматривает тему «права военнослужащего как воина и гражданина»⁸.

В начале XX в. полковник А. В. Жиркевич, военный следователь Виленского военного округа, на материале многолетнего изучения мест заключения военного ведомства в России публикует свой труд под названием «Пасынки военной службы». Исследование А. В. Жиркевича ставит ряд актуальных вопросов⁹.

В соответствии с темой статьи мы останавливаемся на вопросе социальной защиты в аспекте сохранения осужденным здоровья и обеспечения достойного образа жизни. Автор указывает

на необходимость создания обстановки, отвечающей следующим санитарно-гигиеническим требованиям. При поступлении на гауптвахту арестованного немедленно необходимо остричь и отправить в баню. Помещение должно быть удобным и иметь приспособление для вентиляции, необходимы бани с дезинфицированными камерами, чтобы арестованные могли часто мыться, одежда вновь прибывших должна дезинфицироваться. Осмотр арестованных медицинским персоналом должен осуществляться каждую неделю, не только заболевших. Необходимо обеспечить посещение арестованных священником. Предусматривать прогулки в разное время года. Создать возможности для трудовой деятельности, обучать мастерству. В целях перевоспитания осужденного необходимо содействовать его образованию, для чего необходимо иметь библиотеку, возможность выписывать новые книги и журналы.

Подводя итоги деятельности военного ведомства по осуществлению социальной защиты военнослужащих средствами образования, следует отметить глубокий гуманистический характер этой деятельности, теоретическую основательность в соответствии с научным потенциалом той эпохи, многоаспектность в связи с протяженностью территории Российской империи, многонациональным и конфессиональным составом населения, лучшими традициями военной службы и отечественной культуры.

¹ Постановление по военно-учебным заведениям. СПб., 1871.

² Исторический очерк военно-учебных заведений. СПб., 1881–1891. Т. 4. С. 16–18.

³ Градский Г. Д. Михайловское артиллерийское училище и академия в XIX столетии. СПб., 1905. Т. 4.

⁴ Лесгафт П. Ф. Собр. соч. М.: «Физкультура и спорт», 1951. Т. 1. С. 3.

⁵ АВИМАИВВС. Ф. 15. Оп. 108/1. Д. 52.

⁶ Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857–58–59 годы. Тифлис, 1861.

⁷ Никитин В. Н. Быт военных арестантов в крепости. СПб.: изд-во Колесова и Миневича, 1873.

⁸ Права военнослужащего как воина и как гражданина / Сост. А. А. Наумов. СПб.: изд-во П. А. Пожарова, 1888.

⁹ Жиркевич А. В. Пасынки военной службы. Материалы к истории мест заключения Военного ведомства в России. Вильно: тип. «Русский почин», 1912.

В. Н. Литувев (Москва)

Д. Г. Целорунго (Московская обл.)

ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ СКРЫТЫХ ФАКТОРОВ БЕГСТВА НАПОЛЕОНА ИЗ РОССИИ В ПАРИЖ

Заканчивался 1812 г., победный для русского оружия и принесший катастрофу для Великой армии. Наполеон сначала шел вместе со своей армией. Но когда он убедился в том, что эти войска обречены на гибель, решил оставить их и уехать в Париж, чтобы начать формирование новой армии. «При нынешнем положении вещей, – сказал Наполеон, – я могу внушить почтение Европе только из дворца в Тюильри». Перед отъездом 5 декабря Наполеон созвал в Сморгони совещание маршалов. В заключительной речи он сказал, что оставляет армию для того, чтобы привести триста тысяч солдат, потому что первая война не кончилась одной кампанией¹.

Здесь же он объявил своим маршалам о передаче командования остатками Великой армии маршалу И. Мюрату как лицу, имевшему высший титул – короля Неаполитанского, а затем в сопровождении свиты выехал в Вильно и далее. Этому событию была посвящена небольшая заметка с известием от 18 декабря при возвращении императора в Париж, опубликованная в парижской газете «Монитёр»².

Отъезд Наполеона вызвал негодование в войсках. Там вспоминали, как он бросил свою армию в Египте. Теперь «египетский дезертир дезертировал и из России; он покинул нас в нашей несчастной судьбе, обрекая нас на всевозможные выходки авантюриста» (здесь подразумевался оставленный Наполеоном командовать армией Мюрат), вспоминал участник русской кампании 1812 г. капитан А.-А. Пьен де Лош. Все проклинали своего бывшего кумира. Теперь уже никто не желал подчиняться приказам. Все устремились в Вильну, надеясь

обрести там пищу и кров. 8 декабря только немногие части организованно прибыли в Вильну. За ними более 20 тыс. прибрегли в город толпой и устроили там двухдневный разгул, громя склады с продовольствием и обмундированием³.

Перед отъездом Наполеон приказал Мюрату собрать армию в Вильне, удержать за собой город и организовать в нем для войск зимние квартиры. Мюрату этот приказ исполнить не удалось, некогда непобедимые войска Наполеона уже потеряли боеспособность. Мюрат счел за благо 28 ноября (10 декабря) увести остатки войск из города.

Теперь обратимся к тексту газетной заметки (см. Приложение). Казалось бы, чего нового исследователь из нее может почерпнуть? Тем не менее, как известно, исторический источник неисчерпаем, а применение новой методики в изучении интересующего нас источника поможет нам получить новые сведения и как минимум подтвердить устоявшиеся в литературе суждения, а также подтвердить объективность получаемых с помощью нашего программного продукта сведений. С этой целью был оцифрован и обработан текст газетной заметки методами математического анализа с помощью программного анализатора текстов Dante AI, который помогает распознавать суть текста, включая смысл «между строк».

Итак, в краткой заметке в одну страницу сообщается два важных факта: во-первых, что Наполеон призвал своих военачальников в Главную квартиру (главный штаб) в Сморгони, чтобы проинформировать их перед отъездом в Париж о назначении маршала Мюрата своим главным заместителем, то есть командующим оставляемой Наполеоном армией. В тексте заметки также указана часть пути Наполеона при бегстве из России – через какие города Польши и Германии он проследовал инкогнито и с какими важными особами встречался.

Вот, собственно говоря, и вся информация, которая есть в этом историческом источнике. Понятно, что для историков, изучающих Отечественную войну 1812 г., эти сведения, в лучшем случае, имеют вспомогательный характер.

Конечно, за кадром остаются отношения Наполеона со своими военачальниками, манера действий при разработке военных планов. Обычно подобная информация не раскрывается в чисто информационном сообщении, которое предназначено для широкой публики. Первое, что на себя обращает внимание

при обращении к показателям графов (см. таблицы 1–4), – из всех персоналий, указанных в тексте, максимальным числом взаимосвязей обладал Наполеон. Эту систему взаимосвязей можно назвать императорской или авторитарной, в которой все важнейшие решения принимает один человек. В случае конкретного источника можно констатировать, что Наполеон к концу 1812 г. продолжал сохранять в своих руках все бразды правления.

Вся система взаимосвязей содержательных параметров текста о бегстве Наполеона в показателях графа взаимосвязей конструкторов¹ сконцентрирована именно на факторе 2К «император», с наиболее значимым факторным весом «+0.40» (см. таблицу 1). Показатели графа взаимосвязей ранжированных конструкторов также подвешены на факторах «2К – император» и «1К – Париж», куда был устремлен император (см. таблицу 3). Эту систему взаимосвязей содержательных параметров текста можно квалифицировать как часть имперской системы управления Французской империей Наполеоном I. Можно с уверенностью сказать, что ни в одной европейской армии той эпохи неперменное правило руководства войсками – единоначалие – не было выражено так ярко, как в армии Наполеона. Все общие приказы и все основные решения исходили от императора, которые тотчас оформлялись в виде приказов, диктуемых им в своем личном кабинете. Начальник главного штаба маршал Бертье, который всегда был поблизости от своего главнокомандующего, лично записывал все распоряжения Наполеона. Полное название должности Бертье звучало следующим образом: «генеральный штабной начальник, рассылающий приказы императора». Правда, Наполеон, оставлял многое на волю частных начальников, но не допускал никакого проявления самовольства со стороны штаба⁴.

По мнению историка Мориса Дюмулена: «Этот метод командования, основанный на недоверии, эта узкая концентрация роли штаба, сводящая роль офицеров, находящихся в генеральском окружении, к функциям писцов, разносчиков эстафет или просто рубак на поле боя... является, как кажется,

¹ Факторы-конструкторы (от латинского Constructio – построение), их можно представить в лингвистическом плане в качестве различных существительных текста нашего источника, например: император, герцог, Париж и т. д.

большой организационной ошибкой Наполеона и одной из основных причин его падения»⁵.

При анализе показателей графа взаимосвязей конструкторов (таблица 1) обнаруживается, что в пути в Париж взаимосвязи Наполеона со своими маршалами, командовавшими войсками, были чрезвычайно ослаблены и практически не могли осуществляться в той степени, как это было в обычных условиях. Взаимосвязи с гражданскими высокопоставленными чиновниками, с председателем Госсовета Потоцким, министром МИД Бассано, послом в Саксонии Серра максимально приближались к нулевым значениям (см. таблицу 3).

Также измерения показывают, что Наполеон отрицательно относился к своим маршалам, на что указывают отрицательные знаки факторных весов у всех маршалов «-0.99», «-0.78», отсюда напрашивается вывод, что все победы принадлежали полководческому «гению» Наполеона – показатель «2К» с факторным весом «+0.40», а во всех поражениях виноваты его военачальники (см. таблицу 1).

Теперь оценим систему действий Наполеона по вычисленным взаимосвязям параметров текста – дескриптам^{II}, по показателям из которых можно сделать вывод о том, что Наполеон доверял в принятии решений только собственным соображениям и впечатлениям. В пути он вырабатывал планы продолжения военной кампании самостоятельно, советуясь иногда только с А. Коленкуром. При этом, как показывают измерения, относился к своему попутчику с легким пренебрежением – показатель 19Д «-0.06», путешествовал инкогнито под его именем.

Взаимосвязи дескриптов открывают скрытые взаимосвязи, которые отражают факт того, что Наполеон планировал военные действия поэтапно. Сначала «географически» на месте в Варшаве, ставя финансовые задачи, контактируя с министром финансов Великого Герцогства Варшавского, осматривал фортификационные сооружения Праги.

Таким образом, вычисленные скрытые взаимосвязи Наполеона отражают, с одной стороны, его сильные стороны

^{II} Дескрипты – элементы в тексте, отражающие динамику исторического процесса в лингвистическом плане. Это различные глагольные формы, например: был, долго беседовал и т. п.

как императора и государственного деятеля, которые характеризуются достаточно всеобъемлющим планированием военной кампании в России, а с другой – показывают критически важные недостатки в управлении войсками.

Результаты математической обработки на первый взгляд короткого и как исторический источник малопривлекательного материала позволили сделать определенные выводы. Так, враг Российской империи в лице Наполеона и его армии был достаточно серьезным. Даже потерпев стратегическое поражение от русской армии, он с ним не смирился. Причиной бегства Наполеона из России был не страх – страха у него не было, было бегство от неразрешимых проблем с жадной обеспечением условий для последующего реванша.

Крайне авторитарный стиль правления Наполеона являлся одной из основных причин его падения. К тому же, с помощью цифрового моделирования текста был выявлен факт пренебрежительного отношения императора к своим маршалам.

Таким образом, оцифрованный текст небольшой газетной заметки методами математического анализа с помощью программного анализатора текстов дал нам возможность как подтвердить ранее известные, так и выявить новые факты, связанные с бегством Наполеона из России в Париж, что подтверждает перспективность данной методики для источниковедения.

¹ См.: Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. IV. С. 259.

² «Война перьев»: официальные донесения о боевых действиях 1812–1814 гг.: сборник документов. М., 2014. С. 344.

³ Васютинский А. М. Французы в России. М., 1912, ч. III. С. 303–304.

⁴ Соколов О. Стратегия и тактика Наполеоновской армии. М., 2018. С. 367–368.

⁵ Цит. по: Соколов О. Стратегия и тактика Наполеоновской армии. С. 368.

Заметка из газеты «Монитор» от 18 декабря 1812 г.

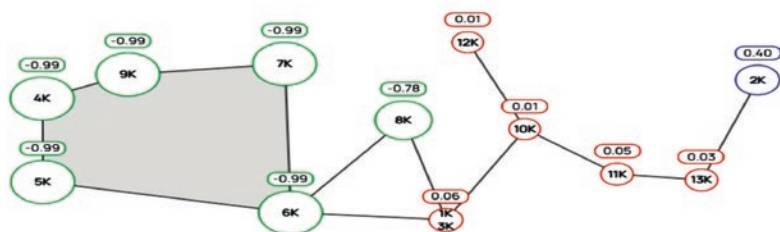
5 декабря император, призвав в свою Главную квартиру в Сморгони вице-короля, князя Невшательского [начальник главного штаба Великой армии маршал Бертье] и маршалов герцогов Эльхингенского [маршал Ней, командир 4-го пехотного корпуса], Данцигского [маршал Лефевр, командующий старой гвардией], Тревизского [маршал Мортье, командующий Молодой гвардией], князя Экмюльского [маршал Даву, командир 1-го пехотного корпуса], герцога Истрийского [маршал Бессьер, командующий гвардейской кавалерией], сообщил им, что он назначил короля Неаполитанского [маршал Мюрат, командующий резервной кавалерией Великой армии], своего генерал-лейтенанта [то есть главного заместителя], командующим армией в период сурового времени года.

Е. В. проезжал через Вильну, предоставил работу на несколько часов г-ну герцогу Бассано [министр иностранных дел Французской империи на тот момент].

Е. В. путешествовал инкогнито в одних-единственных санях, вместе с герцогом Виченцким [Арман де Коленкур, экс-посланник Франции в России, обер-шталмейстер двора Наполеона] и под его именем. Он посетил укрепления Праги [предместье Варшавы], объездил Варшаву и провел там несколько часов неузнанным. За два часа до своего отъезда он послал за графом Потоцким [председатель Госсвета Великого герцогства Варшавского] и министром финансов великого герцогства, с которым долго беседовал.

Е. В. прибыл 14-го, в час пополудни, в Дрезден и остановился у графа Серра, своего посланника. Он долго беседовал с королем Саксонии и отбыл немедленно, избрав дорогу на Лейпциг и Майнц.

Конструкты. Граф взаимосвязей

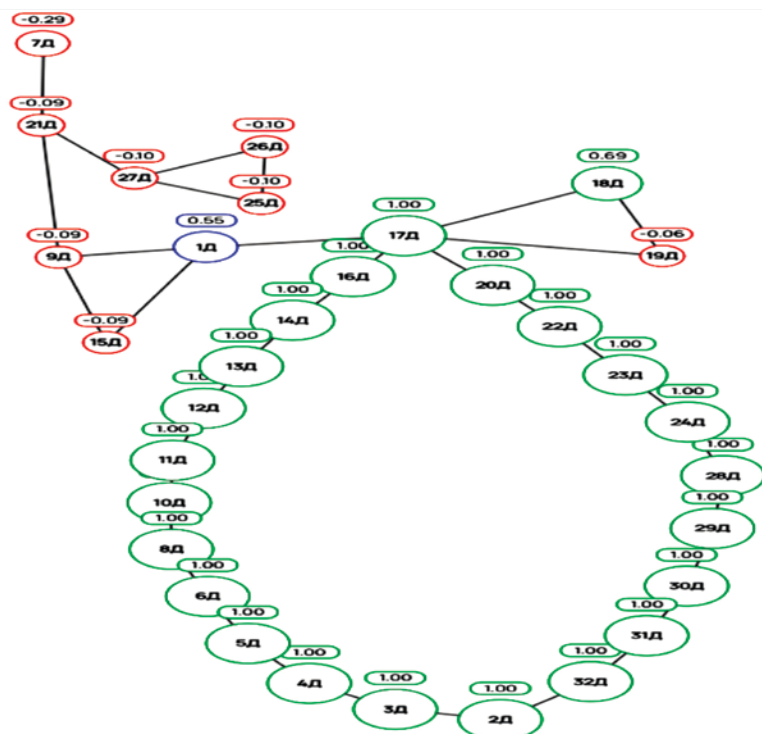

Конструкты

1К 0.06	Париж
2К 0.40	Император
3К 0.6	Начальник главного штаба маршал А. Бертье (князь Невшательский)
4К -0.99	Командир 4-го пехотного корпуса маршал М. Ней (герцог Эльхингенский)
5К -0.99	Командующий старой гвардией маршал Ф. Ж. Лефевр (герцог Данцигский)
6К -0.99	Командующий Молодой гвардией маршал А. Мортье (герцог Тревизский)
7К -0.99	Командир 1-го пехотного корпуса маршал Л. Даву (князь Экмюльский)
8К -0.99	Командующий гвардейской кавалерией маршал Ж. Бессьер (герцог Истрийский)
9К -0.99	Командующий резервной кавалерией маршал И. Мюрат (король Неаполитанский)
10К 0.01	Министр иностранных дел Французской империи герцог Ю.-Б. Бассано
11К 0.05	Экс-посланник Франции в России обер-шталмейстер А. де Коленкур (герцог Виченцкий)
12К 0.01	Председатель Госсовета Великого герцогства Варшавского граф С. Потоцкий
13К 0.03	Посланник Наполеона в Саксонии граф Серра

Таблица 1

Дескрипты. Граф взаимодействий

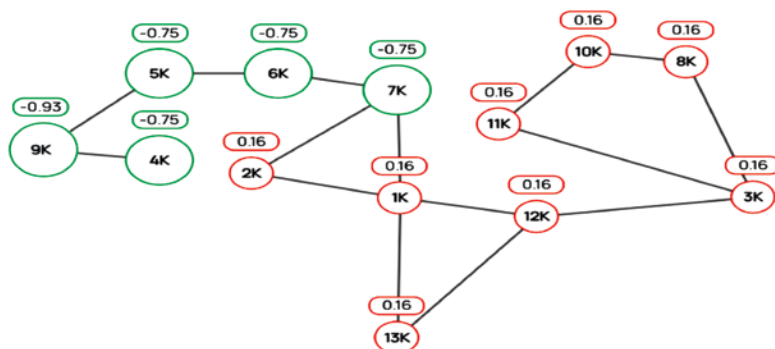
Дескрипты

1Д 0.55	Быть (Наполеон, Париж, Бертье)
2Д 1.00	Призвал (император маршалов в свою Главную квартиру)
3Д 1.00	А. Бертье (князя Невшательского)
4Д 1.00	М. Нея (герцога Эльхингенского)
5Д 1.00	Ф. Ж. Лефевра (герцога Данцигского)
6Д 1.00	А. Мортье (герцога Тревизского)
7Д -0.29	все маршалы командовали своими войсками
8Д 1.00	призвал Ж. Бессьера (герцога Истрийского)

9Д -0.09	Ж. Бессьер (герцог Истрийский) командовал
10Д 1.00	назначил И. Мюрата (короля Неаполитанского)
11Д 1.00	назначил И. Мюрата своим заместителем
12Д 1.00	назначил И. Мюрата командующим армией
13Д 1.00	император проезжал через Вильну
14Д 1.00	представил работу герцогу Бассано
15Д -0.09	Бассано был министром иностранных дел
16Д 1.00	император путешествовал инкогнито
17Д 1.00	император путешествовал в одних санях с А. Коленкуром (герцогом Виченцким)
18Д 0.69	А. Коленкур был посланником в России
19Д -0.06	путешествовал под именем герцога Виченцкого
20Д 1.00	император посетил укрепления Праги
21Д -0.09	император был в предместье Варшавы
22Д 1.00	император объездил Варшаву
23Д 1.00	император провел в Варшаве несколько часов неузнанным
24Д 1.00	император послал за графом С. Потоцким
25Д -0.10	был граф С. Потоцкий
26Д -0.10	С. Потоцкий был председателем Госсовета Великого Герцогства Варшавского
27Д -0.10	С. Потоцкий был министром финансов герцогства
28Д 1.00	император долго беседовал с С. Потоцким
29Д 1.00	император прибыл в Дрезден
30Д 1.00	император остановился у графа Серра
31Д 1.00	император долго беседовал с королем Саксонии
32Д 1.00	император отбыл по дороге на Лейпциг и Майнц

Таблица 3

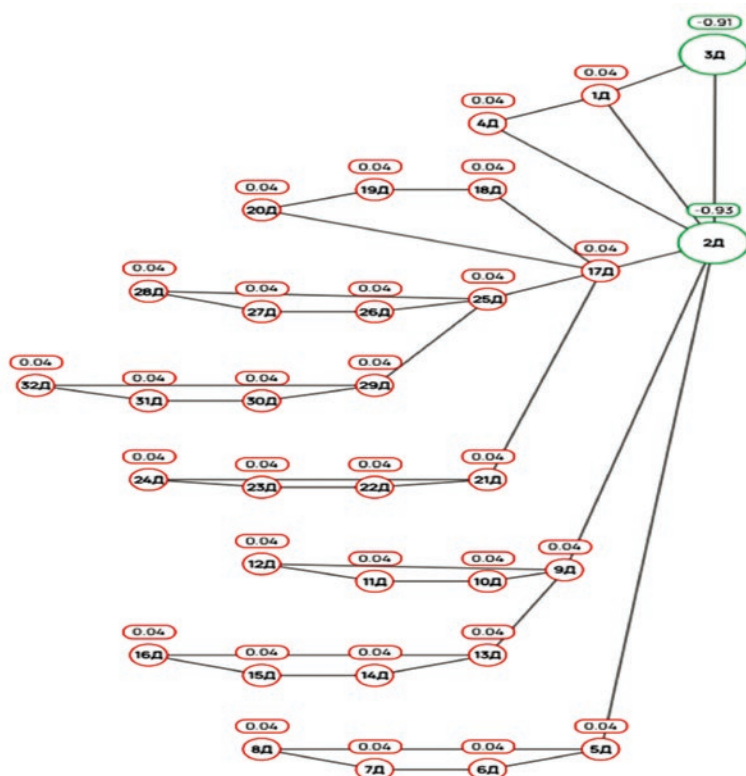
Ранжированные конструкты. Граф взаимосвязей

Ранжированные конструкты

1К 0.16	Париж
2К 0.16	Император
12К 0.16	Председатель Госсвета Великого Герцогства Варшавского граф С. Потоцкий
13К 0.16	Посланник Наполеона в Саксонии граф Серра
3К 0.16	Начальник главного штаба маршал А. Бертье (князь Невшательский)
11К 0.16	Экс-посланник Франции в России, обер-шталмейстер, дивизионный генерал А. де Коленкур (герцог Виченцкий)
10К 0.16	Министр иностранных дел Французской империи герцог Ю.-Б. Бассано
8К 0.16	Командующий гвардейской кавалерией маршал Ж. Бессьер (герцог Истрийский)
4К -0.75	Командир 4-го пехотного корпуса маршал М. Ней (герцог Эльхингенский)
5К -0.75	Командующий старой гвардией маршал Ф. Ж. Лефевр (герцог Данцигский)
6К -0.75	Командующий Молодой гвардией маршал А. Мортье (герцог Тревизский)
7К -0.75	Командир 1-го пехотного корпуса маршал Л. Даву (князь Экмюльский)
9К -0.93	Командующий резервной кавалерией маршал И. Мюрат (король Неаполитанский)

Ранжированные дескрипты. Граф взаимосвязей

Ранжированные дескрипты

1Д 0.04	быть (Наполеон, Париж)
4Д 0.04	призав М. Нея (герцога Эльхингенского)
5Д 0.04	призав Ф. Ж. Лефевра (герцога Данцигского)
6Д 0.04	призав А. Мортье (герцога Тревизского)
7Д 0.04	все маршалы командовали своими войсками
8Д 0.04	призав Ж. Бессьера (герцога Истрийского)
9Д 0.04	Ж. Бессьер (герцог Истрийский) командовал

10Д 0.04	назначил И. Мюрата (короля Неаполитанского)
11Д 0.04	назначил И. Мюрата своим главным заместителем
12Д 0.04	назначил И. Мюрата командующим армией
13Д 0.04	император проезжал через Вильну
14Д 0.04	представил работу герцогу Бассано
18Д 0.04	А. Коленкур путешествовал с Наполеоном
19Д 0.04	император путешествовал под именем герцога Виченцкого
20Д 0.04	император посетил укрепления Праги
21Д 0.04	император был в предместье Варшавы
22Д 0.04	император объездил Варшаву
23Д 0.04	император провел в Варшаве несколько часов неузнанным
24Д 0.04	император послал за графом С. Потоцким
25Д 0.04	был граф С. Потоцкий
26Д 0.04	С. Потоцкий был председателем Госсовета Великого герцогства Варшавского
27Д 0.04	С. Потоцкий был министром финансов герцогства
28Д 0.04	император долго беседовал с С. Потоцким
29Д 0.04	император прибыл в Дрезден
30Д 0.04	император остановился у графа Серра
31Д 0.04	император долго беседовал с королем

О. С. Лихачева (Барнаул)

РЕКОНСТРУКЦИЯ БОЕВЫХ КОМПЛЕКТОВ ВОИНОВ-КОЛЕСНИЧИХ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ НА «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ УШКИЙН-УВЭРА (МОНГОЛИЯ)¹

«Оленные» камни – изваяния, олицетворяющие воинов, – один из наиболее важных памятников монументального искусства, оставленного ранними кочевниками по всей степной полосе Евразийского континента, от верховий Амура на востоке до Эльбы на западе. Они представляют собой стелы, отличительной особенностью которых является наличие достаточно устойчивого комплекса изображений, включающего различные предметы наступательного и защитного вооружения и детали воинского снаряжения¹. Благодаря высокой реалистичности представленных на них предметов, данный тип памятников остается на текущий момент наиболее значимым источником для реконструкции военного дела позднего бронзового – начала раннего железного века, поскольку позволяет проанализировать именно конкретный комплект предметов вооружения в их определенном сочетании. Это компенсирует малую информативность синхронных им погребений.

С этой точки зрения максимально важен анализ не только отдельных изваяний, но и комплексов, содержащих их серию, особенно в том случае, если хотя бы частично сохранилась первоначальная планиграфия объектов. Одним из таких памятников является комплекс Ушкийн-Увэр. Данный памятник находится

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

в Хубсугульском аймаке Монгольской Народной Республики. Благодаря большому скоплению объектов, а также их высокой информативности, он не раз привлекал пристальное внимание исследователей. Впервые «оленные» камни в данном урочище были зафиксированы в 70-х годах XX в. отрядом советско-монгольской экспедиции. В конце 1990-х – начале 2000-х памятник изучался монгольско-японской экспедицией. В 2013 г. на памятнике осуществлялись раскопки Международной центральной азиатской археологической экспедицией под руководством А. А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара².

Интересна планиграфия представленных на комплексе изваяний: выделяется три ряда, вытянутые с севера на юг. На схеме, составленной В. В. Волковым и Э. А. Новгородовой, им присвоена следующая нумерация: восточный ряд включает изваяния № 1–3; к центральному относятся «оленные» камни № 6–8, 11, 13, 15; западный состоит из объектов № 4–5, 9–10, 12, 14³. Как отмечал Ю. С. Худяков, подобное расположение «оленных» камней «в 1–2 шеренги» соответствует построению отряда боевых колесниц⁴.

Первоначально нами был проведен подробный анализ предметов вооружения и их комплектов, представленных на каждом из изваяний⁵. Следующим этапом стало создание графических реконструкций, позволяющих наглядно представить построение воинов-колесничих. Ранее нами уже создавались рисунки по сюжетам со стел рассматриваемого памятника⁶. Но, вырванные из контекста, они не давали исчерпывающего представления о всей полноте данных, которые несет материал Ушкийн-Увэра. В связи с этим было решено последовательно воссоздать воинов и их комплекты по всем 15 «оленным» камням. Так сформировались три связанные между собой композиции, на каждой из которых изображен один ряд. Рисунки выполнены в графике, материал – тушь.

В рамках представленной статьи публикуется графическая реконструкция западного ряда, включающего, как указывалось выше, изваяния № 4–5, 9–10, 12, 14 (ил. 1–2). Нами дается подробный анализ изображенных реалий и круг возможных вещественных аналогий к ним, на основе которых создавались рисунки. В заключение приводятся некоторые выводы о военном деле ранних кочевников, которые позволяют сделать рассмотренный материал.

Ил. 1. Графическая реконструкция боевых комплектов воинов-колесничих по материалам «оленных» камней №4, 5, 9 комплекса Ушкийн-Увэр

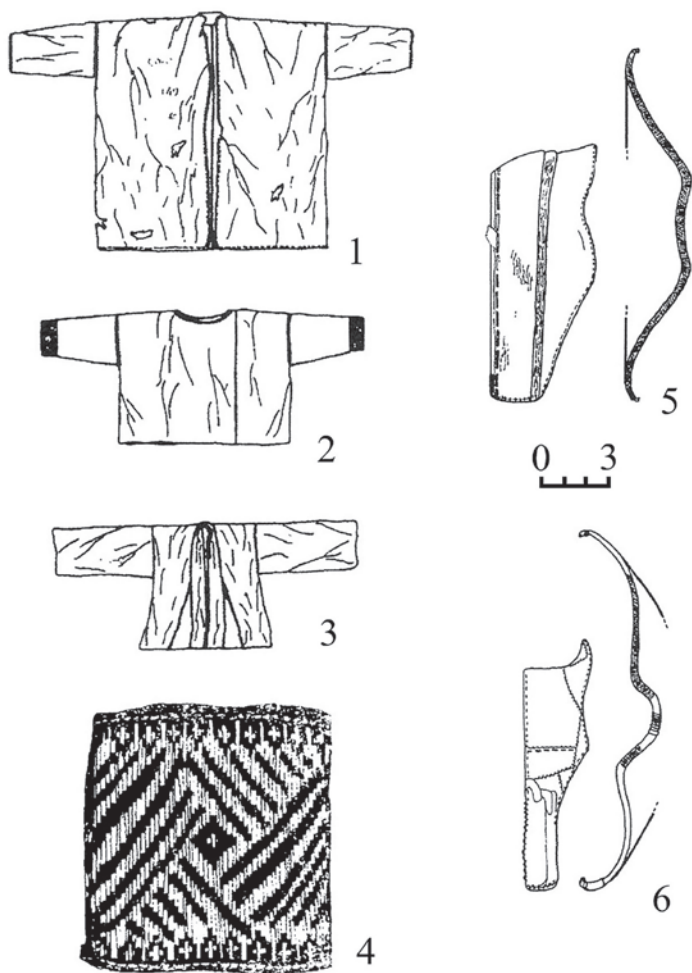
Ил. 2. Графическая реконструкция боевых комплектов воинов-колесничих по материалам «оленных» камней №10, 12, 14 комплекса Ушкийн-Увэр

Сразу отметим, что, несмотря на высокую условность и общенность, «оленные» камни представляют собой в первую очередь антропоморфный образ, фронтальная часть которого маркируется тремя полосами или проработанным натуралистичным лицом⁷. В связи с этим нами при описании допускается использование таких оборотов, как «лоб», «лицевая часть», «спина», «правый/левый бок» и т. д.

Сначала дадим характеристику тем реалиям, которые являются общими или для всех, или для большей части представленных на «оленных» камнях изображений. Кроме того, данный предметный комплекс объединяет также то, что входящие в него элементы выполнены из органических материалов, а значит, круг вещественных источников по ним достаточно ограничен. К указанным предметам относятся: одежда, щиты, стрелковый комплект, состоящий из лука и горита, колесницы.

Одежда. Наиболее сложным является воссоздание одежды, поскольку ее элементы практически никак не отражены на самих изваяниях. Исключением являются пояса, которые фиксируются на всех шести «оленных» камнях⁸ (далее – ОК). В двух случаях (на ОК № 5, 12) они представлены просто сплошной полосой, охватывающей изваяние⁹. В остальных (на ОК № 4, 9, 10, 14) этот элемент снаряжения изображен двумя узкими параллельными линиями, между которыми нанесен орнамент. Последний представлен X- и V-образными фигурами, а также вписанными друг в друга треугольниками, обращенными вершинами вверх. Эти фигуры заполняют все поле¹⁰. К сожалению, на текущий момент не известно ни одной точной вещественной аналогии рассматриваемой детали костюма. Остается лишь предположить, что пояса представляли собой широкие полосы из кожи с нанесенным на них орнаментом, фиксирующиеся при помощи завязок.

Головные уборы не прослеживаются на «оленных» камнях рассматриваемого памятника, но они известны по другим аналогичным объектам из Монголии. На некоторых изваяниях в верхней части по уровню «лба» выбиты полосы. Некоторыми авторами они интерпретируются как диадемы¹¹. Наиболее же полное представление о данной детали костюма дает ОК из Кобдоского аймака (Муст сомон): с тыльной стороны камня изображен длинный, нисходящий на условную «спину» фестон¹². Такое оформление позволяет трактовать данную деталь как «характерный головной убор кочевника»¹³. Возможно, это был кусок ткани, который

Ил. 3. Вещественные источники для изделий из органических материалов. 1–3 – плечевая одежда, могильник Чжагуньлукэ; 4 – щит, могильник Туэкта; 5–6 – луки и гориты, могильник Янхай-2. 1–6 – без масштаба. [По: 1–3, 5–6 – Шульга, 2010; 3 – Горелик, 2003]

обматывался вокруг головы, судя по его конфигурации на изображении.

Из основной части одежды подробно рассмотрим плечевые изделия. На поясной одежде и обуви не будем останавливаться, так как в представленных ракурсах их не видно. Плечевая одежда представлена на мелкой пластике из могильника Янхай-2 в Синьцзяне, датируемого раннескифским временем¹⁴. На фигурке из дерева хорошо читается западная куртка длиной примерно до середины бедра, фиксирующаяся на поясе¹⁵. В более поздних комплексах этого региона, таких как Янхай-3 и Чжагуньлукэ, полностью сохранились сами изделия такого типа, изготовленные из «грубой шерстяной материи»¹⁶ (ил. 3. 2–3).

Отдельного внимания, безусловно, заслуживают изображения оленей, благодаря которым рассматриваемые изваяния получили свое название. Существуют разные интерпретации этого декора. Не отрицается возможность того, что это могла быть татуировка на теле, аналогичная тем, что известны по мумиям пазырыкской культуры¹⁷. Но, на наш взгляд, наиболее логичной представляется трактовка данных изображений как аппликаций на одежде, к чему склоняется большинство исследователей¹⁸. Именно в виде такого декора верхней одежды она представлена на предлагаемой реконструкции.

Щиты. Мнение о том, что «решетчатые» фигуры, представленные на «оленных» камнях, являются щитами, уже однозначно принято большинством исследователей¹⁹. Но круг вещественных аналогий пока ограничивается лишь более поздними материалами пазырыкской культуры. Для изготовления таких изделий, судя по сохранившимся образцам, служили прутья и кожа²⁰ (ил. 3–4). Как справедливо отмечала Э. А. Новгородова, щиты являлись главным защитным вооружением центральноазиатских воинов того времени²¹. Этот тезис наглядно демонстрирует рассматриваемый нами комплекс. Так, на анализируемом западном ряду щиты фиксируются у пяти из шести изваяний²². С точки зрения визуальной интерпретации материала принципиально важно, что во всех случаях они показаны на тыльной грани изваяния, то есть на спине. Таким образом, демонстрируется тот же способ ношения данного вида защитного вооружения, что и в более позднее время, как представлено на гребне из кургана Солоха²³. В выбранном на реконструкции ракурсе показаны

лишь края щитов, выступающие из-за спин воинов, а также наискось перекиннутые ремни для их ношения.

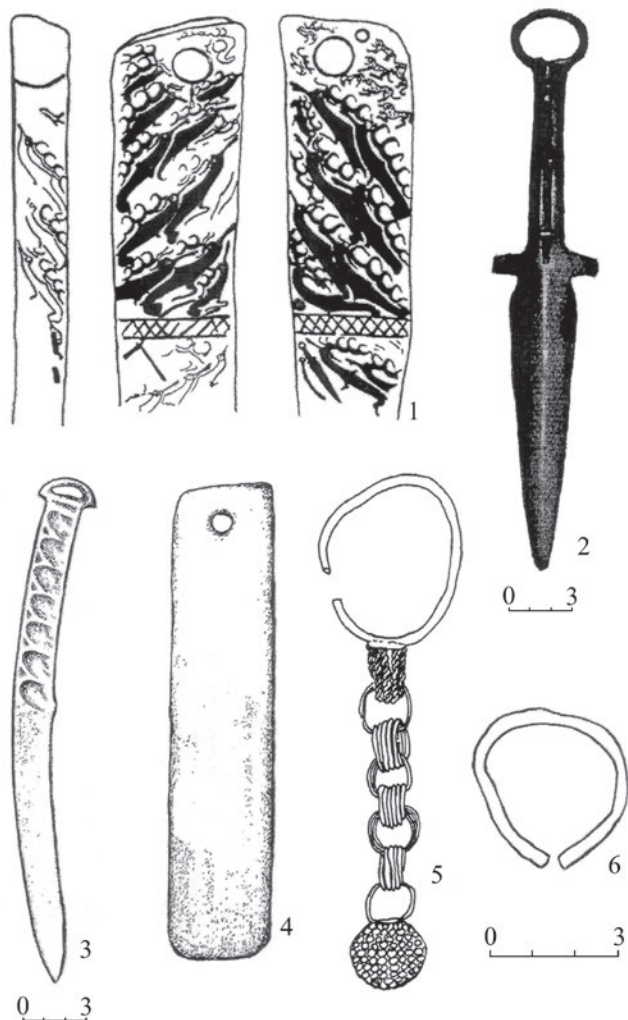
Стрелковый комплекс. Оружие дальнего боя, состоящее из лука и стрел, всегда являлось одним из ведущих в комплексе вооружения центральноазиатских народов. Среди аналогий стоит отметить уже упоминавшиеся выше материалы могильника Янхай-2²⁴. Луки имели достаточно большую длину – чуть более одного метра. Общая форма близка М-образной, но присутствует асимметрия – нижнее плечо несколько короче верхнего. Основой для кибити служило дерево, в качестве усиливающих элементов использовались пластинки из рога и кости, которые крепились сухожилиями (ил. 3, 5–6). Конструкция горитов представлена двумя вариантами, различающимися между собой количеством кармашков для стрел (два и три). Основной отсек повторял форму лука в позиции с натянутой тетивой, перекрывая его примерно на 2/3. Материалом для изготовления служила кожа, для придания жесткости применялась деревянная планка²⁵ (ил. 3, 5–6). В западном ряду комплекса Ушкийн-Увэр детали стрелкового комплекса есть у четырех из шести изваяний. Высоким разнообразием отличается то, как он продемонстрирован на каждом из камней. ОК № 4: лук помещен в горит, свободно расположен на лицевой грани. ОК № 5: лук вытасен из горита, причем передан с легким наклоном, тетивой вниз, как если бы его удерживали в руке, тетива натянута, но стрелы в ней нет. Горит свободно размещен над поясом. Оба изображения находятся на лицевой грани. ОК № 9: лук вытасен из горита и находится в боевой позиции со вложенной тетивой. У изваяния не выделена лицевая часть, но, судя по расположению других реалий, это правая грань. ОК № 14: лук отсутствует, горит находится на левой грани в подвешенном положении. Стоит отметить, что если луки соответствуют по форме вещественным источникам, то большая часть изображенных горитов, кроме изделия с ОК № 4, имеет более простую форму, чем известные им аналогии. Они имеют простой прямоугольный абрис. У одного есть декоративный элемент (кисточка?), представленный деталью треугольной формы у дна изделия²⁶.

Приведенные данные позволяют предположить, что изображение реалий формировалось не по строгому четкому канону, а демонстрировался конкретный, индивидуальный сюжет. Кроме того, положение луков не передает статику, а старается отразить

динамику, действие. Все указанные особенности положения стрелкового комплекса отражены в композиции реконструкции.

Колесницы. Интерпретация «оленных» камней как изображений не просто воинов, а воинов-колесничих, уже не оставляет сомнений и аргументированно доказана целым рядом специалистов²⁷. В пользу такой трактовки свидетельствует изображение колесниц и на самих изваяниях, и на синхронных им петроглифах²⁸. Кроме того, на многих из них представлены так называемые пряжки колесничих. Ранее такие изображения, да и сами изделия, обозначались как ПНН – предмет неизвестного назначения. Благодаря появлению целого ряда вещественных находок их стали рассматривать как часть снаряжения воина-колесничего, которая предназначалась для фиксации вожжей при движении, чтобы освободить руки. На всех известных на текущий момент выбивках на колеснице изображен чаще всего один человек, являющийся и возницей, и воином²⁹. Следовательно, непосредственно в момент боя имелась необходимость на какое-то время освобождать руки. Вожжи, по всей вероятности, пропускались через дугообразные пластины пряжки, прикрепленной к поясу³⁰. На текущий момент существуют разные варианты воссоздания кузова колесницы. Наименее вероятным, на наш взгляд, является его интерпретация как открытой платформы без бортов³¹. Но, как отмечают другие авторы, отсутствие бортов кузова на изображении – лишь особенность стилистики. И, в свою очередь, на некоторых изображениях читаются основные детали конструкции, в том числе кузов³². Колесницы такого типа были реконструированы по материалам Китая³³. Схожая конструкция воссоздается и для материалов «оленных» камней³⁴. Исследователями отмечаются следующие составные части: легкий кузов с высокими боковыми и передним бортами, высокие колеса, дышло, ярмо, ось³⁵. Отмечается, что чаще всего использовалась пара лошадей. Именно она была взята нами за основу при реконструкции.

Перейдем к характеристике индивидуальных предметных комплексов, представленных на каждом изваянии. Отметим, что на реконструкции отражены не все изделия. Кроме того, не все объекты показаны в полном соответствии с тем, как они расположены на «оленном» камне. Это обусловлено сложностью композиции и желанием продемонстрировать в наиболее выгодном ракурсе значимые предметы, в частности, относящиеся к категории вооружения.

Ил. 4. Комплекс Ушкийн-Увэр, «оленный» камень № 4 и аналогии к изображенным реалиям. 1 – прорисовка изваяния; 2 – бронзовый кинжал, Минусинская котловина, случайная находка; 3 – нож, Монголия, случайная находка; 4 – оселок, Солонечный Белок, случайная находка; 5 – серьга с длинной подвеской, Кырык-Оба-II, к. 23; 6 – серьга кольцевидная, Алды-Бель-I, курган № 21, могила 6. 1 – без масштаба. [По: 1 – Волков, 2002; 2 – Гришин, 1971; 3 – Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011; 4 – Кирюшин, Тишкин, 1997; 5 – Лылова, 2009]

ОК № 4 (самый северный в рассматриваемом ряду). Лицевая грань: лук в горите, оселок. Тыльная грань – щит. Левая грань: две кольцевые серьги большего и меньшего диаметра, зеркало, пояс, нож и кинжал. Правая грань: топор, подвешенный к поясу³⁶ (ил. 4, 1). Остановимся на наиболее выразительных предметах. Изображенный кинжал имеет кольцевое навершие и так называемое «шипастое» перекрестие. Изделия с таким признаком широко известны в материалах карасукской культуры³⁷. По общему абрису и пропорциям наиболее соответствует изображенному изделию случайная находка из Минусинской котловины³⁸ (ил. 4, 2). На изображении кинжал не помещен в ножны, а свободно расположен под поясом. Рядом с ним находится нож, который, судя по размерам и оформлению, относится к бытовому. Общий абрис его дуговидный, пята, разграничивающая рукоять и клинок, не отмечена. Наиболее выразительным признаком является полукруглое («с аркой на кронштейне») навершие. Изделие, аналогичное по форме, происходит из Монголии. Это случайная находка, датированная авторами публикации VII–V вв. до н. э.³⁹ (ил. 4, 3). Оселок, представленный на ОК № 4, имеет максимально простую прямоугольную форму и может быть соотнесен с изделием раннескифского времени, происходящего с Солонечного Белка⁴⁰ (ил. 4, 4). Интересны представленные на изваянии украшения. Серьги расположены на обеих боковых гранях. Изображенные на левой грани образцы максимально просты и имеют форму колец. Такие изделия известны по материалам могильника Алды-Бель-I, погребение 6 (VII–VI вв. до н. э.)⁴¹ (ил. 4, 6). Наибольший интерес представляет серьга, находящаяся с правого бока изваяния с длинной подвеской на кольце. Изделия такой конструкции пока не известны в синхронных материалах. Единственной аналогией такому типу украшений является серьга из более позднего комплекса VI–V вв. до н. э. Кырк-Оба-II, курган 23⁴² (ил. 4, 5). Возможно, со временем будут выявлены и более хронологически близкие находки. Представленное на ОК № 4 древковое оружие является, по всей вероятности, классическим проушным топором со следующими особенностями: прямоугольным клинком и выделенным обухом. Его можно соотнести с изделием VII–VI вв. до н. э.⁴³

ОК № 5. Данное изваяние имеет достаточно ограниченный набор реалий, которые уже были рассмотрены нами в разделе,

посвященном изделиям из органических материалов. Внимания заслуживает лишь нестандартное расположение лука, о котором также говорилось выше, позволяющее изобразить его в динамичном положении.

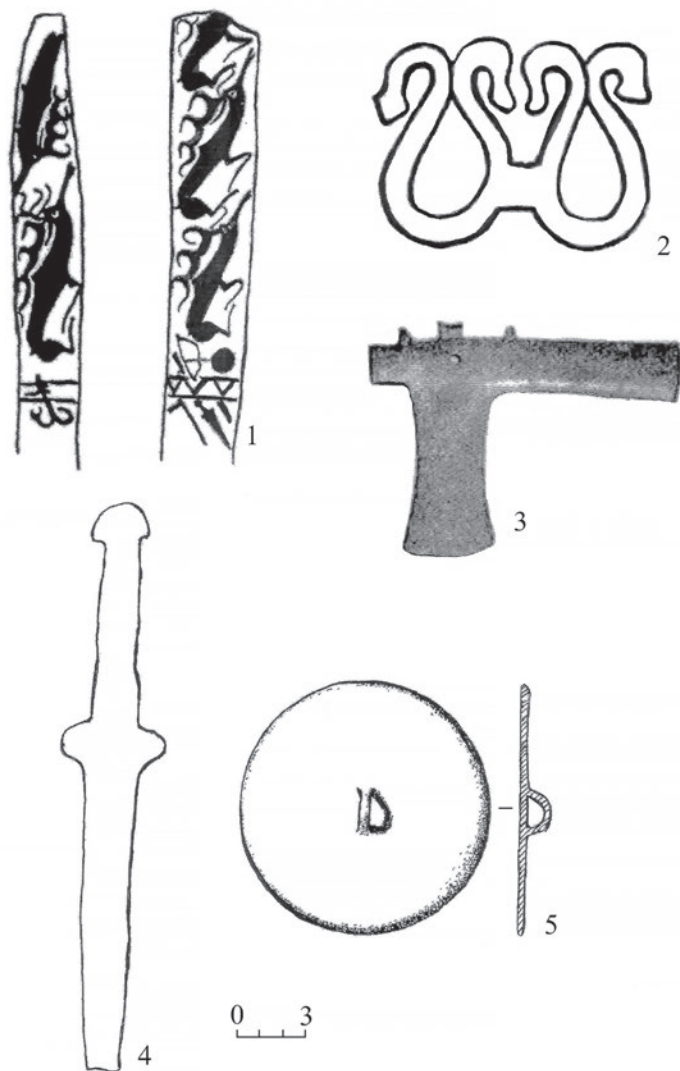
ОК № 9. Изваяние частично обломлено. Лицевая грань не вполне определима. На одной боковой грани представлена пряжка колесничего. На другой: горит, лук в боевой позиции, зеркало – над поясом, топор, кинжал, оселок – под поясом⁴⁴ (ил. 6, 1). Пряжка колесничего, представленная на камне, имеет достаточно сложную конфигурацию⁴⁵. Наиболее она соот-

носится с предметом из могильника Наньшаньген⁴⁶ (ил. 6, 2). Отличительной особенностью топора, представленного на данном изваянии, является отсутствие обуха, что достаточно редко встречается среди вещественных находок. Этот признак сближает рассматриваемое изображение с топором из провинции Шаньси⁴⁷. У изделия из Китая на обушной части читаются незначительно выступающие детали, но нет ярко выраженного, сформированного обуха (ил. 6, 3). Выбитый кинжал обладает следующими признаками: грибовидным навершием и таким же, как на ОК № 4, «шиповидным» перекрестием. Он помещен свободно под поясом без ножен. Образец, обладающий таким сочетанием форм, известен по материалам Горного Алтая. Это случайная находка с реки Яшмеш⁴⁸ (ил. 6, 4). Зеркало представлено максимально упрощенной формой и может быть соотнесено с большим блоком изделий раннескифского времени. В качестве примера приведено изделие из могильника Бийке⁴⁹ (ил. 6, 5).

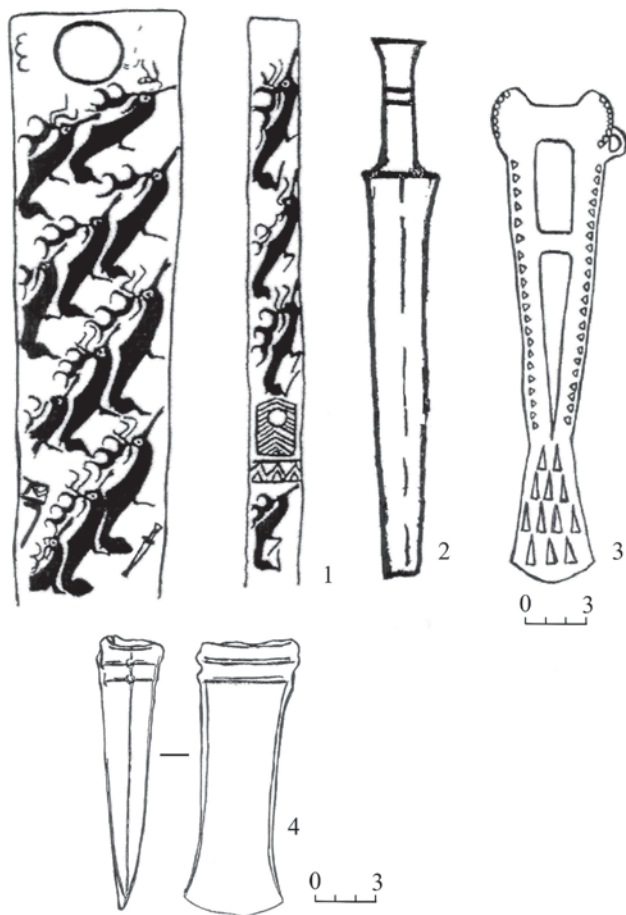
ОК № 10. Тыльная грань: щит. Правая грань: серьга, топор, кинжал (ил. 7, 1). Представленный на рассматриваемой стеле

Ил. 5. Комплекс Ушкийн-Увэр, «оленный» камень № 5. Прорисовка изваяния. Без масштаба. [По: 1 – Волков, 2002]

Ил. 6. Комплекс Ушкийн-Увэр, «оленный» камень № 9 и аналогии к изображенным реалиям. 1 – прорисовка изваяния; 2 – пряжка колесничего, могильник Наньшаньгень; 3 – топор, провинция Шаньси; 4 – кинжал, р. Яшмеш, Горный Алтай; 4 – зеркало, могильник Бийке. 1–3 – без масштаба. [По: 1 – Волков, 2002; 2 – Савинов, 1995; 3 – Мацумото, 2017; 4 – Членова, 1976; 4 – Кирюшин, Тишкин, 1997]

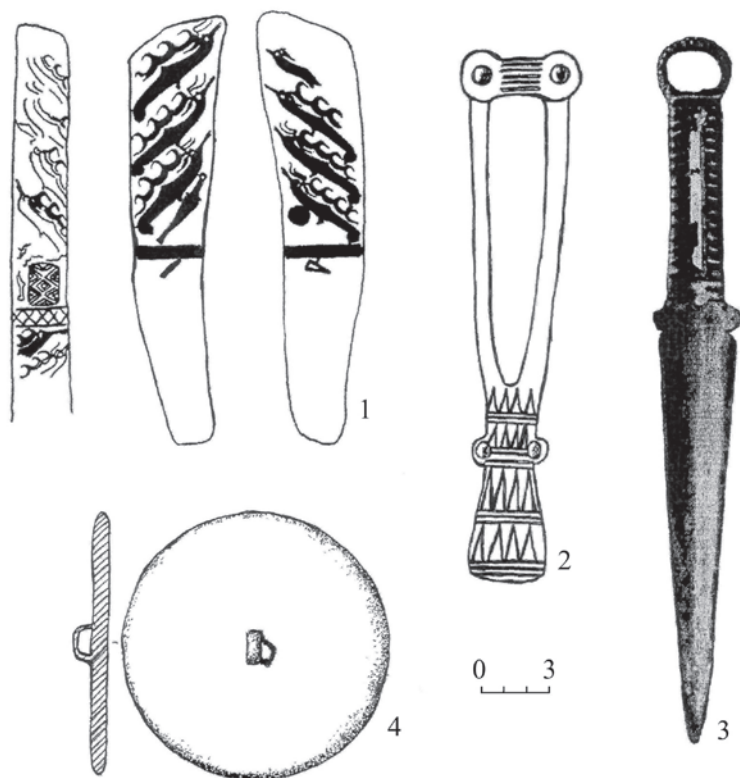
Ил. 7. Комплекс Ушкин-Увэр, «оленный» камень № 10 и аналогии к изображенным реалиям. 1 – прорисовка изваяния; 2 – кинжал, уезд Лишуй; 3 – ножны, Краснополье; 4 – кельт, Чжанцзяпо. 1–2 – без масштаба. [По: 1 – Волков, 2002; 2, 4 – Комиссаров, 1988; 3 – Поляков, 202.]

кинжал весьма сильно отличается от основного массива как изображений данного вида оружия на «оленных» камнях, так и от синхронных вещественных находок. Нестандартной особенностью изображения является трапециевидное навершие, не встречающееся у изделий карасукского круга. Наиболее близкой

аналогией может рассматриваться кинжал позднего бронзового века из Китая (уезд Лишуй)⁵⁰ (ил. 7, 2). На ОК № 10 кинжал представлен в ножнах. Их характерной особенностью является наличие трапецевидной бутероли в нижней части изделия. Бронзовые рамки от данных предметов снаряжения на текущий момент составляют уже целую серию. Нами, как один из вариантов, приводится рамка ножен из Краснополя⁵¹ (ил. 7, 3). Изображенное древковое оружие представлено, скорее всего, кельтом. В пользу этого говорят следующие признаки: рукоять в верхней части имеет дуговидный изгиб, что, скорее всего, говорит о ее Г-образной форме. Древко не выходит за пределы бойка, как это характерно для топоров с проушным или втульчатым насадом. Боек кельта подпрямоугольной формы, судя по изображению, у него отсутствуют ушки, что сближает его с находкой из Китая (Чжанцзяпо)⁵² (ил. 7, 4). Аналогия сереге простой кольцевой формы уже приводилась.

ОК № 12. Изваяние частично обломлено. Лицевая грань не определяется. На одной боковой грани (вероятно, правой, судя по расположению реалий) изображены: над поясом – кинжал, под поясом – прямоугольный предмет. В. В. Волков трактует его как «налучье»⁵³. Из-за невыразительности изображения мы в данном случае не беремся давать ему определение. На другой стороне стелы читаются зеркало и предмет, подвешенный к поясу, который также сложно интерпретировать (ил. 8, 1). Кинжал находится над поясом, но при этом помещен ножны. Ножны имеют форму, аналогичную той, что воспроизведена на ОК № 10. В качестве прототипа нами привлекалась рамка ножен из Бири⁵⁴ (ил. 8, 2). Сам кинжал имеет такие признаки, как кольцевидное навершие, незначительно выступающее «шипастое» протоперекрестие и достаточно длинный клинок (исходя из его соотношения с рукоятью). Подобное сочетание признаков присутствует у кинжала карасукского круга из Красноярско-Канского района⁵⁵ (ил. 8, 3). В качестве аналогии зеркалу использовалось изделие раннескифского времени из Горного Алтая (Бойтыгем-II)⁵⁶ (ил. 8, 4).

ОК № 14. Данное изваяние является наиболее выразительным не только в западном ряду, но и в целом на комплексе Ушкийн-Увэр. Помимо того, что на нем представлено значительное количество хорошо проработанных, репрезентативных реалий, на нем выбито изображение лица, что на «оленных» камнях встречается довольно редко. На лицевой грани изображены пряжка

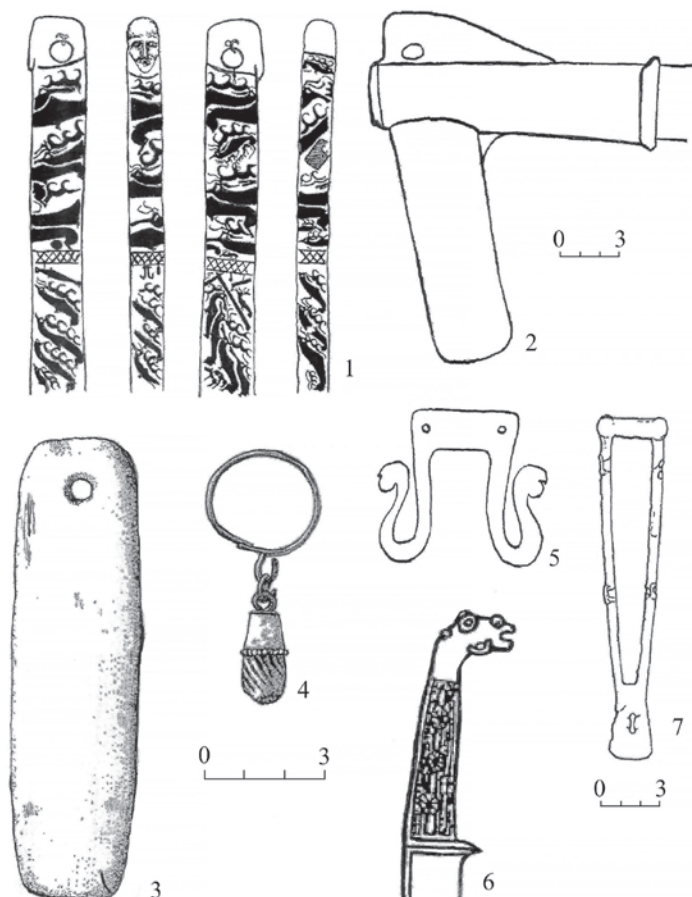
Ил. 8. Комплекс Ушкийн-Увэр, «оленный» камень № 12 и аналогии к изображенным реалиям. 1 – прорисовка изваяния; 2 – ножны, Биря; 3 – кинжал, Красноярско-Канский район; 4 – зеркало, Бойтыгем-II. 1 – без масштаба. [По: 1 – Волков, 2002; 2 – Поляков, 2021; 3 – Гришин, 1971; 4 – Кирюшин, Тишкин, 1997.]

колесничего и оселок. На правой грани: кольцевидная серьга с подвеской, топор, сумочка(?), горит без лука (все предметы подвешены к поясу). На левой грани: кольцевая серьга, зеркало над поясом. На тыльной грани: щит⁵⁷ (ил. 9, 1). Любопытной особенностью топора являются хорошо проработанная, выраженная высокая втулка, а также обух, оформленный в виде петли, за которую топор подвешен к поясу. Наиболее близкое по признакам изделие происходит из материалов VII–VI вв. до н. э. из Синьцзяна⁵⁸ (ил. 9, 2). Оселок имеет стандартную прямоугольную

форму. В качестве прототипа для него может выступать находка из Бойтыгема-II⁵⁹ (ил. 5; 6, 1). Пряжка колесничего имеет достаточно популярную для изображений на «оленных» камнях П-образную форму. При этом среди вещественных находок такое оформление этой детали снаряжения встречается крайне редко⁶⁰. Пряжка рассматриваемой формы известна из Тапхара (ил. 9, 5). Внимания заслуживает серьга сложной конструкции, выбитая на правом ухе. Помимо кольцевидной основы, она имеет сложно-составную подвеску: с вытянутой подовальной бусиной(?) и дополнительным элементом в виде раздвоенной вилки. Полной аналогии это изделие не находит. Близкая по общей конструкции серьга происходит из памятника VI–V вв. до н. э. с территории Центрального Казахстана (могильник Тасарал-III, курган 2). Данное изделие изготовлено из золота⁶¹ (ил. 9, 4). Кинжал, представленный на изваянии, имеет зооморфное навершие и помещен в ножны. В качестве аналогии приводим еще одну бронзовую рамку из памятника Кюргеннер I, курган 28 (могила-1) (ил. 9, 7). Более сложная ситуация с поиском вещественного прототипа изображенного навершия. Среди кинжалов изделий со сходным признаком не встречается. Поэтому в качестве прототипа нами использовалось навершие бронзового ножа из Хоуцзянчжуань⁶² (ил. 9, 6).

Нами приведен круг источников, которые могут выступать в качестве вещественных образцов по отношению к изображениям, представленным на «оленных» камнях западного ряда изваяний на комплексе Ушкийн-Увэр.

Представленная графическая реконструкция демонстрирует один из возможных вариантов воссоздания боевых наборов воинов-колесничих конца позднего бронзового века – начала раннескифского времени по данным комплекса Ушкийн-Увэр в Монголии. На ней продемонстрированы детали комплекса вооружения и снаряжения, применявшиеся в то время, а также способ распределения воинов с разными наборами оружия в колесничном строю. Подача материала в виде графического рисунка позволяет максимально наглядно показать уровень вооруженности того периода и особенности тактических приемов. Важной особенностью являлось, безусловно, использование в военном деле колесного транспорта. Этим обуславливался, в свою очередь, выбор средств нападения, которые должны были быть максимально эффективными для ведения боя с колесницы. Ведущая

Ил. 9. Комплекс Ушкийн-Увэр, «олонный» камень №14 и аналогии к изображенным реалиям. 1 – прорисовка изваяния; 2 – топор, Синцзян; 3 – оселок, Бойтыгем-II; 4 – серьга, Тасарал-III, курган № 2; 5 – пряжка колесничего, Тапхар, могила 68; 6 – зооморфное навершие бронзового ножа, Хоуцзянчжуань; 7 – бронзовая обкладка ножен, Кюргеннер-I, курган 28. 1, 5–6 – без масштаба. [По: 1 – Волков, 2002; 2 – Шульга, 2010; 3 – Кирюшин, Тишкин, 1997; 4 – Бейсенов, 2014; 5 – Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011; 6–7 – Поляков, 2021.]

роль отдавалась стрелковому комплексу и различным видам древкового оружия. Самым популярным средством защиты были легкие щиты, защищавшие воинов со спины.

¹ Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. С. 3; Волков В. В. Оленные камни Монголии. М., 2002. С. 14–15.

² Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 78; Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишников И. В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. № 1. Новосибирск, 2016. С. 83.

³ Волков В. В. Указ. соч. С. 78–83. Рис. 72.

⁴ Худяков Ю. С. Боевые колесницы в Южной Сибири и Центральной Азии // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. Ч. 1. С. 139–141.

⁵ Лихачева О. С. Анализ наборов вооружения с «оленных» камней Ушкийн-Увэра (Монголия) // *Parabellum novum*. № 19 (52). СПб., 2023. С. 5–13.

⁶ Лихачева О. С. Реконструкция вооружения носителей культуры «оленных» камней (по изображениям с памятника Ушкийн-Увэр) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ, 2018. С. 113–117. Рис. 1–2; Лихачева О. С. 2023. Указ. соч. Рис. 1–2.

⁷ Волков В. В. Указ. соч. С. 17–18; Новгородова Э. А. К вопросу о древнем центральноазиатском защитном вооружении // Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 1975. С. 225.

⁸ Волков В. В. Указ. соч. Табл. 74. Табл. 75.-2. Табл. 76.-2. Табл. 77.-1. Табл. 79.

⁹ Там же. Табл. 74.-2. Табл. 75.-2.

¹⁰ Там же. Табл. 74.-1. Табл. 76.-2. Табл. 77.-1. Табл. 79.

¹¹ Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. С. 54–55.

¹² Волков В. В. Указ. соч. Табл. 129.-1; Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989. С. 183. Рис. 15.

¹³ Тишкин А. А., Усова И. А. «Оленные» камни как источник для реконструкции костюма населения Азии аржано-майэмйского времени (по материалам памятников Монгольского Алтая) // Тезисы докладов круглого стола «Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии», посвященного 20-летию независимости Республики Казахстан, 23–25 ноября 2011. Караганды, 2011. С. 159.

¹⁴ Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы, хронология и периодизация). Барнаул, 2010. С. 18.

¹⁵ Там же. Рис. 44.-7.

¹⁶ Там же. С. 145. Рис. 47.-6. Рис. 74.-1–2, 5–7.

¹⁷ Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск, 2005. С. 51.

¹⁸ Тишкин А. А., Усова И. А. Указ. соч. С. 160–161.

- ¹⁹ Волков В. В. Указ. соч. С. 17; Новгородова Э. А. 1975. Указ. соч. С. 225; Тишкин А. А. Изображения щитов на «оленных» камнях и особенности их изучения // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). М.; Кемерово, 2019. С. 337.
- ²⁰ Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). СПб., 2003. Табл. LXV.-70–73.
- ²¹ Новгородова Э. А. 1975. Указ. соч. С. 225.
- ²² Лихачева О. С. 2023. Указ. соч. Табл. 2.
- ²³ Королькова Е. Ф. Властители степей. СПб., 2006. Ил. 41.
- ²⁴ Шульга П. И. Указ. соч. Рис. 42.-8–9. Рис. 80.-40–41.
- ²⁵ Там же. С. 79–80. Рис. 42.-8–9. Рис. 80.-40–41.
- ²⁶ Волков В. В. Указ. соч. С. 79–83. Табл. 74.-1. Табл. 75.-2. Табл. 76.-2. Табл. 79.
- ²⁷ Кожин П. М. Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 109–126; Худяков Ю. С. Общие направления развития военной организации и этносоциальной иерархии у древних кочевников Центральной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 3: Археология и этнография. С. 103–110; Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н. э.). СПб., 2011. С. 153. Рис. 39; Есин Ю. Н., Магай Ж., Гантулга Ж.-О., Еруул-Эрдене Ч. Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова. СПб., 2021. С. 600–620.
- ²⁸ Кожин П. М. Указ. соч. С. 118–119. Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Указ. соч. Рис. 2–3; Волков В. В. Указ. соч. Табл. 103.-2;
- ²⁹ Худяков Ю. С. 2002. Указ. соч. С. 139–141.
- ³⁰ Савинов Д. Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. СПб., 1995. С. 57–66.
- ³¹ Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980. S. 99. (На нем. яз.).
- ³² Кожин П. М. Указ. соч. С. 111–112.
- ³³ Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988. Рис. 35.
- ³⁴ Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Указ. соч. Рис. 39.
- ³⁵ Худяков Ю. С. 2002. Указ. соч. С. 139–141.
- ³⁶ Там же. С. 79–80. Табл. 74.-1.
- ³⁷ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. Табл. 2.-1–7; Горелик М. В. 2006. Табл. VII.-70–72.
- ³⁸ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. Вып. В3-12. М., 1971. Табл. 8.-4.
- ³⁹ Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Небесный меч: Культура бронзовых изделий от бронзового века до империи Хунну. Улан-Батор: «Солнечная Монголия сегодня», 2011. С. 321. Рис. 326а–b. (На монг. яз.).
- ⁴⁰ Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. Рис. 56.-3.
- ⁴¹ Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 20. Рис. 83.-8.

- ⁴² Лылова Е. В. Об одном типе серег из погребений ранних кочевников Южного Урала // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 30, 35. Рис. 4.-1–2.
- ⁴³ Горелик М. В. Указ. соч. Табл. XXV.-51.
- ⁴⁴ Волков В. В. 2002. Указ. соч. С. 81. Табл. 6.-2.
- ⁴⁵ Савинов Д. Г. Указ. соч. С. 57–66; Волков В. В. Указ. соч. Табл. 76.-2.
- ⁴⁶ Савинов Д. Г. Указ. соч. Рис. 2.-5.
- ⁴⁷ Мацумото К. Карасукские боевые топоры и клевцы «гэ» // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1(17). Серия археология. Вып. 4. Абакан, 2017. Рис. 6.-10.
- ⁴⁸ Членова Н. Л. Указ. соч. Табл. 6.-12.
- ⁴⁹ Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Указ. соч. Рис. 66.-2.
- ⁵⁰ Комиссаров С. А. Указ. соч. С. 58, 75. Рис. 60.
- ⁵¹ Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки могильников в Западной Сибири // Археологические открытия 1965 года. М., 1966. С. 13; Поляков А. В. Аналогии бронзам из Минусинских котловин на оленных камнях // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб., 2021. Рис. 1.-2.
- ⁵² Комиссаров С. А. Указ. соч. С. 40–41. Рис. 23.
- ⁵³ Волков В. В. Указ. соч. С. 82.
- ⁵⁴ Поляков А. В. Указ. соч. Рис. 1.-2.
- ⁵⁵ Гришин Ю. С. Указ. соч. Табл. 8.-2.
- ⁵⁶ Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Указ. соч. Рис. 66.-5.
- ⁵⁷ Волков В. В. Указ. соч. С. 82–83.
- ⁵⁸ Шульга П. И. Указ. соч. Рис. 79.-12.
- ⁵⁹ Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Указ. соч. Рис. 56.-1.
- ⁶⁰ Савинов Д. Г. Указ. соч. Рис. 2.-10–18.
- ⁶¹ Бейсенов А. З. Серьги сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6 (32). С. 125. Рис. 6.-1.
- ⁶² Поляков А. В. Указ. соч. Рис. 2.-5.

Н. В. Ломакин (Санкт-Петербург)

**НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ...
ЛЮБОПЫТНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
КАПСЮЛЬНЫХ ПРОИЗВОЛЬНЫХ
ПИСТОЛЕТОВ В КОЛЛЕКЦИИ ВИМАИВВС**

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи изначально создавался на базе армейского арсенала, состоял и до сих пор состоит в ведении военного ведомства, что не могло не наложить свой отпечаток на формирование его коллекции ручного огнестрельного оружия. Понятно, что в этом случае преобладание военных образцов просто неизбежно и не должно вызывать никакого удивления. Впрочем, какое-то количество гражданского огнестрельного оружия должно было попадать в музейные фонды – никто не отменял дары, закупку, передачу из конфиската от правоохранительных органов и другие источники. Вашему вниманию будет представлен небольшой срез из коллекции отечественных капсюльных пистолетов, в котором неармейские образцы занимают около 25 процентов. Какая-то часть этой коллекции уже публиковалась ранее (особенно это касается дуэльных пистолетов), однако та часть, которую можно отнести к карманным, дорожным и охотничьим пистолетам, не обращала на себя пристального внимания исследователей. Тут надо отметить, что довольно значительное количество произвольных капсюльных пистолетов, отнесенных к отечественным, вообще не имеют какого-либо клеймения (даже надписей или монограмм владельцев). Поэтому было решено включить в представленное сообщение только те экземпляры, которые несомненно можно определить как русские или, в крайнем случае, несущие на себе признаки, свидетельствующие о владельце из России.

Начнем, пожалуй, с образцов с замками, претерпевшими переделку из кремневых в капсюльные. Практика эта была распространена не только в государственных военных структурах, старающихся экономить каждую копейку, но и среди частных лиц, справедливо рассудивших, что переделка – это не покупка новой вещи, а вполне себе подъемные затраты, и в конце концов, если послуживший, но годный пистолет можно перелицевать, как рачительный хозяин перелицовывает сюртук, так почему бы и нет?

1. Пистолет-мушкетон капсюльный переделочный произвольный (ил. 1).

Ствол бронзовый, массивный, круглый, в казенной части граненый, членен поясками, казенный винт железный. Канал ствола гладкий, дульная часть оканчивается раструбом. На казенной части ствола справа установлен круглый подстержник с брандтрубкой. Ствол укреплен в ложе, проходящей через ушко на нижней образующей ствола, и винтом, проходящим через хвостовик казенного винта. Казенная часть ствола украшена гравированным растительным орнаментом, на верхней грани вырезана надпись «ХРИСАНФА РЕККЕРТА».

Ил. 1. Пистолет-мушкетон капсюльный переделочный произвольный. а) Вид справа; б) Вид слева; в) Средняя часть и замок; г) Надпись на казенной части ствола; д) Дульный срез.
ВИМАИВиВС. 100Ф 39-156

Прицельные приспособления отсутствуют.

Замок ударный, капсюльный, переделанный из кремневого. Переделка заключается в снятии огнива, подогнивной пружины, заделке отверстий под них, обрезке полки и установке курка с молоточком. Молоточек курка с прорезью. На замочной полке нанесена надпись в две строки «Potzdammagaz // D S E».

Ложа ореховая, с цевьем практически во всю длину ствола и круглой, незначительно уплощенной с боков рукоятью; на нижнем крае рукояти имеется выступ. Прибор ложи латунный, включает в себя шомпольную трубочку, спусковую скобу и накладку под замочные винты. Шомпольная трубочка круглая, с поясками и каплевидным задним концом, укреплена в ложе шпилькой. Спусковая скоба с фигурным передним (в виде пальметты) и полукруглым задним концами, украшена гравированным растительным орнаментом. Накладка под замочные винты фигурная, также украшена гравированным растительным орнаментом.

Шомпол деревянный, круглый, с головкой из черного рога.

Калибр в раструбе 51,8 мм, длина ствола 368 мм, общая длина 580 мм.

Изготовлен в Российской империи в начале XIX в. (?) как кремневый с использованием прусского замка XVIII в., в 1840-х гг. (?) переделан в капсюльный. Поступил в музей до 1935 г.

Представленный пистолет-мушкетон своим видом сразу напоминает иллюстрации детских книжек, где подобными устрашающим оружием вооружались отрицательные персонажи вроде пиратов, разбойников и прочих деструктивных элементов человеческого общества. Однако в реальности дело обстояло несколько иначе. Такое оружие возилось в качестве дорожного теми людьми, чья профессиональная деятельность прямо требовала поездок в местности, где не к ночи помянутые деструктивные элементы если и не водились во множестве, то вполне могли повстречаться по дороге, а выбор «жизнь или кошелек» – он часто только в тех сказках и встречался: как правило, забирали и то, и другое... Поэтому способный шокировать зарядом доброй картечи разбойную ватагу или лихого одиночку и дать возможность при удаче удрать пистолет был для солидного путника в карете-фургоне-телеге (нужное подчеркнуть) очень нужной вещью. Предположительно, был изготовлен на заказ, на стволе нанесено имя владельца.

2. Пистолет капсюльный произвольный переделочный из кремневого (ил. 2).

Ствол железный, круглый, с гранью на верхней образующей и с гранями в казенной части. Канал ствола гладкий. В казенной части ствола справа укреплен железный подстержник с ввинченной в него брандтрубкой. Ствол крепится в ложе ложевым кольцом и винтом, проходящим через отверстие в хвостовике казенного винта.

Прицельные приспособления состоят из небольшой латунной полукруглой мушки, укрепленной на ложевом кольце, и невысокого выступа с прорезью на хвостовике казенного винта, выполняющего роль целика.

Замок ударный, капсюльный, переделан из кремневого. Переделка заключалась в снятии огнива с подогнивной пружиной и заделке отверстий под них в замочной доске, а также установке нового курка с молоточком. На замке нанесена надпись «ТУЛА» с геометрическим орнаментом (три ромба) под ней.

Ложа ореховая, с длинным цевьем практически во всю длину ствола, закрытой шомпольной дорожкой и овальной сплюснутой рукоятью, нижняя часть которой имеет небольшой выступ вперед. Прибор ложи латунный, состоит из ложевого кольца, спусковой скобы, набалдашника, накладки под замочные винты и спинки рукояти. Ложевое кольцо широкое, с выступом внизу для прохода шомпола (не сохранился) и фигурным вырезом сверху. Спусковая скоба с фигурным (в виде вазона) передним краем и овальным задним краем. Набалдашник с фигурным верхним краем и передним выступом, крепится в рукояти шурупами, головка одного из них выполнена

Ил. 2. Пистолет-мушкетон капсюльный переделочный произвольный. а) Вид справа; б) Вид слева; в) Средняя часть и замок. ВИМАИВиВС. 100Ф 39-146

в виде проушины с кольцом; другой шуруп не сохранился. Накладка под замочные винты фигурная. Спинка рукояти с фигурным передним концом, охватывающим хвостовик казенного винта, и овальной площадкой на шейке рукояти, укреплена к ложе шурупами; задник конца спинки смыкается с выступом набалдашника.

За ложевым кольцом на цевье гвоздями укреплена позднейшая ремонтная накладка из латуни.

Калибр 12,1 мм, длина ствола 165 мм, общая длина 278 мм.

Изготовлен как кремневый в Туле, предположительно в первой четверти XIX в. В 1840-х гг. переделан в капсюльный. Поступил в музей до 1935 г.

Данный пистолет можно отнести к категории дорожных. Неизвестный мастер, изготовивший этот предмет, судя по элементам оформления, явно вдохновлялся военными образцами – или заказчик был из отставных военных и желал приобрести оружие, выполненное в привычной стилистике.

3. Пистолет капсюльный произвольный карманный работы мастера А. С. Бабякина (ил. 3).

Ствол железный, граненый, снаружи травлен «под дамаск», канал ствола нарезной, с множественными мелкими нарезками. Ствол выполнен как единое целое с железным казенником формы, близкой к прямоугольной. С правой стороны ствола укреплен подстержник, в подстержник ввинчена брандтрубка. Ствол крепится к рукояти двумя винтами, проходящими сквозь прямой верхний

Ил. 3. Пистолет капсюльный произвольный карманный работы мастера А. С. Бабякина. а) Вид справа; б) Вид справа, курок взведен; в) Вид сверху. Надпись мастера; г) Вид слева. ВИМАИВиВС. 1ООФ 39-168

и нижний изогнутый хвостовики казенника. Ствол украшен золотой насечкой в виде пояса, казенник украшен гравированным растительным орнаментом. На казеннике сверху насечена золотом надпись в две строки «ТУЛА // БАБЯКИНЪ» с элементом геометрического орнамента в качестве разделителя между строками. На верхнем хвостовике казенника золотом насечена цифра 2.

Прицельные приспособления состоят из железной мушки в форме четверти круга в дульной части ствола и прорези на выступе (холке) казенника, служащей целиком.

Замок ударный, капсюльный. Детали замка смонтированы в казеннике. Курок фигурный, молоточек курка выполнен в виде фантастического животного, ножка курка украшена гравированным растительным орнаментом. Спуск складной. На стороне спуска, обращенной в сложенном положении наружу, выгравирован растительный орнамент.

Ложа пистолета состоит из одной рукояти. Рукоять ореховая. В рукояти выполнено небольшое хранилище (крышка не сохранилась). На шейке рукояти укреплены миниатюрный овальный щиток для монограммы владельца и миниатюрный винт с головкой в виде проушины.

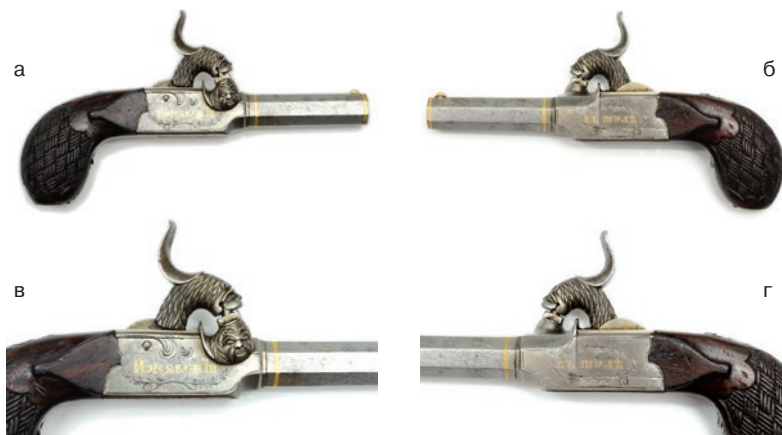
Калибр 13,3 мм, длина ствола 78 мм, общая длина 190 мм.

Изготовлен мастером А. С. Бабякиным в Туле в 1840-х – 1850-х гг.¹ Куплен у частного лица в 1938 г.

4. Пистолет капсюльный произвольный карманный работы мастера Ижевского (ил. 4).

Ствол железный, граненый, снаружи травлен «под дамаск», канал ствола гладкий. Ствол выполнен как единое целое с железным казенником формы, близкой к прямоугольной. С правой стороны ствола укреплен фигурный подстержник, выполненный в виде маскарона; в подстержник ввинчена брандтрубка. Ствол крепится к рукояти двумя винтами, проходящими сквозь прямой верхний и нижний изогнутый хвостовики казенника. Ствол украшен золотой насечкой в виде поясков, казенник украшен гравированным растительным орнаментом. На казеннике насечены золотом надписи: справа – «Ижевскіи»; слева – «въ тульѣ» На верхнем хвостовике казенника золотом насечена цифра 1.

Прицельные приспособления состоят из железной подвижной мушки в дульной части ствола и прорези на выступе (холке) казенника, служащей целиком.

Ил. 4. Пистолет капсюльный произвольный карманный работы мастера Ижевского. а) Вид справа; б) Вид слева; в) Вид справа на среднюю часть; г) Вид слева на среднюю часть. ВИМАИВиВС. 100Ф 39-174

Замок ударный, капсюльный, серединного типа, с курком, смещенным вправо. Детали замка смонтированы в казеннике. Курок фигурный, открытая часть ножки и молоточек курка выполнены в виде фантастического животного. Спуск складной. На стороне спуска, обращенной в сложенном положении наружу, выгравирован растительный орнамент.

Ложа пистолета состоит из одной рукояти. Рукоять ореховая, с резной сеткой. В рукояти выполнено небольшое хранилище (крышка не сохранилась).

Калибр 10,6 мм, длина ствола 52 мм, общая длина 170 мм.

Изготовлен мастером Ижевским в Туле в 1840-х – 1850-х гг., поступил в музей из склада НКВД в 1941 г.

Два представленных выше пистолета – тульской работы, достаточно известных мастеров А. С. Бабякина и Ижевского. Относятся к карманному оружию, изготавливались парами, но пары в коллекции музея не выявлены. Для уменьшения риска зацепиться при вынимании из кармана за одежду их спусковые крючки выполнены складными, откидывающимися только при взведении курка. Отличаются высокохудожественным исполнением. Пистолет Бабякина для улучшения кучности и резкости боя имеет нарезной канал ствола.

5. Пистолет капсюльный произвольный карманный (ил. 5).

Ствол железный, круглый, канал ствола нарезной, с двенадцатью мелкими полукруглыми в профиле нарезами. Ствол vyplнен как единое целое с казенником, от которого отходит вниз загнутый хвостовик. С правой стороны казенника укреплена заглубленная невысокая брандтрубка. В глухом заднем торце ствола имеется отверстие для передачи луча огня от брандтрубки к заряду. Ствол крепится к рукояти винтом, проходящим через отверстие хвостовика казенника и ввинченного в резьбовое отверстие в хвостовике крышки замка. На стволе сверху нанесена надпись «Е. ЖИЛИНЪ».

Прицельные приспособления состоят из одной цилиндрической невысокой железной мушки, размещенной в дульной части ствола сверху.

Замок ударный, капсюльный, с движением курка в горизонтальной плоскости и со складным спуском. На курке проушины для складной спицы (не сохранилась). Детали замка смонтированы на небольшой замочной доске с левой стороны пистолета и в казеннике. Сверху замок закрыт крышкой с загнутым вниз хвостовиком, крышка крепится с помощью винта (позднейшая реплика).

Ложа пистолета состоит из одной рукояти. Рукоять ореховая (?), тонированная морилкой, овальной формы, расширяющаяся книзу, с вырезанными продольными канавками и железным

Ил. 5. Пистолет капсюльный произвольный карманный. а) Вид справа; б) Вид справа, курок взведен, спуск в боевом положении; в) Вид слева; г) Вид сверху. Надпись владельца. ВИМАИВиВС. 100Ф 39-154

затыльником, повторяющим очертания нижнего торца рукояти. В рукояти выполнено небольшое хранилище, доступ к которому открывается откидной крышкой на затыльнике. Казенник, крышка замка, курок и затыльник рукояти украшены гравированным растительным орнаментом. На стороне спуска, обращенной в сложном положении наружу, нарезана сетка.

Калибр: по нарезам 11,7 мм, по полям 11 мм; ширина нарезов 1,5 мм, глубина нарезов 0,7 мм, длина ствола 68 мм, общая длина 190 мм.

Пистолет изготовлен, предположительно, в Российской империи в 1850-х гг. Поступил в музей до 1935 г.

Из трех карманных пистолетов этот наиболее интересен по своей конструкции и, по-видимому, изготовлен позже, чем тульские. Круглый казенник в сочетании со складной не сохранившейся, к сожалению, спицей курка с движением последнего в горизонтальной плоскости – все говорит о том, что изготовитель пистолета в должной мере оценил возможности капсюльного замка и не стал копировать прежние варианты, отличающиеся от кремневых только способом воспламенения. Некоторый риск в том, что капсюль может слететь с брандтрубки в самый неподходящий момент, конечно, имелся, но этим решили пренебречь в свете удобства ношения и выхватывания в случае опасности. Нанесенная на ствол фамилия с инициалом – скорее всего, владельческое клеймо.

Все три карманных образца – пример оружия, с которым человек, относящийся к разряду «уважаемых» и далеко не бедных, мог позволить себе без особых опасений выйти в темное время суток или пересечь те места, где водились подозрительные личности, готовые избавить ближнего своего от лишней собственности... Пистолеты тульских мастеров обращают на себя внимание качеством работы и изяществом отделки, выгодно отличаясь в этом плане от многочисленных грубоватых (но и дешевых) изделий бельгийских мастеров.

6. Пистолет капсюльный охотничий двустольный работы мастера А. Н. Евдокимова (ил. 6).

Стволы стальные, круглые, заблокированы в горизонтальной плоскости, каналы стволов гладкие. В казенную часть стволов ввинчены брандтрубки. Стволы укреплены в ложе с помощью

задвижки, проходящей через ушко на нижней образующей ствола и крюка в казенной части стволов. За стволами на ложе винтом укреплена стальная скоба с фигурным хвостовиком. На соединительной планке стволов нанесена надпись «А. Н. Евдокимовъ. Въ Ижевскѣ».

Прицельные приспособления состоят из одной латунной круглой мушки, укрепленной на соединительной планке сверху на небольшом расстоянии от дульного среза. Замки ударные, капсюльные, тип прямой. Молоточки курков с прорезями. Спусковой механизм с двумя спусковыми крючками.

Ложа березовая, с овальной рукоятью, длинным цевьем и закрытой шомпольной дорожкой. Прибор ложи стальной, состоит из наконечника цевья, одновременно выполняющего роль шомпольной трубочки, спусковой скобы и глазков под задвижку крепления стволов.

Стволы и наконечник цевья оксидированы.

Шомпол деревянный, круглый, со стальным наконечником (позднейшая реплика).

Калибр 13,4 мм, длина стволов 273 мм, общая длина 455 мм.

Изготовлен А. Н. Евдокимовым в Ижевске в 1860-х гг.(?)². Поступил в музей до 1935 г.

Еще один подвид капсюльных произвольных пистолетов – охотничьи (чаще всего двуствольные). Это оружие было популярно начиная примерно с 1840-х гг. Основное его

Ил. 6. Пистолет капсюльный охотничий двуствольный работы мастера А. Н. Евдокимова. а) Вид справа; б) Вид слева; в) Вид справа, средняя часть и замок; г) Вид сверху. Надпись мастера. ВИМАИВИВС. 100Ф 39-199

назначение – «добор» подранков на короткой дистанции, что было полезно, если охотник использовал дульнозарядное ружье, которое быстро не зарядишь. Оно могло также использоваться в качестве дорожного оружия не самыми состоятельными потребителями где-то с 1860-х гг., когда тот, кто побогаче, для безопасности в дороге приобретал револьвер, а на охоте использовал казнозарядное оружие, и такая «эрзац-двустволка» ему уже не требовалась. Представленный пистолет интересен тем, что здесь нет указания именно на фабрику А. Н. Евдокимова, то есть он здесь представлен как мастер, а не фабрикант.

Итак, в данном сообщении представлен небольшой срез коллекции отечественных капсюльных произвольных пистолетов в собрании ВИМАИВиВС, использовавшихся в качестве дорожных, карманных и охотничьих, позволяющий оценить образцы, использовавшиеся штатскими потребителями и носившиеся (или возившиеся) именно на тот случай, когда применение оружия может многократно снизить риски, если оно имеется под рукой.

¹ Шокарев Ю. В. Русское охотничье оружие. Мастера и фирмы. М., 2004. С. 149.

² Там же. С. 174–175. По данным Ю. В. Шокарева фабрику Евдокимов открыл только в 1867 г.

В. Е. Лукин (Санкт-Петербург)

Артиллерийский научно-исследовательский морской институт (АНИМИ) в битве за Ленинград 1941–1944 гг.

В битве за Ленинград в 1941–1944 гг. принимали участие не только боевые артиллерийские части и подразделения, но и артиллерийские научно-исследовательские и научно-испытательные учреждения Красной армии и Военно-морского флота. Им принадлежала важная роль в использовании военно-научных достижений для обороны блокированного города. На Ленинградском фронте они участвовали в контрбатарейной борьбе с артиллерией противника, поддерживали артиллерийским огнем действия наших войск в оборонительных и наступательных операциях. Занимались снаряжением боеприпасов. Проводили контрольные и опытные испытания оборонной продукции, выпускаемой ленинградскими предприятиями, конструировали новые образцы артиллерийского вооружения и боеприпасов, изучали и исследовали трофейное оружие.

В числе воинских частей, организаций и учреждений, принимавших участие в обороне Ленинграда, были и артиллерийские научно-исследовательские и научно-испытательные учреждения Военно-морского флота, одно из них – Артиллерийский научно-исследовательский морской институт (АНИМИ).

Начавшаяся война изменила привычный ритм работы артиллерийских научно-исследовательских и научно-испытательных учреждений ВМФ. Многие гражданские сотрудники ушли добровольцами на фронт, другие были призваны по мобилизации, изменилась и жизнь оставшихся в этих учреждениях военных и гражданских специалистов.

В июне 1941 г., когда фронт еще находился под Лугой и Кингисепом, перед АНИМИ была поставлена задача по обеспечению

быстрого создания вокруг Ленинграда кольца из 152-мм стационарных и 130-мм железнодорожных батарей. По тактико-техническим данным, разработанным под руководством инженера Н. А. Сулимовского, была создана документация и изготовлены чертежи для комплектования 20 двухорудийных батарей¹.

В августе 1941 г., по мере готовности орудий, началась их установка под Красногвардейском (Гатчиной), Колпино и Шлиссельбургом. К этому времени уже были выбраны и оборудованы все огневые позиции. Установка орудий выполнялась при непосредственном участии специалистов Морского артиллерийского института, как и их отстрел – порой в боевых условиях под огнем противника.

Одной из главных задач АНИМИ с началом войны стала задача по скорейшему вводу в строй артиллерии строящихся кораблей. В Ленинграде это была артиллерия главного калибра крейсера «Петропавловск». При непосредственном техническом руководстве Морского артиллерийского института на крейсере были введены в строй артиллерия и прицельная оптика, а личный состав обучен порядку и правилам обращения с ними.

Накануне блокады Ленинграда на оптическом полигоне АНИМИ успешно прошли подготовку около 100 дальномерщиков и визирщиков с кораблей и береговых батарей Краснознаменного Балтийского флота, принявших затем активное участие в обороне города².

С началом войны сотрудники Морского артиллерийского института приступили к выполнению различных оборонных заданий для фронта. Инженеры П. Т. Гельгиссер, С. А. Гринберг и Ю. А. Романовский оборудовали командный пункт начальника артиллерии Морской обороны Ленинграда и Озерного района. Научные сотрудники В. Т. Арутюнян, В. К. Круг, В. К. Михайлов и Н. А. Сулимовский создавали береговые и железнодорожные батареи, а Я. Ф. Авраменко, М. З. Вильнер и Л. С. Шур формировали и готовили личный состав береговых стационарных и морских железнодорожных батарей.

В июне–августе 1941 г. на строительство оборонительных сооружений под Ленинградом Морской артиллерийский институт ежедневно выделял от 20 до 30 человек³.

В августе 1941 г. в АНИМИ началось увольнение гражданских сотрудников. Причин было две: предстоящая эвакуация и значительное сокращение штатов в связи со свертыванием

научно-исследовательских работ. Из 215 гражданских сотрудников предстояло сократить 167⁴.

В сентябре 1941 г. все военнослужащие Морского артиллерийского института также были переведены на казарменное положение и сведены в роту. Командиром роты был назначен капитан 1-го ранга А. А. Якубович, в прошлом начальник редакционно-издательского отдела.

Огневые позиции для кораблей и береговых батарей под Ленинградом определяла специальная комиссия, в которую от АНИМИ входили В. Т. Арутюнян и Н. Р. Тимофеев. По результатам работы этой комиссии и в соответствии с выбранными рекомендациями корабли заняли позиции на Неве, в торговом порту и на кронштадтском рейде.

В ходе обороны Ленинграда по инициативе АНИМИ вокруг города были созданы цепи ложных артиллерийских батарей. Для этого Морским артиллерийским институтом была разработана специальная имитационная система, которая имитировала световой и звуковой эффект выстрела орудий различного калибра. Конструкцию и снаряжение имитационных патронов, которые приводились в действие с помощью специального подрывного коммутатора, разработал инженер Морского артиллерийского института М. И. Зельцер.

В августе 1941 г. установили первую ложную батарею у Ивановских порогов, на правом берегу Невы. Находясь в 1,5 км от реальной батареи, она имитировала стрельбу из 180-мм орудий. Помимо имитационных патронов были сооружены и макеты орудий. Управлялась батарея дистанционно с командного пункта реальной батареи. Ложная батарея неоднократно подвергалась противником интенсивному артиллерийскому и минометному обстрелам. Дважды по ней наносились бомбовые удары. На основе полученного опыта по отработанной методике ложные батареи были созданы при всех береговых стационарных и двух морских железнодорожных батареях.

Опыт первых дней обороны Ленинграда показал, что высокой живучестью и большой эффективностью обладают морские железнодорожные батареи. Их изготовление на ленинградских предприятиях осуществлялось при активном участии специалистов АНИМИ.

К январю 1942 г. по сравнению с началом войны число таких установок на железнодорожных ветках в окрестностях Ленинграда увеличилось в 3,5 раза⁵.

В конце августа–начале сентября 1941 г. для выполнения задачи по овладению Ленинградом противник сосредоточил огромные силы: 32 пехотные, 4 моторизованные, 4 танковые дивизии, кавалерийскую бригаду – 300 000 солдат и офицеров. Эта группировка имела 3000 орудий, 19 000 ручных, легких и станковых пулеметов, 4500 минометов, 1000 танков. С воздуха ее поддерживал воздушный флот генерала Келлера, насчитывавший 1000 боевых самолетов⁶. Все это было брошено на штурм Ленинграда.

Из недавно рассекреченных телеграфных переговоров между И. В. Сталиным и командованием войсками Северо-Западного направления стало известно, какую роль он отводил артиллерии, и в частности морской, в битве за Ленинград.

22 августа 1941 г. И. В. Сталин телеграфировал руководству города и фронта: «...Мы думаем, что оборона Ленинграда должна быть, прежде всего, артиллерийской обороной. Надо занять все возвышенности в районе Пулковы и других районов, выставить там серьезную артиллерийскую оборону, имея ввиду морские пушки»⁷. Последующая оборона Ленинграда полностью подтвердила правильность этого решения.

29 августа 1941 г. В. М. Молотов и Л. М. Каганович, посланные для оказания помощи местному руководству в организации обороны города, докладывали Сталину из Ленинграда: «...В течение первого дня при помощи приехавших с нами товарищей мы занимались приведением в ясность дел в отношении имеющихся здесь артиллерии и авиации, возможной помощи со стороны моряков, особенно по морской артиллерии»⁸.

В августе–сентябре 1941 г. умелое взаимодействие артиллерии Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота позволило отразить штурм Ленинграда противником и остановить его наступление на подступах к городу.

В своих мемуарах Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов написал об этом так: «Наземная, береговая и корабельная артиллерия на этот раз упредили противника. Обрушив на него мощные удары, она нанесла врагу большие потери. Наступление гитлеровцев было сорвано»⁹.

В сентябре 1941 г. в отражении штурма противником Ленинграда участвовало свыше 400 морских орудий крупного калибра. Около 60 морских орудий калибром 152-мм были переданы сухопутным войскам и установлены в укрепленных районах¹⁰.

После начала блокады Ленинграда вопрос по дальнейшему использованию Морского артиллерийского института был решен следующим образом. В октябре 1941 г. заместитель Наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков, который находился тогда в городе, своей властью принял такое решение: «В связи со сложившейся обстановкой в г. Ленинграде перебазировать морской институт в г. Ульяновск, за исключением лиц, оставленных для обслуживания нужд обороны г. Ленинграда»¹¹.

Директивой начальника Артиллерийского управления Военно-морского флота (АУВМФ) № 117197 от 14 ноября 1941 г. АНИМИ был расформирован, а на его базе были созданы Научно-исследовательский отдел (НИО) и Оперативная группа (ОГ) в Ленинграде¹². В директиве говорилось: «...Все функции научно-исследовательского органа по артиллерийскому вооружению переходят к Научно-исследовательскому отделу. На Оперативную группу в Ленинграде возлагается обслуживание нужд Ленинградского фронта, систематизация опыта войны и выполнения заданий Артиллерийского управления Военно-Морского Флота»¹³. В состав ОГ вошли 27 военнослужащих и 20 гражданских сотрудников, ее начальником был назначен полковник И. М. Корсаков¹⁴.

Оперативная группа в блокадном Ленинграде состояла из четырех отделов: первый (материальной части и электрооборудования), второй (боеприпасов), третий (приборов управления стрельбой, оптики и прожекторов), четвертый (правил и таблиц стрельбы). В составе группы также имелись административно-хозяйственный отдел, секретная и финансовая части.

В период битвы за Ленинград одной из основных задач сначала Морского артиллерийского института, а впоследствии и Оперативной группы, стало обучение артиллеристов флота более эффективным способам стрельбы на основе научно-исследовательской работы АНИМИ, проделанной уже в ходе войны.

В сентябре 1941 г. специалисты АНИМИ инженеры М. В. Зинченко, В. В. Никитин и К. П. Рышков проверили на кораблях Невской оперативной группы состояние управления приборов стрельбы и прицельной оптики. По результатам этой проверки Морским артиллерийским институтом был составлен отчет, положивший начало опыта боевой эксплуатации артиллерийского вооружения.

С октября 1941 г. и по март 1942 г. ведущие специалисты ОГ Морского артиллерийского института П. А. Павлов и А. А. Свешников совершили более 30 выездов на корабли и береговые батареи Краснознаменного Балтийского флота¹⁵. Их главная задача была в обучении личного состава зенитных батарей новым правилам стрельбы по самолетам противника. Эти правила были разработаны на основе научно-исследовательской работы, выполненной инженером А. В. Денисовым.

В декабре 1941 г. специалисты Оперативной группы А. В. Денисов, А. Т. Мельников, А. Н. Шибаев и В. В. Никитин были командированы в Ижорский укрепленный район для проведения инспекции с целью повышения боеготовности батарей кронштадтских фортов. Поставленная задача была успешно выполнена, они не только проинспектировали Ижорский сектор обороны и устранили на месте обнаруженные недостатки, но обеспечили высокую боеспособность батарей.

В феврале 1942 г. на крейсере «Киров» для командиров групп управления стрельбой кораблей эскадры Краснознаменного Балтийского флота под руководством специалистов Оперативной группы А. Т. Мельникова и П. А. Павлова была организована учеба. Активное участие представителей ОГ в боевых действиях на Ленинградском фронте и постоянный контакт с кораблями и береговыми батареями флота позволили собрать большой материал по опыту и результатам боевых стрельб.

Весной 1942 г. по инициативе ОГ Морского артиллерийского института на Научно-испытательном морском артиллерийском полигоне были организованы первые за все время войны сборы морских артиллеристов. В порядке подготовки к этим сборам специалистами Оперативной группы под руководством инженера А. Г. Кармана были проведены научно-исследовательские работы под названиями: «Наивыгоднейший обстрел площадей при стрельбе по невидимым береговым целям» и «Возможность перехода на поражение без пристрелки при полной подготовке»¹⁶.

В декабре 1942 г. положение под Ленинградом продолжало оставаться трудным, враг продолжал сжимать город кольцом блокады.

8 декабря 1942 г. Ставка Верховного Главного Командования Красной армии издала директиву о проведении наступательной операции по прорыву блокады Ленинграда.

Замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами двух фронтов – Ленинградского с запада и Волховского

с востока – разгромить группировку противника на Шлиссельбургско-Синявинском выступе, прорвать вражескую блокаду и восстановить связь Ленинграда с центральными районами страны по суше.

Операция носила условное наименование «Искра». Войскам обоих фронтов, наступающим по пересеченной лесисто-болотистой местности, предстояло преодолеть сильно укрепленные узлы сопротивления. Наступающим с запада войскам Ленинградского фронта надо было форсировать под огнем противника Неву – шириной до 700 м, с обрывистым берегом¹⁷.

Артиллерия, совместно с авиацией, должна была своим огнем проложить путь танкам и пехоте, обеспечить форсирование Невы и прорыв обороны противника. Благодаря умелому использованию всех видов разведки были почти полностью вскрыты огневая система, характер оборонительных сооружений и численность группировки войск противника. Это обеспечило высокую эффективность артиллерийской подготовки.

Она началась 12 января 1943 г. в 9 часов 30 минут. В течение 2 часов 20 минут на позициях противника бушевал артиллерийский ураган – это били 4500 орудий и реактивных минометов двух советских фронтов и КБФ¹⁸. Часть этих орудий была прямой наводкой, в результате чего многие артиллерийские батареи и подразделения противника были полностью уничтожены.

В операции по прорыву блокады Ленинграда от КБФ участвовало: 11 артиллерийских батарей стационарной береговой артиллерии (34 орудия от 406-мм до 100-мм калибра); 16 батарей железнодорожной артиллерии (37 орудий от 356-мм до 100-мм калибра); лидер «Ленинград»; 4 эскадренных миноносца и 3 канонерские лодки (14 орудий 130-мм калибра)¹⁹.

С января 1943 г. наступил решающий перелом в битве за Ленинград. Блокада Ленинграда была прорвана. Инициатива в боях перешла к войскам Ленинградского и Волховского фронтов. Это вселяло уверенность в скорый и полный разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом.

Ставка Верховного Главнокомандования, планируя боевые действия по освобождению территории Советского Союза, приняла решение начать 1944 год с наступательной операции под Ленинградом и Новгородом (Первый Сталинский удар). К операции привлекались войска Ленинградского, Волховского и 2-го

Прибалтийского фронтов, а также Краснознаменный Балтийский флот и части дальней бомбардировочной авиации. Цель операции заключалась в разгроме вражеской группы армий «Север», полном снятии блокады Ленинграда и освобождении Ленинградской области.

Утром 14 января в течение 65 минут позиции противника обстреливались артиллерией Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота, 100 тысяч снарядов и мин обрушились на боевые порядки врага²⁰.

15 января войска Ленинградского фронта нанесли мощный удар по противнику с Пулковских высот. 200 орудий и минометов 100 минут крушили вражеские укрепления, буквально перепахивая траншеи и ходы сообщения, доты и дзоты. Более 200 орудий корабельной и береговой артиллерии Краснознаменного Балтийского флота били по позициям крупнокалиберной артиллерии, узлам сопротивления и опорным пунктам противника²¹.

В Красносельско-Ропшинской наступательной операции Ленинградский фронт поддерживала артиллерия Краснознаменного Балтийского флота в составе 215 орудий калибром от 100-мм до 406-мм. Наибольшим числом орудий был представлен калибр 130 мм – 43,2%²². Привлечение крупнокалиберной береговой (стационарной и железнодорожной) и корабельной артиллерии обеспечивало поражение целей, находящихся на значительном удалении от передней обороны противника. Морская дальнобойная артиллерия, воздействуя на тактическую глубину расположения противника, обеспечила советским войскам преодоление его мощных оборонительных рубежей как со стороны Ораниенбаумского плацдарма, откуда наступала 2-я ударная армия в направлении на Ропшу, так и со стороны Ленинграда, где в направлении на Красное Село действовала 42-я армия.

Перед артиллерией Краснознаменного Балтийского флота стояла задача разрушить узлы сопротивления и опорные пункты в тактической глубине обороны противника, подавить его батареи, не допустить стрельбы по наступающим войскам Ленинградского фронта и нейтрализовать работу его командно-наблюдательных пунктов и штабов, а также тыловых узлов связи, расположенных в недосыгаемости огня армейской артиллерии. Ей также предстояло огневыми ударами по местам сосредоточения резервов

противника и узлам дорог воспрепятствовать маневру живой силы и техники в районах Слуцка (Павловска) и Ропши.

Одной из основных задач артиллерии КБФ при снятии блокады Ленинграда являлось подавление тяжелой артиллерии врага. Выполнение поставленных боевых задач требовало от нее четкой организации и согласованных по месту и времени действий.

К 27 января 1944 г. немецко-фашистские войска, 900 дней осаждавшие Ленинград, были отброшены на 65–100 км от города²³.

Военный Совет Ленинградского фронта докладывал после завершения операции по снятию блокады Ленинграда в Ставку Верховного Главнокомандования: «...Под ударами наших войск потерпела крушение сильная оборона немцев, которую они сами расценивали как неприступный и непреодолимый «Северный вал», как «стальное кольцо» блокады Ленинграда. Выполнена задача первостепенной важности – ликвидирована полностью вражеская блокада Ленинграда»²⁴.

27 января 1944 г. по радио был передан приказ командующего Ленинградским фронтом генерала армии Л. А. Говорова о двенадцатидневных наступательных боях. В нем говорилось: «Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы. От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом»²⁵.

Вплоть до полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады в январе 1944 г. в штабе командующего артиллерией Краснознаменного Балтийского флота вице-адмирала И. И. Грена, который до войны возглавлял АНИМИ, продолжали служить его бывшие подчиненные по институту: майор М. З. Вильнер, майор Н. И. Годун и капитан-лейтенант В. А. Сычев, впоследствии вице-адмирал. При их непосредственном участии для обеспечения передислокации сил, участвовавших в прорыве блокады, был создан выносной командный пункт командующего артиллерией КБФ в районе Невской Дубровки.

В осажденном Ленинграде работа специалистов Оперативной группы осуществлялась с 14 ноября 1941 г. до 4 июля 1942 г., когда в Москве вновь был сформирован АНИМИ и обе его группы, ульяновская и ленинградская, объединились.

В период обороны Ленинграда сотрудники АНИМИ собирали, обобщали и анализировали опыт боевого применения и технической эксплуатации советской морской артиллерии, что давало возможность использовать эти сведения в послевоенный период при конструировании новых ее образцов.

Деятельность АНИМИ в годы Великой Отечественной войны получила высокую оценку Советского правительства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1945 г. «за выдающиеся успехи в деле создания артиллерийского вооружения ВМФ СССР, показавшего высокие боевые качества на фронте борьбы с немецкими захватчиками», Артиллерийский научно-исследовательский морской институт был награжден орденом Ленина.

¹ Коршунов Ю. Л. Военно-морская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Галей Принт, 2005. С. 37.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Кислицин Н. Г. Ленинград не сдается. М.: Прогресс, 1991. С. 44.

⁷ Стенограммы телефонных переговоров / Труд, 2001. 6 сентября. С. 8.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Воронов Н. Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963. С. 189.

¹⁰ Кислицин Н. Г. Указ. соч. С. 96.

¹¹ ЦВМА. Ф. 516. Оп. 5. Д. 7. Л. 13.

¹² Коршунов Ю. Л. Указ. соч. С. 40.

¹³ ЦВМА. Ф. 516. Оп. 5. Д. 7. Л. 13.

¹⁴ Коршунов Ю. Л. Указ. соч. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Кислицин Н. Г. Указ. соч. С. 201.

¹⁸ Там же. С. 203.

¹⁹ Перечнев Ю. Г. Виноградов Ю. А. На страже морских горизонтов. М.: Воениздат. С. 209–210.

²⁰ Там же. С. 221.

²¹ Там же. С. 222.

²² Перечнев Ю. Г. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976. С. 155–156.

²³ Кислицин Н. Г. Указ. соч. С. 232.

²⁴ Там же. С. 232–233.

²⁵ Там же. С. 233.

Д. В. Мастридзе (Санкт-Петербург)

ИНОСТРАННОЕ (ДОЛЕНДЛИЗОВСКОЕ) ОРУЖИЕ В БОЯХ ЗА ЛЕНИНГРАД

Использование стрелкового оружия иностранных образцов на фронтах Великой Отечественной войны стало следствием не только его поставок по ленд-лизу из-за океана, но и наличия довоенных запасов, имевшихся на оружейных складах Советского Союза. Поступление их на вооружение создававшихся для защиты Ленинграда воинских формирований порой было немалым, о чем, к примеру, говорит доклад начальника штаба Главного командования Северо-Западного направления генерала Захарова главнокомандующему войск Северо-Западного направления маршалу Советского Союза Ворошилову от 27 июля 1941 г. Согласно документу, в распоряжение командующего поступали 20 тысяч иностранных винтовок и три миллиона патронов к ним. Вместе с ними еще 10 тысяч винтовок отечественного образца, 150 пулеметов ДП и 100 пулеметов Максима¹.

Ниже в докладе указано распределение оружия: 1-я гвардейская дивизия Народного ополчения получила 10 тысяч иностранных винтовок и 1,5 миллиона патронов к ним, ровно столько же винтовок и патронов предназначалось для вооружения личного состава 118-й стрелковой дивизии. Здесь же предлагается русские винтовки у дивизии отобрать, получив таким образом две дивизии, полностью вооруженные иностранными винтовками. На первый взгляд – внушительно: 10 тысяч для дивизии при полутора миллионах патронов (150 на ствол) – это даже с некоторым избытком. Вот только прежде чем говорить о роли такого оружия в боях за Ленинград, важно понять, что это были за винтовки и полноценная ли это была замена отечественной трехлинейке.

К анализу полноценности настраивает и альтернативный вариант, предложенный Захаровым в этом же документе ниже: «...Иностранные винтовки заменить на русские за счет находящихся русских винтовок в органах Милиции (по данным ЛВО в органах Милиции имеется 16 000 русских винтовок)». Видимо, у Захарова все-таки были сомнения насчет боевых качеств иностранного оружия и в качестве альтернативы он, как вариант, предложил передать их милиционерам в обмен на хорошо зарекомендовавшие себя в боях «мосинки».

В самом рассматриваемом документе никакого намека на конкретизацию оружия нет. Но по другим документам идентифицировать винтовку можно. К примеру, в Приказе 1-й гвардейской стрелковой дивизии Армии народного ополчения № 9 от 25 июля 1941 г.² говорится о необходимости наведения порядка и повышения уровня дисциплины во 2-м стрелковом полку дивизии. В частности, упоминается вопиющий факт небрежного обращения с оружием – оставление на стрельбище 24 винтовок Росса. Причем такая картина повторялась не один день, в итоге часть винтовок Росса оказалась в отделении милиции. Как было сказано выше, 1-я гвардейская дивизия Народного ополчения, как раз та самая, которая согласно докладу от 27 июля уже получила 10 тысяч винтовок иностранного производства. То есть, как минимум, часть из них были винтовки Росса.

Винтовка системы Ross Mk.III., о которой идет речь, – образца 1910 г. Калибр .303 британский (7,71 мм). Затвор открывается и закрывается без поворота рукоятки, а только при прямолинейном ее движении. Запирающее устройство вместо боевых выступов имеет нарезные секторы, подобные нарезным секторам поршневых затворов артиллерийских орудий. Предохранитель флажкового типа смонтирован на затворе у основания рукоятки. Магазин с однорядным вертикальным расположением пяти патронов наполняется из обоймы. Пазы для обоймы на ствольной коробке расположены таким образом, что устанавливаемая в них обойма занимает не вертикальное, а несколько наклонное вправо положение. Прицел диоптрический или комбинированный, имеющий целик с диоптром и двумя прорезями. У комбинированного варианта прицела возможно боковое смещение целика, а его перемещение для стрельбы на разные дальности производится

Ил. 1. Бойцы Народного ополчения с винтовками Росса. 1941 г.
СПБ ГБУК ГММОБЛ

с помощью вращающейся головки и червячной передачи. Две шкалы на стойке прицела предназначены, соответственно, для пользования диоптром или прорезями³.

На ил. 1 из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда запечатлены ленинградские ополченцы с винтовками Росса (1941 г.). Характерные для этой винтовки штыки на снимке хорошо видны. Клинок однолезвийный, широкий (29 мм), длиной 250 мм (общая длина – 370 мм). Штык к такой винтовке также имеется в коллекции Музея обороны и блокады Ленинграда (ил. 2).

Весьма вероятно, что в распоряжение маршала Ворошилова были переданы канадские винтовки. Во всяком случае, в числе 20 000 винтовок они точно были.

Откуда же заокеанские винтовки оказались в СССР до лендлизовских поставок? Версии встречаются разные. Одна из них объясняет появление этого оружия в СССР тем, что в 1918–1921 гг. порядка 40 000 винтовок Росса было передано Великобританией для правительств Грузии и Армении. Эти винтовки, захваченные красноармейцами на

Ил. 2. Штык к винтовке Росса. СПб ГБУК ГММОБЛ

складах, сначала пошли на вооружение Красной армии, а затем до Великой Отечественной войны использовались советскими спортсменами⁴. На ленинградских оружейных складах они могли оказаться и после присоединения к СССР государств Прибалтики в 1940 г.

О широком применении канадских винтовок в действующей армии сведений, кроме попытки вооружить ими бойцов 118-й стрелковой дивизии, нет (да и то с оговоркой выменять на них у милиционеров винтовки отечественного производителя), а вот ополченцы ими вооружались, как и, вполне возможно, тыловые подразделения. Объяснения здесь имеются. Дело в том, что хорошо зарекомендовавшая себя (за счет точности и скорострельности) у канадских и советских спортсменов винтовка Росса в условиях боя показала далеко не лучшие качества.

Недостатки винтовки вскрыла еще Первая мировая война – сложность в обслуживании, высокая чувствительность к грязи и даже пыли из-за слишком узких пазов, по которым ходил затвор. Затвор часто заклинивало. В спешке его можно было начать вставлять в ствольную коробку с перекосом или мимо направляющих, что приводило к заклиниванию. Длинный (30,25 дюйма – 768 мм) ствол плохо подходил для окопных боев. Уже в 1915 г. канадские солдаты, воевавшие во Франции, старались разжиться «ли энфильдами» вместо своих национальных «россов»⁵.

В итоге, в 1917 г. производство винтовок Росса было остановлено, еще через четыре года они были сняты с вооружения.

Однако те винтовки, что оказались в Советском Союзе, приглянулись спортсменам, и в 30-х годах прошлого века советские стрелки успешно применяли их для стрельбы по мишеням

«Бегущий олень» на соревнованиях различного уровня.

В ходе Великой Отечественной войны, помимо ополченцев, канадские винтовки попадали и в партизанские отряды (ил. 3).

Но помимо оружия из-за океана в числе упомянутых 20 000 могли оказаться и винтовки из других стран-производителей. В годы Первой мировой войны в Российской империи армия испытывала нехватку вооружения, в том числе винтовок – в 1914 г. отечественные предприятия не могли в короткие сроки удовлетворить потребности фронта. Поэтому было принято решение о закупке иностранных образцов стрелкового оружия, в том числе из Японии⁶.

Страна восходящего солнца продала тогда России винтовки Тип 30 Арисака образца 1897 г. Калибр 6,5 мм. Во многом напоминает винтовку Маузера, но затвор у нее оригинальной системы. Для включения предохранителя скобу, расположенную в задней части ударника, следовало перевести из горизонтального положения в вертикальное. Магазин серединный, наполняемый из обоймы пятью патронами. Расположение патронов в магазине – шахматное. Прицел – рамочный⁷.

На Петроградском оружейном заводе даже наладили выпуск 6,5-мм патронов к ним. Под этот патрон, кстати, был сконструирован и известный автомат Федорова.

Ил. 3. Командир 187-го партизанского отряда И. Т. Чубук (слева) и комиссар Б. К. Покрышевский рассматривают карту. Осень 1941 г. Фотограф М. Хитрин. СПб ГБУК ГММОБЛ

После Первой мировой и Гражданской войн часть японских винтовок оказалась на оружейных складах Советской России, и они вполне могли поступить на вооружение ополченцам. Но сведений о большом количестве японских винтовок на советско-германском фронте нет.

Делая вывод, можно отметить, что, несмотря на поступление иностранных винтовок в распоряжение командующего Северо-Западным направлением в первые месяцы войны, какой-либо заметной роли в препятствии продвижению германских армий к Ленинграду они не оказали.

¹ ЦАМО. Ф. 249. О. 1544. Д. 23. Л. 98.

² Там же. Ф. 208. О. 2511. Д. 34. Л. 15.

³ Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М.: Воениздат, 1988. С. 45.

⁴ Чумак Р., Белинский А. Русский «РОСС». Об особенностях устройства и эксплуатации спортивной винтовки МЦ-17. / Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2010. № 11. С. 44.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в Первую мировую войну. 2-е изд. М.–Л., 1930. Т. 1. С. 127.

⁷ Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М.: Воениздат, 1988. С. 53.

Б. В. Мегорский (Санкт-Петербург)

СКАЗКИ ПРО НЕБЫВАЕМОЕ. НОВОЕ О БОЕ В УСТЬЕ НЕВЫ 1703 г. В АВТОБИОГРАФИЯХ УЧАСТНИКОВ

Автобиографические «сказки» офицеров петровской армии являются ценным источником, у которого есть свои особенности. Это нарративный источник, авторы которого могли что-то забыть, вспомнить не так, списать с однополчан, перепутать даты и имена; содержание сказок не сверялось с какими-либо служебными документами, офицеры лишь клялись в том, что сообщают достоверные данные. Вместе с тем, это источник массовый, и благодаря большому числу есть возможность «уловить» следы самых разных событий. Настоящая статья посвящена тому, как в офицерских сказках отразился бой в устье Невы 7(18) мая 1703 г.

Первым обратился к офицерским сказкам как к новому источнику об этом бое П. А. Кротов в своей статье 2007 г.¹ Видный специалист по военной истории петровского периода выявил в фондах РГВИА сказки восьмерых участников боя. Указав на то, что ни в одной сказке не упомянуто участие в бою царя или А. Д. Меншикова, ученый поставил закономерный вопрос: действительно ли эти два героя участвовали в захвате шведских судов?

Со времени выхода статьи П. А. Кротова в распоряжении исследователей появился полный опубликованный массив сказок (7445 записей!), расшифрованный и изданный К. В. Татарниковым в 2015–2017 гг.² В этой публикации нам удалось найти свидетельства 26 человек, которых можно идентифицировать как участников боя со шведскими судами в устье Невы. Этот более представительный набор данных позволяет поставить больше вопросов и попробовать найти больше ответов. В приложении ниже мы даем перечень этих людей,

отсортированный и пронумерованный по алфавиту фамилий; в тексте статьи даны ссылки на каждую персону по ее номеру в списке в круглых скобках.

Как участники идентифицировали и локализовали этот бой? Хронологически упоминание этого боя авторы помещают после взятия Ниеншанца («Канцев») и до взятия Нарвы. Подавляющее большинство участников назвало бой сочетанием фраз «на море» и разных синонимов захвата судов («взятье», «взяли», «взято», «бранье», «брали», «достали»).

Место действия большинство (17 человек) указали «на море» (4, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26), из них один (16) назвал море Варяжским; трое назвали «взморье» (1, 2, 3) и всего один упомянул устье реки Невы (20); двое дали привязку к береговому объекту – «за Васильевский остров» (3, 17). Заметим, что никто не назвал Екатерингоф (это название загородного дворца появилось в 1711 г., и применительно к бою упоминается ретроспективно на барельефе Растрелли-Нартова («Российский монарх утопи врага при Катерингофе. 1703», а также в «Истории швейцарской войны» («на устье прибыли и скрылись за островом, что лежит противу Катерингофа к морю»³)).

Что говорят сказки о принадлежности участников боя к полкам русской армии? 13 человек участвовали в бою в рядах лейб-гвардии Преображенского полка. Среди них – два капитана, два сержанта, три каптенармуса и шесть рядовых. По некоторым сказкам можно определить, из каких подразделений полка они были: бомбардирская (рядовой) и гренадерская (сержант) роты, 9-я рота (рядовой) и 11-я рота (каптенармус).

Далее участники боя распределены по полкам так: полковника Захария Крога (Архангелогородский) полк – 3 ч., полковника Англера (Пермский) полк – 2 ч., полковника Ивана Ивановича Рыдера (Вологодский) полк – 2 ч., полковника Андрея Романовского полк – 2 ч., полковника Павла Бернера (Вятский) полк – 1 ч., полковника Инглиса (Выборгский) полк – 1 ч., полковника Кашпара Гулица (Ростовский) полк – 1 ч., Николая Инфланта (Астраханский) полк – 1 ч.

Если «История...» говорит только об «обоих полках гвардии», то «Юрнал 1703 года» гласит: «...Капитан и наши полки в мелких судах пошли на взморье и иные низовых полков»⁴. Низовыми считались полки, набранные в Нижнем Новгороде, Казани и других поволжских городах в 1700 г. К таковым из

вышеперечисленных относятся полк Романовского⁵, Гулица⁶, Англера, Захария Крога⁷, Павла Бернера⁸. Присутствие большинства полков в районе Ниеншанца в 1703 г. подтверждается другими источниками.

Кто командовал отрядом и его подразделениями? Восемь человек из 26 упомянули, под чьим командованием они были в бою. Пятеро (из полков Захария Крога (2, 18), Андрея Романовского (9, 17) и Англера (3)) указали подполковника Нейтерта. Один (1) назвал капитана Преображенского полка Панкратия Глебовского, перепутав при этом чин и фамилию («во втором караване с ним же, господином майором Панкратьем Софоновичем Глебовым»), и двое (1, 6) упомянули капитана Преображенского полка Василия Ивановича Баишева; причем Баишев был в отряде Глебовского (1).

Совместные действия Нейтерта и Глебовского известны по ранним историям Северной войны – «юрналу» 1703 г. и журналу барона Гизена. В них рассказано, что при атаке на Ниеншанц двухтысячным авангардом на лодках, высадившимся внезапно под самыми валами крепости в ночь на 25 апреля 1703 г., командовали эти два офицера⁹. Таким образом, перед нами отряд, действовавший с таким набором командиров дважды в течение весенней кампании на Неве. В двух сказках можно проследить последовательное участие авторов в обеих акциях – «под Канцами при взятъе валу, на море при бранье шкут» (1, 7).

Полковник Нейтерт (Нейдгарт, Нетерт, Нейтарт) Николай Андреевич был иностранцем и в 1700 г. состоял подполковником в пехотном полку Ивана Делдина; в 1701 г. переведен в пехотный полк Христофора Циммермана; в 1702 г. он по росписи Шлиссельбургского коменданта Томаса Юнгера был послан в Шлиссельбург, где в 1703 г. получил в свою команду новоприборный пехотный полк Меншикова (Губернаторский или Петербургский жилой полк). В 1709 г. во главе своего полка был под Полтавой, в 1711 г. был пожалован в полковники, в 1713 г. он уже находился в отставке и получал пенсию по 120 руб. в год¹⁰. Судя по сказкам, Нейтерт в том же 1703 г. командовал заставой в малоизвестном бою против шведского генерала Крониорта у Лахты («на реке Лахте против шведского генерала Крониорта на потребе с полковником Нейтертом»¹¹). Однако, судя по его биографии, участие на ответственных постах в кампании 1703 г. не повлияло на его дальнейшую карьеру.

Панкратий Сафонович Глебовский происходил из потешных конюхов, был сержантом Преображенского полка уже в 1690 г.¹² Летом 1703 г., в июле–августе, капитан Глебовский занимался организацией отправки рабочей силы из Новгорода для строительства Петербурга¹³. В 1709 г. – капитан 3-й роты¹⁴. В 1722-м – обер-вальдмейстер, 1723-м – из майоров гвардии произведен в бригадиры¹⁵.

Василий Баишев – сержант в 1693 и 1699 гг.¹⁶ В 1709 г. он по-прежнему был капитаном и командовал 3-й ротой Преображенского полка¹⁷.

Лишь один участник – Петр Рыбкин (20), капрал из полка Инглиса, – упомянул царя: «Как на Неве на устье реки изволил Его Императорское Величество две шкуты взять шведские, и при том взятые я был». Меншикова никто не упомянул. В своей статье П. А. Кротов изучил шесть сказок, в которых четверо называли своего командира, и у троих это оказался Нейтерт. Теперь мы знаем, что помимо Нейтерта командиром считался и капитан Глебовский. И несмотря на то, что две трети участников вообще не упоминают своих командиров, а из оставшейся трети абсолютное большинство участников по непонятной нам пока причине не упоминают царя, одно упоминание все же есть – и оно не позволяет безоговорочно согласиться с выводом П. А. Кротова о том, что Петра в том деле не было.

Что может подтвердить участие Петра и Меншикова в бою? Доступные нам письменные источники немногочисленны; среди них есть официальные тексты (реляция в «Ведомостях», указ о награждении орденом, журналы и «Гистория»), а также частная переписка. Именно в частных письмах Петр рассказывал о своих личных впечатлениях и подчеркивал, что был очевидцем боя: «Смею и то писать, что пущей огонь претерпели и Едан уже взяли 8-ю толку; истинно то есть, понеже самовидцы суть оному» (письмо Петра К. Крюйсу от 1 июня 1703 г.)¹⁸. В другом письме Петр описывает обстоятельства захвата, не называя судно: «Неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи; толко 13 остались живых. Смею и то писать, что истинно с восемь лодок толко в самом деле было» (письмо Петра Ф. М. Апраксину от 10 мая 1703 г.)¹⁹. Поскольку в этом письме не упомянут взрыв пороха, произошедший на «Астрильд»²⁰, значит, описано взятие «Гедана». Таким образом, в письмах царя описывается только взятие галиота «Гедан».

Также из показаний шведского парламентаря Томаса Весслинга, опубликованных Д. А. Сидоровым²¹, известно, что Петр забрал себе на память шпагу погибшего командира «Гедана» Килиана Вильгельмса – возможно, это свидетельствует о том, что Петр находился при лодках, атаковавших именно «Гедан», и имел возможность наблюдать доблесть Вильгельмса. Меншиков в своем письме сестрам Арсеньевым, в т. ч. своей будущей жене, от 10 мая 1703 г. описывает обстоятельства взятия обоих судов как очевидец, бывший в деле вместе с царем: «Против 7 числа Господин Капитан соизволил ходить на море и я при нем был же и возвратились не без счастья: два корабля неприятельские с знамены, и с пушки, и со всякими припасы взяли, на 1-м 10, на 2-м 8 пушек. На котором корабле было 10 пушек, офицер, который был старшим, при нем 27 человек матросов и других побито, 13 человек взято живьем; а другое судно от ручных гранат порох запален и люди неприятельские все побиты. А мы возвратились все в целости»²².

Сообщение Феофана Прокоповича, повторенное позднее Голиковым²³, о том, что царь лично участвовал в абордаже («на неприятельские корабли взошли, куда сам царь первый с огнем гранатовым вскочил; и тако пощастилась ему необыкная дерзость взяти корабли»²⁴), другими источниками не подтверждается и не может быть признано достоверным.

Какие сведения можно извлечь из сказок о структуре отряда? Как мы видели выше, своими командирами участники считали офицеров Нейтерта и Глебовского. Нейтерта упоминают представители только солдатских полков, поэтому следует предположить, что Нейтерт командовал той частью отряда, которая состояла из солдатских полков. А Глебовский был старшим над представителями гвардии и непосредственно армейскому подполковнику не подчинялся. В отряде от Преображенского полка участвовали и другие офицеры: упомянутый в двух сказках капитан Баишев (1, 6), а также непосредственные авторы сказок – преображенские капитаны Авраам Дмитриев сын Бухольц (4) и Иван Дмитриев сын Бухольц (5). Версию о разделении командования на гвардейцев и армейских подтверждают два представителя полка Захария Крога, которые написали, что были с Нейтертом (2, 18); ей, однако, противоречит сказка капитана того же полка Тимофея фон дер Видена, что как минимум его рота была в одном отряде с преображенцами: «Командован я был на

море с ротою при Преображенском полку для взятия шкут шведских» (24). Таким образом, гвардейская часть отряда не состояла исключительно из гвардейцев, но они там, скорее всего, преобладали.

Отряд Глебовского назван «вторым караваном» (1) и «сикурсом» (5). Таким образом, подтверждается двухчастная структура отряда, известная по реляциям, – одна часть атаковала шведские суда со стороны моря, другая – с реки.

Каким образом комплектовался отряд? В сказках встречаются термины «командрован» (2, 3, 17, 18, 24), «командирование» (19) и высылка (21). Это означает, что солдаты и офицеры отправлялись на эту операцию по приказу, а не добровольно; для примера, при взятии Нотебурга сначала на штурм отправили «охотников», т. е. добровольцев, а затем – «командированных»²⁵. Были ли это полные подразделения (роты, капральства) или сборные группы из разных рот? Поручик Григорий Сабакин из полка Гулица сообщил, что участвовал в бою в составе своей роты: «Взяли две шкуты шведские, при том и я был при роте» (21). Означает ли это свидетельство (и шире, участие капитанов 4, 5, 24), что в составе отряда находились целые роты? Затруднимся с ответом.

Капрал Петр Рыбкин (20) записал две сказки и в обеих поведал, что перед боем его откомандировали к еще одному известному персонажу петровского окружения: «Из-под Канец взят я из полку в переводчики к Михаилу Ивановичу Щепотеву». Этот урядник бомбардирской роты Преображенского полка еще до падения Ниеншанца был оставлен на взморье²⁶ в дозоре, чтобы сообщить о приближении шведского флота. Однако участвовал ли Щепотев в самом бою – неизвестно. Об этом сюжете известно, что 28 апреля царь на 60 лодках (4 роты Преображенского и 3 роты Семеновского полков), пройдя под выстрелами еще оборонявшегося Ниеншанца, спустился «для осматривания Невского устья и для осматривания оного от приходу неприятельского с моря»; там было захвачено несколько местных жителей и скота, а остальным же поселянам были даны письма «чтоб всяк в своем дому жили безопасно»; выйдя в море и не обнаружив неприятельские корабли, Петр вернулся к армии под Ниеншанц 29 апреля, оставив на взморье три роты солдат²⁷. Историк Семеновского полка утверждает, что оставлены были именно роты семеновцев²⁸.

Каковы были потери? Среди 26 участников двое записали, что были ранены: рядовой Преображенского полка «ранен в правую

ногу» (8) и сержант полка Риддера (22). На наш взгляд, это подтверждает их непосредственное участие в бою. Потери российской стороны не указаны ни в одной из реляций. П. А. Кротов выявил письмо Ф. А. Головина от 8(19) мая 1703 г., согласно которому «нашим урону большого нет: 2 убито да 3 человека ранено» и, опираясь на этот источник, сделал вывод о незначительности боя²⁹. Генерал-адмирал Ф. А. Головин присутствовал в войсках в те дни, награждал Петра и Меншикова и мог получать сведения от непосредственных участников; вместе с тем, его данные не вполне точны («наших толко с небольшим 20 лодок было», в то время как все реляции пишут о 30 лодках; «был тот бой з два часа», в то время как шведский шканечный журнал фиксировал продолжительность боя 30 минут); эти несоответствия позволяют поставить вопрос: можно ли доверять его информации о потерях? Мимо внимания исследователей прошли документы полкового архива Семеновского полка, согласно которым только в этом полку в бою «у деревни Калинкиной» погибли 19 нижних чинов, поручик Дорофей Сенявин и были ранены 49 нижних чинов и 6 офицеров (в т. ч. капитан князь Волконский, поручики Иосиф Монастырев и Иван Панин, прапорщик Батасов)³⁰. Отметим, что это значительные потери – относительно общего количества участников. Также заметим, что среди известных нам сказок участников боя нет представителей Семеновского полка.

Плавсредства русского отряда, как правило, названы лодками (1, 2, 3, 8, 17, 22, 23, 25). Один участник назвал их «малыми судами» (15) и один – «островскими лодками» (18) (так назывались лодки галерного флота позднее). Сам царь в своих письмах писал: «30 добрых лодок или карбасов»³¹. По данным полковой истории Семеновского полка, семеновцы числом 300 человек находились на 12 лодках³²; это дает 25 человек в одной лодке.

Шведские суда, как правило, названы в сказках «шкутами». Несколько человек записали, что шкут было взято три (8, 14, 23, 25). Конечно, в действительности было захвачено два судна, и здесь авторов можно уличить в неправоте. Однако по шведским данным мы знаем, что ранее, до боя, в течение дня 6 мая шведы подходили к Васильевскому острову в составе трех судов, и высаживались на остров шведы с дубель-шлюпки «Аборен», и именно с нее был захвачен на берегу матрос. Таким образом, возможно, у ветеранов в памяти осталось общее количество шведских судов в начале той операции.

Сведения о награждении сообщают нам о еще одном участнике боя. 10 мая состоялся благодарственный молебен, салют из пушек и ружей, а затем «бомбардирский капитан и поручик Меншиков учинены кавалерами ордена святого Андрея, а потом спустя с неделю и постельничий господин Голов<к>ин в той акции бывший удостоен тою ж кавалериею»³³.

Гавриил Иванович Головкин (1660–1734) был вторым после Ф. А. Головина придворным в числе тех, кто отправился вместе с царем из Шлиссельбурга под Ниеншанц по воде³⁴. Это был очень приближенный к Петру человек, к тому же его родственник. С 1677 г. он состоял при царевиче Петре Алексеевиче в придворном чине спальника. С 1682 г. – постельничий, с 1686 г. – комнатный стольник. С 1689 г. управлял Государевой Мастерской палатой. Глава Казенного приказа с 1689 г. По указам он выдавал в награду, например, за потешные стрельбы, отпускал отрезы сукна; принимал припасы на Потешный двор³⁵. Головкин входил в ближний круг царя и был участником Всепьянейших соборов под именами «диакон Гавриил Долговещный», «Гавриил ей пьяный протодиакон»³⁶. Фельдмаршал Б. П. Шереметев в письме царю от 28 марта 1703 г. называл своими «каморатами» Головкина и Меншикова и передавал им поклон³⁷. Головкина характеризовали как аккуратного в делах, исполнительного и неподкупного, образованного и неуживчивого. Худой и высокий, он отличался скупостью в быту: одевался как можно хуже – чаще в серый старый костюм, в новой столице ютился в мазанковой избе. Он приходился троюродным братом матери Петра, царицы Натальи Кирилловны. В 1706 г. после смерти Ф. А. Головина, Головкин возглавил Посольский приказ, занимал должности Государственного канцлера и с 1717 г. – президента Коллегии иностранных дел (при этом фактически внешней политикой занимался его подчиненный вице-канцлер П. П. Шафиров). Удержался при четырех государях³⁸. Награждены орденом были, таким образом, ближайшие товарищи царя и он сам.

Знаменитый лозунг «Небываемое бывает» известен по медали, отчеканенной в честь этой победы³⁹. О награждении участников боя медалями сообщали официальные религии: «офицерам медали золотые с чепми, а солдатам малые без чепей»⁴⁰. В офицерских сказках авторы обязательно указывали свои награды, которые они называли медаль, портрет, персона или знак; чаще всего в сказках встречаются упоминания наград за сражения при

Эрастфере, Калише, Лесной, Напуе и Гангуте. Однако среди наших 26 человек ни один не упомянул о получении медали за бой 1703 г.

Необходимо также уточнить, что медали по своему назначению и статусу разделяются на наградные и памятные. В специальной литературе «Небываемое бывает» называется медалью, созданной в память о событии. Там же утверждается, что первые специального образца медали за конкретное сражение появились как награда офицерам за сражение при Калише 1706 г. До того в качестве награды выдавали серебряные и золотые монеты разного достоинства (алтыны, полтины и рубли)⁴¹. То есть, если какие-то участники боя (не оставившие автобиографий) и получили медали, как о том написано в «Гистории», то это были наградные монеты, на которых не было текста и изображения, указывающих на конкретное событие.

Откуда появилась формулировка «Небываемое бывает»? Очевидно, в ней обыгрывались слова самого царя. В письме Ф. М. Апраксину 10 мая 1703 г. он писал: «Сею никогда не бываемою викториею вашу милость поздравляя, пребываю Piter»⁴². В тот же день Петр писал Ф. Ю. Ромодановскому от имени Б. П. Шереметева о награждении орденом Андрея Первозванного себя и Меншикова за «их службу (которой в сем государстве на море никто не показал)»⁴³. Про «небывалость» подвига царю вторили и его сподвижники. Так, глава Разрядного приказа Тихон Стрешнев, видимо, отвечая на вопрос о прецедентах, написал из Москвы 20 мая: *«А за такую, государь, храбрым привотцам прежде сего какие милости бывали, и того в Розряде не сыскано, для того что не бывала взятия кораблей на море никогда; и еще в сундуках станем искать, а, чаю, сыскать нечево: примеров таких нет»*⁴⁴.

Сказки позволяют нам проследить служебную биографию человека и оценить, какое влияние оказало участие в бою на его дальнейшую службу. Двое рядовых (11, 25) были произведены в капралы в 1704 г. после штурма Нарвы, четверо (8, 14, 16, 21) в 1706 г., четверо (18, 19, 22, 23) в 1707 г., один (15) в 1708 г., двое (9, 24) в 1709 г., трое (2, 17, 20) в 1710 г., трое (1, 3, 10) в 1711 г. У троих нижних чинов годы прохождения унтер-офицерских чинов не указаны, но следующее повышение у них состоялось между 1710 и 1725 гг. (7, 13, 26). Три капитана получили следующий чин в промежутке 1709–1715 гг. (4, 5, 24), поручик – в 1706 г.

(21). Таким образом, среди рассмотренных 26 участников боя нет ни одного, кто был бы повышен в чинах в 1703 г. в качестве награды за участие в бою в устье Невы. Участие в этом деле не повлияло на карьеру участников, как, например, это случилось после «партикулярного боя» в Выборгском заливе 12(23) октября 1706 г., когда выжившие бомбардиры и гренадеры из отряда Михаила Щепотева были «пожалованы все в офицеры»⁴⁵.

Можно сделать вывод о том, что участие в бою, за который сам царь и два его близких человека получили орден Андрея Первозванного, не сказалось на остальных участниках – офицерах и солдатах. Ни один из ставших нам известными 26 участников не был повышен в чинах, не был награжден и не сделал какой-то примечательной карьеры. Вместе с тем, рассмотренные источники позволяют сделать следующие выводы:

- потери в бою не были незначительными;
- фактическими командирами двух частей отряда были Нейтерт и Глебовский;
- царь был участником и очевидцем боя, хотя и не шел лично на abordаж;
- участие в бою солдат и офицеров не повлекло за собой повышения в чинах, наград и какой-либо примечательной карьеры в последующем.

Приложение

Авторы «сказок» – участники боя в устье Невы

№	Имя	Полк	Чин	Текст
1	Батюшков, Дмитрий Демидов сын ⁴⁶	Преображенский лейб-гвардии	рядовой 9-й роты	«А как вал в Канцах взяли, с господином майором Панкратьем Софоновичем Глебовым был. А как на взморье шведские шкуты брали, во втором караване с ним же, господином майором Панкратьем Софоновичем Глебовым, а на лодке у господина своего, капитана Василья Иванова сына Баишева, был».

2	Блохин, Иван ⁴⁷	Захария Крога, с 1708 г. Архангело- городский пехотный	сержант	«При команде подполковника Нейтерга на лодках был командрован на взморье для взятия шведских шкут, взято 2 шкуты».
3	Бородин, Емельян ⁴⁸	Ивана Англера, с 1708 г. Пермский пехотный	сержант	«По взятые Канец командрован был на лодках на взморье за Васильев остров с господином подполковником Нейтертом для взятия шведских шкут».
4	Бухольц, Авраам Дми- триев сын ⁴⁹	Преображенский лейб-гвардии	капитан	«Взяты на море двух шкут».
5	Бухольц, Иван Дми- триев сын ⁵⁰	Преображенский лейб-гвардии	капитан	«При взятии Канец и морских судов в сикурсе».
6	Веселкин, Автомон ⁵¹	Преображенский лейб-гвардии	каптенар- мус	«Из-под Канец пришли к Петербургу под шкуты, и тут 3 шкуты взяли с капитаном Баишевым».
7	Зубов, Алексеи ⁵²	Павла Бернера, с 1708 г. Вятский пехотный	рядовой	«На море при бранье шкут».
8	Козлов, Федот ⁵³	Преображенский лейб-гвардии	рядовой	«И на лодках взяли три шкута, и ранен я в правую ногу».
9	Копылов, Ермолай Исаев сын ⁵⁴	Андрея Романовского пехотный	рядовой	«Был на море для взятия неприятельских судов боевых, и оные суда взяли, а в команде был с вышепомянутым подполковником Нейтертом».
10	Косточкин, Иев Ильин сын ⁵⁵	Преображенский лейб-гвардии	сержант на прапор- щищем окладе	«И был на приступах, на баталиях и штурмах, на море против неприятельских судов».
11	Кочетов, Григорий ⁵⁶	Ивана Риддера, с 1708 г. Вологодский пехотный	—	«Ходили на море против шкут».
12	Крюков, Федор ⁵⁷	Преображенский лейб-гвардии	рядовой	«На море шкуты шведские брал»

13	Любавин, Василий Любимов сын ⁵⁸	[Николая Инфланта], с 1708 г. Астраханский пехотный	рядовой	«На море при взятые шведских шкут, на реке Амогже» (подозрительно, нет Канцев, но есть дела армии Шереметева).
14	Марин, Федор ⁵⁹	Преображенский лейб-гвардии	каптенар- мус 11-й роты	«И достали на море три шкута».
15	Маслов, Родион ⁶⁰	Преображенский лейб-гвардии	каптенар- мус	«Да в партиях на судах мелких на море и при взятии шведских шкутов».
16	Меньшой, Иван ⁶¹	Преображенский лейб-гвардии	рядовой	«На Варяжском море, как взяли два шкута».
17	Решетов, Федор ⁶²	Андрея Романовского пехотный	писарь	«По взятые Канец командрован был на лодках с господином подполковником Нейтертом за Васильевский остров для взятых шведских шкут».
18	Рудаков, Никита ⁶³	Захария Крога, с 1708 г. Архангело- городский пехотный	рядовой	«И от Канец командрован был на море для взятых неприятельских судов на островских лодках в команде господина под- полковника Нейтерта, и тут взяли несколько матросов и шкут».
19	Рукавиш- ников, Тимофей ⁶⁴	Ивана Англера, с 1708 г. Пермский пехотный	рядовой	«В командировании на море против шведских шкут»
20	Рыбкин, Петр Петров сын ⁶⁵	Андрея Инглиса, с 1712 г. Выборгский пехотный	капрал	«В Невском устье как брали шведские шкуты; из-под Канец взят я из полку в переводчики к Михаилу Ивановичу Щепотеву. И как на Неве на устье реки изволил Его Императорское Величество две шкуты взять шведские, и при том взятые я был».

21	Сабакин, Григорий Никифоров сын ⁶⁶	Кашпара Гулица, с 1708 г. Ростовский пехотный	поручик	«И как была высылка на море, и взяли две шкуты шведские, при том и я был при роте; и из того полку был я в партии на море, и взяли шведские две шкуты».
22	Салтанов, Федор ⁶⁷	Ивана Риддера, с 1708 г. Вологодский пехотный	сержант	«На лодках на море под шкутами шведскими, и при оном ранен».
23	Скрипицын, Дементий ⁶⁸	Преображенский лейб-гвардии	сержант гренадер	«На море взяли три шкута, и я в то число на лодках был на приступе».
24	фон дер Виден, Тимофей Тимофеев сын ⁶⁹	Захария Крога, с 1708 г. Архангело- городский пехотный	капитан	«И по взятые Канцев командрован я был на море с ротою при Преображенском полку для взятия шкут шведских, и взяли две шкуты».
25	Фофанов, Иван ⁷⁰	Преображенский лейб-гвардии	рядовой	«Как на море взято три шкута, и я в то число на лодке был на приступе».
26	Якимов, Василий Якимов сын ⁷¹	Преображенский лейб-гвардии	рядовой бомб. роты	«Из-под Канцев на море брали шкуты»

¹ Кротов П. А. Морской бой 7 мая 1703 г.: российская пропагандистская версия и реальные подробности // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] XXXVIII: Петровское время в лицах – 2007: Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 149–156.

² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. документов. Сост. К. В. Татарников. Т. 1–2. М., 2015; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Сб. документов. Сост. К. В. Татарников. Т. 1–2. М., 2016; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошнные чины. Сб. документов. Сост. К. В. Татарников. Т. 1–2. М., 2017.

³ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 104.

⁴ Журнал 1703 года. СПб, 1853. С. 3.

⁵ Рабинович М. Д. Полки петровской армии. № 157.

⁶ Рабинович М. Д. Полки петровской армии. № 129.

⁷ Рабинович М. Д. Полки петровской армии. № 136.

⁸ Рабинович М. Д. Полки петровской армии. № 134.

- ⁹ Журнал Государя Петра I с 1695 по 1709, сочиненный бароном Гизеном. Половина первая // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Т. 3. СПб, 1787. С. 330; Юрнал 1703 года. СПб, 1853. С. 11.
- ¹⁰ Зезюлинский Н. Ф. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Петроград, 1915. С. 15–16.
- ¹¹ Сказки. Г 1. С. 123, 132, 380, 386, 486, 841.
- ¹² Бобровский П. О. История Л-Гв. Преображенского полка. Приложения. Т. 1. С. 139, 142.
- ¹³ Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб, 2014. С. 46–48.
- ¹⁴ Бобровский П. О. История Л-Гв. Преображенского полка. Приложения. Т. 2. С. 34.
- ¹⁵ Русский биографический словарь. Т. 5. С. 341.
- ¹⁶ Бобровский П. О. История Л-Гв. Преображенского полка. Приложения. Т. 1. С. 151, 153.
- ¹⁷ Бобровский П. О. История Л-Гв. Преображенского полка. Приложения. Т. 2. С. 35.
- ¹⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 173.
- ¹⁹ Там же. С. 163.
- ²⁰ Сидоров Д. А. Шведские озерно-речные флотилии в российском приграничье (1701–1704). СПб, 2022. С. 145; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. Приложения. СПб., 1863. С. 276.
- ²¹ Сидоров Д. А. Шведские озерно-речные флотилии. С. 151, 153.
- ²² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. Приложения. СПб., 1863. С. 276.
- ²³ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Изд. второе. СПб, 1837. Т. 2. С. 73.
- ²⁴ Феофан Прокопович. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно. Изд. 2-е. М., 1788. С. 79–80.
- ²⁵ Гистория Свейской войны. С. 98–99.
- ²⁶ Юрнал 1703 года. СПб, 1853. С. 15.
- ²⁷ Гистория Свейской войны. С. 101.
- ²⁸ Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1685–1854. Часть вторая. СПб, 1854. С. 56.
- ²⁹ Кротов П. А. Морской бой 7 мая 1703 года: российская пропагандистская версия и реальные подробности. С. 152–153.
- ³⁰ Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1685–1854. Часть вторая. СПб, 1854. С. 57.
- ³¹ ПиБ Т. 2. С. 173.
- ³² Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1685–1854. Часть вторая. С. 56, 57.
- ³³ Журнал или поденная записка Петра Великого. Ч. 1. СПб, 1770. С. 67.
- ³⁴ Юрнал 1703 года. СПб, 1853. С. 14.
- ³⁵ Бобровский П. О. История Л-Гв. Преображенского полка. Приложения. Т. 1. С. 78, 79.

- ³⁶ Зицер Э. Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 192.
- ³⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. СПб, 1889. С. 485.
- ³⁸ Федорченко В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2-х т. М., 2000. Т. 1. С. 327, 328.
- ³⁹ Основателю Петербурга. Каталог выставки. СПб: ГЭ, 2003. С. 408. № 2192.
- ⁴⁰ История Свейской войны. С. 233.
- ⁴¹ Спасский И. Г., Щукина Е. С. Медали и монеты Петровского времени. Из коллекции Гос. Эрмитажа. Л., 1974. С. 30–32. При этом в справочнике Чепурнова описаны три вида медалей диаметром 54, 55 и 62 мм за взятие шведских судов 7 мая 1703 г. и указано, без ссылки на источники, что они предназначались в награду для офицеров (Чепурнов Н. И. Российские наградные медали. Ч. 1. Медали XVIII века. Чебоксары, 1993. С. 10, 11).
- ⁴² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 163.
- ⁴³ Там же. С. 166.
- ⁴⁴ Там же. С. 547.
- ⁴⁵ Реляция партикулярного бою бывшего на море. 3 ноября 1706 г. С. 4.
- ⁴⁶ Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2489.
- ⁴⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1240.
- ⁴⁸ Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 677.
- ⁴⁹ Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 82.
- ⁵⁰ Там же. С. 178.
- ⁵¹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 1771.
- ⁵² Там же. С. 1546.
- ⁵³ Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1248.
- ⁵⁴ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1244.
- ⁵⁵ Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1196.
- ⁵⁶ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1137.
- ⁵⁷ Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1209.
- ⁵⁸ Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2225.
- ⁵⁹ Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1260.
- ⁶⁰ Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 510.
- ⁶¹ Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1212.
- ⁶² Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 671, 674.
- ⁶³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1236.
- ⁶⁴ Там же. С. 2031.
- ⁶⁵ Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 1466, 1565.
- ⁶⁶ Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 577, 754.
- ⁶⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 1761.
- ⁶⁸ Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1243.
- ⁶⁹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 336.
- ⁷⁰ Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1247.
- ⁷¹ Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 1587.

Д. Ю. Милосердов (Москва)

**К ВОПРОСУ О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛОКАЛИЗАЦИИ НЕОБЫЧНЫХ КАРДОВ,
ДАТИРУЕМЫХ ПЕРИОДОМ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

В музейных и частных собраниях изредка встречаются необычные, но хорошо узнаваемые ножи, географическая локализация которых, судя по разнообразию предполагаемых мест бытования/изготовления, не определена. Так, для ножа с музейным номером В.О.-3346, хранящегося в фонде Восточного оружия в Государственном Эрмитаже, место создания записано как «Северная Африка (?) или Ближний Восток (?)» (ил. 1). Аналогичные ножи, проданные в разные годы известным дилером восточного оружия из Израиля Арци Яромом (Artzi Yarom), определяются им как имеющие происхождение из Северного Афганистана / Средней Азии или Персии / Туркестана. Английский дилер антикварного оружия Стефан Домони (Stefan Domoney) в описании подобного ножа относит его к узбекам или туркменам. Единственная публикация, в которой фигурирует аналогичный предмет, описывает его как приобретенный в Северном Афганистане¹. В данной статье мы высказываем свою версию, позволяющую, на наш взгляд, предположить центр происхождения таких короткоклинковых предметов.

Все вышеупомянутые ножи можно отнести к типу «кард»². Слово «кард» на фарси значит нож³. Это подтверждается англо-персидскими словарями XIX в.⁴ Стоун в своем «Глоссарии» пишет, что кард (kard) – это персидский нож с прямым клинком и рукоятью без гарды⁵. Клинок этого ножа чаще всего без изгиба, незначительно расширяющийся в сторону рукояти. Голомени клинка могут быть декорированы в технике насечки, всечки

Ил. 1. Кард. Коллекция Государственного Эрмитажа № В.О.-3346

Ил. 2. Типично декорированный персидский кард.
Частная коллекция

или глубокой резьбы (фон вокруг линии изображения или надписи опускался при помощи резца, благодаря чему изображение выступало над фоном). Обух чаще всего прямой и мощный. Перекрестье отсутствует. Рукоять обычно изготовлена из толстых роговых или костяных накладок, наклепанных на хвостовик. У клинка она более узкая и расширяется к навершию. Ножны конические, обычно кожаные, иногда обшитые шелком. Кард в них «утоплен» так, что из устья ножен выступает треть или даже четверть рукояти⁶.

Эти ножи были широко распространены в Индо-Персидском регионе, Афганистане и Средней Азии. В зависимости от места производства и бытования они имеют хорошо узнаваемые черты, позволяющие отнести их к тому или иному региону. Персидские карды отличаются лаконичностью формы⁷. При этом их клинки могут быть украшены резьбой⁸, всечкой⁹ или насечкой¹⁰ (ил. 2). Кожа ножен часто декорирована в технике тиснения. Рукояти

Ил. 3. Навершие рукояти индийского карда. Частная коллекция

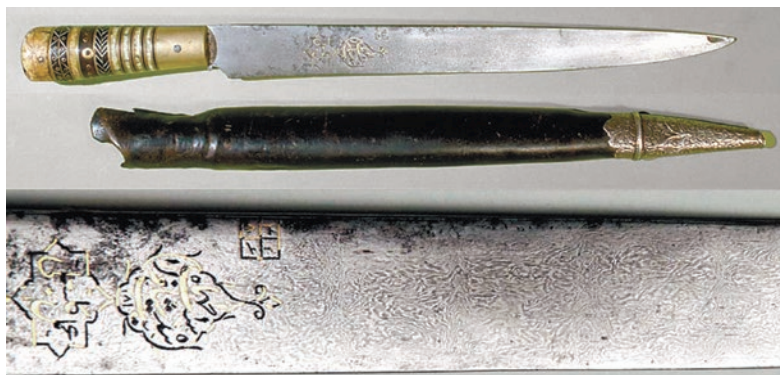
Ил. 4. Среднеазиатский кард. Коллекция Государственного Эрмитажа
№ В.О. - 1839

многих кардов, изготовленных в Индии, металлические или каменные¹¹. Если они изготовлены из кости, то навершие рукояти чаще всего выполнено в виде небольшого крючкообразного загиба под мизинец¹² (ил. 3). Иногда навершие может быть зооморфным, то есть в форме головы какого-либо животного¹³. Клинки могут быть декорированы насечкой в технике кофтгари (koftgari). Ножны обтянуты бархатом и часто имеют металлические устье и наконечник. Среднеазиатские карды отличаются от персидских исключительно декором рукоятей и ножен (ил. 4). В большинстве случаев типичный кард из Персии комплектовался ножнами, выполненными в бухарской или чаще хивинской традиции, например, представляющими собой цельносеребряный чехол¹⁴. В случае с предметами более высокого уровня деревянные ножны и рукоять (или ее навершие) обкладывались тонким золотым листом или позолоченным серебром и декорировались мелкой бирюзой или крупными драгоценными и полудрагоценными

камнями¹⁵. У более бюджетных вариантов кардов на рукояти могло быть установлено широкое кольцо из белого металла, служащее как для дополнительной фиксации накладок рукояти, так и в качестве ее украшения. Таким образом, для всех регионов, в которых использовался этот тип ножей, характерна их определенная, достаточно хорошо узнаваемая форма.

Рассматриваемые в данной статье карды разительно отличаются от всех известных образцов этого типа оружия, приведенных выше. Прежде всего, все эти ножи имеют значительные размеры – от 37 до 50 см. Мощные, часто грубой работы клинки, иногда из булатной стали, в подавляющем большинстве случаев изготовлены из крупных обломков длинноклинкового оружия. Об этом свидетельствует наличие картушей с арабографическими надписями и изображение магического квадрата «бедух»¹⁶ на клинках некоторых из рассматриваемых ножей. Например, на одном из булатных клинков исследуемых ножей в первом из картушей написано: «يلعبل لك لمع», что переводится как «работал Кальб Али». Во втором: «بس امهط تيال و هاش مدن ب» – «Правление шаха Тахмаспа 1181 год» (1181 год по хиджре – 1767 год по Григорианскому календарю) (ил. 5). Подобные картуши типичны для персидских шамширов¹⁷ и никогда не встречаются на клинках хрестоматийных персидских кардов. Также среди таких кардов известен образец, клинок которого изготовлен из сломанного ятагана. Клинок с выраженным Т-образным обухом откован из стали с узором из шести витых сердечников турецкой ленты. На голоменах в технике гравировки нанесен стилизованный картуш и выбиты символы в виде звезд, типичных для клинков ятагана. На одной из голоменей выгравированы три арабских слова (ил. 6). Хрестоматийные карды с такими клинками также неизвестны. На самых небольших экземплярах рассматриваемых ножей могут использоваться типичные клинки персидских кардов.

Все исследуемые образцы ножей объединяют практически идентичные рукояти в виде усеченного конуса, узкая часть которого обращена к клинку. Вне зависимости от того, как смонтирован клинок в рукоятях, они всегда относятся к типу так называемых «наборных рукоятей». Большер всегда выполнен из широкого латунного кольца конусообразной формы. Черен при монтаже клинка в рукояти всадного типа набран из чередующихся тонких костяных и роговых дисков, разделенных пластинками латуни. В случае частично накладного монтажа тонкие половины

Ил. 5. Кард с клинком из обломка персидского шамшира. Частная коллекция

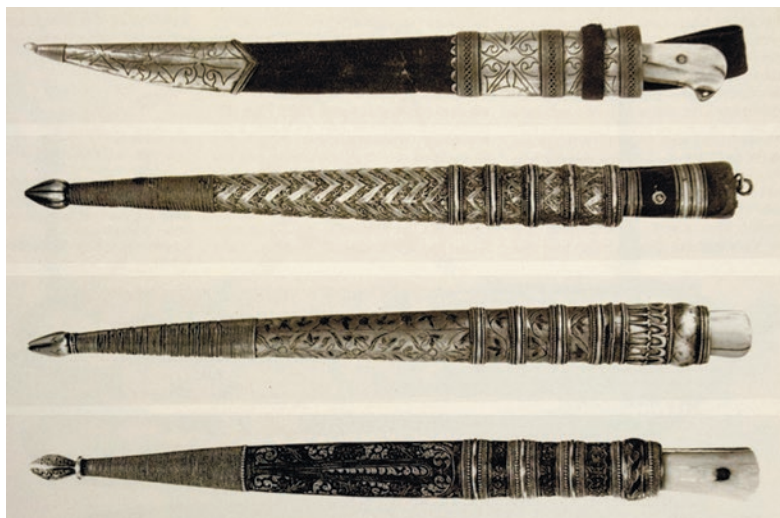

Ил. 6. Кард с клинком из обломка османского ятагана. Частная коллекция

Ил. 7. Типичные элементы османского декора на деревянных элементах ружья. Частная коллекция

дисков из тех же материалов, чередующихся аналогично, соединены вместе при помощи тонких штифтов, пущенных сквозь наборные накладки рукояти параллельно хвостовику ножа. В центре черена обычно расположено широкое роговое кольцо или половинки, визуальнo образующие вид кольца. Поверхность как широкого, так и узких роговых колец чаще всего декорирована в технике инкрустации примитивными орнаментами, в основном циркульными, образованными точками и кружками из белого или желтого металла, а в некоторых случаях — из кости. Среди рассматриваемых кардов также встречаются те, элементы черена рукояти которых декорированы элементами, напоминающими декор на деревянных, роговых и костяных элементах оружия, типичного для Османской империи (ил. 7). «Сборные» накладки фиксируются на широком хвостовике двумя штифтами с крупными заклепками. Верхняя часть хвостовика, переходящая в обух клинка, почти всегда декорирована грубоватым резным орнаментом в виде ломаной линии. Навершие, образующее широкое основание усеченного конуса рукояти, практически всегда изготовленное из цельного фрагмента кости, обычно моржовой, имеет оригинальный крепеж из четырех шпилек с полусферическими головками заклепок. В отличие от рукоятей, ножны у рассматриваемых кардов всегда разные. Это может объясняться тем, что материалы, из которых они сделаны, при бытовании оружия изнашиваются достаточно быстро и со временем ножны заменяются на новые.

Ил. 8. Карды в цельнометаллических ножнах туркменского типа. Из книги Hermann R. *Der Turkmenenschmuck. Sammlung Kurt Gull, Stuttgart/London, Mayer, 1984. S. 257.*

Рассмотренные выше образцы короткоклинкового оружия, несомненно, не являются ни индо-персидскими, ни классическими османскими, ни среднеазиатскими кардами. По общей форме клинка и рукояти эти ножи больше всего напоминают туркменские¹⁸ с территории Средней Азии. Но накладки рукоятей ножей, описанных в статье Ботякова и Янборисова, цельные, а не «наборные», как и рукояти туркменских ножей из музейных¹⁹ и частных²⁰ собраний. Надо отметить, что туркмены из Средней Азии чаще использовали персидские карды, которые попадали к ним в результате набегов на приграничные территории, принадлежавшие Ирану²¹, а если и изготавливали ножи сами, то не использовали в качестве исходного материала для клинков обломки длинноклинового оружия²². То есть отнести исследуемые ножи к территориям туркмен, входящих в состав Российской империи в конце XIX – начале XX в., тоже нельзя. Хотя, судя по единичным образцам из пограничья Афганистана и Средней Азии, рассматриваемые в статье ножи изредка попадали в этот регион, где бытовали в типичных для туркмен цельнометаллических ножнах конической формы²³ (ил. 8).

В итоге мы имеем ряд очень похожих однотипных образцов короткоклинкового оружия, по форме напоминающих ножи туркмен Средней Азии, которые нельзя отнести ни к одному из известных регионов, где бытовали карды. Так, сразу можно исключить Северную Африку. Еще в конце XIX в. страны Магриба были хорошо изучены этнографами, которые не отмечали у местного населения ни ножей, аналогичных рассматриваемым в статье, ни кардов в принципе. Оружейные комплексы народов Ближнего Востока хорошо изучены, и среди них не отмечаются интересующие нас карды. К тому же, туркмены (туркоманы), населяющие Сирию, имеют общие генеалогические и языковые связи с турками и иракскими туркменами, но не отождествляют себя с туркменами из Туркменистана и Центральной Азии²⁴. В свою очередь, туркмены Ирака классифицируются многими исследователями как часть азербайджанского этноса²⁵. Важным фактом является то, что туркмены Ближнего Востока арабизированы²⁶ и последние 250–300 лет ведут оседлый образ жизни.

В Индо-Персии и центральной части Османской империи существовали развитые центры производства хрестоматийных, легко узнаваемых и описанных в начале статьи кардов, которые отличаются от объектов нашего исследования. В ханства Средней Азии карды поступали в результате торговли с Ираном²⁷, а к туркменам, населявшим земли Средней Азии, входившие в состав Российской империи, оттуда же в процессе аламанов – регулярных организованных грабежей персов²⁸. Безусловно привлекательна версия Северного Афганистана, подтвержденная к тому же публикацией и собственно предметом, приобретенным у местного населения. Но учитывая, что на сегодняшний день холодное оружие Афганистана изучено достаточно хорошо²⁹, можно с уверенностью говорить, что в северных провинциях эти ножи бытовали единично, вероятно, попадая туда в результате культурного обмена.

К сожалению, материалы, использовавшиеся для изготовления рукоятей рассматриваемых ножей, ничем не могут нам помочь, так как даже, казалось бы, нетипичная для Востока моржовая кость на самом деле с XV в. поступала из России на Восток – в ханства Средней Азии³⁰, в Османскую империю³¹ со всеми ее вилайетами, в Иран³², а через него в Индию, где высоко ценилась даже махараджами³³.

На наш взгляд, признаками, определяющими регион происхождения для ножей, рассматриваемых в статье, могут являться материалы, использовавшиеся для изготовления клинков, и декор рукоятей. Начнем с того, что практически идентичный декор рукоятей всех рассматриваемых ножей свидетельствует о том, что они изготавливались достаточно локально. Использование переточенных обломков длинноклинкового оружия в качестве «доноров» при изготовлении ножей, с высокой долей вероятности свидетельствует о том, что они изготавливались представителями кочевой культуры, у которых в XIX в.ковка оружия находилась на достаточно примитивном уровне³⁴. Вероятнее всего, необычные карды, рассматриваемые в данной статье, были изготовлены в конце XIX в. иранскими туркменами и бытовали в их среде. Представители таких современных туркменских племен как йомут, гоклен, игдир, сарык, салар и теке жили в Иране с XVI в.³⁵, ведя полукочевой образ жизни и сохраняя традиционный уклад³⁶. До российского покорения Средней Азии ситуация в районах проживания туркмен была беспокойной. Под предлогом джихада хивинский хан неоднократно совершал набеги на иранскую территорию. Как писал иранский писатель Реза-Коли хан, хивинский хан временами водил войска против Серахса и Мерва, а иногда приказывал туркменам совершать набеги на регионы Хорасана. В свою очередь, иранские войска напали на Хорезм, в основном на туркменские земли, грабя и уводя людей в плен³⁷. Набеги туркменских племен на территорию Ирана, происходившие на протяжении всего XIX в., совершавшиеся отрядами разной величины, от нескольких человек до трех тысяч всадников³⁸, участились после разгрома в 1861 г. персидских войск при попытке захватить Мервский оазис³⁹. Иранские феодальные сановники, а также ряд русских и западноевропейских авторов XIX в. рассматривали набеги как основное занятие туркмен⁴⁰. И если после покорения Скобелевым в 1881 г. туркменских племен на территории Средней Азии набеги и грабежи прекратились⁴¹, то в Иране они продолжались почти до начала XX в. Так, в 1882 г. только в одном округе Пушт-и-Джаме из 360 деревень осталось не более 10–15, сохранившихся из-за близости к Мешхеду, а остальные были уничтожены туркменскими набегами⁴². «Персидские власти были совершенно бессильны в защите поселений и, невзирая на постоянное присутствие в Астрабаде и в укреплении Ахкала своих войск, а также пограничных отрядов, оседлое население тяжело

Ил. 9. Кард с ножами, декорированными изображениями животных и людей в персидской стилистике. Частная коллекция

страдало от туркмен»⁴³. Ситуация начала меняться после окончательного официального разграничения между Российской империей и Ираном в 1894 г.⁴⁴ Замиренные туркмены из Средней Азии перестали совершать набеги на персидскую территорию, а туркменские племена из Ирана потеряли возможность уходить от иранских войск на сопредельную территорию. Кроме того, в 1879 г., благодаря деятельности русской военной миссии в Иране, на базе кавказских переселенцев (мухаджиров) и местных добровольцев удалось сформировать регулярную кавалерийскую часть, так называемую Персидскую казачью конную бригаду⁴⁵. С 1896 г. бригада брала на себя дополнительные функции по обеспечению внутренней безопасности в провинциях Персии⁴⁶. Таким образом, к концу XIX – началу XX в. туркмены в Иране, как и на территории Российской империи, вынуждены были прекратить грабительские набеги и оказались практически изолированными. Это привело к тому, что прекратился приток трофейного персидского оружия. Также можно предположить, что оружие у туркмен изымалось.

В условиях отсутствия поступлений оружия извне и низкого мастерства местных кузнецов-оружейников, о котором упоминалось выше, туркмены, населявшие пограничные области Ирана, по нашему мнению, вынуждены были изыскивать иные варианты для получения короткоклинкового оружия. Несомненно, изготовить большой нож туркменским кузнецам было проще, переточив его из фрагмента сломанной сабли, чем отковать клинок такого же размера. Кстати, именно на территориях, населенных иранскими туркменами, могли оказаться обломки как персидского, так и османского длинноклинкового оружия. Из Ирана

рассматриваемые в статье ножи вполне могли в единичных случаях попадать в Афганистан. Косвенным подтверждением бытования таких ножей в пограничных районах Ирана могут служить периодически встречающиеся в комплекте с ними ножны из белого металла с типичными персидскими изображениями людей и животных (ил. 9).

Таким образом, подводя итог, с высокой долей уверенности мы предполагаем, что рассматриваемые ножи локально изготавливались одним из туркменских племен, населявших пограничные области Ирана в самом конце XIX – начале XX в. Короткий период изготовления таких ножей и, несомненно, их точечное производство объясняют малое количество существующих на сегодняшний день образцов такого оружия.

¹ Hermann R. *Der Turkmenenschmuck*. Sammlung Kurt Gull, Stuttgart/London, Mayer.. 1984. S. 257.

² *Islamic and Oriental Arms and Armour* by Robert Hales, 2013. P. 13; Pinchot O.S. *Arms of the Paladins: The Richard R. Wagner Jr. Collection of Fine Eastern Weapons*, 2014. P. 38; Анисимова М. А. *Оружие Востока XV – первой половины XX века*. Из собрания ВИМАИВиВС. СПб.: Атлант, 2013. С. 265–266; Скраливецкий Е. Б. *Восточное оружие в частных собраниях*. СПб.: Русская коллекция, 2013. С. 102, 198–206; Сиваченко Е. *Сталь и Золото: Восточное оружие из собрания Feldman Family Museum*. Киев, 2019. С. 256–259, 270–276.

³ Жиль Ф. А. *Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю Императору*. СПб., 1860. С. 190.

⁴ Richardson J. *A vocabulary, Persian, Arabic, and English; abridged from the quarto edition of Richardson's dictionary*. London, 1810. P. 446; Wollaston A. N. *An English-Persian dictionary*, London, 1882. P. 172; Palmer E. H. *Dictionary of The Persian Language*, London, 1884. P. 478.

⁵ Stone G. C. *A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times*, New York, 1961. P. 336.

⁶ Khorasani M. M. *Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period*. Germany: Legat, 2006. P. 603–612.

⁷ Анисимова М. А. *Оружие Востока XV – первой половины XX века*. С. 172–173.

⁸ Allan J.W. *Persian Steel, The Tanavoli collection*, Oxford University Press, 2000. P. 39.

⁹ Скраливецкий Е. Б., Ефимов Ю. Г., Образцов В. Н. *Восточное оружие в частных коллекциях*. СПб., 2013. С. 200; Alexander D. G. *Islamic Arms and Armour in The Metropolitan Museum of Art*, NY, 2015. P. 222–223.

¹⁰ Rudolf Zeller und Ernst F. Rohrer, *Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschriebender Katalog der Waffensammlung*, Bern, 1955. P. 354–355, Taf. XCII; Скраливецкий Е. Б., Ефимов Ю. Г., Образцов В. Н. *Восточное оружие в частных коллекциях*. С. 206.

¹¹ Bashir Mohamed *The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection*. Italy: Skira, 2008. P. 229–230.

- ¹² Скраливецкий Е. Б., Ефимов Ю. Г., Образцов В. Н. Восточное оружие в частных коллекциях. С. 99, 101, 102; Pinchot O. S. Arms of the Paladins: The Richard R. Wagner Jr. Collection of Fine Eastern Weapons, Mowbray Publishing, USA, 2014. P. 48.
- ¹³ Bashir Mohamed The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Italy: Skira, 2008. P. 231; Hales R. Islamic and Oriental Arms and Armour: A Lifetime's Passion, England, 2013. P. 29.
- ¹⁴ Анисимова М. А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. С. 265–266; Скраливецкий Е. Б., Ефимов Ю. Г., Образцов В. Н. Восточное оружие в частных коллекциях. С. 202–203; Pinchot O. S. Arms of the Paladins: The Richard R. Wagner Jr. Collection of Fine Eastern Weapons, Mowbray Publishing, USA, 2014. P. 38.
- ¹⁵ Rudolf Zeller und Ernst F. Rohrer, Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschreibender Katalog der Waffensammlung, Bern, 1955. P. 354–355, Taf. XCII; Лютов А. М. Холодное оружие в собрании Российского Этнографического музея. СПб., 2006. С. 196; Анисимова М. А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. С. 265, 267.
- ¹⁶ Egerton W. A description of Indian and oriental armour, London: W. H. Allen & Co., limited, 1896, P. 53.
- ¹⁷ Хайдаков К.С. Шашмширы. Старые сабли и тайны древних мастеров, Москва: Барс, 2013. С. 124.
- ¹⁸ Ботяков Ю. М., Янборисов В. Р. Холодное оружие туркмен / Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. 43: Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа: [сборник статей], СПб.: МАЭ РАН, 1989. С. 54–56, рис. 4.
- ¹⁹ Соипев А. О. Традиционные технологии и художественные приемы отделки оружия из собрания Государственного музея Туркменистана. С. 65–86. / Вестник МИЦАИ. 2020. Вып. 29. С. 75–76.
- ²⁰ Сиваченко Е. Сталь и Золото: Восточное оружие из собрания Feldman Family Museum. Киев, 2019. С. 270–273.
- ²¹ Туркмены номудского племени / Военный сборник. № 1, январь. СПб., 1872. С. 78; Воловников В. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах (по донесениям Флорио Беневини). М., 1986. С. 87.
- ²² Ботяков Ю. М., Янборисов В. Р. Холодное оружие туркмен / Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. 43: Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа: [сборник статей], СПб.: МАЭ РАН, 1989. С. 54–56, рис. 4.
- ²³ Hermann R. Der Turkmenenschmuck. Sammlung Kurt Gull, Stuttgart/London, Mayer., 1984. S. 257.
- ²⁴ Peyrouse S. Turkmenistan: Strategies of Power, Dilemmas of Development, Taylor & Francis, 2015, p. 62; Triana M. Managing Diversity in Organizations: A Global Perspective, New York: Routledge, 2017. P. 167–168.
- ²⁵ Menges K.H. The Turkic Languages and Peoples: An Introduction to Turkic Studies / Veröffentlichungen Der Societas Uralo-Altaica, Band 42, Otto Harrassowitz Verlag, 1995. P. 11–59.
- ²⁶ Stansfield G. Iraq: people, history, politics, Cambridge: Polity 2007. P. 70–76.
- ²⁷ Милосердов Д. Ю. Оружие и доспехи в ханствах Средней Азии (Бухара, Коканд, Хива) конца XVIII – начала XX в. / Arms and armor of khanates Central

Asia (Bukhara, Kokand, Khiva) of the late 18th – early 20th centuries. Т. 2, СПб.: Атлант, сор. 2024. С. 35.

²⁸ Карпов Г. И. Аламаны / Туркменоведение, 1931, № 6. С. 29.

²⁹ Милосердов Д. Ю. Холодное оружие Афганистана XIX – начала XX веков / Edged weapons of Afganistan. 19th – early 20th century. СПб.: Атлант, 2019.

³⁰ Fletcher G. Of the Russe Common Wealth: Or Maner of Governement by the Russe Emperour, London, 1591. P. 10.

³¹ Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii, Antverpiae (Antwerpen), 1557. P. 126.

³² Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, Т. II, СПб., 1892. С. 58.

³³ The Jahangirnama. Memoires of Jahangir, Emperor of India, Smithsonian Institute, Washington, DC, 1999. P. 193, 307, 308, 343, 357.

³⁴ Туркмены иомудского племени / Военный сборник. № 1, январь. СПб., 1872. С. 72; Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Издательство АН Киргизской ССР, 1962. С. 133; Курылёв В. П. Оружие казахов. С. 4–22. / Сборник МАЭ. Т. XXXIV. Л., 1978. С. 14.

³⁵ Логашова Б.-Р. Туркмены Ирана: Ист.-этногр. исслед. / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1976. С. 14.

³⁶ Allgrove J. Turcoman Finery, pp. 47-50 / Costume, Volume 9, Issue 1, January 1975. P. 48–49.

³⁷ Маннанов Б. С. Из истории русско-иранских отношений XIX – начала XX в. Ташкент: Наука, 1964. С. 25.

³⁸ Росляков А. А. Аламаны / Советская этнография, М.: Наука, 1955, № 2. С. 42.

³⁹ Маннанов Б. С. Из истории русско-иранских отношений XIX – начала XX в. Ташкент: Наука, 1964. С. 29.

⁴⁰ Росляков А. А. Аламаны / Советская этнография, М.: Наука, 1955. № 2. С. 41.

⁴¹ Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): С очерком воен. действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г., СПб.: В. Березовский, 1899. С. 220.

⁴² Гродеков Г. М. Записка о путях из Закаспийского края в Герат (30 мая 1882 г.) / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V, 1883. С. 112.

⁴³ Артамонов Л. К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Воен.-стат. исслед. Л. К. Артамонова, Ген. штаба подполк. Ч. 1. Тифлис: тип. Канцелярии главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1894–1897, 1894. С. 18.

⁴⁴ Маннанов Б. С. Из истории русско-иранских отношений XIX – начала XX в. Ташкент: Наука, 1964. С. 76.

⁴⁵ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг., М.: ИВ РАН, 2012. С. 56–59.

⁴⁶ Там же. С. 86–88.

Ю. А. Миронов (г. Ардатов, Республика Мордовия)

**ОСОБЕННОСТИ ТОПОГЕОДЕЗИЧЕСКОГО
И НАВИГАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
Артиллерии в зоне специальной
военной операции
(на опыте Великой Отечественной войны)**

*Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
на большом листу.
...Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
а по ним ходить.
...На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки!*

Л. Н. Толстой. 1855 г.

Как и 80 лет назад, Российская армия защищает русский мир, Россию от коллективного Запада, пытающегося нанести России и ее союзникам стратегическое поражение руками бандеровского неонацистского режима. Линия боевого соприкосновения (ЛБС) с врагом проходит практически по тем же территориям, что и в сражениях с фашизмом и нацизмом во время Великой Отечественной войны. Ракетные войска и артиллерия в зоне Специальной военной операции (СВО) выполняют 60–80 % общего объема огневых задач по поражению противника. Успех действий войск напрямую зависит от эффективности ударов и огня. Поэтому так важно определить особенности боевого применения ракетных войск и артиллерии, влияющие на эффективность их применения в зоне СВО.

Топогеодезическое обеспечение – комплекс мероприятий по подготовке и доведению до артиллерийских подразделений топогеодезических данных, необходимых для изучения и оценки местности, ориентирования на ней, эффективного применения вооружения и военной техники и управления артиллерийским подразделением¹.

Цель топогеодезического и навигационного обеспечения – создание необходимых условий артиллерии для выполнения задач по огневому поражению противника. Осуществляется посредством выполнения ряда мероприятий:

- своевременного обеспечения подразделений исходными топогеодезическими данными;
- мероприятий по своевременной и точной топогеодезической привязке;
- топогеодезической привязке элементов боевого порядка;
- контроля топогеодезической привязки.

Стрельба артиллерии считается эффективной, если она проводится на основе полной подготовки. Полная подготовка обеспечивает скрытность подготовки, быстроту, внезапность и точность огня на поражение.

В срединных ошибках полной подготовки стрельбы до 40% составляют ошибки топогеодезической подготовки. С учетом этого определены требования к значению максимальных ошибок топогеодезической привязки пунктов, постов и позиций, удовлетворяющих требованиям полной подготовки (таблица 1).

Таблица 1

Требования к точности топогеодезической привязки артиллерии

Подразделения	Срединные ошибки определения		
	Координат, м	Дирекционных углов, д. у.	Высот, м
Артиллерийская разведка	15	0–01	5
Нарезная артиллерия	20	0–01	5
Миномёты и реактивная артиллерия	30	0–02	10

Ил. 1. Зона специальной военной операции (СВО)

Рассмотрим особенности, которые влияют на топогеодезическое и навигационное обеспечение артиллерии в зоне СВО.

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗОНЫ СВО

Боевые действия зоны СВО ведутся на театре военных действий (ТВД), который расположен на поверхности земли, воды, в воздушном и космическом пространстве над ними. В программе Google Earth Pro (Просмотр Земли) нанесем по сообщениям Информационного центра Министерства обороны Российской Федерации линию боевого соприкосновения (ЛБС) воюющих сторон (ил. 1).

На карте зона СВО размещается в двух географических зонах – № 6 и № 7. Линия соприкосновения зон проходит по меридиану 36 градусов восточной долготы с севера на юг. Прямоугольные координаты каждой зоны имеют единую систему отсчета (т. н. система координат Гаусса-Крюгера).

Именно линия соприкосновения зон является границей, при переходе через которую всегда необходимо пересчитывать координаты и вводить поправку в дирекционные углы, определенные в соседней зоне.

Таковыми моментами для пересчета являются:

- стрельба из зоны в зону, когда орудия находятся и привязаны в одной зоне, а цели расположены в соседней зоне;

- совершение марша с работающей аппаратурой топопривязки, когда марш начинался с начальной точки одной зоны, а продолжился в соседней зоне;
- топогеодезические работы на стыке координатных зон, когда используются прямоугольные координаты и дирекционные углы из двух зон;
- поправка буссоли определена в одной зоне, а боевая работа проводится в соседней зоне;
- поправка направления компаса определена в одной зоне, а компасом пользуются в соседней зоне.

К чему могут привести неучет пересчета координат из зоны в зону и поправки в дирекционный угол, в воспоминаниях об отце-академике АН РАН Ляпунове А. А. приводит его дочь Ляпунова Н. А.²

В 1943 г. в районе реки Молочной, что в Запорожской области (ил. 1), командир топографического взвода 1-го артдивизиона 22-го гвардейского артполка 3-й гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант Ляпунов А. А. привязал топографически огневые позиции для трех батарей дивизиона в 7-й зоне и координаты передал в штаб. Линия обороны немцев проходила по берегам реки Молочной, то есть в 6-й зоне. В назначенное время батареи дивизиона открыли огонь по целям, но с КНП полка даже разрывы не были видны – с таким большим отклонением от целей велась стрельба. То же самое происходило в других дивизионах артполка. Старший лейтенант Ляпунов, находившийся на КНП артполка, быстро оценил величину отклонения разрывов снарядов и передал эти поправки на огневые позиции батареям. Командиры батарей удивились поправкам, полученным с КНП, но ввели их, и снаряды стали поражать цели.

В результате разбирательств и изучения причин срыва выполнения боевой задачи было выяснено, что артполк располагался на огневых позициях в 7-й географической зоне, а цели для стрельбы – в 6-й зоне. Координаты и углы не были приведены к одной зоне. Старший лейтенант Ляпунов А. А. рассчитал поправки, необходимые для учета при стрельбе из зоны в зону. По его пересчитанным координатам были проведены контрольные стрельбы артполка, которые подтвердили правильность расчетов старшего лейтенанта Ляпунова. Ему с командой было поручено пересчитывать координаты всех целей артполка при стрельбе из зоны

Ил. 2 Боевая работа с bussолью ПАБ-2М в зоне СВО. Скриншот

в зону в ходе начавшегося наступления на Мелитополь войск 4-го Украинского фронта.

В ходе боевых действий ракетным войскам и артиллерии ВС РФ в зоне СВО часто приходится вести стрельбу или перемещаться в соседнюю зону. И всегда необходимо производить пересчет координат и углов из зоны в зону.

Для пересчета координат в зоне СВО имеются ЭВМ в комплексах командирских машин управления артиллерийским огнем (ККМУО) 2В12М и 2В17М, в перечень решаемых задач которых входит задача пересчета координат из зоны в зону. В сервисных функциях носимых спутниковых навигаторов «ГРОТ-М», «Орион», «БРИЗ-М» имеются задачи пересчета прямоугольных координат и определение поправки в дирекционный угол при переходе из зоны в зону. В «Руководстве по боевой работе топогеодезических подразделений ракетных войск и артиллерии» имеется глава 5 «Топогеодезическая привязка на стыке координатных зон». Из указанных в нем способов только с помощью ЭВМ и не указанных – с помощью сервисных функций переносных спутниковых приемников «Грот-М», «Орион», «Бриз-М» – можно пересчитать координаты из одной зоны в другую с требуемой точностью 1 метр и за время 2 минуты. Остальные два способа, графический и графо-аналитический, имеют либо малую точность, либо запутанность в расчетах и большое время вычислений³. Необходимость

Ил. 3 Боевая работа с буссолью ПАБ-2М в Запорожской области. Скриншот

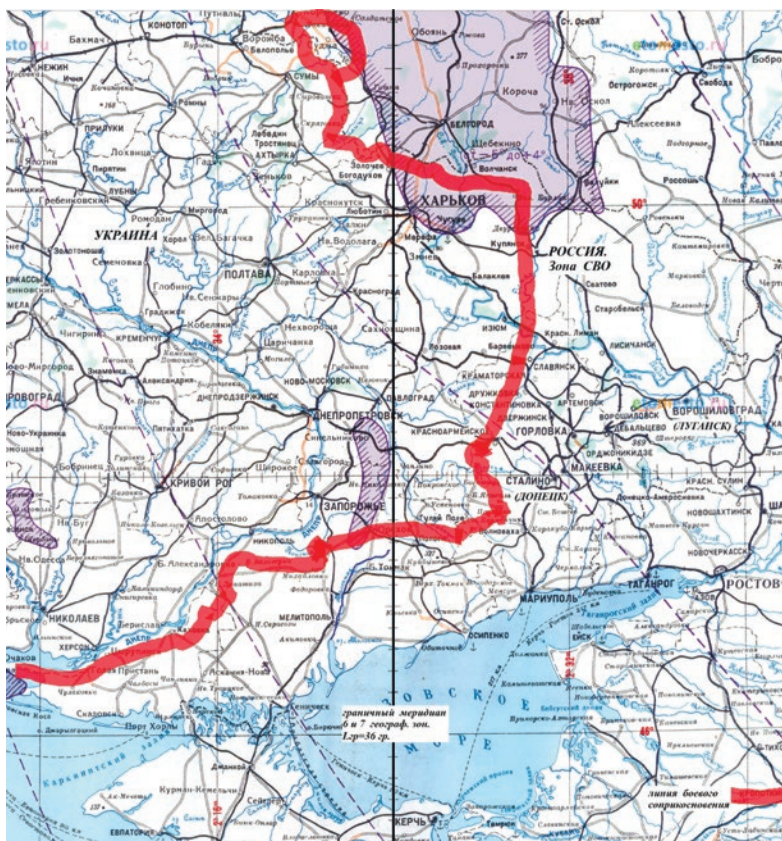
перевычислений из зоны в зону возможно определить по номенклатуре топокарт, которая приведена вверху каждого листа. Все листы топокарт шестой координатной зоны будут иметь обозначение, например, на карте масштаба 1:1000000 – К-36, а седьмой зоны – К-37.

ОСОБЕННОСТИ МАГНИТНОГО ПОЛЯ ЗЕМЛИ В ЗОНЕ СВО

В информации из зоны СВО часто на экранах показывается работа боевых расчетов артиллерии по наведению орудий, боевых машин с помощью буссоли ПАБ-2М (ил. 2, 3).

Буссоль в переводе с французского – компас. То есть это прибор, в котором используется свойство магнитной стрелки устанавливаться параллельно магнитному меридиану в месте нахождения прибора. Прибор этот настолько удобен и прост в использовании, что применяется во всех современных комплексах вооружения, разведки, топопривязки. Буссоль использовалась во всех войнах, начиная с Русско-японской. Прибор обеспечивает измерение горизонтальных углов с точностью 0–01 д.у., измерение расстояний до 400 м, определение дирекционных углов с точностью 0–04 д.у. в радиусе 10 км в неаномалийных районах за время три минуты. Практика определила условия учета изменения поправки буссоли при перемещении и на большие расстояния, но только в неаномалийных районах.

Рассмотрим фрагмент карты 1944 г., на которой показаны изогоны – линии равного магнитного склонения – и места

Ил. 4. Карта изгон и магнитных аномалий 1943 г.

магнитных аномалий эпохи 1943 г. по данным Института земного магнетизма СССР (ил. 4).

Нанесем на карту линию боевого соприкосновения в зоне СВО. Линия боевого соприкосновения проходит по районам магнитных аномалий в районе Запорожской области и Курской магнитной аномалии, где отклонение стрелки от истинного азимута изменяется в пределах от -39 градусов до $+48$ градусов, согласно информации с карты.

Современные исследования магнитного поля Земли территории России и Украины позволили выявить его сложный характер. Проявились региональные и местные

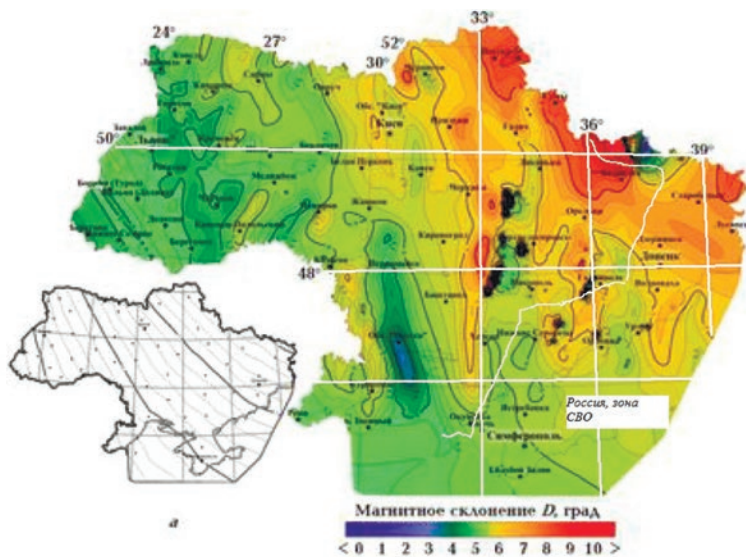
аномалии магнитного поля. Современная карта магнитного поля Украины и его аномалий приведена на ил. 5, 6⁴.

Распределение магнитного склонения зоны СВО имеет достаточно сложный характер. Основная часть магнитного склонения, рассчитанная по методам IGRF, увеличивается с запада на восток с 4,8 гр. до 8,0 гр. На этом фоне выделяется ряд региональных магнитных аномалий магнитного склонения. В восточной части Украины это Лохвицкая аномалия размером 120х55 км, Путивльская – 130х65 км, Каховская – 200х60 км, Купянская (Харьковская) – 75х75 км, Луганская – 200х60 км, Западно-Приазовская – 160х80 км⁵.

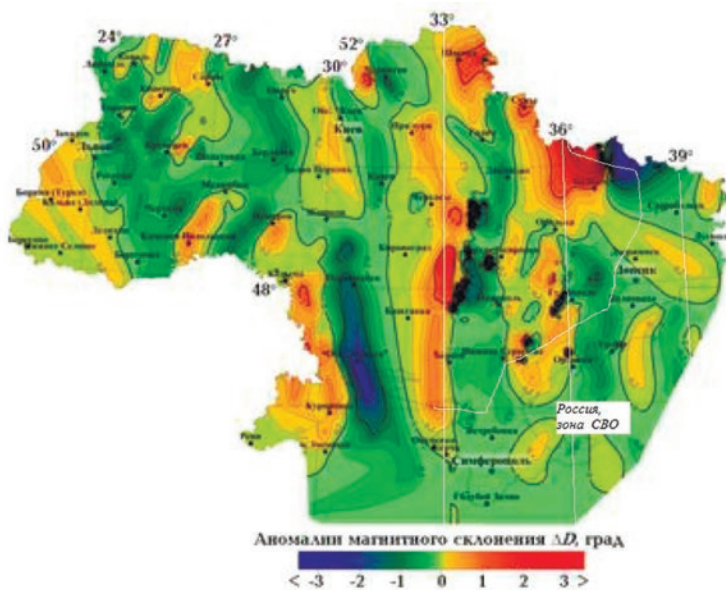
В этих районах величина склонения меняется от –3 гр. (–0–50 д.у.) до +3 гр. (+0–50 д.у.). В районе Курской магнитной аномалии и некоторых других интенсивных склонение меняется от –13 гр. (–2–17 д.у.) до +14 гр. (+2–33 д.у.). Этот факт убеждает в осторожном использовании без контроля магнитной стрелки буссоли в боевой работе.

Использовать прибор ПАБ-2М для боевой работы можно, ориентируя его геодезическим, гироскопическим и астрономическим способом. Такие возможности в современной артиллерии есть. Это позволяет использовать полученные дирекционные углы для стрельбы с точностью 0–01 д.у.

В годы Великой Отечественной войны методы работы с буссолью были достаточно полно разработаны. Для учета локальных магнитных аномалий штабам, разрабатывающим топографическое обеспечение артиллерии, рекомендовалось в районах размещения артиллерии проводить магнитную разведку района размещения артиллерии с целью определения магнитного склонения и его изменения по площади. На основе этого давались указания по использованию артиллерийской буссоли. Метод определения магнитного склонения в определенном районе заключался в одновременном двустороннем определении величин условных магнитных азимутов при помощи двух бусселей ПАБ. На границах района развертывания артиллерии проводились измерения магнитного и астрономического азимутов, а затем приборы менялись местами и вновь определялись магнитные и астрономические азимуты углов. На границах района определялись магнитные склонения. Их разность позволяла определить реальный градиент, то есть изменение магнитного поля в районе размещения артиллерии на один километр

Ил. 5. Магнитное склонение на территории Украины

Ил. 6. Аномалии магнитного склонения на территории Украины

перемещения⁶. Нормой считается градиент $G=1$ д.у./км. Этот метод может быть полностью рекомендован в зоне СВО в аномалийных и неаномалийных районах для надежного использования для ориентирования по магнитной стрелке буссоли ПАБ-2М. При этом точность определения магнитных азимутов составляет 0–01 д.у. Полное описание работы и использования магнитной разведки в штабах приведено в источнике⁷.

Градиент магнитного поля, рассчитываемый в настоящий момент по рекомендуемой руководством методике, проводится только по изогонам карты нормального магнитного поля, который не учитывает местные и региональные аномалии, запрещающая использование буссоли в площадных магнитных аномалиях.

В современном «Руководстве по боевой работе топогеодезических подразделений РВ и А» в приложении И ст. 105 для уточнения поправки буссоли приведены график учета местного изменения склонения стрелки буссоли во времени и методика учета этой поправки, перенесенные из прежних руководств. Данное указание не может быть рекомендовано для практического использования, так как не учитывает геофизические возмущения (вспышки на Солнце) и местные электромагнитные поля. Исследования изменения склонения магнитного поля в лабораторных условиях показали, что склонение изменяется во времени от $-0,21$ гр. ($-0-03,5$ д.у.) в 9 часов до $+0,08$ гр. ($+0-01,8$ д.у.) в 15 часов, что не согласуется с предлагаемым в Руководстве графиком: 0–00 д.у. в 9 часов, и 0–04 д.у. в 15 часов местного времени⁸.

Модель магнитного поля IGRF 2015 г., заложенная в сервисных функциях носимых навигаторов «Бриз-Н», «Грот-М», «Орион», позволяет рассчитать магнитное склонение для стандартного магнитного поля в указанной координатами точке, но региональные и местные магнитные аномалии магнитного склонения в программе не учтены и для боевой работы бесполезны. Поэтому поправку буссоли ПАБ-2М следует определять на надежно определенном ориентирном направлении геодезическим, гироскопическим или астрономическим способом и использовать прибор для боевой работы, ориентируя его опять же геодезическим, гироскопическим и астрономическим способом или с уточнением магнитного поля в районе развертывания ракетных войск и артиллерии по

разработанной в годы Великой Отечественной войны методике магнитной разведки района размещения боевых порядков артиллерии. Это позволяет получить дирекционные углы с точностью 0–01 д.у.

ПРИМЕНЕНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) получили свое развитие в ряде вооруженных конфликтов, и в условиях СВО с обеих сторон выполняют задачи во всей зоне боевых действий. С нашей стороны ежедневно применяется более 3500 БПЛА, что на ЛБС длиной 1200 км составляет три БПЛА на километр фронта. БПЛА применяют для разведки и уничтожения личного состава, техники и вооружения противника, корректировки артиллерийской стрельбы, составления ортопланов на районы развертывания артиллерии, постановки и обнаружения минных полей, рекогносцирования маршрутов перемещения войск и районов развертывания артиллерии, ведения РЭБ, доставки грузов в боевые порядки наших войск, борьбы с БПЛА противника. Номенклатура применяемых БПЛА многочисленна и разнообразна. Беспилотники насыщают все приземное воздушное пространство, составляют род вооружения, и с этим приходится считаться.

Основные исходные топогеодезические данные, доводимые до войск:

- координаты и высоты геодезических сетей ГГС и СГС, точек АТГС;
- дирекционные углы сторон ГГС, СГС, направления на ориентирные пункты;
- эталонные азимуты;
- сведения о местности и объектах на ней.

В условиях наступления ВС РФ освобождаются территории, ранее занятые противником. Геодезическая сеть, созданная на занимаемых прежде территориях, ему известна. Поэтому противник разрушает геодезические сети и их оформление в виде центров, тригопунктов и сигналов. А это снижает возможности по привязке на геодезической основе. Для восстановления и развития геодезических сетей применяются топогеодезические отряды и взводы Военной топографической службы Вооруженных Сил России (ВТС ВС РФ).

Топографические карты как источник геодезической информации доводятся до подразделений и позволяют производить топопривязку. Каталоги координат геодезических сетей доводятся до штабов частей и дивизионов.

Новые виды топогеодезической информации о местности, применяемые на СВО, – ортотопоплан и цифровая модель местности (ЦММ).

Ортотопоплан – это цифровая карта местности, созданная с помощью съемки местности требуемого района с БПЛА и привязка фотоснимков к геодезической сети. Оформляется в виде карты в масштабе 1:10000 или 1:25000. Время на производство работ и распечатывание в виде карты – 8 часов. Ортотопоплан позволяет производить определение координат контурных точек местности и местных предметов с точностью 2,5–5 метров. Используется при топогеодезической привязке на всех уровнях войск. Ортотопопланы составляют топогеодезические подразделения ВТС. Для этого на всех направлениях СВО развернуты центры геодезической информации, на вооружении которых имеются подвижные навигационно-геодезические комплексы ПНГК-1 на базе автомобиля «КамАЗ 4350» с КУНГом. Они же создают фотоснимки с координатной сеткой, списки координат контурных точек карты, каталоги координат СГС, эталонные направления для выверки гирокомпасов и бусселей, определяют координаты и высоты пунктов СГС, определяют координаты контрольных точек по маршрутам передвижения войск, контролируют топогеодезическую привязку элементов боевых порядков войск.

Цифровая модель местности (ЦММ) – это созданный с помощью фотоснимков с БПЛА и высот цифровой 3D-образ местности. ЦММ позволяет визуально рассматривать местность в требуемом районе и производить на ней измерения и тактические расчеты. ЦММ заменила макет местности, разрабатывавшийся ранее в частях и соединениях. Используется на всех уровнях при оценке местности. Доставляется в штабы и подразделения на переносных носителях информации.

БПЛА противника не позволяют открыто производить топогеодезические работы, создавая реальную угрозу уничтожения личного состава и техники, обнаружения районов предстоящих размещений техники и вооружения. Ходы

и засечки возможны только в глубине зоны СВО, в удалении от ЛБС. Большинство работ производится ночью и в условиях ограниченной видимости. Маскировка работ и техники, использование лесополос и лесных массивов стали необходимым элементом безопасности выполнения топопривязки. Рекогносцировка района предстоящего размещения артиллерии и маршрутов выдвижения в них также возможна с помощью наших БПЛА. При этом тепловизоры на БПЛА позволяют определять наличие мин, техники и вооружения на контрасте температур с фоном. Места размещения техники, вооружения, орудий помечаются на местности сбрасываемыми маркерами, координаты которых составляются при рекогносцировке с БПЛА.

РАДИОЭЛЕКТРОННАЯ БОРЬБА

Радиоэлектронная борьба (РЭБ) – это электромагнитное воздействие на работающие радиоэлектронные устройства противника с целью вывода их из строя или создания помех, исключающих нормальное их функционирование, и защита собственных работающих радиоэлектронных устройств, техники и вооружения от воздействия противника.

РЭБ применяется с обеих воюющих сторон. Создаваемые многослойные поля помех вызывают определенные трудности в применении средств связи и радионавигационных приемников GPS и ГЛОНАСС, не позволяют использовать высокоточные боеприпасы, вызывают подмену спутниковых навигационных сигналов радиоаппаратуры при выполнении топогеодезической привязки.

В ВС РФ применяется различная автономная наземная навигационная аппаратура (АННА) топопривязки, использующая закрытый контур функционирования навигационной аппаратуры, исключающий воздействие помех на работоспособность аппаратуры, и современная аппаратура топопривязки на основе радиоспутниковой навигации. Такая аппаратура установлена в комплексах командирских машин управления огнем (ККМУО) 1В17, 1В12, ПРП-3, ПРП-4, «Торнадо-Г», «Торнадо-С», «Коалиция», «Земледелие» и других (таблица 2).

Таблица 2

Возможности автономной наземной навигационной аппаратуры подвижных объектов артиллерии

Характеристики аппаратуры	ТНА-4	Маяк	1Т121	1Т128	СТПН «Гамма» 1Т215	СРНС СН3001
Год принятия	1970	1966	1975	1979	1995	1991
Дальность работы, км	-	<10	<10	>10	-	Неогранич.
Установлена в комплексах	Т-72, Т-80, Т-90, БМП-3, БТР-80		КАУО 1В12 «Машина»	КАУО 1В12М «Фальцет», ПРП-4М, 1РЛ232, 1РЛ259	КАУО 1В126 «Капустник»	АСУНО «Успех» (-В.-С.-Р)
Ошибка E ²	0,6-мдп					
-координат, %Д	0,4-ддс	0,5-0,6	0,4	0,3	0,2	20 м
-направл. д.у.	0-17	0-17	0-17	0-12	0-00,5	-
-наклона	-	-	-	-	0-00,5	-

Из таблицы 2 следует, что механическая аппаратура топопривязки 1970–1979 гг. не подвержена воздействию станций РЭБ, обеспечивает определение координат с требуемой точностью, но только при ликвидации накапливающейся со временем ошибки прямоугольных координат, углов и высот в виде более частого сравнения и корректирования вырабатываемых топо данных с контрольными точками.

Аппаратура топопривязки на основе спутниковой радионавигации 1991–1995 и более поздних годов изготовления определяет координаты и углы с требуемой точностью для полной подготовки данных, но она подвержена воздействию на работоспособность средствами РЭБ противника.

Воздействие полей помех на спутниковые радиосигналы навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и GPS и их подмена приводят к невозможности определения прямоугольных координат и дирекционных углов с помощью АННА и переносных навигационных приемников. Использование в аппаратуре одновременно сигналов ГЛОНАСС и GPS приводит к получению недостоверных координат и углов, так как аппаратура привязки усредняет неверные координаты, получаемые с них. Выходом из создавшегося положения может быть работа спутниковых навигаторов на закодированных частотах высокоточного сигнала, увеличение мощности получаемого сигнала, определение координат

последовательно и отдельно от систем ГЛОНАСС и GPS и их сравнение, использование режима получения пути от механического или доплеровского датчика. Обязательным элементом является проверка полученных координат по карте или с помощью средств, неподверженных воздействию станций РЭБ.

ОСОБЕННОСТИ НАВИГАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗОНЫ СВО

Навигация – это определение местоположения, скорости и ориентации движущихся объектов. В условиях СВО резко возросли требования ко времени нахождения артиллерии на огневой позиции. Контрбатарейная борьба стала важной частью борьбы за огневое превосходство. Маневр подразделений после стрельбы стал основой выживания, частой смены позиций, рассредоточенного расположения орудий и огневых средств на позициях. Поэтому основным способом определения координат при перемещении артиллерии является автономная наземная навигационная аппаратура (АННА) топопривязки комплексов командирских управления огнем (ККУО), ПРП-3, 4 и других (таблица 2). АННА позволяет наметать маршруты перемещения и перемещаться по ним в готовности вести бой с марша, имея координаты и углы для развертывания орудий.

Сравнительная характеристика основных ТТХ КАУО артиллерии⁹ (таблица 3).

Таблица 3

Наименование комплекса	Время на подготовку огня		Точность полной подготовки	
	Неплановая цель, сек	Огонь с марша, мин	Ед(%),	Ен(ду)
Отечественные КАУО				
1В12М, 1В17-1	240-300	до 12-15	0,9-1,1	0-04--0-06
1В12М-3,1В12-3	до35	до 2	0,5-0,7	0-02-0-04
1В181, 1В198	до 30	до 2	0,5-0,7	0-02--0-04
Зарубежные КАУО				
Такфайер	до25	до5	0,6-0,8	0-03-0-04
Атила-2	до35	до3	0,3-0,5	0-00,5-0-01
Адлер, Ифаб	90-120	до3	0,5-0,6	0-02--0-03
Атиб, Афатдс	до15	менее 2	0,5--0,6	0-02-0-03

Навигационное обеспечение – это комплекс мероприятий по определению местоположения, навигационных параметров движения, определения оптимальных маршрутов движения подразделений артиллерии и средств разведки. При его выполнении обязательны следующие мероприятия:

- оборудование районов боевого предназначения артиллерийских подразделений в навигационном отношении;
- оснащение артиллерийских подразделений специальной аппаратурой и автономными индивидуальными средствами навигации;
- контроль за навигационной обстановкой;
- обслуживание и подготовка средств навигации к работе.

Для выполнения навигационных задач артиллерии в зоне СВО имеются автономные наземные навигационные комплексы (АННА), радионавигационная аппаратура «Бриз-Н», «Грот-Н», «Грот-В», «Грот-М», «Перунит-Б», «Бриз-КМ-РВ», установленные на подвижные объекты. В войска поставлены индивидуальные навигаторы – приемники спутниковых радиосигналов. Ко всему спектру навигационных средств применимы особенности топогеодезического обеспечения, указанные для зоны СВО.

Как и любую высокоточную аппаратуру, навигационные средства необходимо обслуживать и подготавливать к работе. В боевых условиях не всегда представляется возможным проводить проверки аппаратуры на функционирование и проводить выверки аппаратуры и приборов. Несоблюдение сроков и качества выверки, несоблюдение техники безопасности при работающей АННА приводят к снижению точности работы, ненадежному функционированию и поломкам.

Так, для датчиков пути необходим набор коэффициентов пути по различным условиям движения. Дополнительные изменения в коэффициент корректуры пути вносят погодные условия и время года. Неучет этих явлений при боевой работе приводит к повышенной ошибке в координатах. При перемещении в другой район по широте более чем на два градуса не проводится электробалансировка гирокурсоуказателя (ГКУ) на месте и в движении, что вызывает повышенный уход оси ГКУ и повышенную ошибку оси машины и координат.

Бесконтрольное снятие координат с АННА на принципах спутниковой радионавигации в условиях помех РЭБ приводит к недопустимым ошибкам в навигационных параметрах

и к несвоевременному переходу на съём пути от механического или доплеровского датчика.

Езда с включенной аппаратурой АННА с резкими торможениями, крутыми резкими поворотами, с поперечным наклоном более 12 градусов вызывает неконтролируемые уводы главной оси ГКУ, а в итоге – приводит к ошибкам в координатах и углах.

Выводы:

1. Топогеодезическое и навигационное обеспечение артиллерии в зоне СВО имеет особенности, которые необходимо учитывать в боевой работе.

2. Высокие результаты боевой работы артиллерии ВС РФ говорят о том, что эти особенности изучены и освоены в боевой работе личным составом всех уровней. Это вселяет уверенность в том, что задачи СВО будут выполнены и Победа будет за нами!

¹ Боевой устав артиллерии. Часть 2. Дивизион, батарея, взвод, орудие. М.: ВИ, 2014. С. 5.

² Открытый архив Сибирского отделения РАН. Фонд А. А. Ляпунова. Воспоминания об отце А. А. Ляпунове его дочери Н. А. Ляпуновой. С. 4–5.

³ Руководство по боевой работе топогеодезических подразделений ракетных войск и артиллерии, групп самопривязки и расчетов машин, оснащенных автономной навигационной аппаратурой. М., 2007. С. 113–117, 118–122.

⁴ Орлюк М. И. и др. Магнитное склонение на территории Украины: результаты наблюдений и вычислений. // Геофизический журнал № 2. Киев, 2015. Т. 37. С. 78.

⁵ Гордиенко В. В. и др. Магнитные модели земной коры территории Украины. Киев: Знания, 2000. С. 62–66.

⁶ Артиллерийский журнал. 1947. № 1. С. 40–44; № 2. С. 43–52.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Гринёв И. В. и др. Контроль качества инклинометрических измерений. Учет суточных вариаций магнитного поля. Результаты исследований и работ ученых и конструкторов. М.: «Нефтегазфизика». С. 104.

⁹ Шаманов В. А. и др. Артиллерийское вооружение. Ч. 3. Командирские машины управления огнем. М.: Прометей, 2020. С. 288.

Ю. А. Миронов (г. Ардатов, Республика Мордовия)

**УТОЧНЕНИЕ АТТРИБУЦИИ ЭКСПОНАТА
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК
И ВОЙСК СВЯЗИ – ЗВУКОМЕТРИЧЕСКОЙ
СТАНЦИИ СИСТЕМЫ БЕНУА ОБРАЗЦА 1915 г.**

В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) экспонируется регистрирующий прибор – четырехциферблатный хроноскоп из комплекта звукометрической станции (ЗМС) системы Бенуа образца 1915 г. (ил. 1). Имеется соответствующая пояснительная табличка.

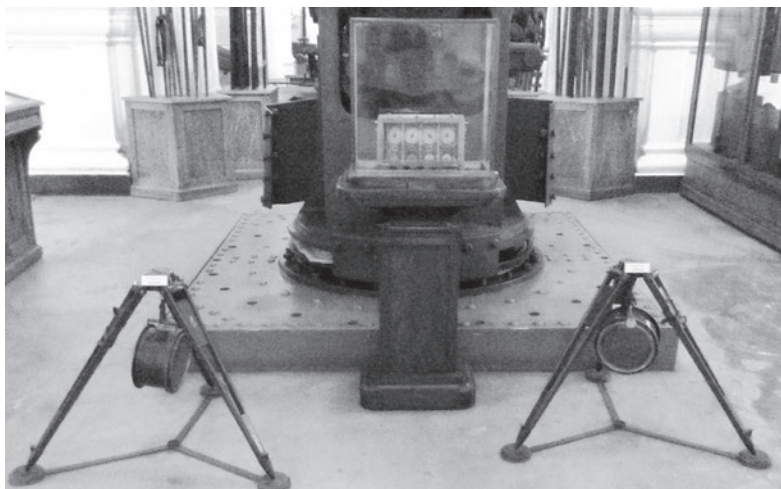
Во время работы над темой «Звуковая разведка в артиллерии» возник вопрос: а прибор какой системы демонстрируется в музее?

Во время Первой мировой войны на фронтах Русской армии в 1914 г. действовали три российских звукометрических отряда с ЗМС системы Бенуа образца 1914 г., так называемые артиллерийские наблюдательные станции системы Бенуа¹.

Состав ЗМС Бенуа образца 1914 г.:

- два четырехциферблатных хроноскопа;
- шесть звукоприемников на шести треногах;
- 960 м двужильного телефонного провода;
- имущество для боевой работы.

В штате артиллерийской наблюдательной станции с двумя приборами Бенуа было три офицера и 18 человек нижних чинов². Шесть четырехсигнальных хроноскопов Бенуа изготовил в Швейцарии, в фирме Фаварже в городе Невшателе, а затем доработал в Петербурге до работающей схемы по засечке стреляющих невидимых орудий.

Ил. 1. Комплект приборов ЗМС Бенуа образца 1915 г. ВИМАИВиВС

По положительным результатам действий трех звукометрических отрядов в боях на фронтах Первой мировой войны военное артиллерийское командование Русской армии пришло к решению, что необходимо иметь в тяжелой артиллерии и крепостях сто приборов для ЗМС системы Бенуа. С изобретателем ЗМС гвардии капитаном запаса Н. А. Бенуа Артиллерийское управление (АУ) в 1915 г. заключило договор об изготовлении ста комплектов приборов его системы на сумму 782 500 рублей. ЗМС являлась секретным прибором. Наиболее сложную часть ЗМС – хроноскопические регистрирующие приборы – Николай Альбертович заказал в Швейцарии в фирме Фаварже, с которой у него имелись деловые связи со времени изготовления приборов для ЗМС его имени образца 1914 г. По его указаниям и чертежам фирма начала изготовление четырехциферблатных хроноскопов³ (ил. 2).

О назначении прибора в фирме Фаварже не знали. О неразглашении сведений Бенуа письменно предупредил правление фирмы.

До 1917 г. из Швейцарии с невероятными трудностями военного времени было получено 50 изготовленных хроноскопов. Остальные хроноскопы фирма изготовила, но переправить в условиях войны в Россию не смогла. Полученные 50 хроноскопов Н. А. Бенуа совершенствовал, дополнял до работающей

Ил. 2. Четырехциферблатный хроноскоп, изготовленный в Швейцарии фирмой «Фаварже и Ко» для ЗМС Бенуа образца 1915 г. ВИМАИВиВС

схемы ЗМС и отправлял на фронт комплектами в составе команд артиллерийских наблюдательных станций. Это были ЗМС системы Бенуа образца 1915 г. В схему ЗМС системы Бенуа 1915 г входили следующие приборы⁴:

Четырехциферблатный хроноскоп с камерой для электрических элементов с четырьмя миллиамперметрами, реостатами, приводом стрелок к нулю;

Три звукоприемника пленочного типа, подвешенные на штативах и укрытые палатками от звуков;

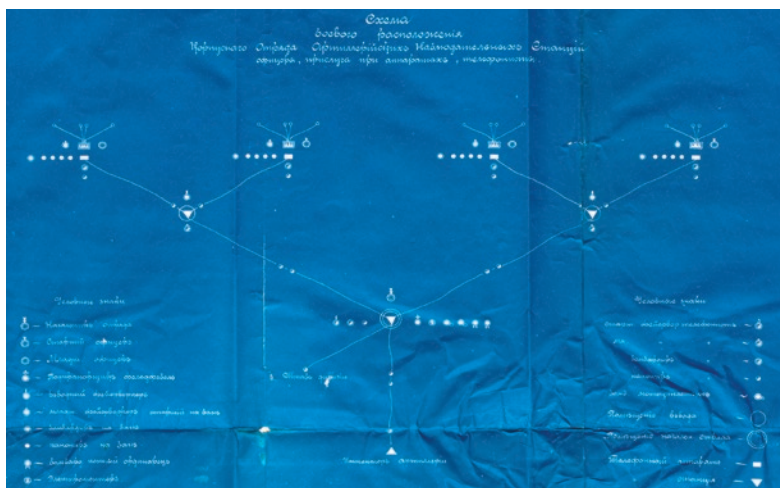
Телефонные провода для связи схемы.

В состав наблюдательной станции входили два комплекта ЗМС.

Завода пружины в качестве движителя хватало на восемь минут. Точность определения целей – 2,5% Д и 1/300 Д по направлению на дальности три версты. 152-мм гаубицу прибор засекал на расстояния до семи километров⁵.

До ноября 1916 г. Бенуа сформировал в Царском Селе еще шесть команд артиллерийских наблюдательных станций с приборами Бенуа образца 1915 г., которые были направлены также на фронт⁶. В наблюдательной станции № 1 он заменил два старых хроноскопа образца 1914 г. на образец 1915 г. Наблюдательные станции успешно засекали цели.

Однако в 1917 г. с фронта в Царское Село было отозвано девять команд с ЗМС системы Бенуа образца 1915 г. и отправлены в Казань на формирование в виде корпусных отрядов. Система корпусных отрядов была предложена начальником наблюдательной станции № 1 полковником Лукомским, который подверг критике боевой порядок наблюдательных станций Бенуа, используемый на фронте, и предложил провести испытания имеющихся звукометрических станций, которые к этому времени использовались на фронтах Русской армии. На фронтах Русской армии действовали ЗМС системы Бенуа, ЗМС системы

Ил. 3. Схема боевого расположения корпусного отряда с артиллерийскими наблюдательными станциями

Володкевича-Желтова, ЗМС системы Левина. Лукомский также предложил для разведки неприятельских стреляющих орудий боевой порядок создавать в виде корпусного отряда. Боевой порядок корпусного отряда включал четыре прибора Бенуа, 16 звукоприемников на треногах, соединенных полемым проводом. Предлагаемый боевой порядок корпусного отряда⁷ (ил. 3).

Сам Бенуа Н. А. в это время перевез производство звукометрических станций из Петрограда под Казань, в городок Паратов (сейчас Зеленодольск). С ним переехала и семья. Для размещения своего производства Бенуа выкупил корпуса и помещения разорившегося Волго-Вишерского горного и металлургического общества. Вихри революционных перемен захватили и Бенуа. Он создал в Казани партию эсеров-максималистов и провел два ее съезда. Выпускал брошюры и листовки. Рабочие его завода в Паратове были организованы в отряд Красной гвардии, который воевал против чехословаков. В 1918 г. его завод в Паратове был секвестирован новым правительством России и передан Ижорскому заводу. Н. А. Бенуа попытался решить вопрос с заводом у Л. Д. Троцкого, командовавшего фронтами Гражданской войны, но не получил поддержки. В это время чехословаки в ходе восстания захватили Казань, а позже их сменили

войска Врангеля. Н. А. Бенуа, погрузив имущество завода в эшелон, с семьей вернулся в Петроград. Здесь он принял Советскую власть и был включен в штат Красной армии как инструктор команд ЗМС с приборами Бенуа. С 1918 по 1923 г. проходил службу в Красной армии. В 1923 г. Николай Альбертович был уволен из Красной армии, а приборы его системы были сданы на склады, где постепенно были разукомплектованы. Сам Н. А. Бенуа выживал, устраиваясь на различные гражданские должности⁸.

В 1921 г. бурную деятельность в деле звукометрии развил инженер А. И. Ширский. В 1917 г. он изобрел миллисекундометр, который позволял измерять отрезки времени с точностью 0,0005 сек. Организовал «КОМЗВУК» в стенах Всесоюзного электрического института (ВЭИ), в акустической лаборатории. Набрал команду ученых и стал развивать идею ЗМС на основе своего миллисекундометра. Н. А. Бенуа пытался с ними скооперироваться, но безрезультатно. Сам Бенуа продолжал опыты со звуком в своей Пугоревской акустической лаборатории.

В 1927 году Артиллерийское управление, узнав из донесений разведки об активизации за границей работ по звукометрии, провело конкурсные испытания имеющихся образцов ЗМС различных конструкторов. На испытаниях только ЗМС системы Бенуа показала хорошие результаты. Артуправление предложило Бенуа капитально переконструировать и отремонтировать ЗМС системы Бенуа 1915 г., переработав их в ЗМС системы Бенуа 1927 г., которые положительно показали себя на конкурсных испытаниях. В 1928 г., согласно договору, Н. А. Бенуа должен был отремонтировать, переконструировать и сдать Артуправлению 9 полных станций системы Бенуа и 12 комбинированных станций⁹. В комплект полной ЗМС входили два четырехсигнальных хроноскопа системы Бенуа, переконструированных из хроноскопов образца 1915 г. В комплект комбинированной ЗМС входили три миллисекундометра Ширского.

С огромным трудом договор был выполнен. В России в это время невозможно было получить нужные материалы и приборы. Артуправлению было сдано на склад в Ленинграде 9 полных станций с приборами Бенуа образца 1927 г. и 12 комбинированных с приборами инженера Ширского. Эти ЗМС были распределены:

ЛенВО: 5 полных ЗМС (артполк Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава (АКУКС),

2-й артдивизион, Военно-техническая академия, упр. АКУКС, 40-й разведдивизион); 2 комбинированных ЗМС (артполк 1-го корпуса, АКУКС);

УралВО: склад № 63: 2 полных ЗМС; 3 комбинированных (одна в Одесскую артшколу);

БелВО: склад № 40: 2 полных ЗМС;

МоскВО: склад № 38: 3 комбинированных ЗМС;

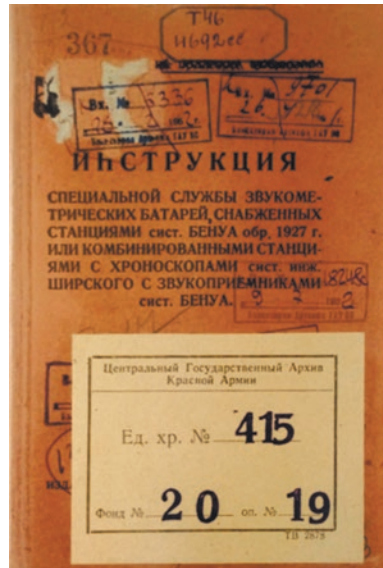
ПриВО: склад № 26: 1 комбинированная ЗМС;

СКВО: склад № 21: 1 комбинированная ЗМС.

Начальник артуправления Г. И. Кулик по положительным результатам переконструирования станций Бенуа образца 1915 г. предложил Бенуа заключить дополнительный договор на переконструирование пяти полных станций из оставшихся на складе десяти хроноскопических станций Бенуа образца 1915 г. Бенуа предложил дополнительно к ним использовать все наличные приборы – четырехсигнальные хроноскопы образца 1915 г., которые имелись в это время в России, и их также переконструировать. Обнаружилось: два личных хроноскопа у Бенуа, два хроноскопа в ВЭТА, один хроноскоп у Ширского. Всего Н. А. Бенуа переконструировал по второму договору семь полных станций¹⁰.

Всего в Красной армии в 1929 г. имелось в наличии 16 полных ЗМС системы Бенуа образца 1927–1928 гг. и 12 комбинированных станций системы Ширского. ЗМС станций Бенуа образца 1915 г. в России не осталось.

Вывод: с большой вероятностью в ВИМАИВиВС получена и демонстрируется разукомплектованная ЗМС системы Бенуа образца 1927 г. в составе одного четырехциферблатного хроноскопа, двух звукоприемников на двух штативах.

Ил. 4. Форзац «Инструкции специальной службы звукометрических батарей, снабженных станциями системы Бенуа обр. 1927 г.»

Ил. 5. Комплект приборов звукометрической станции системы Бенуа
обр. 1927 г. ВИМАИВиВС

В архиве РГВА была обнаружена «Инструкция специальной службы звукометрических батарей, снабженных станциями системы Бенуа образца 1927 г. или комбинированными станциями с хроноскопами сист. инж. Ширского с звукоприемниками сист. Бенуа», издания 1929 г.¹¹ (ил. 4).

Инструкция состоит из описания методики боевой работы и описания материальной части звукометрической батареи. Инструкция написана лично Н. А. Бенуа.

Состав ЗМС системы Бенуа образца 1927 г.:

Два центральных четырехциферблатных хроноскопа со специальными приборами – миллиамперметрами с реостатами и двумя батарейными ящиками с сухими элементами;

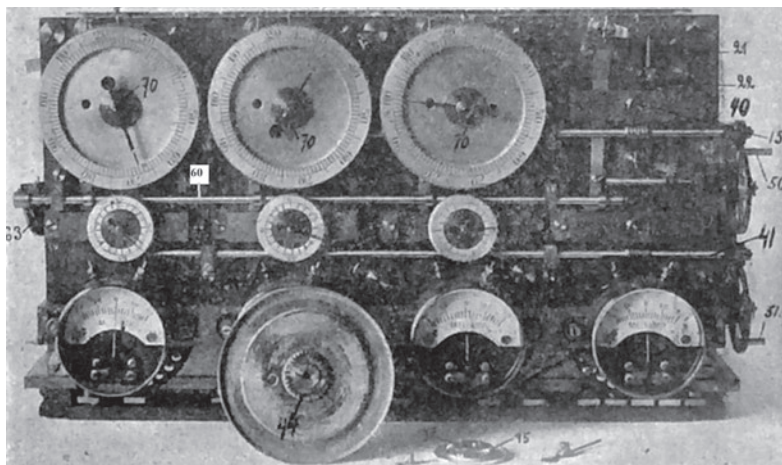
Восемь звукоприемников на штативах;

Телефонный провод на катушках;

Запасные части и имущество для боевой работы¹². Всего по штату в звукометрической батарее числилось 68 человек (ил. 5).

В нашем распоряжении для исследования имеются только центральный четырехсигнальный хроноскоп, два звукоприемника и два штатива под них из полного комплекта двухбазной ЗМС системы Бенуа образца 1927 г. Остановимся на них.

В Инструкции указано: «Хроноскоп 1927 года представляет собой усовершенствованную модель образца 1915 года... В системе 1927 года привод к нулю стрелок нижних циферблатов может

Ил. 6. Механизм привода к нулю стрелок нижних циферблатов в открытом положении

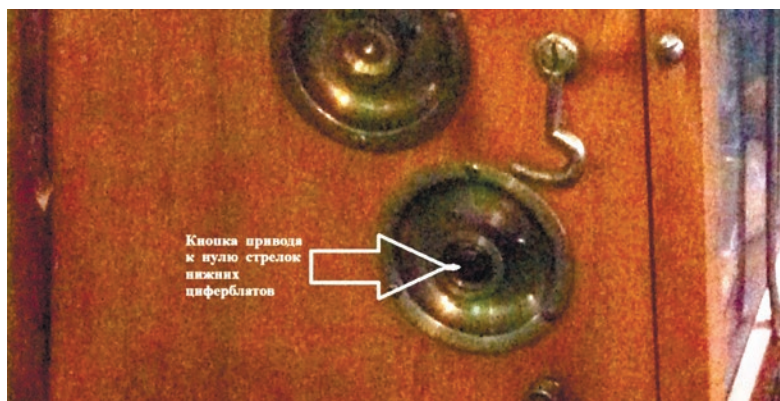
осуществляться не только электрически, но и механически, путем нажима на специальную кнопку, помещенную на корпусе аппарата и действующую на вал (60)... Этим вспомогательным приспособлением рекомендуется пользоваться в тех случаях, когда желают сберечь вольтаж батареи»¹³. Рассмотрим фото привода механизма этой кнопки¹⁴ (ил. 6).

Вал имеет выход на левую стенку прибора. На фото левой стенки прибора показана специальная кнопка (ил. 7). Фото вполне с экспонируемого в музее прибора, и это кнопка привода к нулю стрелок нижних циферблатов, описанная в инструкции Бенуа.

В разделе о регулировке стрелок хроноскопа в инструкции указано, что на боковой поверхности циферблатов нанесена насечка, облегчающая их вращение, но отсутствовала ли насечка на приборах ЗМС образца 1915 г., в инструкции не указано¹⁵.

О приемнике звука в инструкции указано, что он является усовершенствованной моделью приемника 1915 г. Для предупреждения повреждений пленки и изоляции ее от насекомых боковые поверхности пленки закрыты сеткой. Причем со стороны пленки сетка не снимается¹⁶. На ил. 8 эта сетка видна.

Кроме этого, в архиве имеется отношение Бенуа в Артуправление, в котором он перечисляет изменения, внесенные им в прототип прибора образца 1927 г.¹⁷ Он пишет:

Ил. 7. Боковая стенка корпуса прибора с кнопкой привода к нулю стрелок нижних циферблатов

«...В хроноскопе регулировка стрелок вынесена наружу, что устраняет надобность в поле, для целей регулировки, открывать прибор.

В приемниках (звука), по сравнению с Лужской моделью, значительно усовершенствованы стрелочные контакты. В Лужской модели ток проходил через стальной конус сейсмических стрелок. В модели, мной осуществленной, ток

проходит через тончайший волосок, что устраняет возможность какого-либо окисления и порчи контактов. Изменена также конструкция стрелочного постамент, обеспечивающего более прочное его положение на корпусе приемника. Резиновый бандаж, прикрывавший в Лужской модели коронку приемника, заменен прочным резиновым колпаком... В целях регулировки чувствительности приемника... мной введены особые регулировочные коробки, которые дают возможность заглублять приемник из центра. Дополнительно к тридцатилитровым манометрическим бакам введены малые полубаки... Конструкция реле моей системы тоже изменена главным образом в смысле укрепления на стрелке

Ил. 8. Звукоприемник с сеткой от насекомых

подвижного контакта... платиновую скобку, надежно укрепленную на индукционной стрелке... В катушках полевого провода... заменены все штепсели и концевые части проводов».

Таким образом, в ВИМАИВиВС экспонируется регистрирующий прибор ЗМС системы Бенуа образца 1927 г. со звукоприемниками пленочно-манометрического типа системы Бенуа образца 1927 г. на штативах.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 504. Оп. 10. Д. 30. Л. 4.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 152.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 153.

⁷ Там же. Л. 246.

⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГА СПб). Ф. Р-9217. Оп. 5. Д. 17. Л. 11, 12.

⁹ АВИАИВиВС. Ф. 4, Оп. 3913. Д. 821. Л. 1, 2.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-9217. Оп. 5. Д. 6. Л. 24, 25, 26.

¹¹ РГВА. Ф. 20, Оп. 19, Д. 415.

¹² Там же. Л. 38.

¹³ Там же. Л. 85.

¹⁴ Там же. Л. 45.

¹⁵ Там же. Л. 47.

¹⁶ Там же. Л. 48, 48об.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-9217. Оп. 1. Д. 1. Л. 547.

Н. В. Митюков, Ю. Л. Ким (Ижевск)

ФЛОТЫ НЕБОЛЬШИХ ХОЗЯЙСТВ УДМУРТИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ ПО ДАННЫМ ИХ БУХГАЛТЕРСКИХ ОТЧЕТОВ

Анализируя литературу об участии водного транспорта в Великой Отечественной войне, можно сделать интересный вывод. Даже работы, которые позиционируются как исследования о водном транспорте вообще, фактически пишутся на материалах хозяйств, подотчетных Наркомату речфлота. Причину этого следует искать в источниковой базе. В архивных фондах пароходств имеются эксплуатационная документация, приказы по основной деятельности и прочие документы, дающие цельное представление о флоте пароходства и деятельности, в том числе боевой, которую оно вело. Но если взять фонды небольших хозяйств, выясняется, что она может состоять лишь из документации по личному составу (приказов по личному составу и зарплатных ведомостей), обладающей наибольшей практической ценностью для архива, поскольку дает возможность подтвердить стаж или доходы обратившихся граждан. Если к этому добавить ежегодные бухгалтерские отчеты, которые сохранялись на случай возможного аудита, получается практически исчерпывающий список большинства архивных фондов. В связи с этим становится понятным, что создание цельной и системной картины, в которой описана роль всего водного транспорта СССР, – задача не одного десятилетия. Наш опыт реконструкции судового состава флотов небольших хозяйств Удмуртии позволяет утверждать, что данная задача с использованием указанного корпуса источников вполне решаема.

На первом этапе составляется список хозяйств, потенциально обладающих флотом. После этого производится анализ бухгалтерской документации по имеющимся фондам. Применительно

для хозяйств Удмуртии военного времени с указанием наиболее информативных форм бухгалтерских отчетов нами рассмотрены в следующих работах:

Сарапульский городской перевоз Наркомата коммунального хозяйства¹;

Сарапульской гортоп наркомата Местной топливной промышленности²;

Сарапульский лесокOMBинат³, Сарапульская лесобаза⁴, Сарапульский рейд треста «Камлесосплав»⁵, Дулесовский леспромхоз Наркомата лесной промышленности⁶;

Сарапульский кожевенный комбинат Наркомата легкой промышленности⁷.

Кроме того, ряд хозяйств региона, имевших свои флоты в годы войны, оказались не имеющими своих фондов в удмуртских архивах (Сарапульский спиртзавод, Сарапульская лесобаза). Это могло быть, например, из-за того, что они имели свои архивы, или эти фонды уничтожили в 90-х гг.

На втором этапе получившийся список флотов накладывался на статистические отчеты, подаваемые Удмуртским отделом статистики в ЦСУ. Это дало возможность выявить пропущенный флот и хозяйства, не имеющие своих фондов.

На третьем этапе для восстановления именного списка судов использовалась документация по личному составу, как правило, приказы по личному составу. Примеры анализа – наши работы по Селыченскому леспромхозу⁸, Воткинскому мехлесопункту⁹ и Дулесовскому леспромхозу¹⁰. При этом выяснились многочисленные детали трудовых будней в годы войны и предстала яркая картина трудового подвига советских граждан, совершенно обойденная вниманием в литературе.

Создание комплексной картины функционирования флотов небольших удмуртских хозяйств в годы войны дало возможность сделать ряд важных выводов. Несмотря на широкое привлечение в действующую армию и флот судов хозяйств северных рек (Печора, Северная Двина и др.), суда из удмуртских хозяйств практически не подверглись мобилизации. Мало того, суммарный удмуртский флот к концу войны даже несколько возрос за счет передачи судов из других регионов. Это можно объяснить большим стратегическим значением самих хозяйств – например, часть из них занимались заготовкой и сплавом древесины на Нижнюю Волгу, выполняя тем самым важную задачу.

Второй, достаточно неожиданный, вывод заключается в том, что суммарный флот удмуртских хозяйств примерно в два раза превосходил численность судов Камского речного пароходства, действовавших в этом регионе. А потому вывод о закономерности и итогах работы водного транспорта региона, основанный только на цифрах для Камского речного пароходства, на примере Удмуртии не будет репрезентативным.

В заключение хотелось бы указать, что флот треста «Камлесосплав» в годы войны понес чувствительные потери, о чем по странной причине предпочитают не писать в литературе.

Так, акт обследования последствий бомбардировки 23 августа 1942 г. констатировал ущерб треста в размере: баркас «Красный сплавщик» – 29308 руб., баркасы № 3 (двигатель 30 л.с.) и № 6 (двигатель 18 л.с.) – 43535 руб., шитик «Рак» (35 т) – 1972 руб., шитик О10 (57 т) – 1350 руб., шитик «Лебедь» (50 т) – 1900 руб., дебаркадер № 2 (38×10 м) – 66764 руб.¹¹. По акту от 20.11.1942 г. списывались с баланса как сгоревшие в ходе бомбардировки Сталинграда 24 августа 1942 г. моторная лодка № 847, мотокатера № 6, № 50, № 51, № 52, № 53, № 58, шитики № 110, «Лебедь», «Рак» и дебаркадер № 2¹². Актом 20 июля 1943 г. признавались не подлежащими восстановлению баркас № 3 с двумя двигателями СТЗ-30 (балансовая стоимость 65 тыс. руб.), баркас «Красный сплавщик» с двигателем «Болиндер» (80 тыс. руб.), баркас № 6 с двигателем ЧТЗ М-17 (60 тыс. руб.), баржа № 48 (325 т, 97500 руб.), шитик «Рак» (35 т, 10500 руб.), шитик «Лебедь» (50 т, 15 тыс. руб.) и дебаркадер № 2 (26 т, 13 тыс. руб.)¹³.

Для понимания процента потерь есть смысл вспомнить о приказе по тресту «Камлесосплав» № 44 от 17.03.1942 г. В соответствии с ним на навигацию 1942 г. за Сталинградским агентством закреплялись катера «Рутка», № 6 (65 л.с.), № 50 (90 л.с.), № 51 (8 л.с.), № 52 (12 л.с.), № 53 (116 л.с.), № 58 (104 л.с.), № 78¹⁴. А ранее агентству придавались баржа № 48, дебаркадер № 2, шитики О10, «Лебедь» и «Рак»¹⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что Сталинградское агентство треста «Камлесосплав» было уничтожено в полном составе.

1. Митюков Н. В., Ким Ю. Л. Флот Сарапульского горперевоза по делопроизводственной документации 1926–1947 гг. // Гардарика. 2024. Т. 11. № 1. С. 86–107.

2. Митюков Н. В., Файзуллин Р. В., Ким Ю. Л. Флот Сарапульского гортопа в 1932–1956 гг. // Вопросы истории. 2024. № 3. С. 62–77.

- ³ Митюков Н. В., Ким Ю. Л. Флот Сарапульского лесокомбината в 1940–1956 гг. // Русская старина. 2023. Т. 14. № 1. С. 22–28.
- ⁴ Митюков Н. В., Ким Ю. Л. Флот Сарапульской лесобазы 1936–1945 гг. // Восточно-Европейский научный вестник. 2023. Т. 19. № 1. С. 30–32.
- ⁵ Митюков Н. В., Ким Ю. Л. Сарапульский рейд треста «Камлесосплав» в годы Великой Отечественной войны // Военный сборник. 2023. Т. 11. № 1. С. 43–49.
- ⁶ Митюков Н. В. Флот Дулесовского леспромхоза в 1940-е гг. // Вестник ВЛГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. 2021. № 1. С. 20–26.
- ⁷ Митюков Н. В., Ким Ю. Л. Флот Сарапульского кожевенного комбината (завода) 1941–1956 гг. // Русская старина. 2023. Т. 14. № 2. С. 92–98.
- ⁸ Митюков Н. В., Баутина С. Л. Ижевские речники в 1940-е гг. по данным приказов по личному составу Сельчинского лесопункта // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 1 (10). С. 59–70.
- ⁹ Митюков Н. В. Воткинские речники в годы Великой Отечественной войны в приказах по личному составу Воткинского мехлесопункта // Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству: к 100-летию Удмуртской Республики и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне». Ижевск: Удмуртский университет, 2020. С. 232–239.
- ¹⁰ Митюков Н. В. Дулесовский леспромхоз во время Второй мировой войны в приказах по личному составу // Военный сборник. 2021. № 9(2). С. 100–104.
- ¹¹ ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 13. Л. 35 об.
- ¹² Там же. Л. 46.
- ¹³ Там же. Л. 55.
- ¹⁴ Там же. Д. 17. Л. 59.
- ¹⁵ Там же. Д. 130. Л. 73.

А. В. Михайлов, В. В. Птицын, С. А. Астахов (Тула)

**ПЕРЕДЕЛОЧНЫЕ РУЖЬЯ И ВИНТОВКИ:
ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ
И ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
(1840–1870 гг.)**

Конструктивная эволюция стрелкового оружия пехоты ружей и винтовок в XIX столетии прошла через ряд переделочных систем. Основным объектом переделки являлась казенная часть ружья. Кремневый замок дульнозарядных ружей заменялся ударным, ударный замок затвором, и ружье становилось казнозарядным. Переделочные системы давали возможность, не вкладывая больших средств, быстро вооружить армию усовершенствованным оружием и выиграть время для перевооружения армии более надежными образцами.

Производство переделочных ружей и винтовок имеет довольно продолжительную историю. Вплоть до 1821 г., когда нашим оружейным заводам было запрещено заниматься ремонтом ружей, ими выпускались «приведенные в русский вид» французские ружья, а также переделочные, переправочные и собранные из различных частей прусские, австрийские, голландские, шведские и английские ружья «в собственном и русском виде»¹.

В переделочных технологиях этого периода не было больших новшеств, связанных с повышением точности и производительности обработки. Перед отправкой со складов винтовки сортировались по состоянию частей на годные для переделки и негодные. С годных винтовок снимаются части замка и прибора, ненужные при переделке.

Новые материалы, прогрессивные способы обработки, оборудование и обрабатывающие инструменты практически не вводились в массовом порядке.

При переходе от кремневых дульнозарядных ружей и винтовок к ударным капсюльным первым шагом к перевооружению Российской армии стало принятие передельного ударного пехотного ружья образца 1844 г. Был заимствован французский способ переделки – как простейший в технологическом плане, а следовательно, недорогой.

Удалялись ненужные элементы замочной части огниво, подогнивная пружина, полка и курок. Затравочное отверстие заглушалось винтом. Лишние отверстия в замочной доске также заглушались.

К казенной части ствола справа приваривался подстержжник с затравочным стержнем, который ввинчивался в его резьбовое отверстие. Курок кремневого замка заменяли новым курком с молотком, которым разбивался капсюль².

Основной деталью, которая изготавливалась заново, был курок. Остальные детали могли только дорабатывать.

Изготовление заготовки ударного курка, как и кремневого, производилось за две технологические операции: предварительная операция – ручнаяковка, окончательная – штамповка. Штамповкой заготовка, полученная ковкой, доводилась до формы и размеров курка. Получение заготовки курка за одну операцию было невозможно из-за недостаточной мощности штампа (ограниченной весом верхней половины, поднимаемой вручную тремя рабочими) и его невысокой стойкости.

Таким образом, вновь вводимой технологической оснасткой были верхняя и нижняя полуформы штампа, которые изготавливались по отработанной технологии. «Обе половинки отковываются из железа, но в том месте, где высекается форма, наварируют толстый слой томленной стали. Готовые половинки мастер кладет в горн, посыпает тертым рогом и, нагрев до красна, закаливает в воде, после сего смазывает форму салом и отжигает до тех пор, покуда выгорит все сало. Формы высекают зубилом из литой стали. Для проверки работы мастер по временам берет глиняные слепки с формы и сличает их с образцовой вещью»³.

В частиковки и отделки курка, а также доработки оставляемых частей кремневого ружья технологии оставались неизменными.

Однако ударный замок имел специфическую часть – затравочный стержень, который должен был легко заменяться при частом выходе из строя в процессе эксплуатации ружья. Именно к изготовлению этой детали в массовом порядке наши оружейные заводы не были готовы. Причины: во-первых, необходимость

обеспечения полной взаимозаменяемости стержня при его соединении как с унитарным капсюлем, так и с резьбовым отверстием подстержника; во-вторых, отсутствие отечественного прочного металла для изготовления стержня. Материал стержня должен был выдерживать нагрузки, возникающие при ударе курка о капсюль.

С введением ударной системы оружия Военное министерство приняло решение о производстве затравочных стержней на Сестрорецком оружейном заводе. Специальная стержневая мастерская, учрежденная в 1844 г., должна была удовлетворять потребности как минимум трех заводов – Сестрорецкого, Тульского и Ижевского. Все же мастерская не смогла обеспечить стержнями все заводы. Пришлось организовывать аналогичные производства (в Образцовых мастерских) на каждом заводе, разрабатывать высокопроизводительные технологии с применением точного оборудования и металлорежущего инструмента. Создавать специальное лекальное хозяйство.

Следует отметить, что до 1855 г. затравочные стержни изготавливались из английской литой стали. В Крымскую войну, в связи с невозможностью покупки английской стали, Тульский завод перешел на изготовление затравочных стержней из рафинированной стали. Большой брак в стержнях из этой стали привел к тому, что в 1859 г. заводы снова вернулись к английской стали⁴.

Принятие на вооружение казнозарядных ружей в иностранных армиях первоначально вызвало появление многочисленных переделочных систем из ружей, заряжаемых с дула. Наиболее удачные из них были взяты на вооружение в качестве временных, в том числе в России.

Например, по резолюции военного министра Милютина, образец винтовки Терри-Нормана был «утвержден для переделки наших 6-линейных винтовок на первое время, пока не утвердится другой образец, более усовершенствованного ружья».

Казнозарядные системы того времени имели следующие отличия:

- капсюльные винтовки заряжались с казны патроном с бумажной гильзой без капсюля, который надевался отдельно на затравочный стержень и разбивался курком (в России система Терри-Нормана образца 1866 г.);

- игольчатые, заряжаемые патроном с бумажной гильзой и капсюлем внутри нее, который накалывался иглой (в России система Карле 1867 г.);

– с затвором под патрон с металлической гильзой (в России системы Баранова 1865 г. и Крка 1869 г.)⁵.

Надежды Военного министерства на то, что можно просто и быстро осуществить переделку, не оправдались. Наша «ружейная драма», кроме частой смены образцов, состояла еще и в том, что в технологическом плане переделка на отечественных заводах оказалась далеко не простой.

Объединяло системы Терри-Нормана, Карле и Баранова то, что они имели затворы продольно-скользящего типа, которые позволяли производить ускоренную перезарядку и обеспечивать достаточно надежное запираение канала ствола.

При рассмотрении конструкций и действия затворов скользящего типа видно, что их детали для обеспечения правильного взаимодействия должны быть изготовлены с допусками размеров, отклонений формы и расположения поверхностей более «жесткими», чем допуски деталей замков ударного типа. В то же время не настолько «жесткими», чтобы при загрязнении затвора детали заклинивало.

Откидной затвор винтовки Крка на то время был более технологичным в производстве, чем скользящий у предыдущих систем⁶. Доработка стволов всех передельных систем была весьма сложной. Особенно качественно обрабатывался патронник. Для систем Баранова и Крка, в которых применялся патрон с металлической гильзой, качество изготовления патронника было решающим для правильной работы затвора. Металлическая гильза должна надежно запирать канал ствола и легко удаляться из патронника после выстрела. Неточность в размерах и дефекты поверхности патронника нарушали эти требования.

Поэтому выдерживались следующие допуски на основные размеры: «Допуски в патроннике... даются: по диаметру от 0,001 до 0,005 д., а по длине от 0,015 до 0,020 д.»⁷. По современному определению допуски, соответственно, равны 0,004 и 0,005 дюйма или 0,1 и 0,125 мм. На поверхности патронника «допускаются... незначительные продольные царапины и поперечные сверлаковины в небольшом количестве... не должно находиться: логовин, неровностей и уступов».

При обработке патронника применялись сложные и точные металлорежущие инструменты. Проверка его размеров «ввиду малых допусков в размерах» предусматривала три серии поверочных инструментов: а) измерительный или лекала, в) справочный

или шаблоны, с) вспомогательный. Измерительным инструментом проверялись размеры патронника. Справочный инструмент служил для проверки измерительного и металлорежущего инструмента. Вспомогательным инструментом проверялся справочный инструмент. Допуски размеров измерительного инструмента были жестче допусков на изготовление патронников, а допуски размеров поверочного инструмента и вспомогательного жестче допусков измерительного инструмента⁸.

Установка массового производства переделочных систем осложнялась невозможностью создания и широкого применения дорогостоящего специального оборудования (станков)⁹, ввиду частой смены принимаемых на вооружение образцов. В результате экономически оправданным было применение, в основном, специализированной технологической оснастки (приспособлений).

Переделка винтовок производилась как на оружейных заводах, так и частными заводчиками и подрядчиками. Для обеспечения единообразия винтовок, изготавливаемых на различных предприятиях, например, винтовки Карле, на Тульском оружейном заводе были изготовлены образцовые экземпляры для передачи на другие предприятия. Инструменты и поверочные лекала изготавливались также централизованно.

Многое из необходимого оборудования производилось на отечественных оружейных заводах.

К примеру, тульские инструменты для нарезания стволов были эффективны и распространялись на другие заводы. Так, на Сестрорецкий завод по требованию инспектора оружейных заводов для изготовления и исправления нарезов в стволах были переданы три разновидности шпалеров¹⁰.

Частая смена принимаемых на вооружение систем приводила к медленной установке их производства, к проблемам с оборудованием, оснасткой и инструментом. Дополнительные трудности, связанные с оснащением заводов, вызвал их переход в арендно-коммерческое управление.

Несмотря на это, достигнутый уровень производства переделочных образцов был значительно поднят по отношению к производству ударных ружей. Переделочные технологии послужили хорошей основой для создания технологий изготовления более совершенного стрелкового оружия – винтовки системы Бердана № 2.

Принятие на вооружение винтовки системы Бердана № 2 и ее одновременное производство позволили полностью механизировать технологические процессы изготовления деталей с применением наиболее прогрессивного специального оборудования, закупленного за границей. «Наибольшую гарантию исполнения заподрыда специальных станков представляет из всех... заводчиков Гринвуд и Бетли..., потому что у них... из всех европейских заводчиков наиболее развито дело по приготовлению специальных станков для ружей»¹¹.

Следует отметить, что общий недостаток передельных казнозарядных винтовок состоял в гибели ствола при слишком частой стрельбе. Погибы образовывались в результате перегрева ствола в местах его присоединения к ложе (под кольцами). Это явление объяснялось тем, что толщина стенок кованых железных стволов была недостаточной для более высокого темпа стрельбы, который могли обеспечить казнозарядные винтовки, переделанные из дульнозарядных. «Стальные же стволы могли бы удовлетворять своему боевому назначению»¹².

Таким образом, применение передельных систем способствовало развитию отечественной металлургии в части изготовления высококачественных литых стволов.

¹ Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие / Под общей редакцией Н. Л. Волковского. СПб.: ООО «Издательство «Полигон». 1996. С. 117.

² Федоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. Часть 1. Развитие ручного огнестрельного оружия от заряжания с дула и кремневого замка до магазинных винтовок. М., 1938. С. 36–37.

³ Записки офицеров, командированных в 1833 году для практического образования в различные артиллерийские заведения. 1837. Ч. II. С. 158.

⁴ Орфеев А. История Сестрорецкого оружейного завода // Оружейный сборник. 1903. № 3. С. 25–26.

⁵ Федоров В. Г. Указ. соч. С. 84, 104–110.

⁶ Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. С. 218.

⁷ Оружейный сборник 1871 г. № 3. С. 64–73.

⁸ П. Лукин. Переделка наших винтовок в игольчатые и починка их. Оружейный сборник 1869. № 1. С. 41–58.

⁹ Имеются ввиду станки для выполнения одной технологической операции или одного технологического перехода.

¹⁰ Государственный архив Тульской области. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1592. Л. 1, 2, 10–11об.

¹¹ Там же. Д. 8241. Л. 78–79.

¹² Оружейный сборник 1875 г., Отдел II. С. 19–20.

Ф. Д. Мичурин (Санкт-Петербург)

**ИСТОРИЯ 37-ММ ЗЕНИТНОЙ
АВТОМАТИЧЕСКОЙ ПУШКИ ОБР. 1939 г. № 89
ИЗ СОБРАНИЯ ВИМАИВиВС**

*«...В боях за Социалистическую Родину расчет покрыл
себя неувядаемой славой, большое поражение
понесла авиация противника»¹.*

В 2025 г. отмечается 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. Память о тех событиях хранится многими музеями, в том числе Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи. Сотрудники Артиллерийского исторического музея (далее – АИМ), предшественника ВИМАИВиВС, собирали артефакты с самого начала Великой Отечественной войны, в их числе различные артиллерийские орудия, имевшие мемориальное значение.

В коллекции музея хранится около 60 мемориальных орудий, в том числе несколько зенитных пушек. Среди них можно выделить 37-мм зенитную пушку обр. 1939 г., заводской № 89 (ил. 1), которая экспонируется в зале № 4 музея.

Данное орудие, согласно КATALOGу материальной части артиллерии АИМ, в августе 1940 г. поступило на вооружение 10-й зенитной артиллерийской дивизии, а позже использовалось бойцами 1469-го зенитного артиллерийского полка на Волховском и Ленинградском фронтах. В ходе Великой Отечественной войны из этого орудия было сбито 10 вражеских самолетов. Также в каталоге указывается: «В разное время командирами орудия были: старший сержант Донской (впоследствии офицер), старший сержант Агеев (погиб смертью храбрых), младший сержант Лешпенен (погиб смертью храбрых при ведении огня из орудия

в районе реки Вуоксы), старший сержант С. Г. Франчук, старший сержант Д. М. Арешонков; номера: младший сержант Попов, ефрейтор Бойко, ефрейтор Лессанен, сержант Потапов, ефрейтор Кондрашев, ефрейтор Михайлов, ефрейтор Каринцев»².

Идентичные данные были представлены также в каталоге мемориальных орудий за 2015 г.³ Эти данные имеют неточности и отражают лишь малую часть истории бытования орудия № 89, что, с одной стороны, объяснимо форматом каталога, а с другой – недостаточной изученностью данного музейного предмета.

Таким образом, главная цель исследования – узнать более подробную историю данного зенитного орудия и его расчета.

Для начала стоит выяснить, когда и где орудие было произведено. Согласно формулярам, найденным в архиве ВИМАИВиВС, пушка была изготовлена на заводе № 4 им. К. Е. Ворошилова в Красноярске в 1940 г.⁴ Это удалось установить по печати клейма на формуляре, которое выполнено в виде круга, заключенного в ромб⁵.

5 августа 1940 г. данное орудие поступило на вооружение 1-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 1-й танковой дивизии⁶. 13 мая 1941 г. согласно приказу начальника Управления зенитной артиллерии Главного артиллерийского управления Красной армии орудие подверглось небольшим изменениям – в передней части лотка магазина № 33 в сторону переднего торца было распилено отверстие до размера 26 мм от торца⁷.

С момента производства и до 24 июня 1941 г. орудием было пройдено 1808 км⁸.

Пушка использовалась в боях Великой Отечественной с самых первых дней войны. Согласно донесению об орудиях 1469-го зенитного артиллерийского полка, первым командиром орудия был старший сержант Донсков⁹. С помощью информационной системы «Память народа» удалось выяснить его имя и отчество (Григорий Иванович) и более точное звание на момент должности – младший сержант¹⁰.

В первый год войны из этого орудия был сбит первый самолет. Однако установить, какой это был самолет, и дату его уничтожения не представляется возможным. По данным справки о боевом пути зенитного орудия, первый самолет Ju-87 был сбит в районе станции Кандалакша (Мурманская обл.) 27 июня 1941 г. Впрочем, согласно наградному листу на представление Г. И. Донскова к награждению медалью «За боевые заслуги»,

Ил. 1. Пушка 37-мм зенитная автоматическая образца 1939 г., зав. № 89. ВИМАИВиВС. МЧА 5-9

один из вражеских самолетов был сбит 16 июля 1941 г. Кроме того, ни в сводной справке об орудиях и их расчетах от 27 марта 1945 г., ни в справке о количестве сбитых самолетов из этого орудия Ju-87 не упоминается. Более того, в справке о сбитых самолетах указывается, что первый самолет был сбит лишь в декабре 1941 г., и это был Me-110¹¹.

Вскоре орудийный расчет под командованием Г. И. Донскова принял участие в боях по обороне Ленинграда. Зенитчики сражались в Волосовском районе Ленинградской области (в частности, в районе станции Молосковицы) под Урицком (ныне Лигово)¹² и под Колпино¹³. 16 августа, во время отступления советских войск, Г. И. Донсков под огнем противника с боем смог вывести орудие и его расчет без потерь. 22 августа вместе с расчетом он отразил с помощью точного огня атаку трех немецких пикирующих бомбардировщиков, заставив их улететь. 26 августа расчет Донскова принимал участие в уничтожении трех вражеских бомбардировщиков¹⁴.

Во время боев на северо-западном направлении в 1941 г. батарея вела оборонительный бой с наступающим противником. Ей была поставлена задача выбить противника из населенного

пункта. В ходе этого боя оружейный расчет смог уничтожить до взвода живой силы и три пулемета противника¹⁵. Точную дату боя и название населенного пункта установить не удалось.

20 сентября 1941 г. 1-я танковая дивизия была расформирована и часть войск этой дивизии перешла в 123-ю танковую бригаду. Донсков перешел служить в эту бригаду¹⁶, однако 29 сентября 1941 г. его зенитное орудие было передано на вооружение 124-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, по данным документов – технически исправным¹⁷. Кроме того, во второй половине 1941 г. сменился командир орудия¹⁸. Им стал сержант С. Г. Франчук¹⁹, который ранее проявил героизм в боях под Черенковицами²⁰. Именно под его командованием из орудия была сбита большая часть вражеских самолетов.

В 1942 г. орудие было переведено на участок Волховского фронта, где расчет отражал авианалеты противника на позиции 54-й армии. С февраля по июль 1942 г. расчет участвовал в наступательных боях в районе населенных пунктов Погостье²¹, Кондудя, Малиновка, Шала, Зенино, Смердыня и станции Кириши. Сержант Франчук, периодически совмещая командование расчетом и работу наводчика, вместе со своими бойцами сумел сбить несколько вражеских самолетов. Во время Любанской наступательной операции в феврале 1942 г. удалось сбить три Ju-88. После этой операции было сбито еще несколько самолетов. Например, в период с 5 по 14 мая 1942 г. благодаря действиям 1-го наводчика младшего сержанта П. Е. Попова уничтожен Ju-88²², а 6 июня 1942 г. под станцией Кириши расчету, несмотря на артиллерийско-минометный огонь и одновременную бомбежку противником огневых позиций, удалось сбить еще один Ju-88²³.

Вскоре расчет вместе с орудием вновь перешли на службу в другое подразделение. В июле 1942 г. пушка была передана 124-й отдельной зенитно-артиллерийской батарее²⁴, которая находилась в составе 124-й танковой бригады²⁵. Расчет принимал участие в Синявинской операции. С сентября по октябрь 1942 г. он прикрывал боевые порядки пехоты и артиллерии в районе деревни Малуксы²⁶. 11 сентября орудие, прикрывая огневые позиции батареи 80-й стрелковой дивизии, смогло сбить Ju-88, который пытался их бомбить. Самолет упал в районе расположения 281-й стрелковой дивизии²⁷.

В 1943 г. расчет принял участие в Красноборско-Смердынской операции (более известной как Красноборская операция)

и отражал авиаатаки противника в районе Смердыни. В период с 11 по 17 февраля 1943 г. в районе Смердыни во время налета немецкой авиации Франчук уничтожил Ме-109 и еще один подбил, однако тот, задымив, смог уйти на вражескую территорию²⁸.

Из-за малого количества источников и противоречивости информации в них невозможно установить точное количество самолетов, сбитых с февраля 1942-го по февраль 1943 г. Согласно наградному листу на представление Франчука к ордену Красной Звезды, под его командованием было сбито пять вражеских самолетов²⁹, однако согласно донесению об орудиях 1469-го зап, справкам о боевом пути орудия и справке о сбитых самолетах с февраля 1942 г. по февраль 1943 г. было сбито от 7 до 9 самолетов противника, в том числе Ме-109 и Hs-126 (He-126)³⁰.

В июле 1943 г. 124-я отдельная зенитная артиллерийская батарея была переведена в 1469-й зенитный артиллерийский полк 54-й армии Волховского фронта, который был сформирован на основе этой батареи. Орудие стояло на вооружении 2-й батареи полка³¹.

Летом 1944 г. расчет 37-мм орудия № 89 принимал участие в боях на Карельском перешейке, защищая штабы 21-й и 23-й армий³². К тому времени у орудия вновь сменился командир. Им стал младший сержант П. И. Леппянен³³, а С. Г. Франчук перешел служить в 1-ю батарею³⁴. Во время боев проявили отвагу и высокий профессионализм несколько бойцов: подносчики ефрейторы А. П. Каринцев³⁵ и И. Г. Михайлов³⁶ и прицельный ефрейтор П. Ф. Лессонен³⁷, который, согласно наградному приказу, смог сбить 16 июля 1944 г. Ju-87, однако об этом не упоминается ни в донесении об орудиях 1469-го зенитного артиллерийского полка, ни в справке о боевом пути орудия, ни в справке о самолетах, сбитых этим орудием³⁸. В этих боях расчет понес потери. В частности, 16 июля 1944 г. во время боя в районе р. Вуоксы погиб командир П. И. Леппянен³⁹. Также во время боев на Карельском перешейке был тяжело ранен⁴⁰ наводчик младший сержант А. М. Дербишев⁴¹ и легко ранен ефрейтор А. Ф. Кондрашов⁴². Примерно тогда командиром этого орудия стал старший сержант Д. М. Арешонков⁴³ (ил. 2), который ранее сражался на р. Халкин-Гол⁴⁴, позже в составе 54-й отдельной зенитной артиллерийской батареи⁴⁵, а затем в 1469-м зенитном артиллерийском полку⁴⁶. Он и стал последним командиром орудия. Так, к моменту окончания войны в расчете служили: 1-й наводчик ефрейтор П. Е. Попов, 2-й наводчик

Ил. 2. Командир орудия № 89
1469-го армейского зенитного
артиллерийского полка ст. сержант
Д. М. Арешонков. АВИМАИВиВС.
Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107

ефрейтор Н. П. Бойко, оружейные номера: ефрейтор А. П. Каринцев (1-й подносчик), ефрейтор И. Г. Михайлов (2-й подносчик), ефрейтор П. Ф. Лессонен (1-й прицельный), сержант В. П. Потапов (2-й прицельный), ефрейтор А. Ф. Кондрашов (заряжающий)⁴⁷ (ил. 3).

После победы на Карельском перешейке боевой путь орудия подошел к концу. 37-мм зенитная автоматическая пушка обр. 1939 г. № 89 за годы войны прошла 4273 км⁴⁸, три раза выходила из строя, но всегда возвращалась в строй⁴⁹. Всего было из нее было сбито 10 фашистских самолетов, о чем свидетельствуют десять звезд, нарисованных, по традиции, на ее стволе⁵⁰. Также с помо-

щью данного орудия за 1941–1942 гг. был подавлен огонь 76-мм вражеского орудия, а само оно уничтожено, ликвидировано до взвода вражеских солдат и уничтожены три пулеметные точки⁵¹.

В разное время расчетом руководили четыре командира, в том числе старший сержант Агеев⁵², подробности о службе и гибели которого так и остались невыясненными из-за недостатка информации.

Весной 1945 г. начальник Артиллерийского исторического музея Я. Ф. Куске получил от начальника отдела ПВО войск Ленинградского фронта подполковника Егорова документы с сопроводительным письмом о нескольких реликвийных орудиях, в том числе о пушке № 89⁵³. Орудие поступило на вечное хранение в АИМ из воинской части 72406 на основании акта от 15 июня 1945 г.⁵⁴ и экспонируется в зале № 4, который посвящен развитию советской артиллерии до начала Великой Отечественной войны. Оно выставляется как образец 37-мм зенитного орудия, принятого на вооружение в 1939 г. Это можно объяснить тем, что

Ил. 3. Бойцы расчета пушки № 89. Нижний ряд (слева направо): 1-й наводчик ефрейтор П. Е. Попов, командир орудия ст. сержант Д. М. Арешонков, 2-й наводчик ефрейтор Н. П. Бойко. Верхний ряд (слева направо): 1-й подносчик ефрейтор А. П. Каринцев, заряжающий ефрейтор А. Ф. Кондрашов, 2-й подносчик ефрейтор И. Г. Михайлов, 1-й прицельный ефрейтор П. Ф. Лессонен, 2-й прицельный мл. сержант В. П. Потапов. 1944–1945 гг. АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 107

еще в донесении заместителю командующего артиллерией по ПВО 23-й армии писалось о том, что оружие хорошо сохранилось благодаря заботе и уходу бойцов расчета⁵⁵.

Таким образом, 37-мм зенитная автоматическая пушка образца 1939 г. № 89 обладает большой исторической ценностью, а ее расчет внес свой вклад в Победу в Великой Отечественной войне. Расчет начал свой боевой путь в Мурманской области, позднее защищал Ленинград. Принимал участие в Любанской наступательной, Любанской оборонительной и Синявинской операциях, в Красноборской операции; летом 1944 г. воевал на Карельском перешейке.

Несмотря на то, что сохранилось не так много документов, свидетельствующих о героическом боевом пути 37-мм зенитной автоматической пушки образца 1939 г., в ходе исследования были

раскрыты основные моменты истории данного орудия и найдены сведения о большинстве бойцов и командиров его расчета, что поможет сохранить память о событиях Великой Отечественной войны и ее героях.

¹ Боевой путь 37-мм орудия М.З.А. АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. С. 11.

² Каталог материальной части артиллерии. Л.: Изд.-во. Артиллерийского исторического музея, 1961. С. 353.

³ Мемориальные орудия Великой Отечественной войны (1941–1945) из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: ВИМАИВиВС, ИПЦ СПбГУТД. 2015. С. 71.

⁴ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Формуляр люльки № 94 37-мм автоматической зенитной пушки образца 1939 г. Обложка формуляра.

⁵ Чумак Р. Н. Условные знаки и обозначения отечественных предприятий по производству и ремонту артиллерийского вооружения (1800–1991): определитель. СПб., 2020. С. 41.

⁶ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. С. 11.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Формуляр к орудию к 37-мм автоматической зенитной пушки обр. 1939 года. С. 13.

⁹ Там же. Д. 107. Л. 2.

¹⁰ Донсков Григорий Иванович. Медаль «За отвагу» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie10508747/ (Дата обращения: 14 марта 2025).

¹¹ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 2, 4.

¹² Попов Павел Егорович. Фронтвой приказ // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=150411251&tab=navDetailDocument> (Дата обращения: 15 марта 2025).

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 3.

¹⁴ Донсков Григорий Иванович. Медаль «За отвагу» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне.

¹⁵ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 2.

¹⁶ Донсков Григорий Иванович. Медаль «За отвагу» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне.

¹⁷ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. С. 11.

¹⁸ Франчук Семен Григорьевич. Медаль «За оборону Ленинграда» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_predstavlenie1532655926/ (Дата обращения: 15 марта 2025).

¹⁹ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 3.

²⁰ Франчук Семен Григорьевич. Медаль «За боевые заслуги» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie19326578/ (Дата обращения: 15 марта 2025).

- ²¹ Попов Павел Егорович. Фронтовой приказ // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=150411251&tab=navDetailDocument> (Дата обращения: 15 марта 2025).
- ²² Там же.
- ²³ АВИАИВВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 2об., 3.
- ²⁴ Там же. С. 13.
- ²⁵ 124-я отдельная танковая бригада // Танковый фронт. URL: <http://tankfront.ru/ussr/tbr/tbr124.html?ysclid=m8an3ms99z2593519> (Дата обращения: 15 марта 2025).
- ²⁶ АВИАИВВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 3.
- ²⁷ Попов Павел Егорович. Фронтовой приказ // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=150411251&tab=navDetailDocument> (Дата обращения: 15 марта 2025).
- ²⁸ Франчук Семен Григорьевич. Медаль «За оборону Ленинграда» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне.
- ²⁹ Франчук Семен Григорьевич. Медаль «За боевые заслуги» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне.
- ³⁰ АВИАИВВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 2об., 3, 4.
- ³¹ Там же. Л. 2.
- ³² Там же. Л. 2об.
- ³³ Там же. Л. 2, 2об.
- ³⁴ Франчук Семен Григорьевич. Медаль «За боевые заслуги» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне.
- ³⁵ Каринцев Алексей Павлович. Медаль «За боевые заслуги» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie37723023/ (Дата обращения: 15 марта 2025).
- ³⁶ Михайлов Иван Григорьевич. Медаль «За боевые заслуги» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie36989055/ (Дата обращения: 15 марта 2025).
- ³⁷ Лессонен Павел Федорович. Медаль «За боевые заслуги» // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie39349434/ (Дата обращения: 15 марта 2025).
- ³⁸ АВИАИВВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 2, 2об., 3, 4.
- ³⁹ Лепянин Петр Иванович. Донесение о безвозвратных потерях // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie7015129/ (Дата обращения: 15 марта 2025).
- ⁴⁰ АВИАИВВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. С. 2об.
- ⁴¹ Дербишев Ахмед Магматович. Сведения о личном составе // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_ran47001387/ (Дата обращения: 15 марта 2025).
- ⁴² АВИАИВВС. Ф. ЗР. Оп. 14. Д. 107. Л. 2 об.
- ⁴³ Там же. Л. 2.
- ⁴⁴ Арешонков Даниил Михайлович. Орден Красной Звезды // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: <https://>

ramyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie11816861/ (Дата обращения: 15 марта 2025).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Арешонков Даниил Михайлович. Орден Славы III степени // Память народа: Подлинные документы о Великой Отечественной войне. URL: https://ramyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie36048891/ (Дата обращения: 15 марта 2025).

⁴⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 107. Л. 2.

⁴⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 107. С. 10, 12, 14, 16–18, 20.

⁴⁹ Там же. Л. 2об.

⁵⁰ Каталог материальной части артиллерии. Л.: Изд.-во. Артиллерийского исторического музея, 1961. С. 353.

⁵¹ АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 107. Л. 4.

⁵² Там же. Л. 2.

⁵³ Там же. Л 1, 2–2об., 3, 4.

⁵⁴ Там же. Оп. 9. Д. 77 . Л. 15

⁵⁵ Там же. Оп. 14. Д. 107. Л. 2.

А. В. Морген, М. Н. Кириллов (Санкт-Петербург)

УЧАСТИЕ ВОЙСК НКВД СССР В ДЕСАНТНЫХ ОПЕРАЦИЯХ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Осенью 1941 г. шли повсеместные тяжелейшие кровопролитные бои Красной армии с немецко-фашистскими войсками. В сентябре 1941 г. все усилия частей вермахта группы «Север» были направлены на окружение и полную блокаду второго по значимости города СССР – Ленинграда. 12.09.1941 г. противник перерезал Балтийскую железную дорогу, а уже 14.09 вышел на побережье Невской губы и занял города Урицк, Стрельну и Новый Петергоф. Ранее частями противника были заняты Шлиссельбург и левый берег Невы. На Карельском перешейке линия фронта передвинулась к государственной границе 1939 г. Таким образом, г. Ленинград с суши оказался полностью окруженным и отрезанным войсками вермахта от основной территории страны. Относительно свободным оставался только водный путь через Ладожское озеро.

Выйдя на побережье Финского залива в районе Стрельна – Петергоф, войска вермахта сумели расчленив оборонявшие побережье части 8-й армии и, сосредоточив в этом районе свои артиллерийские части, препятствовали переходам кораблей Краснознаменного Балтийского флота (КБФ). Сухопутные войска Красной армии осуществляли оборону города на занимаемых рубежах и готовились к активным наступательным операциям по уничтожению прорвавшихся на побережье группировок войск противника в районах Стрельна – Петергоф и Ивановские Пороги – Шлиссельбург. Успеху этих операций КБФ должен был содействовать огнем своей корабельной

и береговой артиллерии, действиями морской авиации и высадкой морских десантов.

Отличительная черта кампании 1941 г. на Балтийском театре военных действий (ТВД) – большое количество проведенных десантных операций. Всего в этот период было проведено 40 десантных операций, не считая 22 высадок разведывательных и диверсионных групп по линии разведывательного отдела (РО) КБФ. Все выполненные КБФ операции носили ярко выраженный характер высадки тактических десантов, но в ряде случаев по своей значимости они имели устойчивую тенденцию к развитию в оперативный масштаб.

Это, прежде всего, относится к операциям Военно-морской базы (ВМБ) Ханко и Ладужской военной флотилии в районе Манчинзунда. Из 40 проведенных десантных операций в восьми в силу различных причин высадок десанта на берег не состоялось. Только в 20 случаях цели десанта были достигнуты и поставленные боевые задачи выполнены. В 12 случаях личный состав десантных сил либо погиб в ходе боев, либо был сброшен в море.

В пяти десантных операциях высадка проводилась под руководством командования флота, в остальных случаях – под руководством командования сухопутными войсками, ограничив задачи флота только доставкой сил десанта до места высадки в назначенное время¹. Использование катерных средств в ходе организации высадки необходимо подчеркнуть особо, так как это является отличительной особенностью местного ТВД. Всего же в период кампании 1941 г. в ходе проведенных десантных операций было перевезено более 5000 человек десантных войск, из которых на берег не было высажено по различным причинам 860 человек. Из общего числа перевезенных 4100 человек, то есть 88%, приходится на личный состав флота². Данные цифры наглядно доказывают важность и необходимость формирования и боевого применения именно частей морской пехоты, из-за нехватки которых в годы Великой Отечественной войны, особенно в самом ее начале, для проведения десантных операций командование КБФ, как и других флотов ВМФ СССР, вынуждено было привлекать в качестве десанта зачастую неподготовленные силы профильных ведомств, в том числе Наркомата внутренних дел (НКВД). Войска НКВД принимали участие в десантных операциях Ленинградской ВМБ в один из самых сложных периодов Великой Отечественной войны – во время отступления Красной

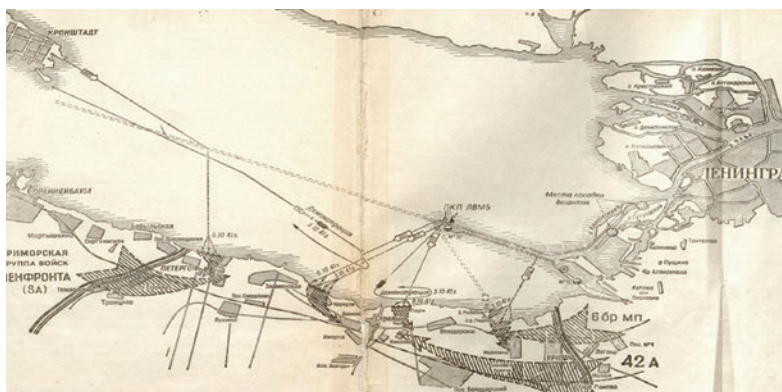
армии по всему фронту и борьбы за удержание и улучшение своих позиций на успешно возводившихся рубежах обороны.

Характерными чертами десантных операций данного периода являлись небольшой численный состав и недостаточное вооружение десантов, поспешность в планировании и проведении десантных операций. Действия десанта на берегу носили неорганизованный и неуправляемый характер. Поддержка десанта огнем кораблей с моря и авиацией с воздуха, как правило, отсутствовала. В результате этих, а также ряда других причин значительная часть десантов этого периода поставленных перед ними задач решить не могла и проводимые десантные операции своих целей не достигали³.

К началу октября 1941 г. группировка противника, вышедшая на побережье Финского залива, продолжала систематический обстрел кораблей, проходивших по линии Ленинград – Кронштадт, а кроме того, стремилась огнем крупнокалиберной артиллерии уничтожить боевые корабли КБФ, занимавшие огневые позиции в районе Ленинградского Торгового порта и оказывающие эффективную поддержку обороняющимся сухопутным частям Красной армии.

На рассвете 03.10.1941 г. части 42-й армии в соответствии с планом проводимой операции перешли в наступление, основной целью которого являлось освобождение участка побережья Финского залива от войск противника. Командованию ЛенВМБ ставилась задача по поддержке наступления сухопутных войск с помощью, во-первых, артиллерийского огня корабельных орудий, во-вторых, внезапной высадки десанта (ил. 1). В связи с этим накануне вечером 01.10.1941 г. штабом ЛенВМБ был получен приказ Военного совета Ленинградского фронта (ЛФр) об установлении взаимодействия со штабом 42-й армии по вопросам проведения десантных операций.

04.10.1941 г. в связи с высадкой десанта Кронштадтской ВМБ в районе Петергофа командующий ЛенВМБ получил приказание в 4 ч 50 мин 05.10.1941 г. высадить десант в составе батальона 20-й стрелковой дивизии (сд) НКВД западнее пристани завода в районе Викколово. Высадка десанта была связана с десантной операцией КБФ у Нового Петергофа и являлась демонстративной. Однако по количеству применяемых средств и десантных сил, по важности стоящих и решаемых задач, по способам проведения и действиям сил высадка десанта вылилась в самостоятельную операцию (ил. 2).

Ил. 1. Десанты Ленинградской военно-морской базы КБФ в районе Стрельны 3–8 октября 1941 г.

Целью высадки было, с одной стороны, отвлечь часть сил вермахта из района Петергофа и этим обеспечить основному десанту КБФ выполнение поставленной задачи по содействию частям 8-й армии в ликвидации петергофской группировки войск противника и по содействию частям 42-й армии в ликвидации стреленской группировки войск противника. В конечном же итоге – объединению двух этих армий⁴.

Высадка должна была произойти одновременно в трех пунктах. Высадке десанта должна была предшествовать мощная артиллерийская подготовка и авиационный бомбово-штурмовой удар пунктов высадки. Прикрытие операции с моря и подавление огневых средств противника должны были осуществлять группа катеров морских охотников (МО), эскадренные миноносцы (ЭМ) КБФ «Сметливый», «Стойкий» и береговая батарея № 19 береговой обороны (БО). Прикрытие кораблей поддержки и сил десанта с воздуха должна была осуществлять истребительная авиация, а обеспечение высадки и действия десанта на берегу – бомбардировочная авиация КБФ. Для проведения операции командованию ЛенВМБ были выделены десантные войска – батальон 20-й сд войск НКВД в составе 500 человек с личным оружием. Задача десанту на берегу была определена и поставлена командованием ЛФр⁵.

Общее руководство десантной операцией и обеспечение артиллерийской и авиационной поддержки были возложены на

Ил. 2. Десанты Кронштадтской и Ленинградской военно-морских баз КБФ 05.10.1941 г.

командование ЛенВМБ. А так как ни корабли эскадры, ни авиация в подчинении командира ЛенВМБ не находились, то фактически его роль в артиллерийско-авиационном обеспечении десантной операции сводилась к подаче заявок в штаб начальника артиллерии и штаб командующего ВВС флота.

Ввиду крайнего недостатка времени для разработки плана предстоящей операции все мероприятия по подготовке проводились распорядительным порядком, в целом разработанные штабом командующего операцией основные документы до всех исполнителей довести не удалось, и своей роли они не сыграли. В этой связи необходимой подготовки к операции участвовавших в ней десантных сил и средств высадки и организации их взаимодействия достигнуто не было, план подготовки высадочных средств и сосредоточения десанта по времени выдержан не был. В результате неполучения точных указаний часть десанта в количестве 130 человек высажена не была⁶.

Фактически выполнение операции началось сосредоточением кораблей и войск десанта в пункты посадки – Гутуевский и Масляный ковши Торгового порта. Полное сосредоточение высадочных средств было закончено к 00 ч 00 мин 04.10.1941 г. (с опозданием в соответствии с плановой таблицей на два часа). В 3 ч 15 мин посадка десантных войск была закончена, и отряд высадочных средств вышел в определенный штабом район высадки. В 5 ч 17 мин отряд был обнаружен противником,

под интенсивным огнем с берега началась высадка десанта. В 5 ч 55 мин высадка десанта была закончена. Его потери в ходе высадки были незначительны – два человека убитыми. После этого катера легли на обратный курс. В ходе возвращения отряда был замечен направляющийся к берегу катер «ЗИС», имевший у себя на буксире гребной катер с бойцами батальона НКВД. Выяснилось, что катер потерял ориентировку, заблудился и опоздал с приходом к месту высадки основных сил десанта. Командиром высадки было принято решение о возвращении этого катера. Помимо заблудившегося катера, высадку десанта не произвели еще три катера с семью шлюпками на буксире. Таким образом, из 500 человек батальона НКВД высажено было только 365 человек⁷. С момента высадки десанта на берег связь с ним прекратилась, и дальнейшая судьба его осталась неизвестной.

06.10.1941 г. штабом ЛенВМБ был получен приказ Военного совета ЛФр о высадке пополнения силам десанта батальона 20-й сд НКВД, высадившегося 05.10.1941 г. Пополнение составили невысаженные в предыдущую ночь 130 бойцов и 17 связистов. Задачей отряду ставилось после высадки присоединиться к батальону и установить связь со штабом 42-й армии.

В ночь на 06.10.1941 г. десантный отряд был сосредоточен в Гутуевском ковше Торгового порта, где он произвел посадку и в 1 ч 30 мин начал движение к месту высадки. Высадка началась в 3 ч 25 мин, в момент высадки десант был обнаружен, после чего по месту высадки был открыт интенсивный огонь. В 3 ч 50 мин высадка была закончена, и десант углубился на территорию противника. С момента высадки войск на берег и отхода их от береговой черты связь прекратилась, и дальнейшая судьба десанта, как и ранее высаженных подразделений батальона 20-й сд НКВД, осталась неизвестной.

Вечером 07.10.1941 г. в штабе ЛенВМБ был получен приказ Военного совета ЛФр о высадке десанта, задача этому отряду также была поставлена армейским командованием и была аналогична задаче отряда, высаженного 06.10.1941 г., – после высадки соединиться с ранее высаженным батальоном 20-й сд НКВД и выйти на соединение с частями 42-й армии. В состав десанта были выделены: батальон 20-й сд войск НКВД (общая численность 431 человек); отряд катеров МО – 5, «ЗИС» – 19, «КМ» – 3, гребных шлюпок – 3. Общее руководство операцией и организация авиационного и артиллерийского обеспечения

оставались за командованием ЛенВМБ. Операция была рассчитана на внезапность, поэтому ни артиллерийских, ни авиационных предварительных ударов по войскам противника в районе высадки произведено не было.

08.10.1941 г. в 1 ч 50 мин посадка была завершена и десант начал движение в исходную точку для развертывания. При подходе к берегу десант был встречен сильным огнем противника. Артиллерийское обеспечение и поддержка десанта осуществлялись огневыми стрельбами катеров МО и постановкой планового заградительного огня ЭМ «Сметливый» и двух железнодорожных батарей ОБ. Огонь открывался по береговым огневым точкам противника в период с 2 ч 00 мин до 5 ч. 41 мин, при этом обстрел велся по площадям, без целеуказаний и требований сил десанта⁸. В 4.15 началась высадка, которая проходила под интенсивным пулеметным, ружейным и минометно-артиллерийским огнем противника, при волнении моря до пяти баллов, но закончилась точно в срок. В результате создавшейся в ходе высадки сложной обстановки часть командиров и красноармейцев из состава десанта растерялись, проявили трусость, отказались высаживаться в воду, под угрозой оружия потребовали от командиров катеров возвращения на базу.

Часть командиров растерялись и вместо решительного требования к десанту высадиться на берег выполнили требование и возвратились на базу. Из состава высаживаемого возвратились 182 человека, в том числе личный состав пулеметного подразделения и минометная команда. При высадке батальон понес потери: убито четверо и ранено шесть человек, пятеро пропали без вести. Потоплено три катера «ЗИС» и две гребных шлюпки⁹. Как и в первых случаях, с момента высадки десанта на берег связь с ним была потеряна. Высланная днем 08.10.1941 г. на поиски воздушная разведка возвратилась, десант обнаружен не был. Необходимо отметить, что в эту же ночь корабли ОВР главной базы КБФ производили демонстрацию высадки десанта в районе Нового Петергофа. Никакой связи и взаимодействия между этими отрядами осуществлено не было.

Новороссийская десантная операция 9–16 сентября 1943 г.

Развивая начатое осенью 1942 г. наступление, Красная армия полностью очистила от противника район Кубани, Северного Кавказа и к концу февраля 1943 г. вышла на рубеж лиман

Курчанский – р. Курка – р. Кубань – Молдаванское – Верхний Адагум – Неберджаевская – Новороссийск. Вследствие того, что на указанном рубеже противник имел хорошо укрепленную линию обороны, дальнейшее продвижение советских войск оказалось невозможным и обе стороны перешли к обороне.

Так как фронтальные атаки советских войск успеха не имели и не приводили к значимым изменениям линии фронта, командованием Красной армии было решено провести комбинированную операцию, имевшую целью совместным внезапным ударом войск 18-й армии и высадкой морского десанта непосредственно на Новороссийск ликвидировать наиболее важный опорный пункт «Голубой линии обороны» войск противника на Таманском полуострове – овладеть портом и городом Новороссийск. Освобождение Новороссийска давало возможность обойти оборону противника с тыла и открыть путь советским армиям на Таманский полуостров.

Необходимо отметить, что за время оккупации Новороссийск был превращен противником в мощный узел обороны с широко развитой системой дотов, дзотов, минных полей, противотанковых и противопехотных заграждений и других оборонительных сооружений. Каждый дом города был превращен в опорный пункт с подготовленной системой огня. Непосредственную оборону города осуществляли две усиленные пехотные дивизии вермахта, две команды морской пехоты и ряд других отдельных подразделений. Намерение советского командования провести десантную операцию в таких условиях являлось рискованной и сложной задачей, требующей большого количества людских ресурсов, техники и вооружения, серьезной подготовки всех участников и организации взаимодействия на всех этапах проведения операции. В ходе подготовки к проведению высадки был разработан план десантной операции, включавший в себя несколько этапов.

Прежде всего, назначенным для проведения операции силам и средствам высадки необходимо было пройти специальную подготовку – первоначально в местах своей постоянной дислокации, позже в районе Геленджика, где в соответствии с разработанным планом операции они должны были сосредоточиться незадолго до начала ее проведения. В целях дезинформации и дезориентации противника об истинных причинах концентрации советских войск в районе, сосредоточение и подготовка участвующих

в операции сил проводилась под видом подготовки десантной операции в районе Южной Озерейки. Для сохранения скрытности погрузки и перехода десанта к месту его высадки все сопутствующие мероприятия производить только в ночное время и с соблюдением всех мер световой и звуковой маскировки. Для маскировки шума моторов катеров десантного отряда над Новороссийском в небе должны были непрерывно находиться самолеты ЧФ.

Высадке десанта предшествует мощная 15-минутная артиллерийская подготовка и авиационный бомбово-штурмовой удар по переднему краю обороны противника, с момента начала высадки перенос огня в глубину его обороны с нанесением удара по его выявленным огневым средствам и живой силе.

В момент открытия артиллерийского огня группа торпедных катеров производит массированное торпедирование молов с целью создания для катеров с десантом новых, не пристрелянных противником подходов. В это же время специальная группа катеров производит уничтожение боно-тросового заграждения ворот и высаживает на молы штурмовые группы десанта. Вслед за ними вторая группа торпедных катеров производит стрельбу торпедами по побережью Цемесской бухты и уничтожает находящихся у уреза воды дот, дзот и выявленные огневые средства противника. После уничтожения боно-тросового заграждения ворот третья группа торпедных катеров врывается в гавань и наносит удар торпедами по местам высадки десанта внутри порта. За торпедными катерами через ворота и проломы в молах в гавань полным ходом прорываются катера с десантом и начинают высадку войск и техники. В момент подхода катеров к берегу огонь артиллерии и бомбоштурмовые удары авиации переносятся в глубину обороны противника¹⁰.

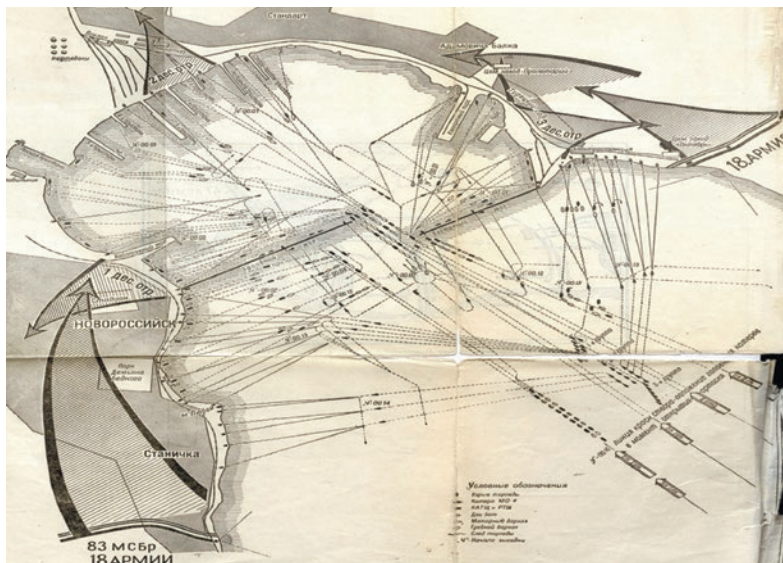
Одновременно с началом высадки десанта в наступление переходят и войска 18-й армии – во взаимодействии с десантным отрядом № 1 овладевают высотой 307,2, западной частью Новороссийска и, прочно удерживая западный район, овладевают всем Новороссийском. После овладения портом и городом и объединения десантных отрядов с частями 18-й армии войскам необходимо развить наступление в направлении Верхнебаканского (ил. 3).

Для проведения десантной операции были выделены следующие силы и средства: десантные войска – 255-я морская

стрелковая бригада (мсбр), 393-й отдельный батальон морской пехоты (обмп), 290-й полк войск НКВД и 19-й сп 318-й сд. Общая численность десанта – 6481 человек. Силы десанта были разделены на три отряда. Для участия в операции было выделено 123 катера различных классов и типов и 24 моторных баркаса. Перед авиацией ЧФ были поставлены задачи по обеспечению операции данными разведки; подавлению авиации противника; уничтожению огневых средств, живой силы, техники и инженерно-оборонительных сооружений на переднем крае и в глубине обороны противника; уничтожению штабов и узлов связи противника; уничтожению подходящих к полю боя резервов противника; прикрытию кораблей и плавучих средств ЧФ на базах и на переходе морем. Артиллерия поддержки высадки имела задачи по подавлению огневых точек и прожекторов противника, обеспечению подхода и прорыва судов с десантом в Новороссийский порт; уничтожению инженерно-оборонительных сооружений, огневых средств и живой силы противника в местах высадки десанта, обеспечению его беспрепятственной высадки на берег; нанесению артиллерийских ударов по требованию десанта; ведению контрбатарейной борьбы¹¹.

Руководство операцией по овладению Новороссийском и командование всеми сухопутными войсками, в том числе десантными отрядами с момента их высадки на берег, осуществлял командующий 18-й армией. Десантной операцией руководил командующий ЧФ вице-адмирал Владимирский.

Командир сил высадки имел в подчинении командиров 1-го, 2-го в 3-го отрядов десантных кораблей; командира отряда обеспечения; командира базы высадки; начальника артиллерийской группы. Ему же был подчинен командир 2-го отряда десантных войск в составе 393-го обмп и 290-го сп НКВД. Подготовка к десантной операции началась 19.08.1943 г. и продолжалась до дня фактического ее осуществления. С силами десанта были проведены тактико-строевые и тактические учения с боевой стрельбой на темы: «Уличный бой», «Блокировка дотов, дзотов и блиндажей противника», «Штурм опорного и населенного пункта и преследование противника», а также занятия на тему: «Как преодолевать минные поля и инженерные препятствия с помощью подручных средств». В состав десанта были включены инженерно-саперные подразделения с соответствующими средствами. По морской подготовке были проведены дневные и ночные

Ил. 3. Решение на высадку десанта в порт Новороссийск 9–16 сентября 1943 г. и задачи десанта на берегу

учения по посадке на десантные средства, переходу морем, высадке на берег и ведению боя на берегу¹².

09.09.1943 г. десант произвел посадку на катера и в 21 ч 15 мин начал движение к месту высадки. Во время посадки личному составу катеров и десантных войск было объявлено время высадки (время «Ч») – 2 ч 15 мин 10.09.1943 г. В 2 ч 44 мин все 208 орудий и минометные части открыли огонь по заранее разведанным целям у уреза воды. В 2 ч 45 мин семь торпедных катеров прорыва начали атаку. С окончанием действий торпедных катеров началась высадка десанта. Первыми ворвались в порт и произвели высадку десанта корабли 2-го отряда, имевшие на борту 393-й обмп. 2-й десантный отряд вследствие сильного противодействия противника был высажен на участке в 6 км и не одной группой, а четырьмя, что впоследствии сильно затрудняло действия отряда на берегу. Всего на побережье и причалы порта было высажено 792 человека. Потери при высадке составили пять человек убитыми и 35 ранеными. Гибели плавсредств не было. Почти одновременно со 2-м отрядом в порт ворвались и начали высадку корабли 1-й группы 1-го отряда. 2-я и 3-я группы 1-го отряда произвели

высадку в районе мыс Любви – Западный мол. Вследствие сильного противодействия с берега и большой осадки сейнеров подход кораблей непосредственно к берегу оказался невозможным, часть десанта была высажена прямо в воду. Высадка происходила медленно и была закончена только к 4 ч 55 мин. Всего 1-м отрядом было высажено около 2000 человек. При высадке затонула и получила повреждения часть высадочных средств.

В 3 ч 20 мин катера 3-го отряда направились к намеченным местам высадки, где они в течение 20–30 мин провели высадку десанта (1339-го сп). Всего отрядом было высажено 1083 бойца и офицера, три 45-мм орудия, 12 минометов и боеприпасы. Потери при высадке составили 15 человек убитыми и 23 ранеными. Произведя высадку десанта, катера направлялись к Кабардинке и 9-му километру Новороссийского шоссе для погрузки второго эшелона.

Вследствие задержки высадки первого эшелона и повреждения значительной части быстроходных катеров провести второй рейс до рассвета катера не смогли. Поэтому из состава 2-го эшелона в эту ночь было высажено только 370 человек. В основном десант был высажен в районе высадки 3-го десантного отряда. Около шести часов утра пытались произвести высадку и торпедные катера, но вследствие сильного огня противника с берега сделать этого не смогли. В течение ночи с 10 на 11 сентября 1943 г. 15 торпедными катерами, 9 сторожевыми катерами, 12 десантными ботами и 3 тральщиками-катерами в Новороссийском порту было высажено еще 2602 человека из состава 255-й мсбр, 290-го сп войск НКВД и 1339-го сп. В ходе высадки десанта во всех местах противник вел сильный артиллерийский и стрелковый огонь. В связи с этим основная масса войск с западного побережья (1976 человек) была высажена в районе высадки 3-го десантного отряда; 386 человек – в районе 2-го десантного отряда и 240 человек – в районе 255-й мсбр. Действия высаженных войск на берегу представлены на ил. 4.

Несмотря на мощную минометную и артиллерийскую подготовку, бомбоштурмовые удары авиации по местам высадки, значительная часть огневых средств и оборонительных сооружений противника остались в строю. Десант встретил ожесточенное сопротивление противника не только из глубины обороны, но и с его переднего края. Особенно ожесточенное сопротивление противник оказал в районе мест высадки 1-го и 2-го десантных отрядов.

Ил. 4. Схема действий десанта и частей 18-й армии 9–16 сентября 1943 г.

1-й отряд (255-я мсбр), не закончив уничтожение противника на побережье, незамедлительно начал продвижение вглубь материка. Из-за больших потерь отряда в ходе высадки и действий в тылу, оставшихся сил противника и огневых точек отдельные подразделения отряда оказались изолированными как от берега, так и друг от друга. В связи с этим высадка подкрепления десанту оказалась невозможной, а действия высаженных войск носили неорганизованный и неуправляемый характер. Попытки командира отряда и его штаба наладить связь и организовать бой успеха не имели. 10.09.1943 г. десантный отряд подвергся нескольким мощным контратакам пехоты и танков противника и в основном был уничтожен. Его остатки в виде отдельных мелких групп в течение 11.09.1943 г. вышли на соединение с войсками 83-й мсбр в районе Станичка и десантного отряда № 2.

2-й отряд десантных войск (893-й обмп) действовал двумя основными группами – первой в районе клуба им. Сталина и второй в районе железнодорожного вокзала. Захватив здание клуба, железнодорожный вокзал, товарную станцию и ряд других пунктов, отряд вынужден был перейти к обороне. Используя большие силы пехоты, танков и огневых средств, противник стремился уничтожить отряд либо сбросить его в воду. Имея непрерывную связь с артиллерийскими подразделениями и авиацией, при их

поддержке отряд успешно отразил все атаки противника и прочно удерживал эти здания за собой. 16.09.1943 г. 2-й десантный отряд объединился с частями 318-й сд.

3-й десантный отряд (1339-й сп и 290-й полк войск НКВД) встретил значительно меньшее сопротивление войск противника. Успешно овладев участком побережья от электростанции до импортного пирса, повел наступление в тыл войск противника, оборонявших район цементного завода. 11.09.1943 г. части 318-й сд, прорвав оборону противника, к полудню объединились с десантным отрядом № 3.

В ночь с 15 на 16 сентября 1943 г. была прорвана оборона противника и в районе Станички. Тогда же комбинированным ударом войск 18-й армии с юго-запада и северо-востока и десантного отряда № 2 из района «клуб им. Сталина – железнодорожный вокзал» город и порт Новороссийск были освобождены от противника. Разобщенные в течение семи месяцев соединения и части 18-й армии вновь объединились. Задачу, поставленную командованием СКФ, ЧФ выполнил успешно. Главные силы десанта высадились точно по плану и в основном в установленных для них местах. Успешное проведение десантной операции позволило частям 18-й армии прорвать хорошо укрепленную полосу обороны противника на западном и восточном берегах Цемесской бухты, захватить порт и овладеть Новороссийском, ликвидировать наиболее важный укрепленный район обороны противника на подступах к Таманскому полуострову и открыть путь на него частям СКФ.

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 161. Оп. 41. Д. 123. Кор. 1689. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Салагин Я. Т. Опыт десантных операций в Отечественную войну 1941–1945 гг. – М., 1947. С. 6.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 41. Д. 18. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Салагин Я. Т. Указ. соч. С. 64.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 41. Д. 18. Л. 5.

⁸ Салагин Я. Т. Указ. соч. С. 67.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 41. Д. 18. Л. 9.

¹⁰ Салагин Я. Т. Указ. соч. С. 186–188.

¹¹ Там же. С. 190–191.

¹² Там же. С. 194–195.

В. В. Наумов, Э. С. Алоян, О. А. Помазановский
(Санкт-Петербург)

УПРАВЛЕНИЕ ТЫЛОВЫМ (ТЕХНИЧЕСКИМ) ОБЕСПЕЧЕНИЕМ В ТРЕТЬЕМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ (1 ЯНВАРЯ 1944 г. – 9 МАЯ 1945 г.)

К началу третьего периода Великой Отечественной Войны (1 января 1944 г. – 9 мая 1945 г.) военно-политическая обстановка для СССР существенно улучшилась.

Возрос военно-экономический потенциал страны. Оборонная промышленность значительно увеличила выпуск вооружения, боевой и специальной техники, материальных средств для Красной армии.

Продолжилось наращивание численности Вооруженных Сил. Так, к началу 1945 г. на фронтах действовало 457 стрелковых, моторизованных, воздушно-десантных, кавалерийских дивизий, 34 корпуса, 151 авиационная дивизия, десятки других соединений.

Решительно изменилась военно-стратегическая обстановка, в войне произошел коренной перелом. Красная армия, одержав ряд крупных побед над фашистскими захватчиками, перешла в решительное наступление по всему фронту.

В ходе третьего периода Красная армия провела три кампании: зимнюю (январь–май 1944 г.), летнюю (июнь–декабрь 1944 г.) и завершающую в Европе (январь–май 1945 г.).

Управление тылом строилось с учетом многофакторных условий проведения кампаний Красной армии. Наиболее сложными стали условия проведения зимней кампании. Операции фронтов начались сразу после летней–осенней кампании 1943 г. Органы тыла значительно отстали от обеспечиваемых войск. Снизилась обеспеченность объединений, соединений, воинских частей

материальными средствами. Операции готовились и проводились зимой и в весеннюю распутицу.

В летней–осенней кампании 1944 г. операциям предшествовали крупные стратегические перегруппировки.

В завершающей кампании 1945 г. все операции фронтов проводились за пределами границ СССР, с прорывом глубоко эшелонированной обороны противника.

Во всех кампаниях завершающий период операции проводился группами фронтов (2–4), на ширине фронта 3 тыс. км, на общую глубину (до 1200 км) с темпом продвижения 10–30 км в сутки.

В третьем периоде органам управления служб тыла пришлось осваивать новые функции, вызванные перенесением боевых действий за пределы страны. По-новому пришлось решать задачи использования экономической базы, транспорта, привлечения рабочей силы зарубежных государств, заготовок продовольствия, осуществлять эвакуацию промышленного оборудования, репатриацию граждан, обеспечивать восстановление народного хозяйства. Для этой цели создавались новые органы управления, тыловые учреждения.

Для руководства заготовки продовольствия были созданы при начальнике Тыла Красной армии управления: в Польше (сентябрь 1944 г.), в Венгрии (декабрь 1944 г.), Чехословакии (апрель 1945 г.) и др.

Постановлением ГКО 28 октября 1944 г. было создано Управление по использованию нефтепродуктов в Румынии.

Для восстановления и эксплуатации угольных шахт на территории Польши и Германии было создано Управление угольных бассейнов в Силезии. Начальником Управления был назначен генерал-лейтенант М. Н. Миловский.

В третьем периоде войны управление тылом в основном сохранило свою структуру и состав, функционировало более эффективно, целенаправленно, результативно. Увеличение объема работы тыла требовало провести ряд организационных мер по наращиванию сил и средств тылового обеспечения за счет резервов и новых формирований.

Повышение мобильности органов тыла осуществлялось за счет частичного сокращения стационарных учреждений действующей армии. Увеличение количества мобильных соединений,

Ил. 1. Учет трофейных материальных средств

воинских частей тыла в первую очередь коснулось автотранспортных органов.

В составе тыла Красной Армии в начале 1944 года насчитывалось: 13 автотранспортных бригад, 49 автотранспортных полков, 222 автотранспортных батальона и др.

В ходе операций третьего периода войны образовалось большое количество трофейного имущества, одновременно проявились крупные недостатки в их учете, хранении, использовании (ил. 1).

Это потребовало проведения соответствующих организационных мер. С этой целью были созданы Украинские и Белорусские трофейные управления с подчинением Главному трофейному управлению. В трофейных управлениях центра и фронтов были образованы интендантские трофейные отделы, в армиях – отделения.

Одновременно трофейная служба была переподчинена начальнику тыла, начальник трофейного управления (отдела) с февраля 1945 г. становился заместителем начальника тыла фронта (армии).

Для изучения и обобщения опыта работы тыла были созданы штатные органы и должности: в штабе тыла Красной армии – отделы; в штабе тыла фронта – отделения; в штабе тыла армии – офицер.

Больших усилий от органов управления тылом потребовало облегчение обеспечения военнопленных – только за период с июня 1944 г. по май 1945 г. было эвакуировано в тыл 1775 тыс. военнопленных. Для их обслуживания потребовалось изыскать значительные ресурсы.

Общей тенденцией развития тыла в третьем периоде войны было увеличение его численного состава. Так, численность железнодорожных войск в конце 1944 г. достигла 253 тыс. человек, дорожных войск – 240 тыс. человек, общая численность тыла достигла 3 млн человек, что составило 28–30% общей численности Красной армии.

В третьем периоде были скомпонованы типовой состав тыла фронтов, армий, соединений согласно соответствующим «Положениям». В целом оперативный и войсковой тыл благодаря настойчивой работе штабов и служб тыла организационно укрепился.

Особенности подготовки и ведения операций в третьем периоде войны требовали от начальников тыла и служб тыла особой оперативности в работе по руководству тыловым обеспечением.

Лимитирование времени на принятие решения и планирование тылового обеспечения, сосредоточение основных усилий на обеспечении группировок войск на главных направлениях, постоянное приближение органов тыла к наступающим войскам, планомерное наращивание транспортных коммуникаций, жесткий контроль поддержания запасов материальных средств на требуемом уровне, предъявление повышенных требований к организации управленческого процесса.

Характерным для третьего периода было решительное сокращение тыловых районов. Это отражалось в планах тылового обеспечения операций.

Дальнейшее развитие получил тыл танковых армий, согласно которому последний при подготовке наступательных операций делился на два эшелона, что гарантировало относительную бесперебойность обеспечения войск.

Существенно были скорректированы совместные методы работы общевойсковых штабов и органов управления тылом. Генеральный штаб, штабы фронтов, армий при планировании кампаний учитывали возможности тыла, увязывали способности тыловых органов обеспечить проведение операций согласно замыслу.

Руководство тылом осуществлялось посредством директив Генерального штаба; директив и приказов начальника тыла Красной армии; распоряжений центральных и главных управлений.

Основными планирующими документами во фронтах и армиях были планы организации, директивы (приказы) по тылу, планы снабжения, обеспечения по службам. Получила распространение практика проведения оперативно-тыловых игр перед операциями. Уточнялась система работы органов управления на полевых управлениях фронтов.

Передовые тыловые эшелоны полевых управлений фронтов размещались в 20–40 км от первых эшелонов, армий – в 10–15 км.

Тыловые эшелоны полевых управлений возглавляли начальники тылов. При первых эшелонах полевых управлений находились представители штабов тыла, что существенно повышало оперативность реагирования на обстановку органов управления тылом, находившихся во втором эшелоне.

Изменившиеся коренным образом условия проведения кампаний и операций в третьем периоде войны потребовали внести коррективы в планирование и организацию материального обеспечения, создание запасов, восполнение расхода и потерь и др.

Корректировка заключалась в значительном увеличении расходов материальных средств и, соответственно, запасов в войсковом и оперативном тылу, вызванных ведением наступательных операций и стремительным маневром объединений и соединений.

В первую очередь это касалось обеспечения Красной армии горючим. Особое внимание органы управления службой уделяли обеспечению войск высокооктановым бензином, потребность в котором превышала поставки.

Служба снабжения горючим в этих целях использовала для обеспечения авиации авиационный бензин, восстанавливаемый на нефтеперерабатывающих предприятиях Румынии, Польши, Венгрии, Чехословакии.

Положительному решению данной проблемы способствовало образование службой дополнительных баз смешения горючего.

Серьезные трудности приходилось преодолевать органам управления тылом, службой по обеспечению войск автомобильным бензином, потребность в котором превышала поставки из центра, что отрицательно сказывалось на работе автотранспорта.

В этих условиях были приняты экстренные меры. В октябре 1944 г. Управлению по использованию нефтепродуктов были выделены четыре батальона по перекачке горючего, организована работа 100 железнодорожных вертушек для доставки фронтам горючего из Плоешти.

Значительные усилия предпринимались службой по насыщению войск техническими средствами, в третьем периоде их наличие превосходило в два раза показатели во втором периоде.

В третьем периоде продолжала совершенствоваться методика работы органов управления службой. Расчеты общей потребности в горючем для НКО и типичные планы снабжения фронтов составлялись Управлением снабжения горючим и после предварительного согласования представлялись Генеральному штабу для утверждения Верховным Главнокомандующим.

В мае штаб тыла Красной армии предоставил Генеральному штабу расчеты на создание запасов горючего на Украинском и Белорусском фронтах. ГКО утвердил предлагаемые размеры запасов и постановил расходовать их с разрешения Ставки ВГК.

В первой половине 1944 г. основные усилия службы снабжения горючим были сосредоточены на обеспечении Украинских фронтов на Правобережной Украине.

Из-за бездорожья весь автотранспорт остановился, подвоз горючего осуществлялся тракторами, вездеходами, гужевым транспортом.

Служба снабжения горючим проводила в жизнь требования создания и содержания в войсках повышенных запасов. Армейский и фронтовой транспорт горючим был полностью загружен. Для обеспечения подвижных групп фронтов формировались фронтовые автомобильные летучки, создавались подвижные запасы в армиях.

Дальнейшее развитие *продовольственного снабжения* в третьем периоде Великой Отечественной войны осуществлялось при существенном укреплении производственной базы советского государства. Кроме того, в этот период войсками Красной армии были заготовлены из местных средств от 80 до 92% зерна, мяса и сахара.

Это позволило службе продовольственного снабжения поддерживать запасы во фронтах в пределах 30 суточных дач, а к 1 мая 1945 г. обеспеченность фронтов возросла до 40 суток.

В рассматриваемом периоде органами управления тылом были решены крупные задачи по улучшению продовольственного

снабжения. В 1944 г. были установлены новые (улучшенные) нормы питания для отдельных категорий военнослужащих. Нужно внимание уделялось продовольственному снабжению союзных формирований на территории СССР.

Была внедрена система отпуска продовольствия со склада соединений и воинским частям по лимитным карточкам, вне зависимости от их прикрепления. Для работы по сбору трофеев при фронтовых и армейских складах были введены трофейные отделения.

В сторону существенного улучшения продвинулись вопросы обеспечения личного состава горячей пищей.

С переносом боевых действий на территорию иностранных государств были изменены порядок заготовки продовольствия из местных ресурсов, система взаимных расчетов, документооборот. На службу продовольственного снабжения Красной армии ГКО возложил задачи по оказанию продовольственной помощи населению промышленных центров: Берлина, Вены, Будапешта, Белграда, Праги и др.

Советское правительство оказало объемную помощь в снабжении продовольствием населения, Народно-освободительной армии, партизан Югославии. Выполнение этой задачи было возложено на генерал-лейтенанта М. П. Миловского.

Важное значение военно-политическое руководство СССР придавало оказанию продовольственной помощи населению Берлина. С 4 мая продовольственная служба начала систематическую доставку продовольствия населению города из четырех фронтовых складов, развернутых в черте города.

Служба продовольственного снабжения предприняла значительные усилия по перегону транзитного и бесхозного скота. Аппаратом для этой цели была оборудована 21 трасса общей протяженностью 9,5 тыс. км. На трассах были развернуты строения, подкормочные пункты, дорожно-комендантские участки, пункты охраны и др.

Всего к 1 сентября 1945 г. на территорию СССР передано 506,4 тыс. голов крупного рогатого скота, 114,2 тыс. голов мелкого рогатого скота, 200 тыс. лошадей.

В третьем периоде войны значительно улучшились поставки вещевого имущества для Красной армии.

Служба вещевого снабжения использовала все ресурсы для обеспечения войск вещевым имуществом. На территории

Румынии и Венгрии было изготовлено 270 тыс. пар кожаной обуви, 455 тыс. м ткани и другое.

По договору с Чехословацким правительством Красной армии было поставлено более 1 млн пар обуви.

Служба организовала сбор трофейного имущества, гражданской одежды, обеспечила их ремонт и отправку народному хозяйству страны.

Большое политическое значение имело управление деятельностью службы по организации ремонта вещевого имущества. За 1944 г. было отремонтировано 8,1 млн шинелей, 16 млн единиц оборудования, 27,5 млн пар обуви и др.

Улучшилось обеспечение вещевым имуществом офицерского состава. По плану 1944 г. всему офицерскому составу было выдано суконное обмундирование.

Вместе с тем в службе отмечались недостатки. Повторялись трудности в обеспечении нового пополнения, раненых, в работе фронтовых обозно-вещевых складов, ремонтных мастерских.

В третьем периоде войны продолжала совершенствоваться система **торгово-бытового обеспечения**.

Для улучшения работы учреждений военной торговли ГКО принял в начале 1944 г. специальное постановление. В свете данного постановления были учреждены кадры полевых военторгов; для работы в учреждениях военной торговли было направлено 1500 офицеров. Органы управления тылом уделяли большое внимание работе военторгов, выделяли транспорт, горючее и др.

В войсках внедрялась посылочная торговля. За 1944 г. военторги продали на переднем крае 5 млн индивидуальных посылок (ил. 2). Комплектовались посылки отдельно для женщин.

Полевые военторги переходили на новые формы деятельности. Они направляли в воинские части комплексные бригады, в состав которых включались специалисты по различным направлениям бытового обслуживания

Работу служб **транспортного обеспечения** в третьем периоде Великой Отечественной войны облегчило снижение разрушительного воздействия противника на транспортные коммуникации, достаточно развитая сеть путей сообщения на территории иностранных государств. Вместе с тем органы управления транспортными службами испытывали значительные трудности в организации воинских перевозок.

Ил. 2. Работа Военторга по обеспечению личного состава индивидуальными заказами

Служба ВОСО учитывала то обстоятельство, что в ходе операции 1945 г. в Европе, наряду с увеличением объемов перевозок в сторону фронта, значительно возросли перевозки в обратном направлении.

Значительно усложнилась эксплуатация железных дорог в связи с различием западноевропейской и союзной колеи, особенностей станционных строений, оборудования подвижного состава.

Для централизованного руководства воинскими перевозками на железных дорогах Румынии, Болгарии, Венгрии были развернуты управления дополнительных начальников ВОСО Красной армии, на территории Польши – Объединенные аппараты НКО и НКПС.

Всего на дорогах зарубежных стран было развернуто 190 управлений военных комендантов железнодорожных участков и станций, более 200 различных пунктов, комендатур и др.

В Управлении ВОСО на фронтах были созданы отделы по руководству перевозками по западноевропейской колее.

В третьем периоде повысились требования к *железнодорожным войскам*. Это вызывалось необходимостью скорейшего

восстановления железных дорог в связи с высокими темпами наступления войск, а также большими разрушениями и потребностью в перешивке колеи.

Органы управления железнодорожных войск организовали восстановительный комплекс в относительно новых условиях при отсутствии оперативных пауз – в горных районах, по перешивке колеи, устройству передовых баз, применению новых технологий при укладке пути и др.

В третьем периоде войны органы управления *дорожной службы* решали сложные задачи по дорожному обеспечению операций. Беспрецедентным по своему объему было проведение маневра силами и средствами дорожных войск в Белорусской операции, когда на направлениях действий 1-го Прибалтийского и трех Белорусских фронтов было сосредоточено 207 батальонов или 40 % всего комплекта дорожных войск Красной армии. В Берлинской операции участвовали 12 управлений ВАД, 4 военных дорожных управления и др.

Большое внимание руководством службы уделялось в наступательных операциях восстановлению мостов, особенно крупных. Для восстановления крупных мостов создавались группы дорожных воинских частей фронта во главе с ответственным офицером дорожного управления фронта. В ходе наступления дорожные воинские части восстановили 28 км мостов, в том числе построили через р. Одер 34 моста (ил. 3).

Постановлением ГКО от 27 января 1944 г. на дорожные войска центра и фронтов возлагалось строительство высоководных мостов. За один 1944 г. служба обеспечила восстановление 108 мостов, общая длина которых около 22 км.

Важные задачи решали органы управления по повышению эффективности комендантской службы, проведению оперативной маскировки, усилению охраны и обороны ВАД.

В рассматриваемом периоде управление тыла и дорожной службы Красной армии продолжало наращивать состав дорожных войск, совершенствовать структуру и техническое оснащение дорожных частей.

В третьем периоде войны значительно возросла роль автомобильного транспорта, выполнявшего основные задачи по подвозу материальных средств в наступательных операциях.

Управление тылом Красной Армии принимало энергичные меры по увеличению количества автомобилей в войсках. В 1944 г.

Ил. 3. Наплавной мост через р. Одер

численность автомобильного парка достигла 100 тыс. автомобилей. Это в 2,5–3 раза больше, чем к концу 1943 г. (ил. 4).

С учетом этих обстоятельств автотранспортная служба применяла различные способы повышения эффективности автомобильных перевозок.

Были приняты меры по повышению среднесуточного пробега (в операциях он должен достигать 300–350 км). В работе автотранспорта существенно увеличилась оперативность перевозок.

В связи со сложной оперативно-боевой обстановкой предусматривались меры охраны автомобильных колонн, включая сопровождение танками.

В целом, твердое, целенаправленное, планомерное управление автомобильным транспортом со стороны органов управления тылом обеспечило выполнение автомобильных перевозок в требуемых объемах. Так, в Белорусской операции автомобильным транспортом было доставлено больше 1,2 млн т материальных средств.

Значительное место в работе органов управления занимали вопросы повышения эффективности ремонта автомобильной техники. Ремонтные органы фронтов и военных округов в 1944 г. произвели 573 тыс. средних и 118 тыс. капитальных ремонтов автомобилей.

Ил. 4. Автомобильная рота армейского автомобильного батальона

В третьем периоде войны улучшилась *организация ветеринарного обеспечения*. Ветеринарная служба эффективно функционировала в условиях увеличения конского состава, усложнения эпизоотической обстановки, массового перегона лошадей и продовольственного скота.

Органы управления тылом и службой в решениях и планах значительное внимание сосредотачивали на обеспечении войск доброкачественным продовольствием на территории зарубежных государств. Руководство службой активно помогало местному населению в проведении ветеринарно-лечебных мероприятий.

Военно-ветеринарная служба организованно и умело обеспечивала боевые действия, за годы войны ветеринарными учреждениями Красной армии было возвращено в строй 2,1 млн больных и раненых лошадей, объем ветеринарного надзора за довольствием войск мясопродуктами составил 2,1 млн т.

Управление тылом в третьем периоде войны осуществлялось с учетом особенностей подготовки и проведения конкретных операций. Управление тылом в операциях на Правобережной Украине проходило в исключительно неблагоприятных условиях. Операция началась без оперативных пауз, при обширной весенней распутице. Тыловые органы фронтов растянулись на большую глубину. Обеспечение войск материальными

средствами существенно снизилось, автомобильный парк сократился. Состояние коммуникаций не отвечало даже самым минимальным требованиям.

В крайне сложных условиях подготовки операций органы управления тылом одной из главных задач полагали максимально возможное приближение тыла к линии фронта. Маневр тылом осуществлялся только когда перемещение органов тыла производилось одновременно с подвозом боеприпасов, горючего и других материальных средств.

Органы управления тылом для доставки материальных средств использовали, помимо транспорта, рабочий скот, волокуши, подчиненных (личный состав), местное население и др.

По призыву воинских советов фронтов тысячи жителей прифронтовой полосы занимались восстановлением дорог. Руководство тыла изыскивало новые методы подвоза материальных средств, таких, например, как организация движения мелкими колоннами.

Значительно активизировалась работа центральных органов тыла. За январь–апрель 1944 г. фронтам в операциях на Правобережной Украине было подано 79489 вагонов материальных средств.

Органы управления войсковым тылом организовывали подвоз главным образом гужевым, вьючным транспортом и вручную. Для доставки боеприпасов и горючего танковым армиям использовались транспортные самолеты, выделенные Ставкой ВГК.

На организацию управления тылом в Белорусской операции непосредственное влияние оказывали высокая интенсивность боевых действий, большая глубина, обширные разрушения транспортных коммуникаций, лесисто-болотистая местность. К этому следует добавить ограниченность ресурсов для заготовки продовольствия из местных источников, неблагоприятное санитарно-эпидемиологическое состояние района.

Основанием для организации тылового обеспечения операций послужили директивы Генерального штаба и начальника тыла Красной армии, полученные фронтами в мае 1944 г., в которых были определены задачи по всестороннему обеспечению войск по службам тыла.

Органы управления тылом фронтов в основу организации тылового обеспечения заложили принципы сосредоточения усилий на главных направлениях.

При подготовке операции возникли большие трудности с созданием запасов материальных средств. По этой причине Ставка ВГК перенесла начало Белорусской операции с 19 на 23 июня 1944 г.

Руководство тылом и службами особое внимание уделяло обеспечению боеприпасами и горючим подвижных групп фронтов.

Характерным в работе органов управления тылом фронтов было составление планов тылового обеспечения на первые 9–12 дней, с последующим уточнением в ходе операции.

При подготовке операций был проведен целый комплекс мероприятий по охране тыла. В ходе наступления возникли трудности с подвозом материальных средств, вызванные низким темпом восстановления железных дорог (3–7 км в сутки) из-за обширных разрушений пути.

Особенно остро ощущался недостаток в горючем. Служба снабжения горючим разработала и внедрила в войска конкретные меры по экономии бензина.

Высокие темпы наступления фронтов вызвали затруднения в управлении тылом. Основным распорядительным документом широко применялись краткие распоряжения. Положительные результаты в управлении тылом дала практика выделения оперативных групп тыла.

Тыловое обеспечение войск при подготовке Ясско-Кишиневской операции осуществлялось в относительно благоприятных условиях. Тыловые соединения, воинские части, учреждения были приближены к линии фронта, в войсках создавались достаточные запасы материальных средств, относительно устойчиво функционировали транспортные коммуникации, на подготовку к операции было достаточно времени (3–4 месяца).

Успешное наступление наших войск потребовало большого напряжения в работе тыла. Органам управления тылом пришлось принимать решения и планировать обеспечение войск на внешних фронтах окружения и войск, выделяемых для ликвидации окруженных группировок противника. К тому же, тыловым воинским частям приходилось вести бои с прорывающимися группировками.

Тыловые органы использовали водные переправы через Дунай. Широко использовался морской транспорт для подачи грузов из Одессы в порты Румынии и Болгарии после их освобождения.

Для перекачки горючего был уложен полевой трубопровод протяженностью 225 км в две нитки на направлении Плоешти – Рени. В Рени горючее перекачивалось в цистерны и направлялось по железной дороге далее.

Органы управления тылом решали задачи по обеспечению большого количества военнопленных.

Тыл Красной армии участвовал в восстановлении предприятий промышленности на территории Румынии.

Работа тыла в Висло-Одерской операции характеризовалась целенаправленностью, планомерностью в выполнении объемных задач при подготовке и входе операции.

Управление тылом было направлено при подготовке к операции на решение главных задач в обеспечении войск – приближении и развертывании тыловых воинских частей и учреждений фронтов по возможности ближе к первому эшелону оперативного построения, подготовке путей сообщения, накоплении запасов материальных средств.

Органы управления тылом фронтов организовали развертывание первых эшелонов фронтового тыла на удалении **до 25 км** от линии фронта.

Органы управления транспортными службами изыскивали возможности готовить во фронтах по два железнодорожных направления, две–три ФВАД, в армиях две–три АВАД. При этом исходить из требований Постановления ГКО в октябре и ноябре 1944 г., согласно которому фронты должны готовить дороги западнее р. Вислы на западноевропейской полосе.

Особое внимание органы управления тылом уделяли оборудованию мостов. Так, дорожными воинскими частями 1-го Белорусского фронта при подготовке операции было построено и восстановлено **562** моста протяженностью **17 252** погонных метра. Служба материального снабжения создала запасы боеприпасов, горючего в размерах, обеспечивающих потребность войск.

Высокие темпы наступления наших войск потребовали особой гибкости и оперативности в работе органов управления тылом, особенно при организации маневра и перемещения органов тыла, принятия срочных мер по спасению мостов в связи с начавшимся ледоходом на Висле. В практику работы автотранспорта внедрились новые способы – подвоз материальных средств мелкими колоннами (3–5 автомобилей), сквозная подача боеприпасов непосредственно на огневые позиции.

Из-за высоких темпов наступления наших войск противник оставил значительное количество имущества и промышленных объектов. Это повлекло принятие мер по усилению трофейной службы, включая прибытие специалистов гражданских ведомств страны.

Управление тылом в операциях обеспечивалось наличием мощных узлов связи, использованием подвижных средств. В Берлинской операции управление тылом осуществлялось с учетом замысла Ставки ВГК на выполнение оперативных задач.

При подготовке операции возникли определенные трудности. Успешное наступление войск Красной армии в предыдущих действиях повлекло большую растяжку транспортной коммуникации, что существенно затруднило подвоз материальных средств.

Часть сил и средств тыла фронтов была перемещена на оказание помощи освобожденным странам в восстановлении их экономик.

Определенные затруднения возникли в обеспечении войск горючим в связи с насыщением фронтов боевой техникой.

Органы тыла были поставлены в жесткие временные рамки. При подготовке операции органы управления тылом решали важные задачи по обеспечению сложных, масштабных внутрифронтовых и межфронтовых перегруппировок.

Несмотря на известные трудности, руководство тылом и службами фронтов умело использовало возможности развитой сети путей сообщения для создания группировок тыла, приближения тыловых воинских частей к линии фронта, создания запасов материальных средств.

В ходе операции основные усилия тыла органы управления тылом фронтов сосредоточили на участках прорыва, обеспечении четырех танковых армий.

Руководство тыла фронтов успело внедрить новые способы работы тыла танковых армий, когда их тыл делился на два эшелона. Первый эшелон был полностью подвижным, в его состав входил транспорт с горючим, боеприпасами, хлебозавод и другие. Он следовал непосредственно за танковым соединением.

Существенной особенностью обеспечения войск материальными средствами, которую учитывали органы управления тылом, была организация подвоза преимущественно автомобильным транспортом.

Особое внимание органы управления тылом в ходе операции уделяли организации охраны тыловых частей и учреждений.

Органы управления тылом наряду с плановыми задачами по обеспечению войск планировали и организовывали оказание помощи репатриированным гражданам, снабжение продовольствием местного населения. В освобожденном от фашистов Берлине оказалось 3,5 млн человек, оставшихся без продовольствия.

Большую работу в третьем периоде войны внес **тыл видов Вооруженных Сил**.

К концу войны районы авиационного базирования в результате последовательных организационных преобразований превратились в самостоятельный орган тылового обеспечения.

Органы управления тылом решали в конце 1944 г. крупные организационные задачи в связи с подчинением Военно-Воздушным Силам Отдельной воздушно-десантной армии.

Третий период войны характеризуется проведением крупных структурных преобразований Войск противовоздушной обороны. Весной 1944 г. согласно Постановлению ГКО было проведено переформирование Западного фронта в Северный фронт ПВО, Восточного фронта в Южный фронт ПВО, Закавказской зоны ПВО в Закавказский фронт ПВО.

Корпусные и дивизионные районы были преобразованы в корпусы и дивизии ПВО. От органов управления тыла потребовалось в этих условиях образовать и внедрить в штаты вновь образованных фронтов, корпусов и дивизий ПВО тыловые воинские части и учреждения, отладить новую систему тылового обеспечения войск.

В декабре 1944 г. решением ГКО было проведено новое организационное преобразование, увеличилось до четырех количество фронтов ПВО.

Органы управления тылом весной 1945 г. приняли непосредственное участие в организации структуры тыла и его функционирования при образовании трех армий ПВО для действий на Дальнем Востоке.

Управление тылом ВМФ в третьем периоде войны совершенствовалось с учетом возникновения новых задач, среди них можно выделить следующие:

- в рассматриваемом периоде изменились принципы и способы применения сил ВМФ, это потребовало перестроить управление тылом флотов;
- необходимость восстановления систем базирования;

– в 1944 г. существенно возросли объемы работ по сбору и учету трофеев, в этих целях в тылу флотов (флотилий) были созданы трофейные органы;

– от органов управления потребовалась организация новых тыловых органов в связи с созданием морских оборонительных районов;

– существенно увеличился состав авиации флота, практически в два раза;

– органы управления тылом совершенствовали способы обеспечения передовых сил флота путем создания в операциях подвижных группировок, особое внимание при этом обращалось на организацию управления подвижными группами тыла.

Выводы:

В третьем периоде Великой Отечественной войны управление тылом осуществляли с учетом функционально сложившейся системы тылового обеспечения, ее полноты, бесперебойности и гибкости.

Увеличился состав войскового, оперативного, стратегического тыла, укомплектованность автомобилями, специальной техникой.

Органы управления тылом умело решали задачи по созданию группировок тыла, сосредоточению сил и средств тылового обеспечения на главных направлениях, приближению органов тыла к войскам, обеспечению армий, маневра крупных группировок:

1. Особое внимание руководство тыла уделяло созданию запасов материальных средств, их оптимальному эшелонированию, своевременному восполнению. Продолжали совершенствовать систему подвоза материальных средств.

2. Транспортное обеспечение планировалось и осуществлялось с учетом достаточно развитой сети путей сообщения, больших разрушений транспортных объектов, необходимости наведения мостов через крупные водные преграды, потребности в перешивке железных дорог с западноевропейской колеи на союзную, проведения наступления наших войск в высоких темпах.

3. Органам управления тылом пришлось решать резко возросшие задачи по сбору и отправке трофеев, оказанию помощи, восстановлению угольных, промышленных предприятий, нефтяного сектора иностранных государств, обеспечению репатриированных граждан, военнопленных, выделению продовольственных ресурсов местному населению.

4. В заключительном периоде существенно возросли требования к организации охраны труда.

5. Управление тылом в третьем периоде войны представляло собой отлаженную систему, включавшую мощные узлы связи, развернутые пункты управления, устоявшийся документооборот, хорошо зарекомендовавшие себя методы работы должностных лиц при подготовке и в ходе операций.

Список литературы

1. Постановления Государственного Комитета Обороны: № 874 от 09.11.1941 г.; № 3425 от 24.05.1943 г.; № 6658 от 07.12.1944 г.
2. Наставление по войсковому тылу стрелковых войск Красной армии. М.: Издание НКО, проект 1944 г.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М.: ВИ, 1961–1965. Т. 2. С. 521, 523; Т. 3. С. 480; Т. 4. С. 19; Т. 5. С. 219, 398; Т. 6. С. 45.
4. История тыла. Учебное пособие. Л.: БАТТ, 1974. С. 165–166, 170–172.
5. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: ВИ, 1970. С. 43, 52–54, 181, 211.
6. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Л.: БАТТ, 1963. Часть I. С. 20–21, Части II и III. С. 13, 40, 45, 59–60, 209, 217, 224; Части IV и VI. С. 39–40, 59–60, 63, 295.
7. Развитие тыла Советских Вооруженных сил 1918–1988. М.: ВИ, 1989. С. 150–152, 171–172.
8. Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ВИ, 1963. С. 37, 54, 137–139.
9. История дорожной службы Советской Армии. Л.: ВТА, 1953. Часть II. С. 77–78.
10. Голушко И. М. Штаб Тыла Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. М.: ВИ, 1988.
11. Тыловое обеспечение сил Военно-Морского Флота СССР в операциях Великой Отечественной войны. Учебное пособие. Л.: БАТТ, 1970.
12. История тыла Российских Вооруженных сил (XVIII–XXI вв.). Книга третья. Тыл Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб.: БАТТ, 2010.
13. История тыла Российских Вооруженных сил (XVIII–XXI вв.). Книга четвертая. История развития системы тылового обеспечения Вооруженных сил Советского Союза и Российской Федерации после окончания Второй мировой войны (1945–2010 гг.). СПб.: БАТТ, 2010.

А. А. Некрасов (Санкт-Петербург)

ИМЕЕТ ЛИ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ ЗАКОНЧЕННУЮ ФОРМУ?

В ОТВЕТ НА СТАТЬЮ И. Б. ПИНКА

**«О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ МЕТОДИКИ АТТРИБУЦИИ
И КЛАССИФИКАЦИИ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ»**

В ноябре 2023 г. в Туле прошла международная практическая конференция «Оружие как культурная ценность. История. Коллекции. Экспертиза». По результатам конференции был издан сборник докладов¹.

В секции, посвященной, в том числе, вопросам методики, была опубликована статья Игоря Борисовича Пинка «О некоторых вопросах методики атрибуции и классификации холодного оружия»².

Статья начинается со следующего абзаца: *«Атрибуция и классификация образцов холодного оружия нередко вызывают затруднения и приводят к дискуссиям, особенно в околонулевой среде. Иногда можно услышать даже такое радикальное мнение, что отечественная классификация является неудовлетворительной и ее только предстоит создать в дальнейшем»*. Далее автор заявляет, что основные трудности с использованием отечественной классификации коренятся в неправильной методологии. После чего Игорь Борисович постулирует пять основных принципов российского оружиеведения, которые должны решить все проблемы.

Поскольку автор данной работы является сторонником упомянутых Игорем Борисовичем «радикальных мнений», он не может не дать ответа на эти постулаты.

Первое утверждение: Игорь Борисович утверждает, что отечественная классификация холодного оружия приобрела законченный (т. е. не требующий изменения) вид в Методических

рекомендациях по атрибуции и описанию холодного оружия за авторством Александра Николаевича Кулинского³. Все ошибки при использовании этой классификации являются следствием нарушения методологии.

Ответить на это хочется словами самого Александра Николаевича из введения к этим самым Методическим рекомендациям: *«Однако методологические проблемы оружейведения пока еще в наименьшей степени исследованы и освещены в специальной и научно-популярной литературе»*.

*«Большинство оружейведов при исследовании конкретно-исторических вопросов опирается на собственный опыт, интуицию и общие положения логики и методологии научного исследования»*⁴.

На следующих страницах Александр Николаевич определяет одной из основных целей оружейведения как специальной исторической дисциплины *«анализ и совершенствование классификационных схем, терминологии и понятийного аппарата оружейведения, структуры его методов»*⁵.

Данное требование не является личным мнением Александра Николаевича или «блажью сторонников радикальных мнений из околонушной среды». Это базовое общенаучное требование. В системе наук терминоведение выделилось в самостоятельную дисциплину, задачей которой является *«изучение особенностей и закономерностей образования и развития терминологий для выработки рекомендаций по их совершенствованию и наиболее эффективному использованию»*⁶.

Фактически улучшение классификационных схем, терминологии и методологии (если в этом есть необходимость) является обязанностью специалистов.

В качестве доказательства необходимости изменений в классификации и терминологии оружейведения приведем анализ одного из терминов, приведенных в Методических рекомендациях.

Копье – одно из самых простых и древних видов холодного оружия. Кажется, что не требуется уточнения термина и он понятен не только специалисту, но и любому человеку, владеющему русским языком.

В методических рекомендациях термину дано следующее определение:

*«древковое оружие с длинным (4–5 м) древком и стальным боевым наконечником с граненым копьем»*⁷. Всего две строчки вызывают три вопроса:

1. Как называть подобное оружие с древком меньшей длины? Так, хранитель коллекции огнестрельного и древкового оружия Музеев Московского Кремля Александр Николаевич Чубинский пишет: *«Приходится признать, что, например, в музеях Московского Кремля копий нет вообще, так как ни один наконечник не сохранил исторического древка указанной длины...»*⁸.

2. Как называть схожее оружие с наконечниками не из стали? Например, с каменными, костяными и бронзовыми?

3. Как называть копья не с гранеными, а широкими наконечниками?

Кроме того, представленное выше определение противоречит определениям, представленным в других работах. Так, Анатолий Николаевич Кирпичников утверждает, что «копья» имеют широкие листовидные наконечники, а оружие с гранеными наконечниками называет «пиками»⁹.

Однако и это определение, данное с точки зрения археологии, нельзя считать точным. Ведь само слово «пика» (но не копье с граненым наконечником) появляется в русском языке не ранее XVII в.¹⁰

Если мы приведем в данной статье разбор термина «пика» из Методических рекомендаций, ясность в термин это не привнесет, а лишь вызовет новые вопросы.

Один термин имеет разные определения в рамках одной науки. Это противоречит требованиям к научному термину, приведенным в государственном стандарте по разработке терминов и определений¹¹.

Формат данной работы не позволяет провести детальный разбор большего количества терминов отечественного оружейоведения. Но думаем, что и при рассмотрении одного примера базового термина становится понятно, что в терминологии оружейоведения есть существенные проблемы.

Утверждение второе: термины, определяющие типы оружия, не носят универсальный характер, и поиски «правильных» и «неправильных» названий не имеют смысла¹².

Приведение терминологии в соответствие с общенаучными принципами и требованиями к научным терминам, указанным в государственном стандарте по разработке терминов и определений, является необходимостью. Также терминология должна соответствовать принципам исторической науки.

Утверждение третье: *«Необходимо использовать современные определения отечественного оружейноведения, которые в ряде случаев могут отличаться от названий, употреблявшихся в России в тот или иной исторический период. Исключения составляют образцы оружия, которые приняты специальными приказами по военному ведомству, утвержденными российским императором»*¹³.

Согласно этой методологии, мы должны игнорировать исторические определения при изучении исторического оружия. При этом есть исключения, к которым относятся образцы, чьи названия согласованы с российскими императорами. У иностранного оружия также бывают названия, утвержденные военными ведомствами и монархами. Перед нами исключение в исключении, ведь французское официально утвержденное «sabre» Игорь Борисович предлагает называть не иначе как кавалерийский «палаш»¹⁴.

История не изучает явления «тогда» или «сейчас». История изучает явления в их историческом развитии. Оружие развивалось, и значение тех или иных названий могло меняться. И игнорирование данного факта является нарушением одного из базовых принципов исторической науки – принципа историзма¹⁵.

Утверждение четвертое: *«Особенно много ошибок возникает при атрибуции иностранных образцов холодного оружия. Главный просчет заключается в попытках использовать зарубежную классификацию, которая может существенно отличаться в своих подходах от отечественной. При этом безосновательно считается, что зарубежная классификация априори является более точной»*¹⁶.

В этом абзаце предлагается автаркия отечественного оружейноведения с игнорированием иностранных наработок в изучении иностранного же оружия. Это особенно странно, если учитывать, какое количество образцов оружия заимствовано вместе с названиями. У видов оружия нет государственных границ, и порой заимствуются целые оружейные системы. Игнорируя терминологию страны, откуда заимствован сам предмет, мы игнорируем происхождение предмета. И это также приводит к нарушению принципов исторической науки.

Далее автор говорит о неправильном переводе иностранных терминов. Термин «sword» *«нередко переводят как “меч”*¹⁷, что, по мнению Игоря Борисовича, не всегда верно, т. к. в отечественном оружейноведении термин «меч» имеет более узкое значение. Это действительно так. Слово «sword» в английском является родовым понятием, обозначающим всю совокупность длинноклинкового

оружия. Для обозначения конкретных образцов (видовых понятий) при необходимости используются уточняющие слова, как в случае с упомянутым в статье Игорем Борисовичем «sickle sword». Также есть «broad sword», «small sword» и многие другие. Сходная картина с родовым термином и использованием уточняющих слов для обозначения видовых понятий существует во многих других языках.

Отечественная классификация использует огромное количество заимствованных терминов. Часто они используются в более узком значении, чем в языке оригинала, что затрудняет общение с иностранными специалистами, причем из регионов, откуда эти термины заимствованы. Примером может служить термин «клыч». В Методических рекомендациях: «клыч» («килих», «кылыч») – *«турецкая разновидность сабли, окончательно выработанная на рубеже XVII–XVIII веков»*¹⁸. В отечественное оружейведение термин попал не из Турции, а из сочинения XVII в. про Османскую империю француза Марсильи¹⁹. В турецком языке слово «kılıç», как и упомянутое выше английское «sword», является родовым понятием для всего клинкового оружия. В словаре Турецкого лингвистического общества этому слову дается такое определение: *«длинное прямое или изогнутое стальное оружие, заостренное на конце, острое с одной или обеих сторон, которое носят на поясе в ножнах»*²⁰. При общении с турецкими коллегами попытка перевода русского «сабля кылыч» на турецкий язык приводит переводчика к ступору. Это не единственный пример «заимствований с сужением значения».

Утверждение пятое: *«В некоторых случаях название оружия определяется исключительно принятой традицией отечественного оружейведения»*²¹.

Что можно ответить на это? Предложение принести в жертву логику, удобство, простоту, лингвистическую и историческую точность ради сложившейся традиции кажется нам ненаучным.

В качестве примера подобной традиционности автор приводит использование термина «японский меч». Согласно исторически сложившейся отечественной классификации «японский меч» технически является саблей. Примечательно, что раньше «японский меч» в отечественном оружейведении считался саблей. Многие «японские мечи», достаточно давно поступившие в музейные коллекции, атрибутированы как «японские сабли». Например, хранящийся в музее Суворова «Клинок японской сабли, подаренный Александру Аркадьевичу Суворову японским посольством»²². Сравнительно недавно из-за буквального перевода англоязычных книг и фильмов

японские сабли превратились в мечи. Т. е. в пятом пункте Игорь Борисович объявляет нормальным то, что называет методологической ошибкой в пункте четыре. Хотелось бы узнать, сколько времени должно пройти, чтобы ошибка стала неприкосновенной традицией?

Подобных методологических исключений в отечественном оружейведении достаточно много. Так, Игорь Борисович утверждает, что «в отечественном оружейведении важнейшим признаком того или иного вида клинкового оружия являются форма и размер самого клинка, а также количество лезвий»²³. Далее следуют оговорки, когда схожая форма клинка игнорируется и главным становится место конкретного образца в системе вооружения. Кроме упомянутых Игорем Борисовичем «японского меча/сабли», и «тесака» (из-за огромного разнообразия видов и типов, вообще не поддающегося классификации по внешним признакам), можно упомянуть Морскую офицерскую саблю образца 1855 г.²⁴, которая по отечественной классификации – «палаш». Фактически именно место оружия в системе вооружения является определяющим, и только потом технические особенности.

Это далеко не все спорные вопросы в методологии и квалификации холодного оружия.

Исторически сложилось, что при описании клинкового оружия правая и левая стороны определяются так, как если бы оружие было взято в боевое положение (рукоять в руке, клинок направлен вверх и вперед). При этом верхом оружия считается рукоять, а низом – острие клинка²⁵. Эта особенность исторически сложившейся методологии появилась из-за того, что в каталогах оружия было принято размещать фотографии клинкового оружия рукоятью вверх. В этом случае подобная эквилибристика понятна и оправдана. Но данный способ размещения фотографий давно не является основным. Описание предмета проводится не только для каталогов, изданных по строго определенному образцу. Описание предмета должно быть ясным и понятным не только специалистам по оружию, но и хотя бы другим музейным работникам, которые могут участвовать в сверке фондов или приеме/передаче предметов. При отправке предметов фонда оружия в другие музеи автору статьи неоднократно приходилось доказывать адекватность описания предмета сотрудникам, не прошедшим прокрустову ложа исторически сложившейся методологии.

Фактическое состояние отечественной классификации и терминологии холодного оружия таково, что нужно пользоваться

исторически сложившейся методологией (например, описание клинкового оружия в двух системах координат) и помнить об определяющей роли формы и размеров клинка, при этом держать в голове десятки исключений и освященных временем традиций.

Все это затрудняет научную коммуникацию не только с иностранными коллегами, но и с отечественными музейными и научными работниками смежных дисциплин.

Проблемы оружиеведения четко обозначены в Методических рекомендациях Александром Николаевичем Кулинским:

«...анализ и совершенствование терминологии и понятийного аппарата, имеющие своей недостижимой пока целью создание упорядоченной оружиеведческой терминологии».

«Отсутствие обобщающих теоретических и прикладных работ на эту тему, а также традиции профессиональной (археологи – историки оружия – криминалисты) и внутримузейной корпоративности при атрибуции и описании оружия до сих пор вызывают терминологический разброс при описании оружия, даже однотипного»²⁶.

«Наблюдающееся в настоящее время некоторое отставание музейных источниковедческих исследований в области оружиеведения объясняется в основном недостаточной разработанностью методов исследования оружейного памятника как музейного предмета»²⁷.

Многими специалистами данная часть Рекомендаций полностью игнорируется. Нам кажется, что именно эти проблемы (замкнутость, традиционность вместо научности и пр.) мешают оружиеведению занять свое место в системе специальных исторических дисциплин.

Решить эти проблемы может только коллективная работа специалистов. Причем не замкнутая, а в союзе с научными и образовательными организациями, которые обеспечат соблюдение требований академической науки.

¹ Оружие как культурная ценность. История. Коллекции. Экспертиза. Международная научно-практическая конференция. Тула, 24–25 ноября 2023 г. / Сборник докладов / Составители: А. Н. Кулинский, Е. В. Тихомирова. СПб.: ИД «Дескрипта», 2024. 160 с.

² И. Б. Пинк. О некоторых вопросах методики атрибуции и классификации холодного оружия. СПб.: ИД «Дескрипта», 2024. С. 34–38.

³ Там же. С. 35.

- ⁴ Кулинский А. Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. Методические рекомендации. 2-е изд., испр. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 4.
- ⁵ Там же. С. 6.
- ⁶ Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. М.: Академия, 2008. С. 9.
- ⁷ Кулинский А. Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. Методические рекомендации. 2-е изд., испр. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 21.
- ⁸ А. Н. Чубинский. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Т. 5. С. 326.
- ⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.–Л., 1966. С. 14.
- ¹⁰ А. Н. Чубинский. Указ. соч. С. 311.
- ¹¹ Разработка стандартов на термины и определения. М.: Стандартинформ, 2012. IV. С. 4.
- ¹² Пинк И. Б. Указ. соч. С. 35.
- ¹³ Там же. С. 34.
- ¹⁴ Там же. С. 37.
- ¹⁵ Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Российская акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред.: акад. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 149.
- ¹⁶ Пинк И. Б. Указ. соч. С. 37.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Кулинский А. Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. Методические рекомендации. 2-е изд., испр. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 20.
- ¹⁹ Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант», 2002. С. 90.
- ²⁰ Türk dil kurumu Sözlükeri (Словарь Турецкого лингвистического общества) [сайт]. 2022. URL: <https://sozluk.gov.tr/> (дата обращения 17.01.2025).
- ²¹ И. Б. Пинк. Указ. соч. С. 37.
- ²² Государственный каталог музейного фонда России [сайт]. 2009. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19851870> (дата обращения 17.01.2025).
- ²³ И. Б. Пинк. Указ. соч. С. 35.
- ²⁴ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Том I: определитель. СПб.: ТПГ «Атлант», 2001. С. 128.
- ²⁵ Кулинский А. Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. Методические рекомендации. 2-е изд., испр. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 34.
- ²⁶ Там же. С. 6.
- ²⁷ Там же. С. 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алоян Эдуард Саакович – Военная академия материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева (Санкт-Петербург), слушатель.

Астахов Сергей Алексеевич – ГУ ТО «Управление спортивными сооружениями» (Тула), начальник отдела, кандидат технических наук.

Гусельников Сергей Дмитриевич – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, документовед, магистр истории.

Данков Михаил Юрьевич – историк-исследователь (Петрозаводск), действительный член Русского географического общества, заслуженный работник культуры Республики Карелия.

Ефимов Сергей Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Журавлев Дмитрий Алексеевич – Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук.

Игошин Константин Георгиевич – Государственный исторический музей (Москва), заведующий сектором истории России XIX – начала XX вв. Научно-экспозиционного отдела.

Изонов Виктор Владимирович – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), главный научный сотрудник 1-го управления, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН.

Ирютин Алексей Сергеевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), заместитель начальника отдела.

Кадосов Павел Викторович – храм Рождества Христова на ул. Коллонтай (Санкт-Петербург), священник, магистр педагогики, магистр богословия.

Ким Юрий Леонидович – Удмуртский государственный университет (Ижевск), соискатель.

Кирилов Михаил Николаевич – ВУНЦ ВМФ «ВМА», доцент, профессор кафедры ОПД БП МП ВИ (ВМ) (Санкт-Петербург), капитан 1-го ранга, доктор военных наук.

Колесников Юрий Николаевич – в/ч 63791 (Москва), командир, подполковник, кандидат военных наук.

Колесниченко Кирилл Юрьевич – Приморский научно-исследовательский центр социологии и гражданских инициатив (Владивосток), ведущий социолог, кандидат политических наук.

Крапивенцева Мария Борисовна – ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», хранитель музейных предметов 1-й категории, кандидат исторических наук.

Кузнецов Андрей Юрьевич – историк-исследователь (Нальчик).

Кузнецов Сергей Геннадьевич – Саратовское высшее артиллерийское командное училище, полковник, заместитель начальника по учебно-научной работе, доцент, кандидат военных наук.

Курсанина Наталия Леонидовна – Коллегия экспертов и оценщиков ювелирных изделий и антиквариата (Москва), эксперт.

Кушнир Олег Русланович – историк-исследователь (Санкт-Петербург).

Лебедева Светлана Соломоновна – Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, старший научный сотрудник, профессор, доктор педагогических наук.

Литуев Виктор Николаевич – ПАО «Ксеньевский прииск» (Москва), заместитель генерального директора, доктор экономических наук, кандидат исторических наук.

Лихачева Ольга Сергеевна – ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул), старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии, кандидат исторических наук.

Ломакин Николай Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Лукин Валерий Евгеньевич – Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого МО РФ (Санкт-Петербург), начальник научно-экспозиционного отдела, кандидат исторических наук.

Мастридзе Денис Валентинович – СПб ГБУК «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда» (Санкт-Петербург), хранитель музейных ценностей (оружейно-технического фонда).

Мегорский Борис Вадимович – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), заведующий отделом эстампов и фотографий, кандидат политических наук.

Милосердов Дмитрий Юрьевич – ГБУК «Государственный Дарвиновский музей» (Москва), заведующий сектором отдела фондов.

Миронов Юрий Александрович – военный историк-исследователь (Ардатов, Республика Мордовия).

Митюков Николай Витальевич – Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Ижевск), ведущий научный сотрудник, доцент, доктор технических наук.

Михайлов Александр Владимирович – независимый исследователь, кандидат технических наук (Тула).

Мичурин Федор Дмитриевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Наумов Владимир Валентинович – Военная академия материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева (Санкт-Петербург), профессор, доктор военных наук.

Некрасов Артем Александрович – Государственный мемориальный музей А. В. Суворова (Санкт-Петербург), хранитель фонда «Оружие», бакалавр (музеология).

Помазановский Олег Алексеевич – Военная академия материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева (Санкт-Петербург), слушатель.

Порошин Алексей Алексеевич – Саратовское высшее артиллерийское командное училище, доцент кафедры военно-политической работы, кандидат педагогических наук.

Птицын Виктор Викторович – Тульский государственный университет, доцент, кандидат технических наук.

Целоруинго Дмитрий Георгиевич – Государственный исторический музей-заповедник «Бородинское поле» (Московская обл.), заведующий отделом, кандидат исторических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Д. Гусельников (Нижний Новгород).</i>	
Походное сообщество русских войск в 1630–1660-х гг.	3
<i>М. Ю. Данков, Д. А. Проц (Петрозаводск).</i> Голландские «буяры» и «заморская яхта» петровского времени на Белом море и секреты норвежского листер-бота 1872 г.	15
<i>С. В. Ефимов (Санкт-Петербург).</i> Рыцарь радостный и рыцарь печальный. Артиллерийское ведомство и организация похорон императора Петра Великого	34
<i>С. В. Ефимов (Санкт-Петербург).</i>	
Оружейный гарнитур императрицы Елизаветы Петровны	65
<i>Д. А. Журавлев (Санкт-Петербург).</i> Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в воспоминаниях медиков	88
<i>К. Г. Игошин (Москва).</i> Диоптры (прицелы) российской полевой артиллерии в эпоху Наполеоновских войн.....	94
<i>В. В. Изонов (Москва).</i> К вопросу об организации артиллерийской разведки накануне Висло-Одерской наступательной операции 1945 г.	115
<i>А. С. Ирютин (Москва).</i> Специфика задач, решаемых Северным флотом и Карельским фронтом в ходе вооруженной борьбы в Заполярье в 1941–1944 гг.	128
<i>П. В. Кадосов (Санкт-Петербург).</i>	
Семья героев. Генерал-лейтенант Михаил Иванович Ставский (1853–1921) и его потомки	145
<i>М. Н. Кирилов (Санкт-Петербург), Ю. Н. Колесников (Москва).</i>	
Формирование, боевая подготовка и боевое применение корейских и китайских подразделений (частей) в составе РККА в годы Великой Отечественной войны на Дальневосточном театре военных действий. 88-я отдельная стрелковая бригада.....	162
<i>К. Ю. Колесниченко (Владивосток).</i> Стрелковое и артиллерийское вооружение в советско-китайском конфликте на КВЖД	176

<i>М. Б. Крапивенцева (Тула). Формирование и хранение коллекции исторического оружия в Арсенале Тульского оружейного завода</i>	189
<i>А. Ю. Кузнецов (Нальчик). О ранее не описанной офицерской пехотной сабле образца 1871 г. и о холодном оружии, сделанном на манер этой сабли.....</i>	202
<i>С. Г. Кузнецов, А. А. Порошин (Саратов). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Первой мировой войны генерал от артиллерии Н. И. Иванов.....</i>	210
<i>Н. Л. Курсанина (Санкт-Петербург). Значение линии закалки при атрибуции японского холодного оружия (на примере сабли из коллекции ЦВММ имени Петра Великого)</i>	219
<i>О. Р. Кушнир (Санкт-Петербург). Драгомировские «обстрелки» (эпизод из истории русской армии второй половины XIX в.)</i>	229
<i>С. С. Лебедева (Санкт-Петербург). Социальная защита военнослужащих средствами образования во второй половине XIX – начале XX в.</i>	241
<i>В. Н. Литувев (Москва), Д. Г. Целорунго (Московская обл.). Цифровая модель скрытых факторов бегства Наполеона из России в Париж</i>	248
<i>О. С. Лихачева (Барнаул). Реконструкция боевых комплектов воинов-колесничих по изображениям на «оленных» камнях Ушкийн-Увэра (Монголия).....</i>	260
<i>Н. В. Ломакин (Санкт-Петербург). На всякий случай... Любопытные экземпляры отечественных капсюльных произвольных пистолетов в коллекции ВИМАИВиВС</i>	280
<i>В. Е. Лукин (Санкт-Петербург). Артиллерийский научно-исследовательский морской институт (АНИМИ) в битве за Ленинград 1941–1944 гг.</i>	291
<i>Д. В. Мاستридеев (Санкт-Петербург). Иностранное (долендлизовское) оружие в боях за Ленинград.....</i>	301
<i>Б. В. Мегорский (Санкт-Петербург). Сказки про небываемое. Новое о бое в устье Невы 1703 г. в автобиографиях участников.....</i>	307
<i>Д. Ю. Милосердов (Москва). К вопросу о географической локализации необычных кардов, датируемых периодом конца XIX – начала XX в.</i>	322

<i>Ю. А. Миронов (Ардатов). Особенности топогеодезического и навигационного обеспечения артиллерии в зоне Специальной военной операции (на опыте Великой Отечественной войны).....</i>	<i>335</i>
<i>Ю. А. Миронов (Ардатов). Уточнение атрибуции экспоната Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи – звукометрической станции системы Бенуа образца 1915 г.</i>	<i>352</i>
<i>Н. В. Митюков, Ю. Л. Ким (Ижевск). Флоты небольших хозяйств Удмуртии в годы войны по данным их бухгалтерских отчетов.....</i>	<i>362</i>
<i>А. В. Михайлов, В. В. Птицын, С. А. Астахов (Тула). Переделочные ружья и винтовки: особенности конструкций и технологии изготовления (1840–1870 гг.).....</i>	<i>366</i>
<i>Ф. Д. Мичурин (Санкт-Петербург). История 37-мм зенитной автоматической пушки обр. 1939 г. № 89 из собрания ВИМАИВиВС</i>	<i>372</i>
<i>А. В. Морген, М. Н. Кириллов (Санкт-Петербург). Участие войск НКВД СССР в десантных операциях Военно-морского флота в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.....</i>	<i>382</i>
<i>В. В. Наумов, Э. С. Алоян, О. А. Помазановский (Санкт-Петербург). Управление тыловым (техническим) обеспечением в третьем периоде войны (1 января 1944 г. – 9 мая 1945 г.)»</i>	<i>396</i>
<i>А. А. Некрасов (Санкт-Петербург). Имеет ли отечественная классификация холодного оружия законченную форму? (В ответ на статью И. Б. Пинка «О некоторых вопросах методики атрибуции и классификации холодного оружия»)</i>	<i>415</i>
<i>Сведения об авторах</i>	<i>423</i>

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

В 65 **Война и оружие. Новые исследования и материалы:** труды Двенадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14–16 мая 2025 г. / Под ред. С. В. Ефимова: в 4 частях. – Ч. 2. – СПб.: ВИМАИВиВС, СПбГУПТД, 2025. – 429 с.

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 2

Редактор: *Н. В. Медведев, Т. Н. Юдина*

Художник: *Н. Ю. Якубовская*

Верстка: *А. В. Барашев*

Корректор: *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 29.04.2025.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 16.

Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Тираж 130 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.

Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96

E-mail: artillerymuseum_dm@mil.ru

www.artillery-museum.ru

9 785793 727686